

ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru/>

№ 3 (61) 2020

Редакционный совет

1. **Бут Надежда Дмитриевна**, доктор юридических наук, заведующая отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в социально-экономической сфере НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

2. **Воронов Александр Федорович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Московского государственного университета

3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета, заместитель директора Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»

5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности 20.02.03 — Военное право, военные проблемы международного права, профессор кафедры криминалистики Военного университета

6. **Свинных Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент

7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН

8. **Старцун Виктор Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь Института государства и права РАН

9. **Субанова Наталья Викторовна**, доктор юридических наук, доцент, проректор Университета прокуратуры Российской Федерации

10. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии

11. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:
— Военные науки
— Юриспруденция

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.
Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Решением президиума Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 26 апреля 2019 г. издание включено в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук** по группе научных специальностей 20.00.00 — Военные науки (№ 707 Перечня с 7 мая 2019 г.)

В период с 18 октября 2016 г. по 26 марта 2019 г. издание было включено в указанный Перечень по группе научных специальностей 12.00.00 — Юриспруденция

Главный редактор —
КОРЯКИН

Виктор Михайлович,
доктор юридических наук (20.02.03)
профессор (12.00.03)
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна

Адрес в интернете
<http://www.voennoepravo.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	7
Правовое обеспечение национальной безопасности	
1. Барков А. В., Соколов А. П. Устойчивое развитие оборонно-промышленного комплекса как элемент государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности	10
2. Белков А. П. Защита сведений, составляющих государственную тайну, как правовой инструмент обеспечения военной безопасности государства	20
3. Малаханов А. В. О некоторых вопросах влияния планируемых изменений в Конституцию Российской Федерации на полномочия органов государственной власти по вопросам обороны и безопасности государства	29
4. Мещангина Е. И. Современный радикализм как фактор угрозы национальной безопасности Российской Федерации	37
5. Олейник Е. П. Организационно-правовые сентенции о роли Росгвардии в борьбе с международным терроризмом	42
6. Цыганков С. В., Макаренков А. А. Информационно-психологическое воздействие и противоборство в сети Интернет: нормативно-правовые аспекты	47
Административное право	
7. Гладышева К. А. Компетенция таможенных органов по осуществлению производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных главой 15 КоАП РФ, в части исполнения административных наказаний	53
8. Цуканов А. С. Перспективы применения гладкоствольного огнестрельного оружия в решении служебных задач по охране общественного порядка	59
Гражданское право	
9. Ананенко А. О. Некоторые вопросы формирования основ гражданско-правового регулирования применения беспилотных транспортных средств	63
10. Санташов А. Л., Киселев А. С. О некоторых направлениях совершенствования законодательства, регулирующего осуществление Российской Федерацией прав на результаты интеллектуальной деятельности военного и двойного назначения	73
11. Туляганова В. А., Малаханов А. В. Некоторые аспекты правового регулирования отношений по пользованию и распоряжению землями, находящимися в ведении Министерства обороны Российской Федерации	84
Воинская обязанность и военная служба	
12. Гаврюшенко П. И. Принципы и способы комплектования Вооруженных Сил и их взаимосвязь с мобилизационной работой	90

13. Калашников В. В. Актуальные вопросы социальной защиты граждан, проходящих военную службу не на воинской должности	96
14. Корякин В. М. Конституционный Суд Российской Федерации уточнил пределы применения меры ответственности в виде увольнения в связи с утратой доверия: военно-правовой аспект	101
15. Лапина О. А. Проблемные вопросы реализации решений призывных комиссий о призыве граждан Российской Федерации на военную службу	115
16. Харитонов В. С. О правовом регулировании проведения конкурса среди субъектов Российской Федерации на лучшую подготовку граждан к военной службе	120
Обучение и воспитание	
17. Козлов А. В., Сыртланов Т. М. Профессионально-правовая подготовка журналистов к работе в условиях вооруженного конфликта	123
18. Федак Е. И., Потяев П. Ю. Правовое обучение и воспитание военнослужащих, проходящих службу в Арктике	131
Теория и история государства и права	
19. Белков А. П., Долинин Д. Н. Историко-правовой анализ защиты сведений, составляющих государственную тайну	137
20. Овчаров О. А. От древнейшей к новейшей истории формирования церковно-правовых основ деятельности военного духовенства России (вопросы совершенствования правовой работы)	152
21. Туганов Ю. Н., Аулов В. К. Генезис арбитража и проблемы периодизации: 1924—1931 гг.	161
Прокурорская и судебная деятельность	
22. Гирько С. И., Харченко С. В. Некоторые особенности прокурорской проверки исполнения законов	173
23. Легков К. В. Некоторые аспекты становления судебного нормоконтроля в сфере подзаконного нормотворчества как самостоятельного вида судебной деятельности в военно-судебной системе России	181
24. Мамонова М. В. Представительство интересов органов военного управления в арбитражном судопроизводстве	293
25. Махьянова Р. М. Основные направления совершенствования и повышения эффективности тактики надзорной деятельности военного прокурора	199
26. Субанова Н. В. Административно-юрисдикционная деятельность военного прокурора по проекту нового КоАП РФ	204
Уголовное право и криминология	
27. Батюкова В. Е. Некоторые меры, направленные на противодействие экстремизму в молодежной среде	210

28. Ликсунов В. О.	
Миграционная преступность на государственной границе Российской Федерации и Республики Казахстан в постсоветский период	220
29. Моргуленко Е. А., Харитонов С. С.	
О декриминализации части 1 статьи 335 Уголовного кодекса Российской Федерации	232
30. Паршаков А. С.	
Отдельные аспекты исследования латентной преступности военнослужащих в сфере незаконного оборота наркотиков	240
31. Попов А. А.	
Актуальные вопросы о возрасте соучастников в преступлениях против военной службы	255
32. Смирнов Д. В.	
Условия освобождения военнослужащих от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: вопросы возмещения ущерба и заглаживания причиненного вреда	277
33. Щербак С. И.	
О новых обстоятельствах, исключающих преступность деяния военнослужащих	271

Уголовный процесс

34. Дикарев И. С.	
Проблемы обеспечения допустимости доказательств при производстве неотложных следственных действий органами дознания Вооруженных Сил Российской Федерации	281
35. Слифиш М. В.	
О некоторых вопросах реализации прав лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела органами дознания Вооруженных Сил Российской Федерации	389
36. Суденко В. Е.	
Специальные знания следователя, необходимые при доказывании по транспортным преступлениям	397

Военные проблемы международного права

37. Андреев А. Ф.	
Терминологические дилеммы в нормативно-правовом обеспечении деятельности Российского воинского контингента в составе Коллективных сил Организации Договора о коллективной безопасности	308
38. Дамаскин О. В.	
Нюрнбергский процесс: правовые уроки для современности (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне)	318
39. Сибилева О. П.	
Содержание принципов проведения различий между гражданским населением и комбатантами и между гражданскими и военными объектами в условиях современных вооруженных конфликтов	332
40. Табаринцева-Романова К. М.	
Участие Италии в структуре «Голубые каски культуры» ЮНЕСКО	345
41. Холиков И. В., Амонулов Ш. П.	
Правовое регулирование реализации военного сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан	352
42. Чипига И. В.	
Международно-правовое позиционирование Российской Федерации как суверенного государства	362

43. Шоев Ш. Р.

Правовые основы реализации деятельности Вооруженных Сил
Республики Таджикистан в рамках КСОР ОДКБ 370

Указатель сокращений

абз. — абзац

АПК РФ — Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации

БПЛА — беспилотный летательный аппарат

БТС — беспилотное транспортное средство

в. — век

ВК РФ — Воздушный кодекс Российской Федерации

ВВП — валовый внутренний продукт

ВВСТ — вооружение, военная и специальная техника

ВМФ — Военно-Морской Флот

ВООПИиК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры

ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

ГИБДД — государственная инспекция по безопасности дорожного движения

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации

ГОСТ — государственный стандарт

Гохран — федеральное казенное учреждение «Государственное учреждение по формированию Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней Российской Федерации, хранению, отпуску и использованию драгоценных металлов и драгоценных камней»

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

гл. — глава

ГЧП — государственно-частное партнерство

дис. — диссертация

ДУ ВС РФ — Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации

ЕврАзЭС — Евразийское экономическое сообщество

ЕГРЮЛ — Единый государственный реестр юридических лиц

ЕС — Европейский Союз

ЗК РФ — Земельный кодекс Российской Федерации

ИКАО (от англ. ICAO — International Civil Aviation Organization) — Международная организация гражданской авиации, специализированное учреждение ООН, устанавливающее международные нормы гражданской авиации и координирующее её развитие с целью повышения безопасности и эффективности

ИНН — индивидуальный номер налогоплательщика

КАС РФ — Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации

КНР — Китайская Народная Республика

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

КСБР — Коллективные силы быстрого развертывания

КСОР — Коллективные силы оперативного реагирования

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

МГП — международное гуманитарное право

МИД России — Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минкультуры России — Министерство культуры Российской Федерации

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

МККК — Международный Комитет Красного Креста

млн. — миллион

млрд. — миллиард

МРОТ — минимальный размер оплаты труда

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

МУС — Международный уголовный суд

НАК России — Национальный антитеррористический комитет Российской Федерации

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НИИ — научно-исследовательский институт

НИО — научно-исследовательский отдел

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОВД — органы внутренних дел

ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности

ООН — Организация Объединенных Наций

ОПК — оборонно-промышленный комплекс

п. — пункт

ПАСЕ — Парламентская ассамблея Совета Европы

подп. — подпункт

ПРО — противоракетная оборона

РАН — Российская академия наук

РИД — результаты интеллектуальной деятельности

Росалкогольрегулирование — Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Росимущество — Федеральное агентство по управлению государственным имуществом

Росприроднадзор — Федеральная служба по надзору в сфере природопользования

Росстандарт — Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии

- РПЦ** — Русская православная церковь
- РСФСР** — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- руб.** — рубль, рублей
- СВР России** — Служба внешней разведки Российской Федерации
- СК России** — Следственный комитет Российской Федерации
- СМИ** — средства массовой информации
- СНГ** — Содружество Независимых Государств
- СНК** — Совет Народных Комиссаров
- Спецстрой России** — Федеральная служба специального строительства
- СССР** — Союз Советских Социалистических Республик
- ст.** — статья
- США** — Соединенные Штаты Америки
- ТК РФ** — Трудовой кодекс Российской Федерации
- тыс.** — тысяча
- УВС ВС РФ** — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации
- УК РФ** — Уголовный кодекс Российской Федерации
- УПК РФ** — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации
- ФБР** — федеральное бюро расследований
- ФГКУ** — федеральное государственное казенное учреждение
- ФНС России** — Федеральная налоговая служба Российской Федерации
- ФПС России** — Федеральная пограничная служба Российской Федерации
- ФСБ России** — Федеральная служба безопасности Российской Федерации
- ФСВТС России** — Федеральная служба по военно-техническому сотрудничеству Российской Федерации
- ФССП России** — Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации
- ФТС России** — Федеральная таможенная служба Российской Федерации
- ЦАР** — Центрально-азиатский регион
- ЦИК России** — Центральная избирательная комиссия Российской Федерации
- ч.** — часть
- ШОС** — Шанхайская организация сотрудничества
- ЮНЕСКО** (англ. UNESCO; United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization) — специализированное учреждение ООН по вопросам образования, науки и культуры

Правовое обеспечение национальной безопасности

Устойчивое развитие оборонно-промышленного комплекса как элемент государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности

© Барков А. В.,

доктор юридических наук, профессор, профессор 27 кафедры (гражданского права) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета Российской Федерации

© Соколов А. П.,

доктор экономических наук, доцент, заведующий 27 кафедрой (гражданского права) Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена обоснованию правового инструментария устойчивого развития оборонно-промышленного комплекса как элемента государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности. Обоснован вывод, что подобным оптимальным инструментом способно в перспективе стать государственно-частное партнерство. Даны научно-практические рекомендации по совершенствованию законодательства в данной сфере, сформулированные на основе изучения зарубежного законодательства об обязательных социально и эколого-направленных условиях оборонных концессионных соглашений.

Ключевые слова: устойчивое развитие; государственно-частное партнерство; оборонно-промышленный комплекс; оборонные концессионные соглашения.

Одна из основных задач государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности, поставленная Президентом Российской Федерации в стратегическом программном документе — Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 11 марта 2019 г. № 97 (далее — Основы государственной политики), заключается в устойчивом развитии отечественного промышленного комплекса на базе использования современных технологий (п. 15.3). Не приходится сомневаться в том, что основу отечественной промышленности в настоящее время составляет оборонно-промышленный комплекс (далее — ОПК), устойчивое развитие которого является гарантом всех элементов российской национальной безопасности, включая экологическую, химическую и биологическую составляющие. Вместе с тем, вопрос о том, что следует понимать под устойчивым развитием ОПК, каким критериям оно должно отвечать, какие современные

технологии, включая правовые, могут быть востребованы для эффективного обеспечения химической и биологической безопасности, остается открытым и дискуссионным, обуславливающим актуальность настоящего исследования.

Под устойчивым развитием в настоящее время понимается деятельность, нацеленная на охрану окружающей среды и экологическую (химическую, биологическую) безопасность, принимаемая государством, гражданским обществом и предприятиями, разделяющими идеи одноименного курса. Этот курс получил название от термина «sustainable development» (с англ. — устойчивое или самоподдерживающее развитие), предложенного в 1987 г. в докладе комиссии ООН «Наше общее будущее», возглавляемой Гру Харлем Брундтландом, для обозначения «всемирной модели будущего цивилизации», как альтернативы существующему пути развития, основанному на неограниченном экономическом росте. Центральная идея курса на «устойчивое развитие» заключалась в осознании партнерской ответственности государства, бизнеса и гражданского общества за реализацию «проекта будущего», обеспечивающего изменение традиционных нерациональных моделей потребления и производства в направлении перехода к ресурсосберегающей и низкоуглеродистой зеленой экономике, удовлетворяющей потребности как настоящего, так и будущих поколений¹.

В основе курса устойчивого развития лежат три взаимосвязанных элемента системы: экономический, социальный и экологический, обеспечивающих гармоничное равновесие между экономической и социальной сферами, а также окружающей средой. Приверженность курсу предполагает достижение баланса между возрастающими общественными потребностями (социальный), хозяйственной деятельностью (экономический) и необходимостью сохранения окружающего мира (экологический элемент), обеспечивающего защиту интересов человека от возможного негативного воздействия этой деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

В современном динамично изменяющемся под воздействием цифровых технологий мире угрозу национальной безопасности составляют такие экологические факторы, как химические и биологические риски, последствия которых способны оказать негативное воздействие на население и окружающую среду, повлиять на ухудшение санитарно-эпидемиологической, ветеринарно-санитарной, фитосанитарной и экологической обстановки. Именно поэтому в России, вставшей еще в 1996 г. на курс устойчивого развития², сегодня последовательно реализуется политика, определяющая основные задачи, направления и условия перехода к экономической модели, обеспечивающей сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала. В контексте реализации курса определение принципов, приоритетных направлений и ос-

¹ Устойчивое развитие: концепция, принципы, цели // URL <http://csrjournal.com/ustojchivoerazvitie-konceptsiya-principy-celi> (дата обращения: 11.02.2020).

² Указ Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. № 440 «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию».

новых задач государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 г. и дальнейшую перспективу, а также механизмов ее реализации, видится явлением закономерным. Эта политика в совокупности состоит из «правовых, медико-биологических, санитарно-эпидемиологических, ветеринарно-санитарных, фитосанитарных, административно-организационных, военных, финансовых, коммуникационных, информационных и других мер», целью которых является «защита населения и окружающей среды от негативного воздействия опасных химических и биологических факторов, предотвращение химических и биологических угроз, создание и развитие системы мониторинга химических и биологических рисков, а также осуществление межгосударственного и международного сотрудничества в области химической и биологической безопасности» (п. 2. Основ государственной политики). Вместе с тем, механизм достижения задачи устойчивого развития ОПК, как основного элемента отечественного промышленного комплекса, в свете реализации положений Основ государственной политики, остается не раскрытым.

На доктринальном уровне под «устойчивым развитием» применительно к функционированию ОПК предлагается понимать «способность системы — ОПК — неопределённо длительно достигать своих целей, развивать целостность и совершенствоваться, при этом обладая способностью противостоять препятствующему этому внешнему воздействию»¹. Не добавляет четкого представления об инструментарии решения данной приоритетной задачи и дефиниция механизма устойчивого развития ОПК, определяемая, как «совокупность способов и средств оказания на оборонно-промышленный комплекс управляющего воздействия»². Нормативная формулировка — «на базе использования современных технологий» (п. 15.3 Основ государственной политики), не дает точного понимания о том, какие способы и средства, или правовые технологии следует использовать с целью обеспечения устойчивого развития ОПК.

Правовая технология в научной литературе рассматривается одним из инструментов изучения, формирования и конструирования правовой системы³. Следовательно, решение задачи поиска эффективной модели правового обеспечения устойчивого развития ОПК может быть сведена к обоснованию оптимальной конструкции, как системы взаимосвязанных элементов. Принимая во внимание, что устойчивое развитие ОПК представляет собой деятельность на основе партнерских отношений, представляется, что искомая модель может быть реализована в правовой конструкции государственно-частного партнерства (далее — ГЧП), которая сегодня соответствует определению «современная технология».

¹ Чевгун С. С. Механизм устойчивого развития оборонно-промышленного комплекса России // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2018 г.). М.: Буки-Веди, 2018. С. 5—9.

² Там же.

³ Правовая технология как основа научного конструирования правовой системы (предмет, объект, функции) // <https://cyberpedia.su/15x9fe.html> (дата обращения 25.02.20)

Следует отметить, что международной практике инструментарий ГЧП, направленный на улучшение качества жизни общества, активно используется при достижении целей устойчивого развития. В 2015 г. на 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН была принята новая Резолюция в области устойчивого развития на период до 2030 г.,¹ в которой партнерство государства и бизнеса рассматривается в качестве средства решения глобальных проблем человечества. Осознание мировым сообществом невозможности успешного решения экономических, социальных и экологических проблем без частных инвестиций обуславливает стимулирование участия предпринимателей в этих проектах.

В научной литературе отмечается, что ГЧП в современном мире обладает значительным инвестиционным потенциалом, позволяющим: привлекать дополнительные финансовые ресурсы на основе консолидации публичных и частных финансовых ресурсов; оказывать более качественное обслуживание социального сектора, при этом обеспечивая экономию средств; стимулировать социально-экономическое развитие на основе преодоления инфраструктурной ограниченности; увеличивать рост эффективности и уменьшать расходы на стадии проектирования, строительства и эксплуатации новых и реконструированных объектов; обеспечивать апробацию инновационных инструментов регионального и национального развития².

В странах развитых правовых порядков, в условиях, когда новые эпидемии болезней угрожают национальной безопасности и снижают экономический рост, частный партнер все чаще принимает участие в различных программах устойчивого развития, инвестируя в человеческий капитал и проявляя социально-экологическую ответственность. Миссия — ориентированность корпорации на решение экологических проблем, обеспечение химической и биологической безопасности, а не обогащение учредителей, повышают конкурентоспособность компании, а ее инклюзивные вложения снижают инвестиционные потери и риски, вызванные глобальными эпидемиями, последняя из которых связана со вспышкой коронавирусной инфекции COVID-19 (пневмонии нового типа). Достижение экономических интересов с вкладом в региональное развитие способствует управлению рисками чрезвычайных ситуаций и позиционировать себя как социально-ответственных частных партнеров, разделяющих идеологию устойчивого развития.

Курс на устойчивое развитие на основе ГЧП в настоящее время реализуется в большинстве стран мира, во многих странах эта политика распространяется и на оборонную сферу, где непосредственно производится создающее угрозу национальной безопасности химическое и бактериологическое оружие. В Рос-

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.: Резолюция, принятая 70-й сессией Генеральной ассамблеи ООН 25 сентября 2015 г. // URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения 02.03.2020).

² Малиновская О. В., Бровкина А. В. Государственно-частное партнерство как инструмент устойчивого развития инвестиционной деятельности в современном мире // Экономические науки. 2015. № 4 (35). Ч. 2. С. 36—38.

сии, к сожалению, инструментарий ГЧП еще не востребован не в полной мере, а в ОПК его использование — большая редкость. Тормозом на этом пути является отсутствие полноценной нормативной базы.

Необходимость легализации различных инструментов государственно-частного партнерства в оборонной сфере, успешно применяемых за рубежом, активно обсуждалась¹ еще при принятии специального закона, призванного урегулировать партнерские инвестиционные отношения (далее — Закон о ГЧП)². Однако надежды не были оправданы. Несмотря на то, что в Модельном законе «О публично-частном партнерстве», рекомендованном постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 28 ноября 2014 г. № 41-9 (далее — Модельный закон)³, в качестве одной из приоритетных сфер для частного инвестирования рассматривалось «обеспечение обороноспособности, безопасности и правопорядка» (п. 5 ст. 13 Модельного закона), в российском законе о ГЧП данное положение не предусмотрено. Разрабатывалась даже концепция законопроекта «О государственно-частном партнерстве в сфере военно-технического обеспечения обороны и безопасности страны»⁴. Однако, тоже безуспешно. На сегодняшний день заметным успехом в реализации этой политики является только внесение изменений в ст. 4 Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее — Закон № 115)⁵, расширивших перечень объектов данного договора, нацеленного на обеспечение обороноспособности и безопасности государства.

В соответствии со ст. 3 Закона № 115, концессионное соглашение представляет собой двустороннее, возмездное, обязательство: с одной стороны — концессионера по созданию за свой счет и (или) реконструированию определенного этим соглашением имущества с целью последующей его эксплуатации; с другой — концедента по предоставлению концессионеру права владения и пользования объектом соглашения для осуществления деятельности, предусмотренной этим соглашением. В отличие от ГЧП, где право собственности на создаваемый объект может возникнуть у частного партнера (инвестора), при концессионных отношениях право публичной собственности всегда остается у концедента.

¹ Матвиенко В. Модернизация ОПК возможна лишь в условиях государственно-частного партнерства // Портал: ВМЕСТЕ-РФ. Телеканал Совета Федерации URL: <https://vmeste-rf.tv/news/8253/> (дата обращения 13.01.2020).

² Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³ О публично-частном партнерстве : модельный закон, рекомендованный постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 28 ноября 2014 г. № 41-9.

⁴ Концепция и основные положения законопроекта «О государственно-частном партнерстве в сфере военно-технического обеспечения обороны и безопасности страны // <http://www.myshared.ru/slide/474921/> (дата обращения 11.01.20).

⁵ Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях».

С легализацией в 2015 г. возможности рассмотрения в качестве объекта концессионного соглашения строительных сооружений, «предназначенных для складирования, хранения и ремонта имущества Вооруженных Сил Российской Федерации» (далее — оборонных концессионных соглашений), данная разновидность государственного частного партнерства в последнее время стала активно внедряться в России. Вслед за успешно реализуемым пилотным оборонно-концессионным проектом по образованию производственно-логистического комплекса (далее — ПЛК) на территории Архангельской области для решения государственных задач в Арктике¹, в 2019 г. были приняты распоряжения Правительства Российской Федерации о заключении концессионного соглашения по созданию и эксплуатации комплексов сооружений, предназначенных для складирования, хранения и ремонта имущества Вооруженных Сил Российской Федерации, расположенных на территориях Приморского², Хабаровского краев³, Свердловской⁴ и Новосибирской⁵ областей. В настоящее время рассматривается вопрос о подписании еще трех оборонных концессионных соглашений по созданию ПЛК в Калининграде, Севастополе и Владивостоке, а всего к концу 2020 г. планируется возведение 25 комплексов двойного назначения (для военных и гражданских нужд), которые заменят 530 существующих складов материальных средств⁶.

¹ О заключении концессионного соглашения в отношении создания и эксплуатации зданий, строений и сооружений, оснащаемых соответствующим оборудованием и предназначенных для складирования, хранения и ремонта имущества Вооруженных Сил Российской Федерации, в том числе объектов производственной и инженерной инфраструктуры, расположенных на территории Архангельской области на земельных участках, находящихся в федеральной собственности, с обществом с ограниченной ответственностью «ПЛК Архангельск»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2017 г. № 2529-р.

² О создании на территории Приморского края производственно-логистического комплекса Вооруженных Сил Российской Федерации на условиях концессионного соглашения: распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2019 г. № 447-р.

³ О заключении концессионного соглашения в отношении создания и эксплуатации зданий, строений и сооружений, оснащаемых соответствующим оборудованием и предназначенных для складирования, хранения и ремонта имущества Вооруженных Сил Российской Федерации с ООО «Шестнадцатая концессионная компания»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 2812-р.

⁴ О заключении концессионного соглашения в отношении создания и эксплуатации зданий, строений и сооружений, оснащаемых соответствующим оборудованием и предназначенных для складирования, хранения и ремонта имущества Вооруженных Сил Российской Федерации с ООО «Девятая концессионная компания»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 2811-р.

⁵ О заключении концессионного соглашения в отношении создания и эксплуатации зданий, строений и сооружений, оснащаемых соответствующим оборудованием и предназначенных для складирования, хранения и ремонта имущества Вооруженных Сил Российской Федерации с ООО «Одиннадцатая концессионная компания»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 2813-р.

⁶ Минобороны нашло инвестора для логистического центра за \$17 млрд в Крыму // Подробнее на РБК: <https://www.rbc.ru/business/13/12/2018/5c0fc5189a7947a462315656> (дата обращения 2.03.20).

Однако в Российской Федерации в отличие от стран зарубежных правовых порядков, где применение различных видов оборонных концессий имеет более давнюю историю, при выборе концессионера не принимается во внимание степень его социально-экологической ответственности, приверженности идеологии «устойчивого развития». В ст. 24 «Критерии конкурса» Закона № 115 нет ни одного эколого-ориентированного критерия. Более того, пунктом 6 ст. 24 использование дополнительных критериев конкурса, не предусмотренных данной статьей, императивно не допускается. При этом в соответствии с п. 1 ст. 37 на основании решения Правительства Российской Федерации концессионное соглашение может быть заключено вообще без конкурса. Представляется, что такой подход к заключению концессионных соглашений вряд ли оправдан.

В Директиве Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2011/0437ЕС от 13 апреля 2011 г. о концессионных соглашениях (далее — Директива ЕС)¹, направленной на унификацию национального законодательства европейских стран, уменьшение неопределенности, связанной с предоставлением концессионных контрактов, рекомендовано принимать решение о их заключении на основе объективных критериев, обеспечивающих соблюдение принципов прозрачности, недискриминации и равного обращения и обеспечивающих оценку тендеров в условиях эффективной конкуренции, позволяющих выявить общие экономические преимущества для организации-заказчика (ст. 39 «Критерии предоставления концессий» Директивы ЕС). В директиве отмечается, что эти критерии, помимо цены, могут включать качество, технические достоинства, эстетические и функциональные характеристики, доступность, дизайн для всех пользователей, инновационный характер и степень воздействия на окружающую среду (п. 4а ст. 39). При расчете стоимости жизненного цикла контракта, означающего все последовательные и (или) взаимосвязанные этапы, включая оформление и доработку проектной документации, производство, транспортировку, использование и техническое обслуживание в течение всего существования объекта соглашения, от приобретения сырья или генерации ресурсов до его утилизации, рекомендовано учитывать внешние экологические затраты, включающие стоимость расходов по смягчению последствий выбросов парниковых газов, других загрязняющих веществ, а также расходы по смягчению последствий изменения климата (п. 1б ст. 40 ст. 40 «Расчет стоимости жизненного цикла» Директивы ЕС).

Эти рекомендации учтены и в национальном европейском законодательстве, устанавливающим требования к заключению оборонных концессионных соглашений. Во Франции, где для характеристики сходных отношений введен специальный термин «концессионный договор об обороне или обеспечении безопасности — *Contrat de concession de défense ou de sécurité* (фр.)», в Распо-

¹ URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52011PC0897> (дата обращения 2.03.20).

ряжении № 2016-65 от 29 января 2016 г. о концессионных договорах¹, объединяющим в единый нормативный акт набор правил, ранее запутанных и разрозненных между европейскими принципами и национальными положениями, определены условия заключения концессионного соглашения. Контракт должен быть осуществлен на основе множества недискриминационных критериев, таких как экологические, социальные, инновационные, и других подобных критериев, содержащихся в выше приведенной Директиве ЕС.

В качестве примера реализации успешной оборонной концессии по созданию и эксплуатации комплекса сооружений, предназначенной для объединения всех служб штаба Национальной обороны Франции на одной площадке, можно привести «Проект Hexagone Balard», иногда называемый «французским Пентагоном». Объект концессионного соглашения, заключенного на 30-летний срок, занимает территорию в 13,5 га. Здания с полезной площадью 420 000 кв. м. способны вместить 9 300 военнослужащих. Среди трех участников конкурса на заключение оборонной концессии, стоимостью 4,2 млрд евро, победу одержала финансовая группа Bouygues Construction², предложившая лучшие условия строительства из экологически чистых материалов, инновационную, интеллектуальную систему безопасности и энергоснабжения объекта на основе солнечных батарей. С «солнечно-батарейной крышей» площадью 4 000 кв. м., системой обогрева грунта и конструктивными особенностями, достигнутыми благодаря изолированной облицовке, обеспечивающей высокий уровень энергоэффективности, объект был спроектирован победителем конкурса таким образом, чтобы быть самодостаточным в использовании природных ресурсов, что является выдающимся достижением для концессии такого масштаба³.

В других зарубежных оборонных концессионных соглашениях также можно проследить социально и эколого-ориентированные условия. В частности, миссия британского проекта Allenby Connaught (Алленби Коннот) заключается в улучшении качества жизни примерно 18 700 солдат (почти 20 % британской армии), предоставляя современное, высококачественное, полностью обслуживаемое, специально построенное для проживания и службы казарменное жилье. Концессионный 35-летний проект охватывает также широкий спектр вспомогательных услуг, включая питание, уборку, транспорт, управление недвижимостью, склады, документооборот и утилизацию отходов. Условиями соглашения предусмотрено сохранение ряда казарм, официально внесённых в список «Английского исторического наследия», в качестве репрезентативного примера военных казарм эдвардианского периода. Важной эколого-ориентированной частью программы реконструкции и восстановления старых казарм, при замене

¹ Ordonnance n 2016-65 du 29 janvier 2016 relative aux contrats de concession // [https:// www.economie.gouv.fr/daj/ordonnance-n-2016-65-29-janvier-2016-relative-aux-contrats-concession](https://www.economie.gouv.fr/daj/ordonnance-n-2016-65-29-janvier-2016-relative-aux-contrats-concession) (дата обращения 2.03.20).

² Bouygues choisi pour construire le ministère de la défense à Balard // https://www.lemonde.fr/societe/article/2011/02/17/bouygues-choisi-pour-construire-leministere-de-la-defense-a-balard_1481797_3224.html (дата обращения 2.03.20).

³ The Hexagone Balard // <https://www.rockwoolgroup.com/why-stone-wool/case-studies/case-study-the-hexagone-balard/> (дата обращения 2.03.20).

их современными помещениями, является обеспечение естественной среды обитания летучих мышей. Проект предусматривает более 700 специальных отверстий, специально построенных и предназначенных для имитации жилищ этих охраняемых и вымирающих в Великобритании видов животных¹.

В российских оборонных концессионных соглашениях подобные условия, к сожалению, не предусматриваются. Очевидно, что эти соглашения должны быть нацелены не только на прибыль концессионера, но и на достижение социально-экологического эффекта без ущерба для биосферы. Несомненно, что подобная нацеленность в полной мере соответствует интересам обороны и безопасности, поскольку эти интересы и вопросы устойчивого развития в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации рассматриваются как взаимообусловленные, приоритетные задачи², что обуславливает необходимость совершенствования законодательства с учетом эффективного зарубежного опыта.

В целом представляется, что ГЧП в России с учетом реализации научно-практических рекомендаций, сформулированных на основе исследования зарубежного законодательства об обязательных социально и эколого-направленных условиях оборонных концессионных соглашений в перспективе способно стать оптимальным инструментом устойчивого развития предприятий ОПК как элемента государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности. Миссия — ориентированность социально-ответственных частных инвесторов на решение экологических проблем, обеспечение химической и биологической безопасности, а не обогащение учредителей, несомненно будет способствовать не только повышению конкурентоспособности компании, но и снижать инвестиционные потери и риски, вызываемые глобальными эпидемиями и чрезвычайными ситуациями.

Библиография

1. Малиновская, О. В. Государственно-частное партнерство как инструмент устойчивого развития инвестиционной деятельности в современном мире / О. В. Малиновская, А. В. Бровкина // Экономические науки. — 2015. — № 4 (35). — Ч. 2. — С. 36—38.

2. Чевгун, С. С. Механизм устойчивого развития оборонно-промышленного комплекса России // Актуальные вопросы экономики и управления : материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2018 г.). — М.: Буки-Веди, 2018. — С. 5—9.

¹ Project Allenby Connaught URL: <https://www.gov.uk/guidance/defence-infrastructure-organisation-service-family-accommodation-allenby-connaught> (дата обращения 2.03.20).

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683.

Sustainable development of the defense-industrial complex as an element of state policy in the field of ensuring chemical and biological safety

© **Barkov A. V.**,

doctor of law, Professor, Professor 27 of the Department (civil law) of the Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation, Professor of the Department of legal regulation of economic activity of the Financial University of the Russian Federation

© **Sokolov A. P.**,

doctor of Economics, associate Professor, head of the 27th Department (civil law) of the Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation

Annotation. The article is devoted to the substantiation of legal instruments for the sustainable development of the military-industrial complex as an element of state policy in the field of ensuring chemical and biological safety. The conclusion is substantiated that in the future, public-private partnership can become such an optimal tool. Scientific and practical recommendations are given for improving legislation in this area, formulated on the basis of a study of foreign legislation on mandatory socially and environmentally-friendly conditions for defense concession agreements.

Key words: sustainable development; public private partnership; military-industrial complex; defense concession agreements.

Защита сведений, составляющих государственную тайну, как правовой инструмент обеспечения военной безопасности государства

© Белков А. П.,
аспирант

Аннотация. В статье проведен анализ научных взглядов на роль защиты сведений, составляющих государственную тайну, как правового инструмента обеспечения военной безопасности государства.

Ключевые слова: государственная тайна; правовое регулирование защиты сведений, составляющих государственную тайну.

Функционал по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации понимается как гарантия стабильного становления страны в течение продолжительного периода в обозримом будущем, а также благополучного и гармоничного развития социума. Соблюдение национальной безопасности реализует такие условия, в которых под воздействием внешних или внутренних негативных факторов не пострадают права и интересы как отдельных индивидов, так и всего государства в различных отраслях социально-экономической, производственной, научной и образовательной деятельности¹.

Число угроз, с которыми сталкивается военная безопасность России в настоящее время, достаточно велико, хотя у государства принципиально отсутствует регламентированные эвентуальные противники ввиду глобального курса на мирное сосуществование стран-членов мирового сообщества.

Таковыми угрожающими моментами выступают:

- курс отдельных государств на лидерство в военно-промышленной сфере, что ведет к формированию базы вооружений, оснащенных высокоточными и высокотехнологичными устройствами;
- создание или усиление отдельными странами комплексов глобальной ПРО и запуск милитаризованных объектов в космос;
- разжигание зон локальных войн и конфликтов в государствах, граничащих с Российской Федерацией и дружественными ей государствами;
- поддержка терроризма в глобальном масштабе;
- выдвижение территориальных претензий к России и дружественным ей державам;
- вмешательства во внутреннюю жизнь нашего государства и его союзников.

Таким образом, комплекс мер по обеспечению военной безопасности необходимо понимать как приоритетный компонент реализации целей национальной безопасности конкретной страны.

¹ Летуновский П. В. Защита Отечества в контексте национальной безопасности // Право и безопасность. 2012. № 2(42). С. 14—19.

Стратегический курс на обеспечение обороноспособности государства нацелен на формирование такой атмосферы, в которой бы становление социально-экономической активности страны происходило мирно и динамично, при условии обеспечения безопасного существования державы и защищенности ее от военных угроз. Реализация выдвинутых стратегических задач по обороне государственной территории происходит согласно курсу, провозглашенному в рамках военной политики, направленной на сдерживание и предотвращение конфликтных ситуаций между государствами, оптимизацию структуры военных подразделений страны, а также приемов и методов использования Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, структур или подразделений, рост уровня готовности страны выполнить всеобщую мобилизацию и защитить население активными силами и средствами гражданской обороны¹.

Приоритеты военной политики и цели военно-экономической обороноспособности державы, риски по возникновению войн и угрозы военного плана прописаны в Военной доктрине Российской Федерации.

Государство последовательно реализует курс на стратегию осознанного сдерживания и избегания конфликтных ситуаций и осуществляет комплекс мероприятий и видов деятельности различных структур и общественных институтов, включая профессиональную армию, политиков, дипломатов, средства массовой поддержки и экономистов, чтобы минимизировать риски развертывания военной агрессии других стран применительно к России, а также обеспечить суверенность, неприкосновенность границ и целостность российской территории.

Понятие военной безопасности Российской Федерации выводится из текста Военной доктрины как такой статус отдельных индивидов, российского социума и всей страны, при котором гарантируется отсутствие угроз внешней и внутренней этиологии, влекущих за собой использование средств военной агрессии, или риски действий подобного характера, при этом все объекты, подверженные воздействию потенциальной военной агрессии, должны быть способны отразить военные удары и выдержать противостояние².

По факту изучения коллективного труда авторов М. И. Абдурахманова, В. А. Баришпольца, В. Л. Манилова и В. С. Пирумова военную безопасность можно сформулировать как состояние защищенности каждого человека, всего общества и страны от угроз военного характера, что приведет к такому состоянию межгосударственных взаимоотношений, что начало войны будет иметь минимальные шансы возникновения ввиду невозможности изыскать побудительные мотивы для агрессии, а также реализации таких обстоятельств, в которых не возникнет необходимости в коррекции расстановки сложившихся сил, равно как и активному проведению мероприятий для достижения полной готовности страны предотвратить или парировать угрозу военного характера. В

¹ Дядюн К. В. Проблемные вопросы института необходимой обороны // Законодательство. 2013. № 1. С. 62—64.

² Шуберт Т. Э. Национальная безопасность России: конституционно-правовые аспекты. Сравнительно-правовое исследование. М.: Право и закон, 2001. С. 11.

публикациях Н. П. Колоткова и М. М. Касенкова военная безопасность формулируется как такое положение державы, социума и проживающих в нем людей, в котором их жизненно важные интересы защищены от угроз начала военных действий, как эндогенного, так и экзогенного происхождения.

В настоящее время характеристика военно-политической расстановки сил в мировом масштабе выводит положение России на позиции страны, испытывающей существенные риски в отношении проявления конкретных угроз военной агрессии. Такая обстановка сложилась ввиду ряда проблем и противоречий, сложившихся за время развития страны, ее экономической деятельности, социальной активности, курса внешней и внутренней политики, характера национальной идеологии, специфики реализации военных мероприятий и прочих первопричин и признаков¹.

Ключевые концепции достижения военной безопасности:

— комбинация четкой централизации управляющих импульсов военной сферы с корреляцией ее активности с гражданским мониторингом избранного армией стратегии и курса;

— высокое качество прогноза, выявления и оценки угрожающих войной обстоятельств при условии правомерной и адекватной реакции;

— обеспеченность человеческими, информационными и материальными ресурсами для полномасштабной реализации военной безопасности при условии их рационального и обоснованного применения;

— формирование состояния перманентной готовности армии и других военизированных структур, а также промышленности и транспорта ответить на запросы военной безопасности нации;

— уклонение от рисков пошатнуть межнациональную стабильность, мир и спокойствие прочих держав.

Мероприятия, направленные на гарантирование военной безопасности страны, охватывают такие виды деятельности:

— мониторинг, систематизацию и изучение рисков безопасности нации;

— выделение ключевых направлений в курсе национальной политики, а также выработка стратегии в плане достижения безопасности державы;

— урегулирование нормами права сферы гарантирования безопасности страны;

— формирование и внедрение системы оперативных мероприятий относительно выявления, профилактики и ликвидации угроз, подвергающих безопасность страны риску, а также устранение тех явлений и обстоятельств, к которым они могли привести;

— использование мер экономической стабилизации для безопасной жизни и активности нации;

— создание и выпуск моделей актуальных типов оружия, технических средств и машин, равно как и техники как мирного, так и военного предназначения;

¹ Там же.

- развитие и поддержка научных исследований в сфере безопасности страны;
- согласование работы федеральных структур, региональных органов и муниципальных образований в вопросах безопасности государства;
- регулярное и достаточное финансирование средств для реализации мероприятий безопасности, включая и мониторинг целенаправленного освоения бюджетных ассигнований;
- межнациональные контакты для реализации государственной безопасности;
- проведение необходимых мероприятий для гарантирования безопасности страны, которые предусмотрены законодательно¹.

Исходно информация, которая может быть отнесена к категории сведений, принадлежащих к данным государственной тайны, оценивается на предмет возникновения потенциальной угрозы безопасности российского государства в случае разглашения этих сведений. Ключевой особенностью такой информации выступает тот факт, что она находится под защитой государственных органов.

Таким образом, свойствами военной тайны можно назвать такие признаки:

- освещение тематики военно-промышленного профиля;
- наличие защиты государством;
- потенциальный ущерб стране при разглашении².

Полагаем, что приоритетным параметром является причастность данных к сфере военных интересов страны. Характеристика предметной отрасли, которую затрагивает информация, отнесенная к государственной тайне, выступает базисом для классификации. Так, в исследовании М. С. Соколова приведены более чем скрупулезные попытки раскрыть подобные классы сведений.

Защита информации со стороны государства требует, как признак военной тайны, дальнейшей детализации. Так, государственные органы защищают внутреннее информационное пространство и все находящиеся в нем сведения, как определено нормами права в отношении информации, что реализует меры по безопасности всего информационного пространства нации. Кроме того, законодательные нормы содержат формулировку «охраняемая информация», хотя не раскрывают это термин подробно. На основании таких правовых коллизий есть возможность заявить, что между «охраняемой информацией» и «информацией, защищаемой государством» нельзя однозначно провести полную аналогию.

К категории охраняемых сведений относятся все виды информации, которая не находится под запретом, включая все данные для общего доступа, или те сведения, которые предоставили отдельные люди или конкретные предприятия, организации или фирмы³.

¹ Радиков И. В. Военная безопасность общества и государства: политологический анализ : дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2000. С. 408.

² Трунов И., Трунов Л. Актуальные проблемы защиты государственной тайны // Право и политика. 2002. № 7. С.43—44.

³ Шиверский А. А. Защита информации: проблемы теории и практики. М., 1996. С. 23.

Для упорядочения положений, формулирующих суть государственной и военной тайны в российском законодательстве, нужно указать на категорию данных, содержащих сведения военного характера, и выделить их разновидности:

- а) те данные, которые априори относятся к тайне государственного масштаба;
- б) информация, которую нельзя разглашать и доступ к которой ограничен законодательно как государством, так и представителями Вооруженных Сил;
- в) сведения, распространение которых возможно в ограниченных пределах.

В сфере норм военного права существует список отдельных групп сведений, которые формируют совокупный массив данных, содержащих государственную тайну.

В указанном реестре содержится такая информация¹:

— о содержании стратегического и оперативного планирования, документации высшего руководства относительно боевых операций, мобилизации или развертывания частей, войск или специальных подразделений, которые указаны как ответственные за обороноспособность страны согласно нормам Федерального закона «Об обороне», а также относительно готовности приступить к мобилизации или вступить в бой, относительно формирования, наличия и применения ресурсов для мобилизации и обороны;

— о запланированных к возведению объектов для нужд военного ведомства, об ожидаемых новинках в числе моделей оружия и техники военного назначения, о работе ученых и испытателей при создании и оптимизации техники и вооружения, о сути и реализации целевых проектов и пилотных программ;

— относительно всех стадий производственно-технологического процесса и объемах выпускаемой продукции военного предназначения;

— об аспектах эксплуатации, производства, ремонта и утилизации боеприпасов с ядерными боеголовками, а также комплектующих к ним, радиоактивных материалах, средствах защиты военных ядерных объектов от несанкционированного доступа и использования, равно как и об ядерных установках для производства энергии в ракурсе обеспечения обороноспособности;

— о параметрах тактико-технического применения и потенциала оружия и боевой техники, а также о характеристиках, составе и производственных линиях горючего для ракетного оружия или взрывчатых субстанциях военного предназначения;

— о расположении, предназначении, состоянии боеготовности или режиме отдельных объектов, а также о их архитектурно-строительных особенностях и территориях, отведенных для целей обеспечения обороноспособности;

¹ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203 «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне».

— о местах размещения, истинных названиях, объеме и характеристиках оружия, кадровом составе, и специфике военно-политической и оперативной ситуации.

Присутствие в структурах Вооруженных Сил существенного числа сведений, которые представляют государственную тайну, проистекает из специфики деятельности и предназначения военных подразделений, в отличие от гражданских предприятий и организаций. На основании указанного реестра можно уяснить, что к информации, относящейся к военной тайне, причислены сведения, которые раскрывают структуру и активность Вооруженных Сил страны. Таким образом, данная информация представляет собой военный компонент такой категории, как государственная тайна и подлежит охране нормами российского права¹.

К данным, содержащим государственную тайну, относятся только те сведения о военных подразделениях или производствах, ознакомление с которыми заинтересованных лиц может повлечь существенный вред для державы. Прочие данные о военных объектах не подлежат разглашению ввиду специфики деятельности военных подразделений и интересов Министерства обороны, что включает их в состав государственной тайны как второго компонента. Реестр таких данных формируется по заключению компетентных структур высшего звена военного руководства.

Как указано в нормах Федерального закона «О Федеральной службе безопасности» охраняются законом такие данные:

— обо всех занятых на службе в военных подразделениях, органах государственной безопасности, а также планирующих трудоустройство в эти организации или уволенных из них, равно как и относительно лиц, конфиденциально помогающих работе органов национальной безопасности;

— относительно структур, относящихся к федеральной службе безопасности;

— о борьбе с терроризмом и криминалитетом, в результате активности контрразведывательных подразделений, разведки и пограничной службы, а также существенные для гарантирования информационного благополучия страны;

— документация с данными о военнослужащих, сотрудниках подразделений службы безопасности или конфиденциальных информаторах, равно как и о специфике, планах или приемах оперативно-служебных мероприятий федеральными агентами;

— архивные данные из федеральной службы безопасности, имеющие научно-историческое значение.

Сущность защиты информации, входящей в категорию сведений государственной тайны, направлена на разрешение ключевых проблем:

— подача секретных или конфиденциальных сведений по запросу сотрудников уполномоченных подразделений;

¹ Слободанюк И. А. Тайна как элемент государственной безопасности // Российский военно-правовой сборник. 2004. №1. С. 22—27.

— предотвращение нелегитимного доступа к сведениям, входящим в рамки государственной тайны, во избежание урона государству и его населению.

Для решения первой группы задач учитывается, что лица, допущенные к работе с секретными сведениями, могут использовать как открытую, так и засекреченную информацию. Предоставление таким лицам открытой информации ничем не ограничивается, кроме ее фактического наличия.

Для решения проблемы доступа лица, допущенные к работе с секретными сведениями, к соответствующей засекреченной информации всегда существуют определенные противоречия: с одной стороны, необходимо предпринять меры по ограничению его доступа к засекреченной информации и тем самым уменьшить вероятность утечки, а с другой — наиболее полно удовлетворить потребности лица, допущенного к работе с секретными сведениями, в информации, в том числе и засекреченной, для обоснованного решения им служебных задач. Особенно остро эта проблема проявляется в межведомственном обмене секретной информацией¹.

Момент разрешения проблемы по выдаче секретных данных по запросу уполномоченных лиц предполагает работу с информацией как открытого, так и секретного характера, а также и иными видами данных, не обозначенных в Указе Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203 «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне», но представляющие, по сути, существенное значение для гарантии российской безопасности. Категория значимости указанной информации предопределяется по распоряжению уполномоченного сотрудника, призванного работать с данными, составляющими государственную тайну. Для таких лиц доступ к открытой информации не ограничен никакими факторами, кроме наличия таких конкретных фактов. Подача же сведений секретного характера происходит лимитировано, согласно форме допуска к работе с засекреченными данными и наличию разрешения на доступ к определенным видам сведений.

При рассмотрении вопросов относительно разрешения лицам, имеющим право доступа к секретным сведениям, на практике возникает ряд существенных противоречий. Так, необходимо ориентироваться на максимальное ограничение доступа лица к неактуальным по его запросу секретным сведениям, чтобы минимизировать потенциальную утечку данных, но необходимо и раскрыть поданный запрос в такой мере, которая сможет ответить потребностям лица, работающего с засекреченными данными при выполнении задач, положенным согласно его должности.

Наиболее актуально этот вопрос проявляет себя при взаимодействии между ведомствами, обменивающимися секретной информацией.

Функционал сотрудников при работе с данными, формирующими государственную тайну, лимитируется такими категориями:

— занимаемой должностью;

¹ Белков А. П. Теория правового режима защиты сведений, составляющих государственную тайну // Военное право. 2018. № 2 (48). С. 6—9.

— стоящей перед конкретным сотрудником задачей.

При стремлении обезопасить сведения, входящие в государственную тайну, от нелегитимного доступа посторонних лиц, заданиями являются такие моменты:

— исключение влияния пропаганды, укрепление информационного потенциала и позитивного имиджа страны в средствах масс-медиа;

— формирование благоприятного микроклимата для адекватного применения потенциальных возможностей информационного пространства;

— реализация безопасного хранения и использования данных, формирующих государственную тайну:

— мероприятия по профилактике безответственного обращения с государственными секретами, в том числе средствами прокурорского надзора¹;

— аккуратное распоряжение засекреченными или конфиденциальными данными во избежание утечки важных сведений;

— сохранение информации, из которой формируется государственная тайна, в полном неделимом объеме.

В рамках военной доктрины необходимо включить такой комплекс позиций, логически, научно и экономически обоснованных и законодательно закрепленных, которые будут освещать ключевые интересы социума и страны при условии применения военной силы. Необходимо использовать такие положения до того момента, пока государства не смогут положиться исключительно на политические средства урегулирования конфликтов на национальном, региональном и глобальном уровнях. Кроме того, интересы России относительно проблем военной безопасности сформировались ввиду ряда действительно присутствующих внешних угроз и опасностей ввиду применения внешних военных сил, которыми выступают как вероятность начала военных действий или локальных конфликтов, а также угроза нападения и вторжения на территорию иностранных войск².

Приоритетным направлениями при избранном страной курсе на обеспечение государственной тайны во всех отраслях военной безопасности можно полагать:

— детализацию наиболее агрессивных угроз, их первоисточников, на основании которых производится выделение ключевых задач по поддержанию безопасности обороноспособности и ее информационного пространства;

— перманентное усовершенствование механизмов защиты информационных ресурсов военного ведомства от нелегитимного проникновения, обеспечение подразделений новыми коммуникационными технологиями с высочайшим уровнем защиты, развитие комплексов дистанционного управления оружием и подразделениями, оптимизация программно-аппаратного обеспечения;

— усовершенствование архиструктуры служб, отвечающих за информа-

¹ Корякин В. М. Соблюдение режима защиты государственной тайны (режима секретности) как предмет общего надзора органов военной прокуратуры // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2016. № 9—10. С. 2—7.

² Шуберт Т. Э. Указ. соч. С. 11.

ционную безопасность военного ведомства и развитие взаимно коррелирующих связей между ними;

— усовершенствование методов маскировки, разведывательной работы, радиоэлектронного противодействия, формирование методик достоверного и эффективного отпора психологическим акциям и подрывным сведениям пропаганды от потенциального противника;

— создание кадрового потенциала для реализации безопасного информационного пространства в военных подразделениях¹.

Библиография

1. Бакаева, О. Ю. Государственный контроль в сфере защиты государственной тайны: актуальные вопросы правового регулирования / О.Ю. Бакаева // Информационная безопасность регионов. — 2013. — № 1 (12).
2. Белков А. П. Теория правового режима защиты сведений, составляющих государственную тайну / А. П. Белков // Военное право. — 2018. — № 2 (48).
3. Дядюн, К. В. Проблемные вопросы института необходимо обороны/ К. В. Дядюн // Законодательство. — 2013. — № 1.
4. Корякин В. М. Соблюдение режима защиты государственной тайны (режима секретности) как предмет общего надзора органов военной прокуратуры // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2016. — № 9—10. — С. 2—7.
5. Летуновский, П. В. Защита Отечества в контексте национальной безопасности / П. В. Летуновский // Право и безопасность. — 2012. — № 2(42).
6. Радиков, И. В. Военная безопасность общества и государства: политологический анализ : дис. ... д-ра полит. наук / И. В. Радиков. — СПб., 2000.
7. Слободанюк, И. А. Тайна как элемент государственной безопасности / И. А. Слободанюк // Российский военно-правовой сборник. — 2004. — № 1.
8. Трунов, И. Актуальные проблемы защиты государственной тайны / И. Трунов, Л. Трунов // Право и политика. — 2002. — № 7.
9. Шиверский А. А. Защита информации: проблемы теории и практики / А. А. Шиверский. — М., 1996.
10. Шуберт, Т. Э. Национальная безопасность России: конституционно-правовые аспекты. Сравнительно-правовое исследование / Т. Э. Шуберт. — М.: Право и закон, 2001.

Protection of information constituting a state secret as a legal instrument for ensuring the military security of the state

© Belkov A. P.,
PhD Student

Annotation: the article analyzes the scientific views on the role of protecting information constituting a state secret as a legal instrument for ensuring the military security of the state.

Key words: state secret; legal regulation of the protection of information constituting a state secret.

¹ Бакаева О. Ю. Государственный контроль в сфере защиты государственной тайны: актуальные вопросы правового регулирования // Информационная безопасность регионов. 2013. № 1 (12). С. 93—97.

О некоторых вопросах влияния планируемых изменений в Конституцию Российской Федерации на полномочия органов государственной власти по вопросам обороны и безопасности государства

© Малаханов А. В.,

преподаватель военного учебного центра при
Российском государственном университете
правосудия

Аннотация. В статье проводится анализ планируемого изменения полномочий Президента Российской Федерации, Федерального Собрания и других органов государственной власти по вопросам обороны и безопасности государства, которые произойдут в случае вступления в силу статьи 1 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». На основании этого анализа автор делает выводы о том, как повлияют планируемые изменения в Конституцию Российской Федерации на полномочия органов государственной власти и законодательство Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности государства.

Ключевые слова: национальная безопасность, оборона и безопасность государства, Конституция Российской Федерации, органы государственной власти, Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание, Совет Безопасности Российской Федерации, Государственный Совет Российской Федерации.

Ведущее место государства и его органов в системе обеспечения национальной безопасности обуславливает множество его функций в этой сфере. Данные функции оно выполняет через институты президентства (главы государства), законодательной, исполнительной и судебной власти, а также институт государственного контроля¹. Вместе с тем, система национальной безопасности может меняться по своей структуре и содержанию. Она находится в динамике, испытывая воздействия различных факторов, которые оказывают влияние на ее формирование и развитие. Указанные факторы оказывают влияние на принципы построения и основные структурные элементы современной системы обеспечения национальной безопасности², о чем неоднократно упоминали военные юристы³.

В своем Послании к Федеральному Собранию 15 января 2020 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин выразил свою позицию на тему изменений в Конституции Российской Федерации: «... полагаю возможным обозначить здесь и свою позицию, вынести на обсуждение ряд конституционных поправок, которые считаю вполне обоснованными и важными для дальнейшего

¹ Опалев А. В. Содержание и структура системы обеспечения национальной безопасности // Вестник Российской академии естественных наук. 2015. № 11. С. 76—77.

² Там же. С. 74—75.

³ См., например: Военное право : учебник / В. К. Белов [и др.] / под ред. В. Г. Стрекозова, А. В. Кудашкина. М.: «За права военнослужащих», 2004; Правовая работа в военных организациях : практическое учебно-методическое издание / З. Х. Акчурин [и др.]. М.: «За права военнослужащих», 2006, и др.

развития России как правового, социального государства, в котором высшей ценностью являются свободы и права граждан, достоинство человека, его благополучие». Одновременно Президент Российской Федерации подчеркнул: «... при этом убежден, что наша страна с ее огромной территорией, сложным национально-территориальным устройством, многообразием культурно-исторических традиций не может нормально развиваться, я скажу больше, просто существовать стабильно в форме парламентской республики. Россия должна оставаться сильной президентской республикой».

Безусловный интерес представляет вопрос о том, какое влияние окажут планируемые изменения в Конституцию Российской Федерации на полномочия органов государственной власти по вопросам обороны и безопасности государства, так как данные вопросы являются основными элементами национальной безопасности государства, которые прямо и косвенно обеспечивают реализацию конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственную и территориальную целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации.

Чтобы разобраться в том, как могут повлиять планируемые изменения в Конституцию Российской Федерации на полномочия органов государственной власти по вопросам обороны и безопасности государства, следует сравнить: 1) какими полномочиями органы государственной власти по вопросам обороны и безопасности в соответствии с Конституцией Российской Федерации обладают в настоящее время и 2) какими будут обладать после планируемых изменений в Конституцию Российской Федерации. На основе анализа выявленных различий, можно сделать выводы о влиянии планируемых изменений в Конституцию Российской Федерации на полномочия органов государственной власти по вопросам обороны и безопасности государства.

Государственную власть в Российской Федерации в соответствии с ч. 1 ст. 11 Конституции Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации.

В соответствии с ч. 2 ст. 80 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. В установленном Конституцией Российской Федерации порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти».

С учетом изменений, планируемых в Конституции Российской Федерации, ч. 2 ст. 80 излагается в следующей редакции: «Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. В установленном Конституцией Российской Федерации порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, поддерживает гражданский мир и согласие в стране, обеспечивает согласованное функционирование и взаимо-

действие органов, входящих в единую систему публичной власти»¹. Анализ данной части ст. 80 показывает, что Президент Российской Федерации наделяется Конституцией дополнительными полномочиями, а именно: поддерживает гражданский мир и согласие в стране.

Президент Российской Федерации в соответствии со статьей 83 Конституции Российской Федерации:

— формирует и возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации, статус которого определяется федеральным законом;

— утверждает военную доктрину Российской Федерации.

С учетом изменений, планируемых в Конституции Российской Федерации, пункт «ж» ст. 80 излагается в следующей редакции: «формирует Совет Безопасности Российской Федерации в целях содействия главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства, а также поддержания гражданского мира и согласия в стране, охраны суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, предотвращения внутренних и внешних угроз; возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации. Статус Совета Безопасности Российской Федерации определяется федеральным законом». Анализ данного пункта ст. 83 Конституции Российской Федерации показывает, что Президент Российской Федерации наделяется Конституцией дополнительными полномочиями, а именно — возглавлять Совет Безопасности Российской Федерации. Вместе с тем, согласно п. 3 ст. 8 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» Президент Российской Федерации формирует и возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации. То есть, по сути, данное изменение в Конституции Российской Федерации не наделяет Президента Российской Федерации новыми полномочиями. Однако рассматриваемое полномочие Президента Российской Федерации теперь закрепляется на конституционном уровне, что способствует усилению президентской власти.

Одновременно с данным изменением в Конституции Российской Федерации, как минимум должны будут корректироваться задачи, которые стоят в настоящее время перед Советом Безопасности Российской Федерации. Это обусловлено тем, что в новой редакции Конституции Российской Федерации определяются цели формирования Совета Безопасности Российской Федерации, следовательно, задачи, которые стоят перед Советом Безопасности Российской Федерации и которые определены в ст. 14 Федерального закона «О безопасности», должны в результате их выполнения достичь цели, для которой формируется Совет Безопасности Российской Федерации. В настоящее время на Совет Безопасности Российской Федерации возлагаются следующие задачи:

¹ Изменения в Конституцию Российской Федерации, которые включены в статью, процитированы из Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

- 1) обеспечение условий для осуществления Президентом Российской Федерации полномочий в области обеспечения безопасности;
- 2) формирование государственной политики в области обеспечения безопасности и контроль за ее реализацией;
- 3) прогнозирование, выявление, анализ и оценка угроз безопасности, оценка военной опасности и военной угрозы, выработка мер по их нейтрализации;
- 4) подготовка предложений Президенту Российской Федерации:
 - а) о мерах по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и преодолению их последствий;
 - б) о применении специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности;
 - в) о введении, продлении и об отмене чрезвычайного положения;
- 5) координация деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по реализации принятых Президентом Российской Федерации решений в области обеспечения безопасности;
 - б) оценка эффективности деятельности федеральных органов исполнительной власти в области обеспечения безопасности.

Вместе с тем, целью формирования Совета Безопасности Российской Федерации, в соответствии с планируемыми изменениями в Конституции Российской Федерации, является содействия главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства, а также поддержания гражданского мира и согласия в стране, охраны суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, предотвращения внутренних и внешних угроз. Сопоставляя цель формирования Совета Безопасности Российской Федерации и задачи, возлагаемые на Совет Безопасности Российской Федерации, становится очевидным, что задачи, которые в настоящее время возлагаются на Совет Безопасности Российской Федерации, не позволят в полном объеме достигнуть цели, для которой формируется Совет Безопасности Российской Федерации. Данное умозаключение сделано из анализа, во-первых, вопросов, по которым Совет Безопасности должен содействовать Президенту Российской Федерации в реализации его полномочий, в соответствии с планируемыми изменениями в Конституции Российской Федерации, и, во-вторых, задач, которые возлагаются в настоящее время на Совет Безопасности Российской Федерации.

Исходя из этого, очевидно, что данное изменение в Конституции Российской Федерации, повлечет за собой изменения в Федеральном законе № 390-ФЗ «О безопасности», а именно, появится необходимость уточнить задачи, которые возлагаются на Совет Безопасности Российской Федерации, расширяя полномочия этого органа государственной власти, в целях соответствия Федерального закона «О безопасности» планируемыми изменениями в Конституции Российской Федерации.

В п. «з» ст. 83 Конституции Российской Федерации в соответствии, с которым Президент Российской Федерации утверждает военную доктрину Российской Федерации, изменений не предусмотрено.

Ст. 83 с учетом изменений, планируемых в Конституции Российской Федерации, дополняется пунктом «е.5», в соответствии с которым Президент Российской Федерации наделяется дополнительным полномочием по формированию Государственного Совета Российской Федерации «в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства; статус Государственного Совета Российской Федерации определяется федеральным законом».

В настоящее время Государственный Совет Российской Федерации является совещательным органом, содействующим реализации полномочий главы государства по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти. Он образован в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 1 сентября 2000 г. № 1602 «О Государственном совете Российской Федерации» в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти на основании предложений членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. В соответствии с Положением о Государственном совете Российской Федерации, утверждённым данным Указом Президента Российской Федерации, основными задачами Государственного совета являются:

— содействие реализации полномочий Президента Российской Федерации по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти;

— обсуждение имеющих особое государственное значение проблем, касающихся взаимоотношений Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, важнейших вопросов государственного строительства и укрепления основ федерализма, внесение необходимых предложений Президенту Российской Федерации;

— обсуждение вопросов, касающихся исполнения (соблюдения) федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, их должностными лицами Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, и внесение соответствующих предложений Президенту Российской Федерации;

— содействие Президенту Российской Федерации при использовании им согласительных процедур для разрешения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации;

- рассмотрение по предложению Президента Российской Федерации проектов федеральных законов и указов Президента Российской Федерации, имеющих общегосударственное значение;
- обсуждение проекта федерального закона о федеральном бюджете;
- обсуждение информации Правительства Российской Федерации о ходе исполнения федерального бюджета;
- обсуждение основных вопросов кадровой политики в Российской Федерации;
- обсуждение по предложению Президента Российской Федерации иных вопросов, имеющих важное государственное значение.

Проанализировав полномочия Государственного Совета Российской Федерации, можно сделать вывод, что данный совещательный орган содействует реализации полномочий Президента Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности, так как в полномочия Государственного Совета Российской Федерации входили: обсуждение проекта федерального закона о федеральном бюджете; обсуждение информации Правительства Российской Федерации о ходе исполнения федерального бюджета, то есть вопросов, которые влияют на выделение средств из федерального бюджета на оборону и безопасность государства. С учетом изменений, предусмотренных в п. «е.5» ст. 83 Конституцию Российской Федерации, полномочия Государственного Совета Российской Федерации расширяются, а именно Государственный Совет Российской Федерации должен формироваться «в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства; статус Государственного Совета Российской Федерации определяется федеральным законом». То есть одной из целей Государственного Совета Российской Федерации станет «определение основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации». Вместе с тем, пока не определено каким статусом будет обладать Государственный Совет Российской Федерации, останется ли он совещательным органом, либо будет иметь другой статус, так как с учетом изменений, предусмотренных в п. «е.5» ст. 83 Конституцию Российской Федерации, статус Государственного Совета Российской Федерации должен быть определен федеральным законом.

Федеральное Собрание — Парламент Российской Федерации в соответствии со ст. 94 Конституции Российской Федерации является представительным и законодательным органом Российской Федерации. Федеральное Собрание состоит из двух палат — Совета Федерации и Государственной Думы.

К ведению Совета Федерации в соответствии со ст. 102 Конституции Российской Федерации относятся:

- утверждение указа Президента Российской Федерации о введении военного положения;
- утверждение указа Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения;

— решение вопроса о возможности использования Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации.

Обязательному рассмотрению в Совете Федерации в соответствии со ст. 106 Конституции Российской Федерации подлежат принятые Государственной Думой федеральные законы по вопросам:

— статуса и защиты государственной границы Российской Федерации;

— войны и мира.

В указанные выше пункты ст. 102 и 106 Конституции Российской Федерации изменения не предусмотрены. Соответственно полномочия Совета Федерации в сфере обороны останутся без изменений.

Подводя итоги данного исследования, можно сделать следующие выводы о том, что в результате изменений, которые могут быть внесены в Конституцию Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности государства:

1. Существенно расширяются полномочия Президента Российской Федерации в области обороны и безопасности государства. Президент наделяется конституционными полномочиями: 1) по поддержанию гражданского мира и согласия в стране, 2) формирует и возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации, 3) формирует Государственный Совет Российской Федерации. Расширение конституционных полномочий Президента Российской Федерации призвано способствовать усилению президентской власти;

2. Несмотря на то, что в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» полномочия Совета Федерации претерпевают существенные изменения, изменений в полномочия Совета Федерации по вопросам обороны и безопасности государства не предусмотрено;

3. Государственный Совет Российской Федерации, как орган государственной власти, и цели, для которых он формируется, получают конституционное закрепление. Одна из целей формирования Государственного Совета Российской Федерации — определение основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации, в том числе — в области обороны и безопасности государства. Статус Государственного Совета Российской Федерации будет определен федеральным законом.

4. Конституционное закрепление получают цели, в связи с которыми формируется Совет Безопасности Российской Федерации. С учетом этих целей расширяются задачи Совета Безопасности Российской Федерации, которые необходимо уточнить в Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности».

Библиография

1. Военное право : учебник / В. К. Белов [и др.] / под ред. В.Г. Стрекозова, А. В. Кудашкина. РОД «За права военнослужащих». — М., 2004. Сер. Выпуск 45 «Право в Вооруженных Силах — консультант». — 640 с.

2. Опалев, А. В. Содержание и структура системы обеспечения национальной безопасности / А. В. Опалев // Вестник Российской академии естественных наук. — 2015. — № 11. — С. 74—77.

3. Правовая работа в военных организациях : практическое учебно-методическое издание / З. Х. Акчурин [и др.] / РОД «За права военнослужащих». — М., 2006. Сер. Выпуск 67 «Право в Вооруженных Силах — консультант». — 496 с.

Some questions about the impact of planned amendments to the Constitution of the Russian Federation on the powers of state authorities to state defense and security issues

© **Malakhanov A. V.**,

teacher of the military training center at the Russian state University of justice

Annotation. The article analyzes the planned changes in the powers of the President of the Russian Federation, the Federal Assembly and other state authorities on issues of defense and security of the state, which will occur in the event of entry into force of article 1 of the Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 № 1-FKZ "on improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power". Based on this analysis, the author draws conclusions about how the planned changes to the Constitution of the Russian Federation will affect the powers of state authorities and the legislation of the Russian Federation on issues of defense and security of the state.

Keywords: national security, defense and state security, the Constitution of the Russian Federation, Federal law, state authorities, the President of the Russian Federation, the Federal Assembly, the Security Council of the Russian Federation, the State Council of the Russian Federation.

Современный радикализм как фактор угрозы национальной безопасности Российской Федерации

© Мещангина Е. И.,

кандидат исторических наук, доцент, Московский политехнический университет

Аннотация. В статье рассматривается влияние современного радикализма на геополитическую структуру мира. Возникшие противоречия привели к межнациональным конфликтам, которые способствовали проявлению религиозного радикализма. Мир вступил в эпоху глобальной геополитической нестабильности и духовного кризиса. Эти изменения привели к обострению отношений на международной арене. Религиозный радикализм приобрел новое качество в XXI в. и стал угрозой безопасности государств. В этих условиях сохранение национальной безопасности является одной из важнейших задач на современном этапе развития России.

Ключевые слова: радикализм, геополитика, экстремизм, государство, законодательство, человечество, духовный кризис, религия, национальная безопасность, идеология, оборона, суверенитет.

Сегодня человечество находится в таком состоянии, когда происходят изменения в геополитической структуре мира, связанные с тем, что разрушился биполярный мир, однополярный еще не состоялся, а многополярный даже не сложился. И в смысловом содержании этих процессов, в жизни современного человека стали доминировать потребительские ценности, которые привели к появлению транснациональных сообществ взамен исторически сложившимся формам государства.

Возникшие противоречия и диспропорции геополитического уровня способствовали появлению современных конфликтов между мировыми державами и прежде всего, центробежных (дезинтеграционных) процессов.

Соперничество стран друг с другом в распространении своих ценностей привело к внутренней цивилизационной глобализации и политической неустойчивости государств, которые повлияли на их развитие в целом.

Необходимо отметить, что сегодня объектами геополитического противостояния становятся не только стратегические районы мира, но и стратегические коммуникации, глобальные ресурсы. Именно желание обладать этими объектами определяет современный геополитический статус цивилизаций и государств, динамику их развития, степень внешней и внутренней безопасности, а также уровень их суверенности. Другими словами, мир вступил в эпоху глобальной геополитической нестабильности, где основным горючим материалом стала религия.

В XXI в. деятельность многих религиозных общностей превращается в важный элемент социальной структуры общества, потому что значительно вырастает уровень религиозности граждан. Существование множества общин с разной конфессиональной принадлежностью порождает некоторые проблемы, противоречия и потрясения в мире. Это не только серьезно угрожает политической стабильности государств, но и способствует проявлению религиозного радикализма.

Сегодня Ближний Восток уверенно выходит на передний план международных отношений, потому что в силу своей конфессиональности является зоной повышенной конфликтности. Рост агрессивности со стороны мировых держав к ближневосточным государствам не только способствовал обострению межконфессиональных противоречий в них, но и внутренней политизации. Напряженные отношения породили хаос, волны миграции и появление новых джихадистских группировок. Вследствие этого межконфессиональные противоречия стали преобладать над политическими преобразованиями и привели к массовым протестам, «цветным» революциям, восстаниям и переворотам. Существующий кризис ближневосточных национальных государств создает угрозу международной безопасности, отличительной особенностью которой является военное противостояние мировых держав.

Неустойчивая и противоречивая геополитическая ситуация в мире не только породила глобальный кризис между странами, но и пагубно влияет на дальнейшие перспективы мирового сотрудничества. Кроме того, сложившаяся ситуация на Ближнем Востоке отличается спецификой своего проявления, которая отражается на международных отношениях в целом.

В конце XX в. в мировых сообществах произошли изменения. Они затронули как внутригосударственный, так и транснациональный уровни. Внутри государств начались политические и культурные преобразования, которые подготовили почву для усиления интернационализация в социально-политических и других сферах жизнедеятельности человека. Это привело к общемировому духовному кризису, который приобрел новое качество в начале XXI в. Иными словами, перед человечеством появились проблемы по обеспечению безопасной жизнедеятельности на земле. При более полном изучении понятия безопасности следует отметить, что современные определения дополняют, развивают, конкретизируют и углубляют общее представление о безопасности как социальном явлении¹.

Сегодня развитие духовного мира происходит в очень сложных условиях, когда страны столкнулись с сочетанием центристских и центробежных сил, которые размывают возможность его естественного развития и создают противоречия внутри самого мира. Кризис базовых ценностей и размытость религиозных представлений в сознании современного человека может привести к критическим последствиям. И поэтому необходимо защищать духовные ценности, чтобы сохранить социальную безопасность в обществе.

Появление в социальной жизни духовных противоречий привело к тому, что в мировом сообществе начались «соревнования» религий в их популярности².

Стремление религиозных организаций использовать свой авторитет во благо самих себя способствует усилению той или иной религии и приводит к

¹ Мещангина Е. И. К вопросу о правовом обеспечении национальной безопасности Российской Федерации // Военное право. 2018. № 4(50). С. 25.

² Ивашов Л. Г., Белозеров В. К. Глобальные вызовы XXI века — геополитический ответ России. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012.

удерживанию идеологического перевеса на стороне своих интересов. Это не только, создает условия для проявления религиозного радикализма в мире, но и способствует его дальнейшему развитию. Иными словами, проявление религиозного фактора в международных отношениях между странами способствует возникновению угрозы национальной безопасности Российской Федерации. Современная ситуация в мире доказывает, что сегодня существуют опасность на глобальном уровне, которая способна изменить ход истории развития многих стран, искусственно втянутых в конфессиональный конфликт.

Нынешние мировые проблемы носят серьезный характер, потому что влияют на международные отношения в целом. И проявление религиозного фактора в них ставит под удар все человечество. Это связано с тем, что в деятельности современных религиозных организаций просматривается радикализм, который является угрозой для национальной безопасности многих стран. Поэтому сохранение гражданского мира и целостности государства в культурно-историческом и духовном пространстве становится одной из важнейших задач на современном этапе развития Российской Федерации.

Необходимо отметить, что Стратегия национальной безопасности Российской Федерации в числе национальных интересов России на долгосрочную перспективу называет укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации¹.

Вообще можно сказать, что применительно к России ведущая роль отводится православию, которое способно придать мировым религиям пример собственного отношения к жизненным реалиям. Именно в этом контексте требуется рассмотрение существующих глобальных проблем геополитического характера, которые создают потенциальную основу для новых конфликтов и войн.

Кроме того, сегодня вопрос экстремизма на почве религиозных убеждений той или иной конфессии является одним из самых актуальных в современном мире, потому что является основным вектором противостояния ведущих стран. Попытка втянуть в это противостояние другие государства может привести к расширению очагов напряженности по всему миру. Это представляет для России серьезную опасность, т.к. может привести к дестабилизации этноконфессиональной обстановки в России. Иными словами, возрастающее противостояние мировых идеологий негативно влияет на состояние духовности граждан и становится угрозой для российского общества.

В настоящее время религиозный фактор непосредственно влияет на социальные установки в обществе. Именно под этим воздействием формируются духовные основы общества, которые обеспечивают национальную безопасность страны. И важным условием этой безопасности является сохранение и

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 134 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны¹.

Кроме того, одним из главных действий, которое также может привести к дестабилизации внутренней социально-политической обстановки в России, является активное привлечение граждан во всевозможные протестные акции, шествия и митинги. Это не только может привести к массовым беспорядкам в стране, но и повлечь за собой вспышки террористических актов. Именно проявление жестокого экстремизма способно разжечь внутривнутриполитический конфликт и привести к негативным последствиям².

Вполне возможно, что данная ситуация может нарушить порядок в общей национальной безопасности, потому что государство начнет усиливать насильственные действия против граждан, чтобы предотвратить угрозу обществу. Именно этим целям подчинена деятельность военной организации, на которую возложены задачи, связанные с обеспечением обороны страны³.

Конечно, сегодня наше государство оказывает значительную поддержку, чтобы поддержать уровень защищенности и национальной безопасности граждан, потому что считает важным сохранить суверенитет и территориальную целостность страны. И, действуя в рамках правового поля, оно законодательно закрепляет принципы, на которых основывается деятельность по противодействию экстремизму⁴. Однако необходимо отметить, что в современном понимании, экстремизм приобрел новое содержание, в связи с чем в мире появилось множество псевдоисламских сект с политикой религиозного террора.

Появившиеся на постсоветском пространстве религиозные организации далеко не все носят экстремистский характер, но вполне могут представлять опасность для общества. И поэтому очень важно, чтобы граждане смогли противостоять попыткам привития радикальных идей.

В настоящее время идеология террора и экстремизма успешно распространяется посредством использования медиа-ресурсов для обращения к публике всевозможными способами привлечения внимания общества. Это не только угрожает общественной безопасности в России, но и увеличивает масштабы пропаганды в обществе. Необходимо отметить, что современный радикализм нужно рассматривать как идеологию насильственного изменения основ конституционного строя и нарушения целостности Российской Федерации.

Сегодня радикализм действительно представляет опасность для национальной безопасности страны, потому что является еще и политической идеологией, которая наносит ущерб конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, а также устойчивому развитию, обороне и безопасности государства.

¹ Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: НЛЮ, 2014.

² Бастрыкин А. И. Экстремизм в России не пройдет // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 2.

³ Корякин В. М. Военная организация государства: структура, предназначение и перспективы развития // Вестник военного права. 2016. № 1. С. 47.

⁴ Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности».

Исходя из этого, можно сделать вывод, что современный радикализм выступает в религиозной сфере в форме универсалистских коммерческих культов, которые проявляются во всех обществах. Следовательно, в современном мире он является действенным оружием политического влияния. Поэтому необходимо, чтобы правовая основа обеспечения безопасности России рассматривала современный радикализм как одно из угроз национальной безопасности, т.к. многие мировые державы стимулируют названную угрозу и стремятся тем самым противодействовать укреплению России как одного из центра влияния в многополярном мире.

Библиография

1. Бастрыкин, А. И. Экстремизм в России не пройдет / А. И. Бастрыкин // Российская юстиция. — 2016. — № 5. — С. 2—5.
 2. Ивашов, Л. Г. Глобальные вызовы XXI века — геополитический ответ России / Л. Г. Ивашов, В. К. Белозеров. — М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012.
 3. Корякин, В. М. Военная организация государства: структура, предназначение и перспективы развития / В. М. Корякин // Вестник военного права. — 2016. — № 1. — С. 47—54.
 4. Мещангина, Е. И. К вопросу о правовом обеспечении национальной безопасности Российской Федерации / Е. И. Мещангина // Военное право. — 2018. — № 4(50). — С. 25—28.
 5. Митрохин, Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы / Н. Митрохин. — М.: НЛЮ, 2014.
-

Modern radicalism as a threat to the national security of the Russian Federation

© Meshchangina E. I.,
candidat of History Sciences, Associate Professor,
Moscow Polytechnic University

Abstract. The article examines the influence of modern radicalism on the geopolitical structure of the world. The resulting contradictions led to interethnic conflicts that contributed to the manifestation of religious radicalism. The world has entered an era of global geopolitical instability and spiritual crisis. These changes have led to an aggravation of relations in the international arena. Religious radicalism has acquired a new quality in the XXI st century and has become a threat to the security of States. In these conditions, the preservation of national security is one of the most important tasks at the present stage of Russia development.

Key words: radicalism, geopolitics, extremism, state, legislation, humanity, spiritual crisis, religion, national security, ideology, defense, sovereignty.

Организационно-правовые сентенции о роли Росгвардии в борьбе с международным терроризмом

© Олейник Е. П.,
адъюнкт кафедры конституционного
(государственного) и международного права
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации

Аннотация. В статье сделана попытка осмысления вопросов организационно-правового характера о применении войск национальной гвардии Российской Федерации в борьбе с международным терроризмом.

Ключевые слова: терроризм, противодействие, борьба, международное право, войска национальной гвардии.

Анализ форм, оснований и стандартов антитеррористической деятельности в соотношении с основными международно-правовыми нормами и принципами дает основание сделать вывод, что, проводя антитеррористическую деятельность, войска национальной гвардии Российской Федерации выполняют свои обязательства как перед собственными гражданами (защита суверенитета, территориальной целостности, прав и свобод человека и гражданина), так и перед другими государствами (участие в сохранении мира и поддержание международной безопасности).

Росгвардия, исходя из возложенных на нее законодательством задач¹, является одним из ключевых субъектов укрепления военно-стратегической стабильности и сбалансированного партнерства в антитеррористической деятельности с субъектами антитеррористической деятельности России и субъектами международного права (в первую очередь — государствами и международными организациями в лице их компетентных органов).

Такое участие достигается как на политическом уровне профилактики терроризма (участие в международных антитеррористических учениях, проведение семинаров, форумов), так и на социальном уровне, путем проведения мероприятий непосредственно в конкретной социальной среде с целью координации работы по террорно-фактическим процессам.

Отдельным элементом функциональных особенностей применения Росгвардии является противодействие посягательствам на конституционный строй (с выраженным террорно-фактическим характером), означающее одновременно и посягательства на государственный суверенитет, поскольку конституция нашего государства закрепляет верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость во внешнеполитической сфере².

¹ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации».

² Хомяков И. Д. Охрана общественного порядка как средство противодействия проявлениям терроризма // Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: история,

При этом к посягательствам на конституционный строй следует относить также попытки нарушения территориальной целостности государства, поскольку конституция закрепляет определенный национально-государственный и административно-территориальный состав страны и законный порядок их изменения.

Действия международных террористов подвергают опасности как национальную, так и региональную, а также глобальные системы безопасности, посягая на общепризнанные международные принципы, и неразрывно связаны с рядом международных преступлений и преступлений международного характера¹.

Исходя из изложенного, международные правовые стандарты и действия государств по выявлению и пресечению терроризма и наказанию за террористическую деятельность следует рассматривать в их взаимосвязи и взаимозависимости.

Реализация права народов на самоопределение должна сочетаться с неукоснительным соблюдением и уважением иных международных принципов, среди которых: неприменение силы и угрозы силой; разрешение международных споров мирными средствами; невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств; суверенное равенство государств, неотъемлемой частью которого является обязательство уважать суверенитет, территориальную целостность и политическую независимость других государств; добросовестное выполнение обязательств по международному праву.

В последнее десятилетие международное право как в сфере защиты прав человека, так и прав национальных меньшинств, учитывая устаревшие нормы международного гуманитарного права, требуют скорейшей модернизации применительно к новым реалиям, одной из которых является масштабный международный терроризм².

Как видно из анализа международно-правовых актов, в пересмотре нуждается совершенствование правового регулирования форм ответа на международный терроризм в контексте реализации права на самооборону.

Такое положение оправдано и тем, что только случай прямой или косвенной агрессии оправдывает возможность ответных силовых мер в отношении другого государства, как индивидуальных, так и коллективных.

Таким образом, применение вооруженной силы против причастного к терроризму государства может быть осуществлено только в том случае, если

современное состояние, перспективы : Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием. Новосибирск, 2017. Ч. 1. С. 213.

¹ Олейник Е. П., Олейник С. А., Самодуров Д. И. Международно-правовые основы борьбы с терроризмом. Роль в борьбе с терроризмом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2017. № 1. С. 97—100.

² Чернявский А. Г., Олейник С. А. Дефиниция «Международный терроризм» в международном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44) С. 326.

террористическая деятельность по своей опасности и интенсивности будет квалифицироваться как вооруженное нападение.

Государство вправе использовать вооруженную силу, другие войска, воинские формирования и органы в порядке самообороны в случаях, когда против него совершаются акты терроризма, осуществляемые официальными органами иностранного государства, а также когда другое государство организует и направляет вооруженные банды, совершающие террористические акты.

Причем террористические акты могут иметь место против граждан пострадавшей стороны и за границей, в открытом море, международном воздушном пространстве. Главное условие здесь заключается в том, чтобы террористические акты представляли серьезную угрозу и не носили изолированный, спорадический характер.

Анализ действующих норм международного права и национального законодательства свидетельствует, что одним из важнейших препятствий в согласованных действиях по предупреждению и пресечению актов терроризма является различие национальных (в том числе законодательных) подходов к терроризму и регламентация международным правом соотношений только лишь в связи с отдельными совершаемыми актами терроризма, а не в целом различных проявлений международного терроризма.

Учитывая роль, которую играет в развитии современного терроризма его финансирование (как из государственных, так и негосударственных источников), особое значение имеет выработка (в рамках реализации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма) практических мер по созданию эффективной системы контроля за финансовыми потоками как на международном, так и на внутригосударственном уровне.

Изучение правовых оснований коллективных действий в международном праве применительно к антитеррористической деятельности, принципам политического, правового и военно-полицейского сотрудничества и его пределам с точки зрения национальных интересов, глобальной, региональной и национальной безопасности, а также изучение перспектив применения (в контексте международно-правовых стандартов) коллективной самообороны в контртеррористических операциях, различных форм международного сотрудничества по борьбе с терроризмом и проблем, возникающих в данной области, позволяет сделать вывод, что исключительно актуальной является задача совершенствования системы коллективной безопасности как для обуздания агрессора, борьбы с международным терроризмом, так и для разрешения конфликтов в первую очередь средствами профилактики.

Механизм выбора форм и степени силового (специального и военно-полицейского) участия войск национальной гвардии Российской Федерации в долгосрочных программах международного сотрудничества по противодействию терроризму и в разовых антитеррористических международных акциях должен регулироваться в том же порядке, как и непосредственное использование Вооруженных сил России за рубежом (ст. 87 и 102 Конституции Российской Федерации), на основе предварительного экспертного анализа и прогноза

возможных внутригосударственных и международных последствий для России этого применения.

В то же время, само использование силовых мер в борьбе с международным терроризмом за пределами Российской Федерации войсками Росгвардии должно получить законодательное обоснование.

Принципы военно-полицейского сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом, условия и формы участия Росгвардии в международных антитеррористических операциях целесообразно определить с учетом национальных интересов Российской Федерации, международных обязательств и действующего российского законодательства, закрепив их в военном праве и антитеррористическом законодательстве¹.

При этом в последнем виде нормативных источников необходимо закрепить как правовые основания применения военной силы в ситуации ответа государства на акты международного терроризма, так и общие положения, касающиеся применения войск национальной гвардии в борьбе с антиконституционными проявлениями на территории страны и правового регулирования таких действий специальным законодательством.

Использование войск национальной гвардии Российской Федерации в борьбе с международным терроризмом за пределами Российской Федерации должно получить законодательное обоснование, учитывая, что до решения на международном уровне проблемы нормативного разграничения агрессии, терроризма и вооруженных действий правомерность притязаний любого государства на использование ст. 51 Устава ООН в качестве правового обоснования ответа на угрозу терроризма, исходящую с территории другого государства, всегда будет спорной.

В данной ситуации важно решить вопрос соответствующих приоритетов на национальном уровне, учитывая, что любые формы участия в коллективных антитеррористических силовых акциях (причем не только в форме прямой военной поддержки) могут иметь как позитивные, так и негативные последствия для интересов России, в том числе ухудшать ее военно-стратегическое положение.

Исследование проблем и перспектив развития международного сотрудничества в области осуществления судебного преследования террористов, форм и методов такого сотрудничества, а также вопросов юрисдикции международных судебных органов применительно к преступлениям террористического характера также позволяет сделать ряд обобщающих выводов.

Особенно важным такое положение дел становится ввиду необходимости выполнения задач за пределами государственной территории, где не всегда существует возможность сбора доказательственной базы, необходимой для дальнейшего привлечения террористов к международной уголовной ответственности.

¹ Олейник Е. П., Олейник С. А., Самодуров Д. И. Указ. соч.

Библиография

1. Олейник, С. А. Вопросы международно-правовой регламентации режима бактериологического оружия в социотехнической среде в условиях возрастающих угроз террористического характера / С. А. Олейник, И. А. Чмеленко // Войска национальной гвардии в системе обеспечения государственной и общественной безопасности : Сборник материалов научной конференции. Новосибирск, 2019. — С. 63—66.
 2. Олейник, Е. П. Международно-правовые основы борьбы с терроризмом. Роль в борьбе с терроризмом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации / Е. П. Олейник, С. А. Олейник, Д. И. Самодуров // Государственная служба и кадры. — 2017. — № 1. — С. 97—100.
 3. Хомяков, И. Д. Охрана общественного порядка как средство противодействия проявлениям терроризма / И. Д. Хомяков // Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: история, современное состояние, перспективы : Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под общ. ред. С. А. Куценко. — Новосибирск, 2017. — Ч. 1. — С. 213—217.
 4. Чернявский, А. Г. Дефиниция «Международный терроризм» в международном праве / А. Г. Чернявский, С. А. Олейник // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 4 (44) — С. 322—327.
-

**Organizational and legal maxims about the role of Rosgardi
in the fight against international terrorism**

© Oleynik E. P.

Adjunct of the Department of Constitutional (State)
and International Law of the Military University of
the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article attempts to understand the issues of organizational and legal nature of the use of the national guard of the Russian Federation in the fight against international terrorism.

Keywords: terrorism, counteraction, struggle, international law, national guard troops.

Информационно-психологическое воздействие и противоборство в сети Интернет: нормативно-правовые аспекты

© Цыганков С. В.,

преподаватель кафедры военного регионоведения, адъюнкт кафедры психологии Военного университета

© Макаренков А. А.,

адъюнкт кафедры психологии Военного университета

Аннотация. В статье анализируется современное состояние нормативно-правовой базы Российской Федерации в сфере использования сети Интернет в интересах информационно-психологического воздействия и информационного противоборства. Проводится обзор действующего законодательства, выделяются актуальные тенденции и проблемные вопросы рассматриваемой области. На основании проведенного анализа делается вывод об особенностях современного этапа и перспективах развития системы правового регулирования глобальной информационной сети, как пространства ведения информационного противоборства для оказания эффективного информационно-психологического воздействия на различные объекты.

Ключевые слова: информационное противоборство; информационно-психологическое воздействие; пропаганда; интернет-коммуникация; информационное пространство.

Появление глобальной информационной сети Интернет в 90-е гг. XX в. привело к глубокой трансформации коммуникационных процессов во всех сферах жизни общества. Составной частью этой трансформации стало изменение способов ведения вооруженных конфликтов. Возросшие возможности компьютерных и сетевых технологий позволили создавать и оперативно распространять значительные массивы материалов информационно-психологического воздействия (ИПВ), нацеленных на потребностно-мотивационную сферу, убеждения, ценности и установки населения и личного состава как своих вооруженных сил, так и вероятного противника. В том числе, благодаря совокупности технологий «больших данных», выросла избирательность средств информационно-психологического поражения, их способность производить целенаправленное воздействие на аудиторию определенного пола, возраста, религиозных и политических убеждений. «Большие данные» (BigData) — это набор технологий, которые направлены на работу с очень большими массивами данных в разных разрезах¹.

В значительной степени победа в современной войне зависит от более эффективных действий в сфере информационного противоборства, посредством ИПВ (особенно в сети Интернет), предполагающих негативное воздей-

¹ К.ф.-м.н., преподаватель НИУ ВШЭ С. Протасов: Что такое BigData? [Электронный ресурс] URL: <https://postnauka.ru/faq/46974> (дата обращения 01.04.2020 г.)

ствие на психику военнослужащих армии противника при одновременной защите своих военнослужащих от негативного ИПВ¹.

Тенденция к «смещению военных опасностей и военных угроз в информационное пространство» не могла не найти своего отражения в нормативных правовых актах Российской Федерации. В частности, основополагающий документ в сфере обороны и военного строительства в нашей стране — Военная доктрина Российской Федерации — называет применение инфокоммуникационных технологий в военных и политических целях одной из основных угроз безопасности стран. Стоит отметить, что подобная формулировка впервые появилась в новой редакции Военной доктрины, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № 2976.

Такое внимание к проблематике ИПВ посредством новейших сетевых технологий со стороны военно-политического руководства обусловлено тем, что Интернет все чаще становится инструментом в руках различных агентов влияния, продвигающих информационную повестку радикальных террористических группировок (в том числе запрещенных в России «Исламского государства», «Джебхат ан-Нусры», «Аль-Каиды» и др.), протестных общественных движений (таких как «Желтые жилеты», «Захвати» — англ. “Occupymovement” и др.) и специальных подразделений вооруженных сил иностранных государств (Кибернетическое командование Вооруженных Сил США — англ. “US CYBERCOM”), и используется в целях пропаганды деструктивных идеологий и вербовки новых сторонников. Так, по данным Федерального агентства по делам национальностей Российской Федерации, около 80 % россиян, уехавших в страны Ближнего Востока воевать на стороне радикальных исламистов, сделали это под воздействием информации, размещенной на деструктивных интернет-ресурсах². Обобщение и учет опыта информационного противодействия данным организациям представляется перспективным в плане совершенствования законодательной базы Российской Федерации и повышения уровня обороноспособности страны перед лицом различного рода интернет-угроз. В частности, этой проблематике посвящаются встречи делегаций Генеральной прокуратуры России и других стран, обсуждаются меры противодействия проявлениям экстремизма и терроризма, в том числе в информационно-коммуникационных сетях³.

¹ Шушков Г. М., Сергеев И. В. Концептуальные основы информационной безопасности Российской Федерации // Актуальные вопросы научной и научно-педагогической деятельности молодых ученых : сборник научных трудов III Всероссийской заочной научно-практической конференции. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 5.

² Руководитель ФАДН И. В. Баринов: Около 80 % ушедших в ИГ россиян сделали это под воздействием интернет-пропаганды [Электронный ресурс] // Международное информационное агентство RT. URL: <https://russian.rt.com/article/155135> (дата обращения 15.03.2020 г.).

³ Макаренков А. А. Правовые проблемы информационно-психологического воздействия на военнослужащих // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 127—131.

Проведенный анализ научной и специализированной литературы показал, что в настоящее время нормативно-правовая база использования сети Интернет в интересах информационного противоборства находится на стадии формирования. Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы поднимали в своих трудах такие российские ученые и эксперты в области военного права, как В. М. Корякин, О. В. Дамаскин, Е. Н. Холопова и др.¹

Впервые термины «противоборство в информационной сфере» и «информационная война» появились в российском законодательстве с принятием второй редакции Концепции национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24. В документе упоминалась исследование рядом государств феномена информационных войн, направленных против информационной сферы различных стран мира, второй аспект — противоборство в инфосфере для обеспечения суверенитета и информационной безопасности.

Одним из важнейших шагов в направлении совершенствования нормативно-правовой базы в рассматриваемой области стало принятие 5 декабря 2016 г. Доктрины информационной безопасности Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646). В данном документе нашли свое отражение те значительные изменения, которые произошли в информационной сфере и развитии коммуникационных технологий с момента публикации предыдущей версии документа в 2000 г. В частности, отмечается, что информационные технологии приобрели всеобъемлющий формат и пронизали все социальные институты современного общества.

В качестве одного из приоритетных направлений в сфере противодействия информационным угрозам в документе определено совершенствование информационной безопасности силовых структур, в которую входят средства информационного противоборства. Отдельно подчеркивается необходимость прогнозирования, своевременного нахождения обозначенных угроз, помощи союзникам Российской Федерации в инфосфере, а также нейтрализация деструктивного информационно-психологического воздействия со стороны внешних военных противников нашей страны.

Исследователями сферы информационно-психологического противоборства отмечается, что требуют решения следующие актуальные проблемы: слабые результаты научных исследований по разработке новейших информационных технологий и недостаток квалифицированных кадров в области информационной безопасности².

В целом необходимо отметить, что актуальность положений, отраженных в действующей редакции Доктрины информационной безопасности, подтверждается ростом геополитической напряженности и обострением информационного противоборства. Если прежняя редакция документа 2000 г. базировалась

¹ Дамаскин О. В., Корякин В. М., Холопова Е. Н. Современные проблемы военного права // Вестник военного права. 2016. № 4. С. 14—21.

² Макаренков А. А. Исторический анализ информационно-психологического воздействия в военном деле // Вестник Российского нового университета. 2018. № 2. С. 62—68.

на предположениях о потенциально возможных информационных атаках со стороны международных террористов, криминальных структур и иностранных разведывательных организаций, то действующая Доктрина учитывает реальные события, произошедшие в данной сфере за прошедшие 16 лет. Так, предупреждение ФСБ России, опубликованное в декабре 2016 г., о планах зарубежных спецслужб использовать хакеров для нарушения работы финансовой системы России согласуется с положениями Доктрины, подчеркивающей задачи государства в области повышения защищенности критически важной информационной инфраструктуры страны. В документ также вошли такие понятия, как «сайт», «Интернет», «информационная безопасность», которые являются базовыми для сферы информационного противоборства.

Еще одним нормативным правовым актом, регулирующим сферу информационного противоборства, является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором сформулированы основополагающие принципы правового регулирования данной сферы, а также дается определение базовых категорий, таких как «информационная сфера», «информационные системы» и т.д.

Стоит отметить, что российское законодательство не только отражает актуальные тенденции, наблюдающиеся в рассматриваемой области, но и экстраполирует их в будущее, давая свой прогноз развитию системы международных отношений в свете «усиления глобального информационного противоборства». Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, отмечается, что в ближайшей перспективе сохранят свою актуальность такие проблемы, как: использование отдельными государствами телекоммуникационных технологий для реализации целей в геополитике с помощью управления общественным сознанием и искажения исторических фактов, распространение и пропаганда идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма с использованием информационных и коммуникационных технологий и др. При этом, согласно документу, создание эффективной системы противодействия данным угрозам возлагается как на органы власти федерального и регионального уровня, так и на межгосударственные союзы и международные организации, такие как ОДКБ и ООН.

Вместе с тем, несмотря на активную разработку большинством ведущих стран мира, таких как Россия, США и Китай, нормативно-правовых актов в области информационной безопасности и использования информационных ресурсов, развитие международной правовой базы в рассматриваемой сфере заметно отстает от национальной. В последние годы были предприняты отдельные попытки нормативного регулирования сферы межгосударственных отношений в информационном пространстве, однако они носили бессистемный характер. Так, Резолюция ООН от 20 декабря 2000 г. № 55/28 поднимала вопросы использования «достижений в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». В частности, в документе выражалась озабоченность в связи с тем, что телекоммуникационные технологии могут

нарушать международную стабильность. Для решения данной проблемы Резолюция предусматривает, что различные страны будут совместно бороться с угрозами в информационной сфере. Однако никаких действенных мер в этом направлении за прошедшие время принято не было, а поднятые в документе проблемные вопросы остаются актуальными по сей день. Практически неотрегулированными остаются такие области, как использование искусственного интеллекта и концепции «интернета вещей» в военной сфере¹.

Таким образом, в настоящее время нормативно-правовая база использования сети Интернет в интересах ИПВ и противоборства переживает этап становления. За прошедшие 20 лет в Российской Федерации был принят ряд законов, в которых нашли свое отражение актуальные тенденции и проблемные вопросы информационно-психологического воздействия через Интернет. Аналогичные нормативные акты были приняты и в других развитых странах мира, таких как США и Китай.

Перспективы исследования и нормативно-правового регулирования ИПВ взаимосвязаны с актуальными вопросами информационно-психологической борьбы, информационно-психологической безопасности военнослужащих и гражданского населения. В феномене ИПВ слиты воедино различные прикладные запросы различных социальных институтов. Системный подход и технологизация работы в сфере информационно-психологической борьбы позволит нашему государству успешно решать внутренние противоречия и быть конкурентным на внешнеполитической арене².

Остро стоит проблема разработки международного законодательства в рассматриваемой области. Накопленный Генеральной прокуратурой Российской Федерацией опыт в данной проблематике позволяет успешно инициировать взаимодействия с делегациями других стран. Представляется, что такой подход будет способствовать принятию соответствующих решений и резолюций.

Библиография

1. Анцупов, А. Я. Информационно-психологическое воздействие: понятийная схема описания / А. Я. Анцупов, А. А. Макаренков // Военный академический журнал. — 2019. — № 4(24). — С. 102—109.
2. Дамаскин, О. В. Современные проблемы военного права // О. В. Дамаскин, В. М. Корякин, Е. Н. Холопова // Вестник военного права. — 2016. — № 4. — С. 14—21.
3. Макаренков, А. А. Правовые проблемы информационно-психологического воздействия на военнослужащих // Военное право. — 2020. — № 1 (59). — С. 127—131.
4. Макаренков, А. А. Исторический анализ информационно-психологического воздействия в военном деле / А. А. Макаренков // Вестник Российского нового университета. — 2018. — № 2. — С. 62—68.
5. Петров, И. В. Некоторые вопросы правового регулирования технологий

¹ Петров И. В., Макаров Е. В.. Некоторые вопросы правового регулирования технологий «искусственного интеллекта» и «интернета вещей» в области обеспечении безопасности // Военное право. 2020. № 2 (60). С. 9—15.

² Анцупов А. Я., Макаренков А. А. Информационно-психологическое воздействие: понятийная схема описания // Военный академический журнал. 2019. № 4(24). С. 102—109.

«искусственного интеллекта» и «интернета вещей» в области обеспечения безопасности / И. В. Петров, Е. В. Макаров // Военное право. — 2020. — № 2 (60). — С. 9—15.

6. Шушков, Г. М. Концептуальные основы информационной безопасности Российской Федерации / Г. М. Шушков, И. В. Сергеев // Актуальные вопросы научной и научно-педагогической деятельности молодых ученых : сборник научных трудов III Всероссийской заочной научно-практической конференции. — М.: ИИУ МГОУ, 2016.

Informational and psychological impact and confrontation on the Internet: legal and regulatory aspects

© **Tsygankov S. V.**

lecturer of military regional studies department Post-graduate officer of psychology department of Military University

© **Makarenkov A.A.**

adjunct of the Department of psychology of the Military University

Annotation. The article analyzes the current state of the legal framework of the Russian Federation in the use of the Internet in the interests of information and psychological impact and information warfare. The current legislation is reviewed, current trends and problematic issues in the field are highlighted. Based on the analysis, it is concluded about the features of the current stage and prospects for the development of the system of legal regulation of the global information network, as a space for conducting information warfare to provide effective information and psychological impact on various objects.

Keywords: information warfare; informational and psychological impact; propaganda; Internet communication; information space.

Административное право

Компетенция таможенных органов по осуществлению производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных главой 15 КоАП РФ, в части исполнения административных наказаний

© Гладышева К. А.

Красноярская таможня, г. Красноярск

Аннотация. Предметом исследования являются особенности компетенции таможенных органов по осуществлению производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных главой 15 КоАП РФ, в части исполнения административных наказаний. Целью исследования является изучение и анализ аспектов практики исполнения таможенными органами административных наказаний по делам об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена главой 15 КоАП РФ. Методологическую основу исследования составляет общенаучный метод — диалектический, метод сравнительного анализа; аналитико-прогностический метод; статистический метод, метод экспертной оценки. По результатам проведенного исследования выявлен и подтвержден факт ухода участников внешнеэкономической деятельности от административной ответственности.

Ключевые слова: таможенные органы, административная ответственность, наказание, исполнение наказаний, постановления по делам об административных правонарушениях, участники внешнеэкономической деятельности, административные правонарушения.

Термин «компетенция органа исполнительной власти» в той или иной отрасли деятельности и ее юридическое признание имеет важное научно-практическое значение, поскольку отсутствие четкого регулирования прав и обязанностей органов в целом, а также сотрудников приводит к нарушению законодательства, нарушению лидерства, обезличиванию и снижению ответственности за принятие тех или иных решений. В соответствии с законодательством указанные органы имеют властные полномочия, самостоятельное право творчество и правоприменение¹. Органы исполнительной власти осуществляют свою деятельность независимо только в определенных пределах.

Под компетенцией в целом целесообразно понимать совокупность взаимосвязанных базовых характеризующих признаков, включающих в себя систему нормативных правовых актов и последующее их применение в качественно-продуктивной деятельности².

Одним из органов исполнительной власти признаются таможенные органы.

¹ Аникеев Ю. Б., Бозров В. М., Новоселова В. М. Административно-деликтное право: учеб. пос. М.: Юрлитинформ, 2016.

² Рассохина А. А., Проданова А. А. Некоторые проблемы исполнительного производства в Российской Федерации // Молодой ученый. 2016. № 21. С. 656.

Компетенция таможенных органов как органа исполнительной власти характеризуется как элемент правового статуса, определяющий место и цель деятельности таможенных органов в общей системе государственных органов, инкорпорирующий в себя систему властных функций и задач, возложенных государством на таможенные органы в их неразрывной связи друг с другом.

Правительство Российской Федерации наделяет таможенные органы определенными полномочиями для выполнения функций и решения задач, которые включены в основу их деятельности. Деятельность таможенных органов складывается из совокупности их прав по отношению к управляемым объектам и обязанностей перед государством, которые реализуются через конкретные отношения и пространственные ограничения. Таможенные органы не вправе отказаться от выполнения наделенных полномочий и выйти за их пределы.

Одним из видов административно-юрисдикционной деятельности является производство по делам об административных правонарушениях (далее — дела об АП).

Цели производства по делам об АП состоят во всестороннем, полном, своевременном и объективном выяснении обстоятельств дела, разрешении его в соответствии с законодательством и обеспечении исполнения вынесенного постановления.

Нормативным правовым актом, регулирующим действия должностных лиц, осуществлявших производство по делам об административных правонарушениях, является КоАП РФ.

Согласно КоАП РФ производство по делу об АП следует разделить на следующие стадии: возбуждение дела об АП, административное расследование, рассмотрение дела об АП, исполнение постановлений по делам об АП.

Первоначальной стадией производства по делам об АП является возбуждение дела об АП. Это самостоятельная стадия, направленная на сбор и получение информации, указывающей на наличие события административного правонарушения; установление факта нарушения административно-правовой нормы, а также включающая процессуальную деятельность по оформлению и регистрации совершенного правонарушения и определение подведомственности.

Вторая стадия — это стадия ведения административного расследования по делу об АП.

Стадия административного расследования включает в себя ряд процессуальных действий: собирание и фиксирование доказательств, установление фактов, влияющих на приостановление или прекращение производства по делу, в частности установление факта дееспособности данного лица, решение вопроса о том, не пропущен ли установленный законом срок давности для возбуждения некоторых видов дел, и т.д.

Третьей стадией следует считать стадию рассмотрения дела об АП — одна из решающих стадий административного производства. Рассмотрение дела об АП является самостоятельной стадией производства по делу об АП, которая представляет собой круг процессуальных действий, направленных на

проверку материалов дела, юридическую оценку фактических данных по делу и принятие объективного мотивированного решения. Эту стадию можно разделить на несколько частей: подготовка к рассмотрению дела, рассмотрение по существу, вынесение и оглашение постановления по делу об АП.

В соответствии с требованиями законности орган, разрешающий дело, обязан обеспечить объективное его рассмотрение и правильное разрешение по существу, а также активное участие в нем всех заинтересованных лиц.

В соответствии со ст. 29.9 КоАП РФ по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении может быть вынесено постановление: 1) о назначении административного наказания в виде предупреждения либо административного штрафа; 2) о прекращении производства по делу об административном правонарушении.

И четвертая стадия — это стадия исполнения постановлений по делам об АП. Постановление по делу об АП подлежит исполнению с момента его вступления в законную силу и обязательно для исполнения всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, гражданами и юридическими лицами. Суть стадии исполнения заключается в взыскании с привлеченного участника внешнеэкономической деятельности к административной ответственности административного штрафа согласно постановлению о назначении административного наказания по делу об административном правонарушении.

Административные правонарушения, предусмотренные гл. 15 КоАП РФ, представляют собой противоправные виновные деяния, посягающие в том числе на общественные отношения в области: финансов, банковских и бюджетных отношений (ст. 15.1, 15.2, 15.10, 15.12—15.16, 15.25—15.27 КоАП РФ). На сегодняшний день таможенные органы наиболее часто привлекают участников внешнеэкономической деятельности к административной ответственности в том числе за нарушения валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования, ответственность за которое предусмотрена ст. 15.25 КоАП РФ. До 2 февраля 2016 г. данная категория дел об АП подпадала под подведомственность Федеральной службы финансово-бюджетного надзора.

Указом Президента Российской Федерации Федеральная служба финансово-бюджетного надзора упразднена¹. Такое решение принято в целях совершенствования государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере, оптимизации структуры федеральных органов исполнительной власти. При этом функции упраздненного ведомства переданы другим федеральным органам власти. Функции Росфиннадзора как органа валютного контроля переданы ФТС России и ФНС России. Указанные ведомства стали правопреемниками упраздненной службы, в том числе по обязательствам, возникшим в результате исполнения судебных решений.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 февраля 2016 г. № 41 «О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере».

Как показывает сложившаяся практика, применительно к ст. 15.25 КоАП РФ наиболее распространенным видом административного наказания, применимым к юридическим лицам, является административный штраф. Проведенный анализ на предмет привлечения таможенными органами юридических лиц к административной ответственности по ст. 15.25 КоАП РФ показал, что ряд юридических лиц, имеющих задолженность по уплате административных штрафов, умышленно уходят от административной ответственности, так как в основном суммы назначенных штрафов превышают миллионы рублей.

Привлеченные к административной ответственности участники внешнеэкономической деятельности разрабатывают определенные «схемы», в основу которых входит: отсутствие участников внешнеэкономической деятельности по юридическим адресам, отсутствие имущества, денежных средств, на которые возможно обратить взыскание¹. Кроме того, как показывает практика, зачастую организации, привлеченные к административной ответственности и являющиеся должниками, на момент взыскания уже не существуют в действительности.

Существующая в настоящий период времени практика исполнения постановлений по делам об АП подтверждает, что около трети всех постановлений о назначении административных наказаний не исполняются, что в свою очередь сказывается на отношении участников внешнеэкономической деятельности к таможенным органам в целом. Отсутствие реального действующего механизма, позволяющего на все 100 % взыскивать с участников внешнеэкономической деятельности административные штрафы, подрывает авторитет таможенных органов.

Для увеличения уровня взыскания административных штрафов по постановлениям о назначении административных наказаний предлагаю следующее:

1. Исключать из ЕГРЮЛ юридических лиц, которые по истечении 12 месяцев за отчетный период не представили документацию, регламентированную законодательством России о сборах и налогах в виде установленной отчетности, а также не проводили операции по своим банковским счетам. В свою очередь, данные действия увеличат шансы по списанию с юридических лиц, которые признаны должниками, задолженности;

2. В рамках единого взаимодействия с органами судебной власти и налоговой службой осуществлять ликвидацию юридического лица, у которого на балансе отсутствуют денежные средства, какое-либо имущество;

3. Территориальным подразделениям ФНС России, ФССП России, Росалкогольрегулирования, Росспиртпрома, Росимущества, МВД России, Росприроднадзора, Минкультуры России, Гохрана России, ФСБ России вменить в должностные обязанности в части, касающейся незамедлительного уведомления органов судебной власти о несоблюдении юридическими лицами предпи-

¹ Гладышева К. А., Полухин И. В. Уклонение юридических лиц от исполнения административных наказаний в области таможенного дела // Логистические системы в глобальной экономике : материалы VII Межд. науч.-практ. конф. (14—15 марта 2017 г., Красноярск) : электрон. сб. / Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. Красноярск, 2017. С. 103.

санных действующим законодательством правил в части, касающейся несоответствия почтового, юридического, фактического адреса с последующим непредставлением в налоговую службу, которая осуществляла государственную регистрацию, а также местонахождение которых не установлено, на предмет рассмотрения вопроса о ликвидации данного юридического лица;

4. В рамках единого механизма взаимодействия с территориальными подразделениями ФНС России, таможенными органами, ФССП России, МВД России, ФСБ России обеспечить оперативный обмен информации в части, касающейся незамедлительного объявления в розыск лиц, которые согласно уставным, учредительным документам относятся к руководящим должностям. В том числе передавать сведения для постановки на контроль в части, касающейся приобретения ж/д, авиабилетов, сообщать всем постам ГИБДД реквизиты транспортного средства на факты препятствия дальнейшего передвижения и задержания лиц, управляющих данным транспортным средством, для выяснения всех обстоятельств. В случае выявления/обнаружения разыскиваемых лиц незамедлительно сообщать инициаторам соответствующего органа.

5. Разработать единую информационную базу для заинтересованных органов государственной власти, в которой будет собираться и контролироваться вся статистика о лицах, которые занимают либо занимали руководящие должности в юридических лицах, ведущих направление валютных операций. Данная база должна содержать на таких лиц паспортные данные, адреса регистрации/фактического проживания, телефоны, наличие в собственности движимого и недвижимого имущества, наличие детей и супружеских взаимоотношений, а также полные сведения на юридическое лицо, в том числе сведения об уставных и учредительных документах, где, какую должность занимало данное лицо. Посредством ведения базы будет действовать система надзора, которая в последующем предотвратит уклонение юридических лиц от административной ответственности, а также обеспечит контроль за осуществляемой деятельностью участников внешнеэкономической деятельности. Единая информационная база позволит обмениваться сведениями между государственными органами, в том числе с применением межведомственного электронного взаимодействия. Такое взаимодействие будет осуществляться в режиме реального времени, при этом будут учитываться принципы достоверности и доступности информации об итогах контроля, в том числе необходимых для осуществления как налогового, так и таможенного контроля. В основу данного взаимодействия будут положены инструменты и механизмы для реализации единого контроля.

Библиография

1. Аникеенко, Ю. Б. Административно–деликтное право : учебное пособие / Ю. Б. Аникеенко, В. М. Бозров, В. М. Новоселова. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 213 с.
2. Гладышева К. А. Уклонение юридических лиц от исполнения административных наказаний в области таможенного дела / К. А. Гладышева, И. В. Полухин // Логистические системы в глобальной экономике : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (14—15 марта 2017 г., Красноярск): электрон. сб. / Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. — Красноярск, 2017.

3. Рассохина, А. А. Некоторые проблемы исполнительного производства в Российской Федерации / А. А. Рассохина, А. А. Проданова // Молодой ученый. — 2016. — № 21.

The competence of the customs authorities for the implementation of administrative offenses provided for in Chapter 15 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, regarding administrative penalties

© Gladysheva K. A.,
Krasnoyarsk customs, Krasnoyarsk

The authors present. The subject of the study is the specifics of the competence of the customs authorities in the implementation of administrative offenses cases provided for in Chapter 15 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation with regard to the execution of administrative penalties. The purpose of the study is the need to study and analyze aspects of the practice of execution by the customs authorities of administrative penalties in cases of administrative offenses, the responsibility for which is provided for in Chapter 15 of the Administrative Code of the Russian Federation. The methodological basis of the study is the general scientific method - the dialectic method, the method of comparative analysis; analytical and prognostic method; statistical method, expert assessment method. According to the results of the study revealed and confirmed the fact of withdrawal of participants of foreign economic activity from administrative responsibility.

Keywords: customs authorities, administrative responsibility, punishment, execution of sentences, decisions on cases of administrative offenses, participants in foreign economic activity, administrative offenses.

Перспективы применения гладкоствольного огнестрельного оружия в решении служебных задач по охране общественного порядка

© Цуканов А. С.,

начальник сектора отдела вооружения и боеприпасов центра вооружения и индивидуальной бронезащиты Научно-исследовательского института специальной техники ФКУ «Научно-производственное объединение «Специальная техника и связь» МВД России.

Аннотация. Рассматриваются перспективы применения в служебной деятельности сотрудников МВД России огнестрельного длинноствольного гладкоствольного оружия. Проведен анализ типовых ситуаций, наиболее часто возникающих при несении службы сотрудниками органов внутренних дел по охране общественного порядка, где гладкоствольное оружие является наиболее эффективным средством решения служебных задач. Рассмотрены возможности и последствия применения данного вида огнестрельного оружия в качестве нелетального спецсредства.

Ключевые слова: вооружение; гладкоствольное нелетальные боеприпасы; огнестрельное оружие; огневой контакт; охрана общественного порядка; патроны травматического действия; правоохранительные органы; сотрудники; служебные задачи.

Концептуальные тактико-технические идеи Михаила Тимофеевича Калашникова, воплощенные им в сконструированном (в 1947 г.) и принятом на вооружение СССР (в 1949 г.) автомате Калашникова (АК), а также в последующих его модификациях, задали высокую планку в сфере разработки ручного огнестрельного оружия на мировом уровне, внедренные технические решения остаются актуальными в разработке перспективных современных образцов и по настоящее время.

Проведенный анализ используемого правоохранительными органами России и зарубежных стран ручного огнестрельного оружия для решения служебных задач в сфере охраны общественного порядка позволил сделать вывод, что российскими силовыми структурами, за исключением специальных подразделений, практически не применяется гладкоствольное оружие. В то же время, как показывает мировая практика, оно эффективно используется и положительно себя зарекомендовало в решении задач по охране общественного порядка у зарубежных коллег.

Гладкоствольное огнестрельное оружие наиболее перспективно для внедрения в качестве вооружения сотрудников правоохранительных органов, несущих службу по охране общественного порядка, благодаря возможности использования в нем различных типов боеприпасов.

Рассмотрим, не углубляясь в проблемы укомплектованности подразделений правоохранительных органов, осуществляющих охрану общественного порядка, состав и вооружение заступающих на службу автоэкипажей или групп немедленного реагирования. В абсолютном большинстве, полицейский-

водитель вооружен пистолетом Макарова (ПМ), старший экипажа или офицер группы немедленного реагирования — ПМ и автомат Калашникова складной укороченный (АКС-74У), полицейский — ПМ и АКС-74У. Участковые и оперуполномоченные при заступлении на службу в оружейной комнате при дежурной части отдела внутренних дел по карточке-заместителю получают табельный ПМ, при возникновении служебной необходимости могут получать АКС-74У.

Предлагаем рассмотреть возможность замены одному из сотрудников группы немедленного реагирования или автоэкипажа АКС-74У на гладкоствольное многозарядное огнестрельное оружие, а также предоставить возможность выбора в зависимости от планируемых служебных задач участковым уполномоченным и оперуполномоченным в получении АКС-74У либо стоящего на вооружении и имеющегося в подразделении образца гладкоствольного оружия.

В качестве наиболее перспективных моделей гладкоствольного оружия для решения задач по обеспечению общественного порядка, по нашему мнению, на данный момент являются образцы длинноствольного огнестрельного оружия, созданные по схеме АК (см. рис.).

Рис. Гладкоствольный карабин «Вепрь 12 калибра»

Основным преимуществом данных моделей, помимо надежной, отработанной десятилетиями системы, являются возможность быстрой замены различных типов боеприпаса на необходимый в зависимости от внезапно возникающей служебной необходимости, а также значительный боекомплект к оружию, позволяющий сотруднику в установленных законом случаях эффективно вести огневой контакт на подавление возникшей угрозы.

Рассматриваемые образцы полуавтоматического длинноствольного огнестрельного гладкоствольного оружия при их использовании сотрудниками правоохранительных органов в служебной деятельности по охране общественного порядка могут составить серьезную альтернативу состоящим на вооружении образцам нарезного длинноствольного автоматического оружия, благодаря возможности применения в них нелетальных боеприпасов травматического действия. В настоящее время, к сожалению, данные виды боеприпаса не обеспечивают надежной работы автоматики гладкоствольных длинноствольных образцов оружия, что не позволяет в полной мере реализовать весь заложенный в

них потенциал. Считаем, что решение описанных технических проблем позволит занять полуавтоматическому гладкоствольному оружию достойное место в арсенале вооружения сотрудников правоохранительных органов, несущих службу по охране общественного порядка¹.

Приведем наиболее вероятные примеры, доказывающие служебную необходимость использования полуавтоматического длинноствольного гладкоствольного оружия и патронов травматического действия к нему:

— совершена кража с объекта (магазин, квартира, склад и т.д.). Наряд полиции преследует бегущего подозреваемого в совершении преступления, но сократить расстояние с ним для задержания не удастся. Применение огнестрельного оружия с летальным боеприпасом в данной ситуации не будет приемлемым и правомерным, так как не является соизмеримым совершенному преступному деянию, в то же время применение патронов травматического действия, по сути, являющихся спецсредствами, будет адекватным и позволит эффективно решить возникшую служебную задачу;

— проверка участковым уполномоченным проблемных адресов с лицами, представляющими оперативный интерес, либо отработка информации о бытовых ссорах. В отработываемом адресе возникает конфликтная ситуация, где правонарушитель не использует предметов, угрожающих жизни и здоровью сотрудника (например, нож, топор, иной предмет, используемый в качестве оружия), но явно намеревается применить в отношении него физическую силу, при этом он соответствует или имеет более высокий уровень физической подготовки. Применение сотрудником спецсредств (газовый баллончик, палка резиновая) в возникшей ситуации может быть затруднительно или неэффективно. В свою очередь, применение огнестрельного оружия с летальным боеприпасом в данной ситуации будет весьма спорным с правовой точки зрения, в то же время применение патрона травматического действия, по сути, спецсредства, эффективно решает подобную проблему.

С учетом всего вышеизложенного, мы считаем перспективными работы, направленные на постановку полуавтоматического гладкоствольного огнестрельного оружия на вооружение сотрудников МВД России, а также на совершенствование тактико-технических характеристик длинноствольного гладкоствольного полуавтоматического оружия, и патронов к нему, в числе которых особое место должны занимать патроны травматического, но никак не летального действия. Внедрение в служебную деятельность органов внутренних дел России рассмотренного вооружения в количестве, необходимом для обеспечения потребностей подразделений, несущих службу по охране общественного порядка, повысит возможности эффективного решения возникающих пе-

¹ Цуканов А. С. Перспективы для внедрения криминалистического учета гладкоствольного гражданского и служебного оружия // Международный форум «Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы и перспективы». М.: МУ МВД России им. В. Я. Кикотя, 2017. С. 369—374; Суденко В. Е. Криминалистические учеты — важнейшее средство борьбы с преступлениями // Право и государство: теория и практика. 2016. № 6 (138). С. 137—140.

ред ними служебных задач по предупреждению готовящихся и раскрытию и расследованию совершённых преступлений.

Библиография

1. Суденко, В. Е. Криминалистические учеты — важнейшее средство борьбы с преступлениями // Право и государство: теория и практика. — 2016. — № 6 (138). — С. 137—140.
 2. Цуканов, А. С. Перспективы для внедрения криминалистического учета гладкоствольного гражданского и служебного оружия / А. С. Цуканов // Международный форум «Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы и перспективы». — М.: МУ МВД России им. В. Я. Кикотя, 2017. — С. 369—374.
-

Prospects for the use of smoothbore firearms in solving security tasks public law

© Tsukanov A. S.,

Head of the Arms and Ammunition Department of the Arms and Individual Armor Protection Center of the Research Institute of Special Equipment of the Federal State Institution “Special Technique and Communications Research and Production Association” of the Russian Ministry of Internal Affairs.

Annotation. The prospects of the use of long-barreled smooth-bore firearms in the performance of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia are considered. The analysis of typical situations most often occurring during the performance of service by employees of the internal affairs bodies for the protection of public order, where smooth-bore weapons is the most effective means of solving official tasks. The possibilities and consequences of using this type of firearm as a non-lethal special weapon are considered.

Key words: weapons; smoothbore non-lethal ammunition; firearms; fire contact; policing; cartridges of traumatic action; law enforcement agencies; staff; service tasks.

Гражданское право

Некоторые вопросы формирования основ гражданско-правового регулирования применения воздушных беспилотных транспортных средств

© Ананенко А. О.,

аспирант Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития нормативно-правового регулирования в области применения воздушных беспилотных транспортных средств, в том числе зарубежный опыт в данной сфере. Показано, что роботизация входит в число приоритетных направлений развития современных транспортных систем. Беспилотные транспортные средства находят все более широкое применение в военном деле и в оборонном комплексе. Успешное их развитие и применение невозможно без создания непротиворечивой нормативной правовой базы, включая гражданско-правовые средства регулирования отношений в данной сфере.

Ключевые слова: беспилотные транспортные средства, беспилотные летательные аппараты, правовое регулирование, транспортная отрасль.

Для внедрения в практику современных технологий обязательна своевременная правовая регламентация. На сегодняшний день Россия существенно уступает в вопросах гражданско-правового регулирования деятельности операторов, эксплуатирующих беспилотные транспортные средства, своим западным партнерам. Многие сферы рассматриваемых правоотношений частично проработаны на законодательном уровне, большинство же вопросов содержат существенные правовые пробелы. В нормативно-правовой базе фактически не закреплено понятие водителя-оператора беспилотного транспортного средства (БТС) и отсутствуют многие другие регуляторные понятия. Остро стоит вопрос регламентации ответственности в случае наступления транспортных происшествий с участием БТС.

Учитывая многообразие транспортных средств беспилотного типа, действующее правовое регулирование в данной сфере охватывает широкий спектр правоотношений, включая гражданскую авиацию, наземный и водный транспорт, уголовное, гражданское и административное законодательство. Правовой основой служат нормы национального законодательства и имплементированные в него нормы международного права. Журнал «Военное право» неоднократно обращался к этой теме¹.

¹ Бараненков В. В. Правовое регулирование борьбы с беспилотными воздушными средствами // Военное право. 2019. № 6. С. 57—68; Мотасова Д. Д. Гражданско-правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов по российскому и зарубежному законодательству // Военное право. 2018. № 4. С. 74—78; Холиков И. В. Некоторые проблемные вопросы международно-правовой регламентации использования беспилотных морских систем в военных целях // Военное право. 2019. № 6. С. 276—282.

В СМИ обнародована информация о запуске проекта, ориентированного на конструирование беспилотного аппарата, способного функционировать за счет использования солнечной энергии и подниматься на значительную высоту. Основным источником полезных нагрузок стал беспилотный образец «Сова». В качестве максимальной отметки подъема новинки определен показатель в 30 000 м. Благодаря данной особенности сведена к нулю вероятность столкновения с лайнерами гражданской авиации. Уникальному аппарату найдется применение в мирных и военных целях¹.

В различных литературных источниках беспилотные средства характеризуются по-разному. Наряду с простыми и краткими разъяснениями встречаются подробные описания. В последние часто включаются главные особенности рассматриваемого понятия. Применительно к воздушному пространству в качестве беспилотного летательного аппарата принимается такой, на борту которого отсутствует экипаж/человек.

Некоторые авторы при составлении характеристики беспилотного летательного аппарата ограничиваются отсылкой к беспилотному мобильному средству. С этой точки зрения беспилотным летательным аппаратам должны быть присущи следующие признаки:

- возможность многократного использования при отсутствии экипажа;
- наличие двигателей;
- автономный режим функционирования (подразумевается наличие специализированного программного обеспечения либо дистанционного управления посредством выполнения оператором определенных действий);
- использование сил аэродинамики при взлете;
- способность переноса боевой нагрузки летательного/не летательного воздействия, разведывательного оборудования и аппаратуры, осуществляющей мониторинг поверхности воды и суши.

Также существует группа экспертов, настаивающих на несколько иной трактовке рассматриваемого термина. Интерактивным беспилотным автоматизированным летательным аппаратом называется его разновидность, наделенная способностями:

- выполнения полета по установленной траектории;
- ориентирования в пространстве при отсутствии вмешательства со стороны человека.

Вместе с тем при необходимости такой аппарат должен быть готов к реагированию на действия корректирующего характера, выполнение которых является прерогативой оператора в лице человека.

В законодательных актах международного уровня беспилотными летательными аппаратами называются передвигающиеся в воздушной среде суда, способные осуществлять полет при отсутствии на его борту командира. При этом подразумевается соблюдение одного из условий:

¹ Доклады и статьи ежегодной научно-практической конференции «Перспективы развития и применения комплексов с беспилотными летательными аппаратами». Коломна, 2016.

— полное дистанционное управление из другой точки (последняя может располагаться на борту второго летательного аппарата, на поверхности земли, в космосе и т.д.);

— функционирование в рамках конкретной программы в режиме полноценной автономии.

Беспилотными летательными аппаратами принято называть и любые разновидности оборудования, удовлетворяющие требованиям инициирования полета и его бесперебойного контролирования и навигации без наличия пилота и/или другого лица на борту.

В Воздушном кодексе Российской Федерации (ВК РФ) беспилотными воздушными судами названы передвигающиеся по воздуху суда, контролируемые и управляемые внешним пилотом. Последний находится вне пределов борта указанного летательного аппарата. Под это определение не подпадают передвигающиеся по воздуху БТС, которым свойствен смешанный/автономный стиль управления.

В ВК РФ выделено понятие беспилотной авиационной системы. Помимо одного либо нескольких беспилотных воздушных судов в перечень взаимодействующих элементов входят средства, обеспечивающие полет/приземление и отвечающие за контроль/управление.

В Указе Президента Российской Федерации от 17 декабря 2011 г. № 1661 «Об утверждении Списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль» приведены основные признаки беспилотного (воздушного) летательного аппарата. К ним отнесены возможности взлета и контроля полета/аэронавигации при отсутствии на борту человека.

Федеральными правилами использования воздушного пространства Российской Федерации (п. 2), утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138, статус беспилотных летательных аппаратов закреплен за разновидностями, способными осуществлять полет при отсутствии человека/людей на борту (управление в режиме полета может осуществляться автоматически и посредством находящегося в центре управления оператора либо путем комбинирования обоих приведенных вариантов). Этому определению присуща наибольшая информативность ввиду перечисления возможных способов управления. Данный нюанс важен при решении вопросов, имеющих отношение к определению степени уголовной ответственности, предусмотренной для случаев нарушения правил полета беспилотным транспортом.

ГОСТом Р 56122-2014 «Воздушный транспорт. Беспилотные авиационные системы. Общие требования» (утвержден приказом Росстандарта № 1130-ст. от 18 сентября 2014 г.) выделены несколько ключевых понятий:

1. Автономными признаются полеты, осуществляемые дистанционно пилотируемые воздушными судами при отсутствии вмешательства со стороны пилота в процесс управления полетом;

2. Под дистанционным пилотированием подразумевается управление воздушным судном, осуществляемое на расстоянии (отведенное пилоту рабочее место при этом расположено вне пределов борта рассматриваемого аппарата);

3. К автономным воздушным судам отнесены беспилотники, не нуждающиеся во вмешательстве пилота на этапе управления полетом;

4. В качестве беспилотных характеризуются воздушные суда, ориентированные на осуществление полета при отсутствии пилота на борту;

5. В беспилотной авиационной системе помимо воздушного судна предусмотрено наличие взаимодействующих с аппаратом элементов, способных функционировать при отсутствии на борту пилота;

6. Отличительная особенность дистанционно пилотируемой авиационной системы — наличие конфигурируемых элементов. Помимо дистанционно пилотируемого воздушного судна и взаимодействующих с аппаратом одной либо нескольких станций внешнего полета совокупность представлена линиями контроля/управления и иными составляющими, необходимость в использовании которых может возникнуть во время полета;

7. Статус внешнего пилота закреплен за человеком, способным задействовать путем выполнения конкретных действий системы управления воздушного судна, дистанционно пилотируемого на протяжении отведенного на полет времени;

8. Успешное выполнение задач, поставленных перед дистанционно пилотируемым воздушным судном, невозможно без наличия пилота, находящегося за пределами воздушного судна и осуществляющего пилотирование.

Ч. 5 и 6 ст. 32 ВК РФ закреплено понятие беспилотного воздушного судна и беспилотной воздушной системы. При этом отсутствует упоминание об операторах таких летательных аппаратов и системе контроля. На международном уровне данному вопросу посвящена Концепция системы организации воздушного движения № 9854AN/458, утвержденная Генеральным секретарем Международной организации гражданской авиации. Отдельные аспекты по беспилотным летательным аппаратам, в частности в отношении их понятия и контроля экспорта, урегулированы Регламентом ЕС № 428/209.

Самыми распространенными летательными БТС в России считаются беспилотники. За последние несколько лет гражданами было куплено свыше 300 тыс. экземпляров. Этим обусловлена необходимость регистрации и учета таких механизмов. Такая тенденция в сочетании с неопределенностью статуса вызвала ряд проблем. В 2016 г. в ВК РФ внесены дополнения. Так, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 33 ВК РФ обязательной государственной регистрации подлежат беспилотные воздушные судна с взлетной массой свыше 30 кг.

В соответствии с п. 3.2 этой же части каждое беспилотное воздушное судно с максимальной взлетной массой от 250 г до 30 кг подлежит учету в соответствии с утвержденным Правительством Российской Федерации порядком. Это положение относится и к ввезенным, и к произведенным на территории Российской Федерации механизмам. Соответствующий порядок учета беспилотных гражданских воздушных судов определен постановлением

Правительства Российской Федерации от 25 мая 2019 г. № 658. Такой шаг обусловлен, в том числе, обеспечением исполнения ст. 11 Федерального закона от 9 декабря 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности».

В п. 8 указанного Порядка прописана обязанность владельца беспилотного транспортного средства предоставить в специально уполномоченный орган, которым является Федеральное агентство воздушного транспорта, заявление установленного образца и актуальные фотографии беспилотника. Заявление должно содержать:

— информацию о владельце, включая идентифицирующие данные по паспорту и средства связи, если это физическое лицо, полное наименование учреждения, основной регистрационный номер, адрес и ИНН, если владельцем является юридическое лицо;

— сведения об изготовителе БТС;

— технические характеристики летательного аппарата (тип, серийный номер, количество и вид двигателей, максимальную взлетную массу).

Если у владельца имеется несколько БТС одного типа, достаточно одного заявления, если два и более летательных аппарата отличаются по типу, от оператора требуется подача соответствующего числа заявлений.

Важно отметить, что российским законодательством не регламентировано понятие беспилотника со смешанным и полностью автономным управлением. В ст. 32 ВК РФ это не обозначено, следовательно, из российской юрисдикции выпадают два существенных сегмента. Учитывая, что такие летательные аппараты стали активно использоваться в преступных схемах, в частности, для транспортировки и доставки наркотиков, российские правоохранители сталкиваются с проблемой квалификации деяний. Очевидна недоработка УК РФ, поскольку Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» не содержит указание на беспилотники как инструмент и способ совершения таких преступлений. Это один из многочисленных примеров законодательных пробелов.

Важные для юридической практики и дальнейшего усовершенствования законодательства дефиниции содержит ГОСТ Р5612-2014, утвержденный приказом Росстандарта № 1130-14. В частности, речь идет о понятии внешнего пилота. В нормативном документе обозначено, что это лицо, осуществляющее манипуляцию органами управления дистанционно пилотируемого судна на протяжении всего времени полета.

Наиболее информативное определение беспилотного летательного судна с конкретизацией способов управления и относительным обозначением статуса оператора содержится в Федеральных правилах использования воздушного пространства Российской Федерации, утвержденных правительственным постановлением № 138/2010 с последующими дополнениями. Дефиниция включает перечисление способов управления: автоматически, с помощью оператора управления воздушным судном или по смешанному типу. Такая информатив-

ность важна, в том числе, в контексте гражданско-правового регулирования деятельности операторов и установления виновных лиц в случае нарушения правил полета беспилотного средства. При этом остается непонятным, как гражданин должен самостоятельно определить максимальную взлетную массу устройства, если техническая документация на беспилотники в большинстве случаев содержит только информацию о весе. Это неудобно, если беспилотное устройство используется для транспортировки грузов.

По данным инвестиционной компании США J'son & Partners Consulting уже в 2016 г. мировой рынок БПЛА составил порядка \$7,3 млрд, а в 2020 г. он вырастет до \$9,5 млрд. И это далеко не самый оптимистичный прогноз. Например, по оценке аналитиков новостного портала Business Insider, в том же 2020 г. мировой рынок беспилотников достигнет \$12 млрд¹.

Это подчеркивает актуальность вопроса правовой регламентации использования беспилотников во всем мире. На сегодняшний день США достигли существенного прогресса в этом направлении за счет внедрения интеграционной политики применения дронов с октября 2017 г. На сегодняшний день существенно облегчено использование этих механизмов в коммерческих целях. Частные беспилотники весом до 25 кг могут не регистрироваться. Однако в связи с увеличением количества происшествий в Нью-Йорке (как и в Москве в пределах МКАД) действует запрет на полеты БПЛА.

С правоприменительной точки зрения представляется интересным опыт Японии. С июня 2019 г. в этой стране действует запрет на управление беспилотными летательными аппаратами в нетрезвом виде. Также запрещена имитация пикирования и другие опасные для окружения трюки. Кроме того, управление разрешено только в дневное время и только в зоне видимости оператора. Санкции за нарушение нормы — штраф, эквивалентный 200 тыс. руб. или тюремное заключение сроком на 1 год. Правило распространяется на все механизмы весом свыше 0,2 кг².

Стоит выделить еще одну группу вопросов, касающихся развития БТС, это их несанкционированное использование. При разработке стратегии необходимо учитывать следующие аспекты:

1. Потеря контроля над беспилотниками возможна в результате действий хакеров. Подобные ситуации уже встречаются в мировой практике;
2. После потери БТС во время военных учений возникает проблема, кто должен его искать. Минобороны России указывает на производителя, а производитель на — Минобороны.

¹ Дрон в гражданском. Кто разгоняет спрос на беспилотники коммерческого и частного применения. [Электронный ресурс] / <https://plus.rbc.ru/news/5926600f7a8aa9455f15dc15>.

² Япония одобрила законопроект о запрете управления дронами в нетрезвом состоянии. [Электронный ресурс] / <https://www.nippon.com/ru/news/yjj2019061300453/>.

Выполнение полетов БТС как пилотируемых воздушных судов подлежит детальному нормированию как в области отечественного, так и международного права. Основные положения регламентированы следующими нормативными документами:

1. Конвенция о международной гражданской авиации, подписанная в Чикаго 7 декабря 1944 г.;
2. ВК РФ;
3. Федеральные правила использования воздушного пространства Российской Федерации, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138;
4. Имплементационный Регламент Европейской Комиссии № 923/2012 от 26 сентября 2012 г. по установлению общих правил для полетов и условия эксплуатации относительно аэронавигационных услуг и процедур;
5. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза (ЕС) от 4 июля 2018 г. № 1139 «Об общих правилах в области гражданской авиации и создании Агентства по авиационной безопасности Европейского Союза».

Правовые требования, которым подчиняются операторы беспилотных летательных аппаратов, в основном зависят от цели полета.

В 2011 г. ИКАО выпустила циркуляр 328 AN/190 «Беспилотные летательные аппараты», который считается первой попыткой разработки международной нормативной базы для глобального регулирования полетов БТС. Он содержит аспекты, необходимые для разработки в области международных рейсов и передвижений в незарегистрированном воздушном пространстве, то есть там, где пилотируемые и беспилотные летательные аппараты могут эксплуатироваться одновременно.

В 2015 г. было опубликовано «Doc 10019. Руководство по дистанционно пилотируемым авиационным системам (ДПАС)» для предоставления рекомендаций по техническим и оперативным вопросам, применимым к интеграции БТС в десегрегированном воздушном пространстве и в аэропортах. Содержащийся в данном документе материал соответствует принятым нормам для беспилотных летательных аппаратов и касается в основном их полетов по показаниям приборов. Руководство будет обновляться и расширяться вместе с разработкой дополнительных правил.

Проблемы сертификации и стандартизации беспилотных летательных аппаратов недостаточно описаны в научной литературе. Существующие работы в основном посвящены аспектам надежности отдельных компонентов и узлов — двигателей, коммуникаций, аккумуляторов, процессоров, приемников. Существующие стандарты регламентируют некоторые элементы беспилотных летательных аппаратов, но не БТС в целом. Поэтому предстоит большая работа по составлению нормативов, регулирующих полеты беспилотников. За основу можно взять международные нормативы.

ISO является всемирной федерацией национальных органов стандартизации (органов-членов ISO). Работа по подготовке международных стандартов

обычно проводится через технические комитеты ISO. Каждая страна-член интересуется темой, для которой создан Технический комитет. Представители этого государства имеют право быть представленными в этом комитете. В работах также участвуют международные, правительственные и неправительственные организации в сотрудничестве, сотрудничающие с ISO. В их состав входит Международная электротехническая комиссия (МЭК), она координирует все вопросы, связанные со стандартами в области электротехники, а также с ценообразованием.

ISO признала необходимость регулирования сектора БТС в 2014 г., когда был создан комитет ISO / TC 20 / SC 16 «Беспилотные летательные аппараты». Он занимается стандартизацией в области автономных летательных систем, в том числе их классификацией, проектированием, производством, эксплуатацией, обслуживанием, управлением и безопасностью. Комитет разрабатывает 7 стандартов:

1. ISO / CD 21384-1 Unmanned aircraft systems-Part 1: General specification.
2. ISO / CD 21384-2 Unmanned aircraft systems-Part 2: Product systems.
3. ISO / DIS 21384-3 Unmanned Aircraft systems-Part 3: Operational procedures.
4. ISO / CD 21895 Categorization and classification of civil unmanned aircraft systems.
5. ISO / CD TR 23629-1 UAS Traffic Management (UTM) — Part 1: General requirements for UTM – Survey results on UTM.
6. ISO / CD 23629-7 UAS Traffic Management (UTM) — Part 7: UTM data and information transfer at interface of traffic management integration system and UAS service suppliers.
7. ISO / AWI 23665 Unmanned Aircraft systems Training for personnel involved in UAS operations.

В состав комитета входят 17 государств-членов, включая Китай, Францию, Германию, Индию, Японию, Россию, Объединенные Арабские Эмираты, США, Великобританию, и 6 стран-наблюдателей.

В конце ноября 2018 г. ISO выпустила первый в мире проект глобального стандарта для беспилотных систем под названием «Draft International Standard for Unmanned Aircraft Systems Operations» (Проект международного стандарта эксплуатации беспилотных летательных аппаратов). Главная его особенность — акцент на безопасности использования БТС.

Предлагаемые стандарты включают записи о документации по планированию полетов в бесполетных зонах и геофенсинге, регистрации параметров рейсов (так называемые журналы), внедрение системы управления безопасностью, применение стандартов обучения и обслуживания, а также обновления программного обеспечения. Стандарты также ориентированы на решение проблем конфиденциальности и защиты данных, требующих от операторов наличия соответствующих систем для обработки информации и связи. Во многих местах они ссылаются на законы JARUS, ICAO, Европейской Комиссии.

Окончательная версия должна быть опубликована к концу 2019 г. Как и другие стандарты ISO они не будут обязательными.

JARUS (Joint Authorities for Rulemaking on Unmanned Systems) — это международная организация, которая занимается разработкой правил, концепций и технических требований в области беспилотных летательных аппаратов для национальных авиационных административных органов, а также ЕС. Организация состоит из 57 членов. JARUS уже опубликовал 11 документов, включая спецификации, материалы, содержащие рекомендации. Это необязательные разработки, которые могут быть использованы при создании национальных нормативов и регламентов для беспилотных летательных аппаратов. Их цель — предотвращение дублирования усилий и работы по схожим вопросам государствами-членами.

Европейские нормативы могут приниматься одной из трех европейских организаций по стандартизации:

— Европейский комитет по стандартизации (Comité Européen de Normalisation — CEN);

— Европейский комитет по стандартизации электротехники (Comité Européen de Normalisation Electrotechnique — CENELEC);

— Европейский институт телекоммуникационных стандартов (European Telecommunications Standards Institute — ETSI).

Так же, как и стандарты ISO, регламенты европейских организаций не являются обязательными. Однако компании, которые их применяют, подтверждают, что их продукция и услуги соответствуют определенному уровню качества, безопасности и надежности.

CENELEC вместе с ETSI участвуют в разработке согласованных стандартов для небольших дронов до 25 кг, которые относятся к потребительскому классу беспилотных летательных аппаратов, в соответствии с запросами Еврокомиссии. Для улучшения работы создана специальная группа по стандартизации БПЛА, в состав которой входят представители CEN и CENELEC, а также Европейская ассоциация по координации представительства потребителей в области стандартизации — ANEC.

Требования к дизайну для небольших беспилотных летательных аппаратов, выпущенных на рынок Европы, отмечаются маркировкой «CE». Производитель должен присоединиться к европейским стандартам, что предотвратит угрозу жизни и здоровью людей и животных, а также не причинит вред транспортным средствам и зданиям. Поэтому предстоит большая работа по составлению нормативов, регулирующих полеты беспилотников.

При реализации государственной стратегии в области правового обеспечения деятельности БТС, кроме вышеперечисленной нормативной базы можно использовать:

1. Регламент Евросоюза № 428/209, который устанавливает режим проверок при продаже, передвижении и транзите транспортных средств двойного назначения на территории ЕС. В новой редакции к БПЛА относятся

все летательные средства, которые способны выполнять полеты без участия человека на борту;

2. Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 2011 г.

3. Решение Межгосударственного совета ЕврАзЭС от 21 сентября 2004 г. № 190.

4. Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 462-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации в части использования беспилотных воздушных судов».

По этим законам регистрировать необходимо только те БПЛА, которые весят как более 30 килограммов, так и менее. В нормативах также отражен порядок, по которому нужно оформлять в госорганах беспилотные транспортные средства.

Библиография

1. Бараненков, В. В. Правовое регулирование борьбы с беспилотными воздушными средствами / В. В. Бараненков // Военное право. — 2019. — № 6. — С. 57—68.

2. Доклады и статьи ежегодной научно-практической конференции «Перспективы развития и применения комплексов с беспилотными летательными аппаратами». — Коломна, 2016. — 274 с.

3. Мотасова, Д. Д. Гражданско-правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов по российскому и зарубежному законодательству / Д. Д. Мотасова // Военное право. — 2018. — № 4. — С. 74—78.

4. Холиков, И. В. Некоторые проблемные вопросы международно-правовой регламентации использования беспилотных морских систем в военных целях / И. В. Холиков // Военное право. — 2019. — № 6. — С. 276—282.

Some issues of forming the foundations of civil law regulation of the use of air unmanned vehicles

© Ananenko A. O.,

postgraduate student of the Law Institute of the Russian University of transport (MIIT)

Annotation. The article deals with the development of legal regulation in the field of the use of unmanned aerial vehicles, including foreign experience in this field. It is shown that robotization is one of the priority directions for the development of modern transport systems. Unmanned vehicles are becoming more widely used in the military and in the defense industry. Their successful development and application is impossible without creating a consistent regulatory framework, including civil legal means of regulating relations in this area.

Keywords: unmanned vehicles, unmanned aerial vehicles, legal regulation, transport industry.

**О некоторых направлениях совершенствования
законодательства, регулирующего осуществление
Российской Федерацией прав на результаты
интеллектуальной деятельности военного и двойного
назначения**

© Санташов А. Л.,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России, доцент кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

© Киселев А. С.,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В представленной статье авторами исследованы некоторые аспекты совершенствования российского законодательства по диверсификации производства предприятий оборонно-промышленного комплекса, поднимаются вопросы повышения защиты государственной тайны и секретных изобретений в результате предполагаемых реформ, принимается во внимание опыт Китая и США. Делается вывод о том, что диверсификация оборонно-промышленного комплекса может расширить возможности использования результатов интеллектуальной деятельности, права на которые принадлежат Российской Федерации.

Ключевые слова: диверсификация, оборонно-промышленный комплекс, результаты интеллектуальной деятельности, авторское право, право интеллектуальной собственности, секретные изобретения.

В настоящее время реформирование ОПК на основе диверсификации производства, направленное на увеличение доли высокотехнологичной продукции гражданского и двойного назначения в общем объеме оборонной продукции, признаётся одним из приоритетных направлений деятельности Правительства Российской Федерации¹ и постоянно находится в центре внимания Президента Российской Федерации. По оценке В. В. Путина, диверсификация ОПК является одной из ключевых, стратегических национальных задач, от успешного решения которой зависит «уверенное развитие отрасли и всей экономики России и, что крайне важно, обеспечение обороноспособности и безопасности нашей страны в долгосрочной перспективе»². Вместе с тем, по оценке экспертов, решение этой проблемы тормозится из-за несовершенства законодатель-

¹ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (утв. Правительством Российской Федерации 29.09.2018 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307872/ (дата обращения 24.12.2019).

² Президент Владимир Путин: диверсификация оборонно-промышленного комплекса — это одна из ключевых, стратегических национальных задач // URL: https://vpk.name/news/235757_vladimir_putin_http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307872/ (дата обращения 24.12.2019).

ства в сфере интеллектуальной собственности, не обеспечивающего возможность использования в целях диверсификации научного потенциала оборонных предприятий, полученного в рамках государственного оборонного заказа¹. В этих условиях разработка научно-практических рекомендаций по совершенствованию законодательства в данной сфере приобретают особую актуальность, научную и практическую значимость.

Оценивая перспективы выполнения президентского поручения по увеличению к 2025 г. показателей объема выпускаемой структурами ОПК гражданской продукции на уровень не менее 30 %, а в последующем, к 2030 г. — 50 %, спикер Совета Федерации В. И. Матвиенко на заседании по вопросам интеллектуальной собственности 16 декабря 2019 г. высказала озабоченность, что в условиях несовершенства законодательства изобретения военного, специального и двойного назначения практически невозможно использовать в процессе перехода оборонной промышленности «на гражданские рельсы»². По ее справедливому мнению, промедление в вопросе достижения компромисса между Министерством обороны и производителями оборонной продукции по поводу определения критериев распоряжения правами на такие результаты интеллектуальной деятельности, становится непреодолимым препятствием на пути формирования эффективной высокотехнологичной экономики. Валентина Ивановна Матвиенко особо акцентировала внимание на то, что «нуждается в совершенствовании система правовой охраны прав на разработки и изобретения, созданные в рамках гособоронзаказа. В отношении оборонных разработок, возможно, следует применять режим «ноу-хау», закрепленный в Гражданском кодексе. Надо использовать и зарубежный опыт. В Китае, например, закреплено понятие «оборонные патенты»»³.

Практические рекомендации главы Совета Федерации В. И. Матвиенко по вопросам правового обеспечения модернизации ОПК⁴ всегда заслуживают особого внимания, поскольку отличаются оригинальностью, профессионализмом и трезвостью суждений. Думается, что в обозначенном направлении и будет протекать совершенствование правового режима изобретений военного и двойного назначения в процессе диверсификации оборонных предприятий. В связи с этим, в целях определения тенденций и перспектив реформирования ОПК в отмеченном аспекте, научный и практический интерес приобретают ответы на обозначенные проблемные вопросы: скажется ли позитивно на повышении эффективности диверсификации в случае, если в отношении оборонных изобретений будет применен гражданско-правовой режим «ноу-хау»? Чем пра-

¹ Мазур Н., Чеботарев С. Что мешает диверсификации оборонно-промышленного комплекса? // Национальная оборона. 2020. № 3.

² «Медлить больше нельзя»: Матвиенко «атаковала» Минобороны // URL: <https://konkurent.ru/article/25688> (дата обращения 24.12.2019).

³ Там же.

⁴ Матвиенко В. Модернизация ОПК возможна лишь в условиях государственно-частного партнерства // Портал: ВМЕСТЕ-РФ. Телеканал Совета Федерации // URL: <https://vmeste-rf.tv/news/8253/> (дата обращения 23.12.2019).

новой режим китайских «оборонных патентов» отличается от российского режима патентов на секретное изобретение?

Следует отметить, что оборонные патенты используются в юрисдикциях и других государств развитых правовых порядков¹. Вместе с тем, позиция В. И. Матвиенко справедлива в том, что в вопросах совершенствования законодательства, регулирующего права на результаты интеллектуальной деятельности, используемые в производстве товаров гражданского, военного, специального и двойного назначения, китайский правоприменительный и правотворческий опыт представляет наибольший интерес, поскольку основой грандиозных реформаторских успехов в социально-экономическом развитии Китая являются инновации, созданные в результате технологического обмена между военным и гражданским секторами экономики, способствующего их последующей взаимной интеграции.

За последнюю пятилетку «под руководством Коммунистической партии Китая стратегия развития военно-гражданской интеграции» достигла значительных положительных результатов: осуществлены крупные национальные научно-технические проекты, такие как пилотируемые полеты в космос, проекты по исследованию Луны, новое поколение навигационных технологий Beidou; развернуты военно-гражданские исследования на базе технологий двойного назначения в области беспилотных летательных аппаратов, и многое другое. По сведениям Всемирной организации интеллектуальной собственности ООН, в 2015 г. Китай подал 1,01 млн заявок на выдачу патентов и вышел на первое место в мире со значительным отрывом обойдя США (526 тыс.), Японию (454 тыс.) и Южную Корею (238 тыс.)². В связи с этим, именно китайский опыт несомненно привлекателен для России.

В Китае правовой режим «оборонного патента» (национального оборонного патента — national defense patent), под которым понимается «патент на изобретение, затрагивающее интересы обороны страны, потенциально перспективное в области оборонного строительства и требующее защиты его секретности» устанавливается «Положением о порядке патентования оборонной продукции» (далее — Положение)³. Положение разработано в соответствии с законом Китайской Народной Республики «О патентах», принятом 12 марта 1984 г.⁴ в целях защиты патентных прав на оборонное изобретение, обеспечения со-

¹ Федеральный закон США о патентах национальной обороны (National Defense Patents Act. Aug. 21, 1941, Ch. 393, 55 Stat. 657) // URL: https://www.law.cornell.edu/topn/national_defense_patents_act/ (дата обращения 23.12.2019).

² Технологии: Китай рассекретил 3000 военных патентов // URL: <http://www.rosinform.ru/top/814820-tekhnologii-kitay-rassekretil-3000-voennykh-patentov/> (дата обращения 26.12.2019).

³ Положение о порядке патентования оборонной продукции: Распоряжение Госсовета и Центрального военного совета КНР № 418 от 17 сентября 2004 г. (Regulation on National Defense Patent Promulgated by the State Council, the Central Military Commission on 2004-9-17 // URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/cn/cn084en.pdf> (дата обращения 24.12.19).

⁴ Patent Law of the People's Republic of China // URL: <https://chinatrademarkoffice.com/about/laws2.html> (дата обращения 26.12.2019).

хранности государственной тайны, создания благоприятных условий для их внедрения, содействия развитию научно-технического прогресса в сфере обороны, а также для удовлетворения потребностей современного оборонного строительства. Положение состоит из 5 глав, определяющих общие положения, процедуры подачи заявок рассмотрения и передачи прав на оборонный патент, порядок его использования, вопросы контроля и защиты.

В соответствии со ст. 4 Положения заявки на оборонный патент не оформляются на изобретения, затрагивающие интересы обороноспособности Китая, срок защиты прав на который по общему правилу составляет 20 лет в случае, если они имеют гриф секретности «Совершенно секретно». Процедура контроля за деятельностью по оформлению и защите секретной информации, содержащейся в оборонном патенте, до снятия с него грифа секретности, осуществляется в соответствии с законом Китайской Народной Республики от 29 апреля 2010 г. «О защите государственной тайны»¹. Примечательно, что в Китае передача прав собственности на оборонный патент зарубежным организациям и иностранным гражданам, запрещена².

В Российской Федерации особенности правовой охраны и использования секретных изобретений регламентируются Гражданским кодексом, так же, как и в Китае, с учетом соблюдения требований законодательства о государственной тайне. Ст. 1401 ГК РФ устанавливается порядок подачи и рассмотрения заявки на выдачу патента на секретные изобретения, для которых установлена степень секретности «особой важности» или «совершенно секретно», определяются уполномоченные органы, в чью компетенцию входит рассмотрение заявки, в зависимости от их тематической принадлежности. В России к секретным изобретениям относятся также изобретения, относящиеся «к средствам вооружения и военной техники и к методам и средствам в области разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности» (п. 2. ст. 1401 ГК РФ), которые по законодательству Китая могут быть отнесены к «оборонным патентам», и их патентование тщательно регламентируется специальным Положением. Этот китайский опыт, несомненно, заслуживает внимания со стороны ученых и практиков, поскольку у нас специально регламентируются лишь правила проверки наличия в заявках на выдачу патента на изобретение, созданное в России, сведений, составляющих государственную тайну³, а различные варианты законопроектов «О секретных изобретениях» из года в год

¹ Информационно-аналитический портал «Бизнес в Китае». — URL: <https://asia-business.ru/law/law3/secret/> (дата обращения 26.12.2019).

² Положение о порядке патентования оборонной продукции: Распоряжение Госсовета и Центрального военного совета КНР № 418 от 17 сентября 2004 г. (Regulation on National Defense Patent Promulgated by the State Council, the Central Military Commission on 2004-9-17 // URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/cn/cn084en.pdf> (дата обращения 21.12.19).

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2007 г. № 928 «О порядке проведения проверки наличия в заявках на выдачу патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец, созданные в Российской Федерации, сведений, составляющих государственную тайну».

отклоняются¹. Однако, заимствование данного китайского подхода принципиально не решит российской проблемы, поскольку его эффективность будет зависеть не от технического решения легализации «обновленного» инструмента, а от готовности к кардинальному изменению правовой политики.

На наш взгляд, в первую очередь китайское правотворчество может представлять интерес в общем контексте реформ, проходящих сегодня в ОПК в рамках стратегии «развития военно-гражданской интеграции», имеющей много общего с российской политикой на диверсификацию оборонной промышленности. Если с 1985 г. все технологии, которые разрабатывали государственные оборонные предприятия Китая, засекречивались вне зависимости от их назначения, то в 2015 г. власти республики приступили к пересмотру архива оборонных патентов, чтобы выяснить, какие из технологий можно предать огласке, а какие по-прежнему необходимо сохранять в тайне. До недавнего времени оборонные патенты использовались мало, так же, как и в России, из-за несовершенной системы и неэффективного обмена информацией. Чтобы исправить это положение дел, компетентные органы национальной интеллектуальной собственности в области обороны провели обзор уровней классификации разрешенных национальных оборонных патентов, что привело к широкомасштабному рассекречиванию.

Первоначально было рассекречено более 3 000 оборонных патентов, из которых 2 346 опубликованы и размещены в сети интернет для использования в гражданских целях². За последние два года Китай рассекретил уже более 7 000 патентов на военную технику в рамках усилий по стимулированию участия частных партнеров в развитии ОПК³. Ссылаясь на представителей китайского министерства обороны, 8 мая 2019 г. официальное информационное агентство «Синьхуа» сообщило, что процесс рассекречивания «оборонных патентов» будет продолжаться и далее в соответствии со стратегической целью правительства стимулировать конкуренцию в оборонной промышленности.

В нашей стране в соответствии с несовершенным действующим законодательством, исключительные права на полученные РИД, полученные в рамках государственного оборонного заказа, монопольно принадлежат Российской Федерации, что мешает, по мнению экспертов, исполнителю использовать эти результаты (порой не отвечающие требованиям секретности, непосредственно обеспечивающей оборону и безопасность страны) при диверсификации производства предприятий ОПК и собственного инновационного развития. П. 1.1

¹ Амелина А. Дважды отвергнутый закон «О секретных изобретениях». Исторические хроники РАПСИ // Портал Российского агентства правовой и судебной информации РАПСИ URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20170817/279780262.html (дата обращения 26.12.2019).

² Китай рассекретил три тысячи военных патентов // URL:<https://naked-science.ru/article/tech/kitay-rassekretil-tri-tusyachi> (дата обращения 26.12.2019.).

³ Китай обязуется рассекречивать военные патенты // URL: <https://www.janes.com/article/88395/china-commits-to-declassification-of-military-technology-patents> (дата обращения 26.12.2019).

ст. 1546 ГК РФ содержит исключение из общего правила, установленного в п. 1 ст. 1544 ГК РФ, в которых право на технологию, «непосредственно связанную с обеспечением обороны и безопасности», созданную за счет или с привлечением средств федерального бюджета, принадлежит России. Вместе с тем, как отмечается в научной литературе, «непосредственно», то есть исходя из семантического содержания термина — без посредников, могут обеспечивать оборону и безопасность государства только эффективно используемые образцы вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ) «как вещественные объекты, находящиеся в собственности государства, независимо от того, закреплены или нет за государством исключительные права на РИД, реализованные в этих образцах»¹ или инновационные технические решения, открытия, имеющие революционный характер в сфере обороны и безопасности, придающие традиционным образцам ВВСТ качественно новые характеристики (например, порох, атомная бомба). В связи с этим представляется обоснованным внести изменение в законодательство, изложив подп. 1 п. 1 ст. 1546 ГК РФ в новой редакции (изменения выделены курсивом):

«1. Право на технологию, созданную за счет или с привлечением средств федерального бюджета, принадлежит Российской Федерации в случаях, когда:

1) единая технология образца вооружения, военной и специальной техники, непосредственно связанного с обеспечением обороны и безопасности Российской Федерации».

Вместе с тем, в случае, предусмотренном п. 1.1 ст. 1546 ГК РФ, право на технологию принадлежит государству вне зависимости от степени его участия в финансировании создания единой технологии, что практически исключает заинтересованность частных лиц в частно-государственном партнерстве при создании единой технологии². Более того, в результате сложившейся порочной практики, даже в том случае, если патент на изобретение, созданное при выполнении работ по государственному контракту для государственных нужд, принадлежит исполнителю, а не Российской Федерации, чаще всего игнорируется требование нормы ст. 1373 ГК РФ (п. 4), содержащей правило о том, что патентообладатель по требованию государственного заказчика «обязан предоставить указанному им лицу безвозмездную простую (неисключительную) лицензию на использование изобретения»³.

В целях устранения сложившейся порочной практики в настоящее время в п. «д» ст. 4 Правил осуществления государственными заказчиками управления правами Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности гражданского, военного, специального и двойного назначения⁴, в марте 2019 г. внесены дополнения о том, что «в случае принятия государственным заказчиком решения об использовании принадлежащих исполнителю результатов

¹ Мазур Н., Чеботарев С. Указ. соч.

² Комментарий к статье 1546 Гражданского кодекса Российской Федерации // Источник: URL: <http://stgkrf.ru/1546>. (дата обращения 13.01.2020).

³ Мазур Н., Чеботарев С. Указ. соч.

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 22 марта 2012 г. № 233.

интеллектуальной деятельности при выполнении государственного контракта, государственный заказчик обеспечивает включение в государственный контракт условий, обеспечивающих их правомерное использование, в том числе посредством предоставления исполнителем государственному заказчику простой (неисключительной) лицензии с возможностью заключения сублицензионных договоров на весь срок действия исключительного права». Вместе с тем, для гарантированного обеспечения порядка урегулирования правомерного использования не принадлежащих государству РИД при выполнении государственных контрактов в рамках гособоронзаказа в соответствии с действующим гражданским законодательством в области оборота интеллектуальной собственности целесообразно внести дополнение в обязанности головного исполнителя о согласовывании с государственным заказчиком необходимости, порядка и условий использования РИД, исключительные права на которые принадлежат такому головному исполнителю (исполнителю) и (или) третьим лицам. В связи с изложенным подп. «д», п. 4 Правил, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 22 марта 2012 г. № 233 рекомендуется изложить в следующей редакции (см. табл. 1):

Таблица 1

Действующая редакция	Предлагаемая редакция
<p>4. Мероприятия по оформлению прав Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности, используемые и (или) созданные при выполнении государственных контрактов, включают в себя:</p> <p>д) в случае принятия государственным заказчиком решения об использовании принадлежащих исполнителю результатов интеллектуальной деятельности при выполнении государственного контракта, государственный заказчик обеспечивает включение в государственный контракт условий, обеспечивающих их правомерное использование, в том числе посредством предоставления исполнителем государственному заказчику простой (неисключительной) лицензии с возможностью заключения сублицензионных договоров на весь срок действия исключительного права.</p>	<p>4. Мероприятия по оформлению прав Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности, используемые и (или) созданные при выполнении государственных контрактов, включают в себя:</p> <p>д) в случае принятия государственным заказчиком решения об использовании принадлежащих исполнителю результатов интеллектуальной деятельности при выполнении государственного контракта, государственный заказчик обеспечивает включение в государственный контракт условий, обеспечивающих их правомерное использование, в том числе посредством предоставления исполнителем государственному заказчику простой (неисключительной) лицензии с возможностью заключения сублицензионных договоров на весь срок действия исключительного права.</p> <p>При этом, головной исполнитель обязан согласовать с государственным заказчиком необходимость, порядок и условия использования РИД, исключительные права на которые принадлежат головному исполнителю (исполнителю) и (или) третьим лицам.</p>

В этих условиях распространение гражданско-правового режима секрета производства «ноу-хау» в отношении оборонных изобретений, то есть режима коммерческой тайны, вряд ли способно позитивно сказаться на повышении эффективности диверсификации. Представляется, что данная новелла приведет к существенному снижению уровня правовой охраны РИД, используемых в продукции военного (двойного) назначения, так как в настоящее время в соответствии с п. 2 ст. 1465 ГК РФ и прямого запрета, содержащегося в п. 3 ст. 1 Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» в состав ноу-хау невозможно включить секретные разработки, составляющие государственную тайну. Даже если допустить возможность ограниченного оборота информации, составляющей государственную тайну, то в этом случае включение «государственных секретов» в ноу-хау неоправданно, поскольку они не будут охраняться нормами межправительственных соглашений об охране интеллектуальной собственности в сфере ВТС¹.

Представляется, что введение в гражданский оборот секретного военного изобретения возможно лишь в случае его рассекречивания, как это сделано в Китае. Однако, первым шагом новаторской правовой реформы в сфере законодательства об интеллектуальной собственности, обеспечивающей возможность использования в целях диверсификации научного потенциала предприятий ОПК, полученного в рамках государственного оборонного заказа, следует считать не легализацию оборонных патентов, а взвешенное политическое решение, направленное на рассекречивание части военных изобретений с целью передачи их надежным частным партнерам российского ОПК. А технические правовые инструменты, способствующие передаче РИД военного и двойного назначения, в российском правовом поле найдутся.

Вместе с тем, в целях совершенствования российского законодательства в сфере защиты прав Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности военного и двойного назначения может быть предложена легализация нового защитного правового инструмента «оборонного патента», по аналогии с законодательством Китая. В случае принятия взвешенного политического решения о введении в правовое поле «оборонных патентов», как предлагает глава Совета Федерации Валентина Ивановна Матвиенко, то за основу проекта положения целесообразно принять Положение о порядке патентования оборонной продукции, утвержденное распоряжением Госсовета и Центрального военного совета Китайской Народной Республики от 17 сентября 2004 г. № 418, адаптированное к российским реалиям.

В 2018 г. после оглашения Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Спикер Госдумы Вячеслав Викторович Володин подчеркнул необходимость ликвидации законодательных барьеров, мешающих развитию гражданской продукции на предприятиях оборонно-промышленного

¹ Ливадный Е. А. Результаты интеллектуальной деятельности в сфере военно-технического сотрудничества: проблемы правового регулирования имущественных отношений// Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 10. С. 41—50.

комплекса, и заявил о том, что закон о диверсификации предприятий ОПК будет разработан в течение года¹. Однако вместо подготовки соответствующего законопроекта, представляется, что Правительство ограничилось лишь внесением изменений в некоторые нормативные акты², а законодатели — в Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации»³, касающихся специального инвестиционного контракта (далее — СПИК), распространив сферу его действия на оборонную промышленность.

СПИК представляет собой форму государственно-частного партнерства, соглашение государства с инвесторами, целью которого является стимулирование локализации производства на территории России. По этому контракту инвестор обязуется осуществить инвестиции в создание, модернизацию или освоение производства на территории Российской Федерации в обмен на неизменность налоговых условий. Механизм действует с 2015 г.⁴ Однако СПИК, получивший новый импульс в 2019 г., который в СМИ уже называют «СПИК 2.0»⁵, теперь можно заключать только на условиях внедрения в России уникальных технологий и продуктов.

Из положительных моментов экспертами отмечается то, что для производителей, включённых в сводный реестр организаций оборонно-промышленного комплекса, минимальный объём инвестиций в инвестиционный проект снижается с 3 млрд до 750 млн руб.⁶ Вместе с тем, в соответствии со ст. 21 Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» в п. 4 при определении приоритетных направлений формирования и реализации промышленной политики в ОПК в подп. 8 отмечается такое направление, как «развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в части разработки и создания инновационных технологий и производства высокотехнологичной продукции военного, специального и двойного назначения».

Известно, что в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» одним из критериев субъекта малого предпринимательства (малого

¹ Володин: закон о диверсификации предприятий ОПК будет разработан в течение года // URL: tass.ru/ekonomika/5006596 (дата обращения 24.12.19).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2017 г. № 1564 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам, касающимся специального инвестиционного контракта»

³ Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 290-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» в части регулирования специальных инвестиционных контрактов».

⁴ Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».

⁵ Законопроект по механизму нового специинвестконтракта СПИК 2.0 согласован // URL: <https://tass.ru/ekonomika/6215359> (дата обращения 24.12.19).

⁶ Инновации: Госзаказчик теперь может передать права на результаты интеллектуальной деятельности безвозмездно // URL: https://vpk.name/news/208573_innovacii_goszakazchik_teper_mozhet_peredat_prava_na_rid_bez_vozmezdno.html (дата обращения 24.12.19).

предприятия) является максимальная выручка в год в сумме 800 млн руб. То есть для того, чтобы малый предприниматель смог стать инвестором по СПИК, он всю годовую выручку должен вкладывать в инвестиционный проект, что выглядит нереально. В связи с этим для реализации обозначенной промышленной политики в ОПК необходимо снизить минимальный объем инвестиций в инвестиционный проект в хотя бы в половину годовой максимальной выручки субъекта малого бизнеса: с 750 до 400 млн руб. Иначе п. 4.8 ст. 21 Федерального закона «О промышленной политике» будет пустой декларацией. В связи с этим полагаем обоснованным внести в постановление Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2017 г. № 1564 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам, касающимся специального инвестиционного контракта», в подп. «ж» п. 6 Правил заключения специальных инвестиционных контрактов (см. табл. 2).

Таблица 2

Действующая редакция	Предлагаемая редакция
<p>5. Специальный инвестиционный контракт заключается в целях решения задач и (или) достижения целевых показателей и индикаторов государственных программ Российской Федерации в отраслях промышленности, в рамках которых реализуются инвестиционные проекты, в отношении:</p> <p>ж) лицо обязуется инвестировать в реализацию инвестиционного проекта (нового этапа инвестиционного проекта) не менее 750 млн. рублей (без учета налога на добавленную стоимость), если иной минимальный объем инвестиций не предусмотрен нормативными правовыми актами Российской Федерации, на основании которых инвестор и (или) привлекаемые инвестором лица имеют право на применение к ним мер стимулирования, указанных в специальном инвестиционном контракте.</p>	<p>5. Специальный инвестиционный контракт заключается в целях решения задач и (или) достижения целевых показателей и индикаторов государственных программ Российской Федерации в отраслях промышленности, в рамках которых реализуются инвестиционные проекты, в отношении:</p> <p>ж) лицо обязуется инвестировать в реализацию инвестиционного проекта (нового этапа инвестиционного проекта) не менее 400 млн. рублей (без учета налога на добавленную стоимость), если иной минимальный объем инвестиций не предусмотрен нормативными правовыми актами Российской Федерации, на основании которых инвестор и (или) привлекаемые инвестором лица имеют право на применение к ним мер стимулирования, указанных в специальном инвестиционном контракте.</p>

С учетом изменений в законодательстве, Правилами осуществления государственными заказчиками управления правами Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности гражданского, военного, специального и двойного назначения определяется, что права на РИД, при условии, что они являются технологической основой СПИК, могут передаваться по лицензионному договору безвозмездно. Государственные заказчики при распоряжении правами Российской Федерации на РИД могут отчуждать исключительные права, предоставлять право его использования по лицензионному договору, вносить исключительное право в уставный капитал государственной корпорации (передача в качестве имущественного вноса Российской Федерации), уставный фонд федерального государственного унитарного предприятия, а также в

уставный (складочный) капитал хозяйственного товарищества или общества или складочный капитал хозяйственного партнерства, передавать его в залог, принимать решение о досрочном прекращении действия патента на РИД.

Эксперты считают, что новые меры позволят расширить возможности коммерциализации РИД, права на которые принадлежат Российской Федерации, что в целом должно положительно сказаться на решении проблемы диверсификации предприятий ОПК. Остается надеяться, что с учетом приложенных в настоящей статье научно-практических рекомендаций по совершенствованию законодательства, регулирующего осуществление Российской Федерацией прав на РИД военного и двойного назначения, результат будет еще более оптимистичный.

Библиография

1. Ливадный, Е. А. Результаты интеллектуальной деятельности в сфере военно-технического сотрудничества: проблемы правового регулирования имущественных отношений / Е. А. Ливадный // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2012. — № 10. — С. 41—50.

2. Мазур Н. Что мешает диверсификации оборонно-промышленного комплекса? / Н. Мазур, С. Чеботарев // Национальная оборона. 2020. № 3.

About some directions of improvement of the legislation regulating the exercise by the Russian Federation of rights to the results of military and dual-use intellectual activity

© **Santalov A. L.**,

doctor of legal Sciences, associate Professor, Professor, Department of civil and legal disciplines of the Vologda Institute of law and Economics of the Federal penitentiary service of Russia, associate Professor of civil law, Military University of the Ministry of defence of the Russian Federation

© **Kiselev A. S.**,

lecture of the Department of civil law of the Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation, candidate of law

Annotation. In this article, the authors investigate some aspects of improving Russian legislation on the diversification of production of enterprises of the military-industrial complex, raise issues of increasing protection of state secrets and secret inventions as a result of the proposed reforms, and take into account the experience of China and the United States. It is concluded that the diversification of the military-industrial complex can expand the possibilities of using the results of intellectual activity, the rights to which belong to the Russian Federation.

Keywords: diversification, military-industrial complex, results of intellectual activity, copyright, intellectual property law, secret inventions.

Некоторые аспекты правового регулирования отношений по пользованию и распоряжению землями, находящимися в ведении Министерства обороны Российской Федерации

© Туляганова В. А.,

студент Российского государственного университета правосудия

© Малаханов А. В.,

студент Российского государственного университета правосудия

Аннотация. В статье раскрываются основные формы использования земель Вооруженными Силами Российской Федерации, возникновение отношений пользования и распоряжения ими, прекращения этих отношений, а также правовые основы статуса земель Минобороны России.

Ключевые слова: земли обороны, землепользование, пользование и распоряжение земельными участками.

Реализация государством функций обороны осуществляется через систему специально образованных субъектов, наделенных соответствующими полномочиями. Для обеспечения обороноспособности государства указанным субъектам необходим надлежащий уровень материально-технического оснащения, основу которого составляют земли обороны Российской Федерации.

Согласно ч. 1 ст. 93 ЗК РФ и ч.10 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» земли обороны предоставляются военным частям, учреждениям, военно-учебным заведениям, предприятиям и организациям Вооруженных Сил Российской Федерации для выполнения возложенных на них функций и задач в постоянное пользование. Поэтому закрепленный нормами права порядок пользования этими землями является неотъемлемой составляющей их правового режима. Нормативно-правовую основу использования земель обороны на праве постоянного пользования составляют нормы ЗК РФ и Федерального закона «Об обороне». Однако они не устанавливают специальных правил пользования землями обороны, которые необходимы с учетом особенностей целевого назначения этих земель¹.

Попробуем определить особенности отношений пользования землями обороны, выявить недостатки правового регулирования этих отношений и выскажем предложения по их устранению.

Для всесторонней характеристики правовой природы пользования землями обороны целесообразным является установление содержания самого понятия землепользования. Традиционно право землепользования рассматривают в объективном и субъективном смыслах.

¹ См. подробнее: Военное право : учебник / В. К. Белов [и др.] / под ред. В. Г. Стрекозова, А. В. Кудашкина. РОД «». М.: За права военнослужащих, 2004.

Субъективное право пользования землей имеет свои особенности. Так, можно выделить два аспекта употребления понятия «землепользование»:

- как один из элементов права собственности на землю;
- как самостоятельный правовой институт постоянного пользования земельным участком.

Таким образом, с одной стороны, это право в субъективном смысле можно рассматривать как одно из правомочий собственника земельного участка. С другой — как правовое основание, которое предоставляет физическим и юридическим лицам субъективное право использовать земельный участок, отличный от права собственности. Согласно действующему законодательству земли обороны могут находиться только в собственности государства и территориальных общин, которые непосредственно не пользуются этими землями, а передают их в пользование определенным законом субъектам. Поэтому право пользования землями обороны в субъективном смысле целесообразно рассматривать как отличное от права собственности правовое основание.

Как отмечает О. И. Крассов, «право пользования земельным участком как субъективное право представляет собой установленную объективным правом возможность физических и юридических лиц осуществлять реализацию земельной правосубъектности по пользованию обособленным земельным участком»¹.

Таким образом, субъективное право использования земель обороны может быть определено как режим правовой собственности, предусматривающий возможность военных частей, учреждений, военно-учебных заведений, предприятий и организаций Вооруженных Сил, других военных формирований и правоохранительных органов в установленном законом порядке и в пределах своей правосубъектности использовать земельные участки из земель обороны.

В объективном же смысле, как нам видится, право землепользования составляет систему правовых норм, закрепленных в земельном законодательстве, регуливающую общественные отношения, связанные с получением полезных свойств земельных ресурсов.

Однако такое определение касается права пользования землей как владельцем, так и пользователем, а значит, не полностью отражает суть права землепользования как отдельного правового режима.

На наш взгляд, право пользования землями обороны в объективном смысле следует определять, как совокупность правовых норм, регулирующих отношения в сфере возникновения, изменения и прекращения права воинских частей, учреждений, военно-учебных заведений, предприятий и организаций Вооруженных Сил, других воинских формирований и правоохранительных органов на использование земельных участков из земель обороны, а также реализации указанными субъектами этого права.

¹ Крассов О. И. Земельное право современной России : учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2015.

Существенной особенностью права постоянного пользования землями обороны является определенный круг субъектов такого права, к которому относятся: воинские части, учреждения, военно-учебные заведения, предприятия и организации Вооруженных Сил, других, образованных в соответствии с законами военных формирований¹.

Согласно ч. 5.1 ст. 93 ЗК РФ земли обороны и безопасности, временно не используемые по целевому назначению, с согласия федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области обороны, или федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области безопасности, могут включаться в границы охотничьих угодий в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Указанная норма является, на наш взгляд, слишком общей и не обеспечивает надлежащего правового регулирования пользования земельными участками из земель обороны. Целесообразным представляется закрепление на законодательном уровне перечня прав и обязанностей субъектов, которым земли обороны предоставляются для размещения и постоянной деятельности.

Среди основных обязанностей пользователей земель обороны следует выделить обязанность обеспечивать использование этих земель по целевому назначению. Ответственность за целевое использование земель для нужд Вооруженных Сил в соответствии с законодательством возлагается на непосредственного землепользователя, органы квартирно-эксплуатационной службы и инженерное управление ВМФ. По нашему мнению, такую норму необходимо закрепить на уровне закона и расширить сферу ее действия не только относительно земель Вооруженных Сил, но и всех земель, которые используются для нужд обороны и безопасности.

Важной обязанностью, которое возлагается Земельным кодексом Российской Федерации на пользователей земельных участков из земель обороны, является соблюдение требований законодательства об охране окружающей среды.

Достаточно спорным с точки зрения урегулирования земельных отношений, по нашему мнению, является использование термина «позволять» при определении прав третьих лиц на земельный участок, предоставленный в постоянное пользование. Ведь «разрешение» на пользование земельным участком в соответствии с действующим законодательством не может служить основанием для возникновения прав на землю.

Так, п. 5 ст. 93 ЗК РФ закрепляет право государственных органов исполнительной власти передавать отдельные земельные участки из земель, предоставленных для нужд обороны и безопасности, в аренду гражданам и юридическим лицам для сельскохозяйственного, лесохозяйственного и иного использования. Для выполнения этой нормы постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2006 г. утверждены Правила передачи отдельных зе-

¹ Туганов Ю. Н., Харитонов В. С. О трактовке норм права военными судами // Военно-юридический журнал. 2019. № 7. С. 10—13; Харитонов С. С. О некоторых теоретико-правовых аспектах договорной работы с участием воинских частей. Военное право. 2018. № 1 (47). С. 109—112.

мельных участков из земель, предоставленных для нужд обороны и безопасности, в аренду или безвозмездное срочное пользование гражданам и юридическим лицам для сельскохозяйственного, лесохозяйственного и иного использования. Этим актом осуществляется детальная регламентация процесса изъятия земель обороны и безопасности от предыдущих пользователей, передачи этих участков в аренду, а также порядок их использования третьими лицами на правах аренды.

Важным признаком права собственности на земли обороны является порядок его прекращения. При реализации своего права распоряжения земельными участками, относящимися к землям обороны, владелец этих земель должен обеспечить очистку этих участков от негативного влияния, связанного с постоянной деятельностью Вооруженных Сил, других военных формирований, и приведение их в состояние, пригодное для использования другими субъектами.

Целесообразным, по нашему мнению, является закрепление на законодательном уровне положения о том, что прекращение права собственности на земельные участки из земель обороны и передача их другим субъектам возможна только при условии полной очистки этих участков от взрывоопасных предметов. Во многих регионах нашей страны с уменьшением численности Вооруженных Сил и других образованных в соответствии с законодательством военных формирований значительное количество земельных участков из земель обороны в прошлом использовалось как военные полигоны и в данный момент не используются по целевому назначению. Передача этих земель в собственность местных органов власти является практически невозможной, поскольку подавляющее большинство из них характеризуется наличием боеприпасов и различного рода взрывоопасных предметов, оставленных в результате деятельности военного полигона, представляющих опасность для жизни и здоровья людей. Однако, устанавливая правовой режим земель обороны, законодатель эти проблемные аспекты оставляет без внимания.

Итак, право собственности на земли обороны следует рассматривать в двух значениях: объективном и субъективном смысле. С одной стороны, это совокупность правовых норм, регулирующих содержание, основания возникновения и прекращения, а также порядок реализации правомочий собственника на земельные участки из земель обороны. С другой стороны, это право государства или территориальных общин в пределах, установленных законом, владеть пользоваться и распоряжаться земельными участками из земель обороны.

Специфическим признаком права собственности на земли обороны является особый субъектный состав. Этот вид земель согласно ЗК РФ может находиться только в государственной собственности. Однако ЗК РФ содержит нормы, которые противоречат этому, допуская возможность передачи отдельных земельных участков из земель обороны в частную собственность. Необходимо преодоление такой коллизии норм путем законодательного определения положения о том, что существуют земли, которые не могут передаваться в частную собственность. К ним относятся земли обороны и безопасности, объекты социально-культурного, производственного и жилого назначения. Таким образом, в

объективном смысле, право собственности на земли обороны — это совокупность правовых норм, регулирующих отношения собственности на земли обороны, основания возникновения и прекращения этих отношений, а также порядок реализации правомочий собственника на земельные участки из земель обороны.

Право собственности на земли обороны в субъективном смысле можно определить как право государства или территориальных общин в пределах, установленных законом, владеть, пользоваться и распоряжаться земельными участками из земель обороны. Функция осуществления обороны относится исключительно к компетенции государства, что, в свою очередь, возлагает на государство обязанность обеспечить Вооруженные Силы и другие военные формирования, образованные в соответствии с законодательством, всеми необходимыми средствами, в том числе и землями. Поэтому основная часть земельных участков этого вида является собственностью государства. Это, прежде всего, земельные участки под военными частями, складами боеприпасов, военными полигонами, военными аэродромами и т.д.

Примером отчуждения является нижеуказанный случай.

По результатам проведенного Минобороны России аукциона по продаже участков, находящихся в охранной зоне музея-усадьбы «Архангельское», компании ООО «ГрадоСтрой» продана земля (более 20 га).

Так как большая часть территории музея находится в охранной зоне ансамбля усадьбы «Архангельское», а часть — на территории данной усадьбы, представители музея-участка «Архангельское» обратились в Арбитражный суд Московской области с иском об отмене приказа Министра обороны Российской Федерации.

Следует отметить, что камнем преткновения между военным ведомством и представителями ВООПИиК стало постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 1996 г. № 388 «О мерах по сохранению и дальнейшему использованию комплекса памятников истории и культуры усадьбы «Архангельское» в Московской области», упомянутое в многочисленных сообщениях СМИ. Также постановление не содержит каких-либо «обязательств» Минобороны России по передаче данного участка в «бессрочное пользование музею-усадьбе», что не накладывает каких-либо ограничений на Минобороны России в рамках имеющихся полномочий.

Можно сделать вывод, что законодательство Российской Федерации не предусматривает обязанностей Минобороны России как собственника участка согласовывать его реализацию с Министерством культуры Российской Федерации или другими заинтересованными ведомствами и организациями. Установленный земельный участок может быть реализован в соответствии с законодательством Российской Федерации. Также, все действующие ныне ограничения прав собственника на эту землю сохраняются и при переходе права собственности на участок другому лицу.

Современному правовому регулированию отношений пользования землями обороны присуще значительное количество пробелов и коллизий. Прежде

всего, законодатель не учитывает ключевых особенностей пользования этими землями, а именно — специфического круга наблюдателей и стратегической цели такого пользования. В частности, в действующих нормативных правовых актах отсутствует четкий перечень обязанностей воинских частей как постоянных пользователей земель обороны. Регламентация этих обязанностей осуществляется без учета особенностей размещения и постоянной деятельности предприятий, учреждений и организаций, военных формирований. Надлежащего правового обеспечения также требует использование в хозяйственных целях той части земель обороны, которая высвободилась в результате сокращения военно-промышленного комплекса.

Решение этих проблем, на наш взгляд, возможно путем детальной регламентации права пользования землями обороны в отдельном федеральном законе, а также в подзаконных нормативных правовых актах, необходимость разработки которых аргументируется в работе. В контексте изложенного перспективами дальнейших научных разработок является исследование правового обеспечения прав и обязанностей пользователей земель обороны, особенностей права пользования отдельными видами земель обороны, детальное определение порядка предоставления земель обороны в аренду.

Библиография

1. Военное право : учебник / В. К. Белов [и др.] / под ред. В. Г. Стрекозова, А. В. Кудашкина. РОД «За права военнослужащих». — М., 2004. Сер. Выпуск 45 «Право в Вооруженных Силах — консультант». — 640 с.
2. Крассов, О. И. Земельное право современной России: учебное пособие / О. И. Крассов. — М.: ИНФРА-М, 2015. — 624 с.
3. Туганов, Ю. Н. О трактовке норм права военными судами / Ю. Н. Туганов, В. С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2019. — № 7. — С. 10—13.
4. Харитонов, С. С. О некоторых теоретико-правовых аспектах договорной работы с участием воинских частей / С.С. Харитонов // Военное право. — 2018. — № 1 (47). — С. 109—112.

Some aspects of legal regulation relations on the use and disposal of lands under the jurisdiction of the Ministry of defense Russian Federation

© Tulyaganova V. A.,
student of the Russian state University of justice
© Malakhanov A. V.,
student of the Russian state University of justice

Annotation. The article reveals the main forms of land use by the Armed Forces of the Russian Federation, the emergence of relations of use and distribution of them, the termination of these relations, as well as the legal basis for the status of Russian Defense lands.

Keywords: defense lands, land use, use and disposal of land plots.

Воинская обязанность и военная служба

Принципы и способы комплектования Вооруженных Сил и их взаимосвязь с мобилизационной работой

© Гаврюшенко П. И.,

кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, государственный советник Российской Федерации 2 класса

Аннотация. В статье определяется актуальность исследования вопросов, касающихся совершенствования системы комплектования Вооруженных Сил в целях осуществления возможности их мобилизационного развертывания.

Ключевые слова: принципы и способы комплектования Вооруженных Сил, мобилизационный людской резерв, мобилизационный людской ресурс, обеспечение мобилизационного развертывания Вооруженных Сил.

В военном строительстве государств применялись различные принципы и способы комплектования вооружённых сил, соответствовавшие конкретным историческим условиям. Они находились в прямой зависимости от социально-политических, военно-стратегических и экономических условий¹.

В войнах на рубеже XIX—XX вв. применялись многочисленные армии, подготовленные и развёрнутые на основе обязательной воинской повинности. В наибольшей степени преимущества этой системы комплектования вооружённых сил проявились в Первой мировой войне. Но революционные события, охватившие действующую армию Франции в 1916 г., февральская, а затем октябрьская революция 1917 г. в России, ноябрьская революция 1918 г. в Германии заставили многих теоретиков искать пути создания таких способов ведения войны, при которых можно было обойтись без массовых армий. Появились многочисленные теории малых армий.

Комплектование Красной Гвардии России после Октябрьской революции осуществлялось на добровольных началах. Дня её были характерны слабая подготовка командного состава и красногвардейцев, отсутствие централизованного руководства, что не позволяло использовать Красную Гвардию в борьбе против регулярных армий Австро-Венгрии и Германии.

С мая 1918 г. начинается переход к строительству регулярной Красной Армии на основе обязательной воинской обязанности. По окончании гражданской войны регулярная армия из-за экономических трудностей сокращается с 5,5 млн. до 516 тыс. человек. При такой численности Красная Армия не могла надёжно обеспечить оборону страны вследствие обширности территории и наличия постоянной военной угрозы для России. В этот период была принята

¹ Гаврюшенко П. И. Мобилизация как главная составляющая в достижении цели строительства Вооруженных Сил Российской Федерации : монография. Балашиха, 2009. С. 76—140.

смешанная кадрово-милиционная система строительства вооружённых сил. Такая система просуществовала до конца 30-х гг. и в тех условиях вполне себя оправдала, продемонстрировав мобилизационную гибкость, способность к быстрому переходу от территориально-милиционных форм к формам регулярно-кадровым. Так, в начале 30-х гг. 74 % дивизий были территориальными (типа сокращенного состава) и 26 % — кадровыми (воинские части постоянной готовности), а к началу 1936 г. 77 % дивизий стали кадровыми, остальные — территориальными¹.

Территориально-милиционная система комплектования армии позволяла: сократить расходы на её содержание; сократить число стрелковых частей с одновременным увеличением технических и специальных частей; обучать весь контингент военнообязанных без длительного отрыва от производства; сохранить значительное число соединений с их аппаратом управления и основными командными кадрами, которые служили ядром для развёртывания армии в военное время. В то же время для территориальных войск были характерны невысокий уровень обучения и невозможность для переменного состава овладеть сложной боевой техникой.

Численность армий во Второй мировой войне не уменьшилась, а возросла. В неё было вовлечено 61 государство с 80-процентным количеством населения земного шара, а число мобилизованных достигло 110 млн. человек из 210 млн. мужского населения призывных возрастов, т.е. каждый второй гражданин. К ноябрю 1942 г. в фашистской Германии было призвано в армию 9 746 тыс. человек, или 61,8 % общего числа мужчин, пригодных для военной службы. Максимальная численность вооружённых сил США в этой войне достигла 13 млн. человек.

Несмотря на то, что с развитием средств вооруженной борьбы огневая мощь стала важнейшим показателем боеспособности армий, численность вооружённых сил не уменьшилась, а возросла. Многочисленные обученные контингенты стали рассматриваться как важный показатель военного могущества государства, подготовку которых должна была обеспечить существующая система комплектования. В ходе войны все полководцы стремились к тому, чтобы создать превосходство в личном составе и ВВТ хотя бы временно, на главных направлениях. Вместе с тем Вторая мировая война показала, что для разгрома противника надо обладать превосходством над ним не только в численности личного состава, но и в отношении их обученности и моральной стойкости. Все эти требования обеспечил кадровый состав вооружённых сил и комплектование их на основе всеобщей воинской обязанности (повинности), который действовал накануне Второй мировой войны во всех государствах. Подтверждением этому тот факт, что в большинстве стран мира функционируют кадровые ар-

¹ Шагаев В. А. Зарождение и развитие системы комплектования войск личным составом // Гуманитарный вестник Военно-технического университета Спецстроя России. 2011. № 2 (17). С. 156—177.

мии, комплектуемые по смешанному способу комплектования вооруженных сил¹.

В настоящее время в большинстве развитых стран мира, в том числе и в России, ставится вопрос о возможности перехода на контрактный способ комплектования вооружённых сил. Но при этом его решение связано с зависимостью мобилизационной готовности от их укомплектованности: чем выше степень укомплектованности вооружённых сил, тем меньше мобилизационных ресурсов требуется отмотобилизовать для развёртывания войск (сил) на состав и численность военного времени и тем больший создаётся мобилизационный резерв из числа уволенных в запас. Известно, что мобилизационное развёртывание вооружённых сил государства возможно осуществить в короткие сроки лишь при наличии заблаговременно накопленных и качественно подготовленных в профессиональном отношении мобилизационных людских ресурсов. Для Вооружённых Сил России в современных условиях это становится проблемой. Фактическое уменьшение, сокращение призываемого личного состава приводит к увеличению мобилизационных потребностей для отражения агрессии и в то же время сокращает базу подготовленных военнообязанных запаса, ибо на сегодняшний день военная служба является основным источником качественной подготовки как соединений и воинских частей, так и личного состава резерва.

Возможности Вооружённых Сил Российской Федерации в осуществлении отмотобилизования и развёртывания войск (сил) непосредственно замыкаются на проблеме способа их комплектования и, прежде всего, на проблеме приоритетности призыва или службы по контракту².

Доказательства преимущества контрактной системы комплектования сводятся к следующему. Контрактная система обеспечивает больший профессионализм личного состава, даёт значительную экономию средств, благодаря лучшему сохранению и использованию вооружения и военной техники. Наконец комплектование вооруженных сил по контракту позволяет создать для военной организации более боеготовый резерв по образцу западных государств. Иными словами, можно сделать вывод, что добровольный способ комплектования улучшает качественные характеристики личного состава вооружённых сил. Но в то же время контрактная система в условиях количественного сокращения вооруженных сил и комплектования их только по контракту не даёт возможности подготовить достаточно обученный резерв в необходимом количестве.

При этом также следует обратить внимание на низкую профессиональную подготовку призывного состава и на разрыв между количеством уже обученного состава и составом, который лишь проходит подготовку. В профессио-

¹ Гаврюшенко П. И., Шагаев В. А. Краткий исторический очерк мобилизации как важнейшего средства обеспечения безопасности государства (до конца Второй мировой войны) // Гуманитарный вестник Военно-технического университета Спецстроя России. 2010. № 2(14). С. 143—153.

² Гаврюшенко П. И. Мобилизация Вооруженных Сил как основной приоритет развития военной организации Российской Федерации // Гуманитарный вестник Военно-технического университета Спецстроя России. 2011. № 2 (17). С. 177—184.

нальных армиях в год лишь 10—20 % солдат и сержантов осваивают азы военных специальностей, а остальные уже являются специалистами. В армии, комплектуемой по призыву, с учётом шестимесячного срока приобретения первичного опыта в подразделениях, только 50 % специалистов военной службы по призыву являются подготовленными на более или менее профессиональном уровне.

Подобное свидетельствует о том, что вооруженные силы, комплектуемые по призыву, не могут достигнуть требуемого уровня профессионализма. Причем, с одной стороны, качественная характеристика готовности личного состава вооружённых сил ниже, чем при комплектовании по контракту. Но, с другой стороны, при комплектовании по призыву улучшаются количественные и качественные характеристики подготовки резерва.

Качество определяется тем, что все проходившие службу уже имеют военную подготовку и создавать специальную систему подготовки резервов нет необходимости. Нужна лишь система поддержания уже имеющихся навыков, полученных во время военной службы.

На количественные и качественные параметры вооружённых сил оказывают влияние избранные принципы комплектования: территориальный, экстерриториальный, смешанный¹.

Территориальная дислокация предполагает размещение войск на территории проживания до призыва на службу. Этот принцип размещения имеет ряд преимуществ перед другими вариантами. Это знание местности, привычный биоритм и климат, устойчивость стереотипов национальной психологии, благоприятное воздействие гражданского населения на службу воинов.

Суть экстерриториального принципа комплектования состоит в том, что личный состав проходит службу в другой местности, с иными физическими, климатическими, национально-психологическими, языковыми и другими условиями. Преимуществом такого размещения является то, что происходит интернационализация воинской деятельности, увеличивается её всепогодность, вырабатывается своеобразный иммунитет к различным условиям службы.

Смешанный вариант предполагает сочетание территориального и экстерриториального принципа комплектования войск (сил).

Таким образом, наличие как очевидных, так и менее очевидных недостатков каждого из рассмотренных принципов комплектования требует поиска и выбора такой системы комплектования, которая в наибольшей степени обеспечивала бы выполнение вооружёнными силами своих задач как мирного, так и военного времени.

Система комплектования должна решить противоречие, заключающееся в потребности вооружённых сил в определённом количестве боеспособного (качественного) личного состава и возможностями государства по её удовлетворению.

¹ Загю М., Савари А. Учебник военной администрации и военного законовещения. М.: Государственное военное издательство, 1926. С. 120—157.

В философско-методологическом плане всё же основной путь его разрешения заключается в совершенствовании системы комплектования, установлении принципа всеобщности и равенства всех граждан в деле защиты Отечества от агрессии. Этим будет решаться вопрос количественной стороны комплектования войск (сил).

С точки зрения совершенствования системы комплектования, практика большинства европейских государств показывает, что самым приемлемым, наиболее оптимальным для сегодняшней военно-политической обстановки является смешанный принцип комплектования войск (сил): по контракту и по призыву.

Оптимизация системы комплектования связана с тем, что вооружённые силы нуждаются не просто в определённом количестве личного состава, а в подготовленном личном составе. Второе базовое направление оптимизации комплектования вооружённых сил личным составом связано с совершенствованием его профессиональных качеств.

Учитывая вышеизложенное, разрешение противоречий между способами, принципами комплектования, а также потребностью вооружённых сил в достаточной своей укомплектованности личным составом будет определять их количественные и качественные параметры. При наличии как преимуществ, так и недостатков в призывной и контрактной системах комплектования и их сочетании требует совершенствования законодательных и организационных основ в целях максимального удовлетворения потребности вооружённых сил в боеспособном личном составе.

Библиография

1. Гаврюшенко, П. И. Краткий исторический очерк мобилизации как важнейшего средства обеспечения безопасности государства (до конца Второй мировой войны) / П. И. Гаврюшенко, В. А. Шагаев // Гуманитарный вестник Военно-технического университета Спецстроя России. — 2010. — № 2 (14). — С. 143—153.
2. Гаврюшенко, П. И. Мобилизация как главная составляющая в достижении цели строительства Вооружённых Сил Российской Федерации : монография / П. И. Гаврюшенко. — М.: Московский областной институт управления, 2009.
3. Гаврюшенко, П. И. Мобилизация Вооружённых Сил как основной приоритет развития военной организации Российской Федерации / П. И. Гаврюшенко // Гуманитарный вестник Военно-технического университета Спецстроя России. — 2011. — № 2 (17). — С. 177—184.
4. Загю, М. Учебник военной администрации и военного законоведения / М. Загю, А. Савари. — М.: Государственное военное издательство, 1926.
5. Шагаев, В. А. Зарождение и развитие системы комплектования войск личным составом / В. А. Шагаев // Гуманитарный вестник Военно-технического университета Спецстроя России. — 2011. — № 2 (17). — С. 156—177.

Principles and methods of recruitment of the armed forces and their relationship with mobilization

© Gavriushenko P. I.,

candidate of legal Sciences, associate Professor, honored lawyer of the Russian Federation, state adviser of the Russian Federation, 2nd class

Annotation. The article defines the relevance of research issues about improve the recruitment system of the armed forces in order to make it possible the mobilization deployment of the armed forces.

Keywords: principles and methods of recruitment of the armed forces, mobilization human reserve, mobilization human resource, ensuring the mobilization deployment of the armed forces.

Актуальные вопросы социальной защиты граждан, проходящих военную службу не на воинской должности

© Калашников В. В.,

кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции, начальник кафедры военно-юридической подготовки военного учебного центра при Российском государственном университете правосудия

Аннотация. Предметом настоящей статьи являются проблемы, связанные с реализацией социальных гарантий военнослужащих, направленных в гражданские организации не на воинские должности.

Ключевые слова: военный учебный центр, прохождение службы не на воинской должности

Федеральным законом от 1 марта 2020 г. № 38-ФЗ «О внесении изменения в статью 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» внесены изменения в абзац первый ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 года № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»¹. Указанная статья была дополнена словами «направлением и назначением не на воинские должности без приостановления военной службы в соответствии с федеральными законами и нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации»².

Дело в том, что военнослужащие могут проходить военную службу не на воинской должности в случаях нахождения в распоряжении командира, а также в иных случаях, установленных федеральными законами и нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации³.

В соответствии с п. 9 ст. 20 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» Министерство обороны Российской Федерации по согласованию с федеральной государственной образовательной организацией высшего образования осуществляет подбор и направление военнослужащих для назна-

¹ Изменения касаются денежного довольствия военнослужащих, проходящих военную службу не на воинских должностях. Порядок направления военнослужащих не на воинские должности без приостановления им военной службы и особенности прохождения военной службы не на воинских должностях содержится в ст. 19 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, а также в приказе Министра обороны Российской Федерации от 30 октября 2015 г. № 660 «О мерах по реализации правовых актов по вопросам организации прохождения военной службы по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации».

² Речь идет о Указе Президента Российской Федерации от 19 января 2017 г. № 24 «О перечне федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования, при которых созданы военные учебные центры и в которые военнослужащие проходящие военную службу по контракту, могут направляться не на воинские должности».

³ Ст. 42 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

чения не на воинские должности педагогических работников военного учебного центра при образовательной организации.

Поводом для внесения изменений в Федеральный закон «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» послужило постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2019 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 2 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» в связи с жалобой гражданина А. Е. Годунова».

Суть обращения военнослужащего в Конституционный Суд заключалась в отказе в предоставлении ему подъемного пособия должностными лицами органа финансового обеспечения при переезде на новое место (к месту) службы в другой населенный пункт в связи с назначением его без приостановления военной службы на должность преподавателя в учебный военный центр при федеральной государственной образовательной организации высшего образования, не являющейся воинской. Конституционный Суд в данном Постановлении указал, что нет оснований для установления различий в правовом положении в зависимости от того, на какой должности — воинской или не являющейся воинской — исполняет свои обязанности военнослужащий, проходящий военную службу по контракту.

Ранее предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации был абзац первый п. 2 ст. 15.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в связи с жалобой гражданина М. В. Фокина¹, в связи с нарушением жилищных прав военнослужащих, проходящих военную службу не на воинских должностях в учебных военных центрах².

Необходимо отметить, что в настоящее время продолжает иметь место неравное положение данных военнослужащих с лицами, проходящими военную службу на воинских должностях. Кроме проблем, связанных с реализацией различных видов обеспечения, военнослужащие, направленные без приостановления им военной службы в военные учебные центры, вынуждены «договариваться» или иными способами пытаться реализовать свои права на регистрацию по месту жительства, так как абз. 1 п. 3 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» не отражает порядка регистрации военнослужащих, проходящих её не на воинской должности.

¹ См. более подробно: Багдасарян И. А. О праве военнослужащего на дополнительную общую площадь жилого помещения (комментарий к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 2 статьи 15.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» по жалобе гражданина М. В. Фокина» от 16 ноября 2017 года № 29-П) // Право в Вооруженных Силах — военноправовое обозрение. 2018. № 1. С. 39—45.

² В настоящее время все учебные военные центры переименованы в военные учебные центры распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 марта 2019 г. № 427-р «О военных учебных центрах при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования».

В п. 1 постановления Правительства Российской Федерации от 12 ноября 2008 г. № 847 «О порядке обеспечения военнослужащих, направленных не на воинские должности без приостановления им военной службы, всеми видами довольствия, предусмотренными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту» закрепляется обязанность обеспечивать военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, направленных в организации, осуществляющие деятельность в интересах обороны страны и безопасности государства, и федеральные государственные образовательные учреждения высшего профессионального образования не на воинские должности без приостановления им военной службы, если это предусмотрено федеральными законами и нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, денежным довольствием, предусмотренным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, за счет средств организаций, в которые они направлены, в порядке, определенном в Министерстве обороны Российской Федерации, иных федеральных органах исполнительной власти, от которых направлены военнослужащие. Размеры должностных окладов и иных видов денежного довольствия устанавливаются руководителями организаций по согласованию с Минобороны России и другими федеральными органами исполнительной власти, от которых направлены военнослужащие.

Вместе с тем в настоящее время отсутствует единообразное правовое регулирование отношений по прохождению военной службы не на воинских должностях. Большинство надбавок исчисляются в размерах, кратных окладам по воинской должности. Так, в приказе Министра обороны Российской Федерации от 31 июля 2019 г. № 430 «Об утверждении Правил выплаты ежемесячной надбавки за особые достижения в службе военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту» указывается, что ежемесячная надбавка устанавливается и выплачивается военнослужащему к окладу по воинской должности. В приказе Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727 «Об определении Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и предоставления им и членам их семей отдельных выплат» сказано, что военнослужащим, которым в установленном порядке присвоена классная квалификация, выплачивается ежемесячная надбавка за классную квалификацию к окладу по воинской должности. Приказ Министра обороны Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 1010 «О дополнительных мерах по повышению эффективности использования фондов денежного довольствия военнослужащих и оплаты труда лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации» также не относит рассматриваемую к получателям дополнительных выплат.

Возможно, отсутствие интереса законодателя к данной проблеме объясняется ограниченным количеством военнослужащих, направляемых в граждан-

ские организации¹. Может быть, данный вопрос связан с нежеланием законодателя стимулировать «распоряженцев», также проходящих службу не на воинской должности². И, возможно, по мнению законодателя, данные военнослужащие недостаточно обременены тяготами и лишениями военной службы³.

Сомнения не вызывает, что отдельные выплаты военнослужащим производятся в зависимости от ряда факторов: присвоенных воинских званий, общей продолжительности военной службы, выполнения боевых задач, а также условий и порядка прохождения военной службы. Соответственно, они должны учитываться при определении порядка обеспечения военнослужащих дополнительными выплатами, однако, как отмечает Конституционный Суд Российской Федерации «...замещение не воинских должностей, как и служебная деятельность граждан, проходящих военную службу на воинской должности, направлена на обеспечение обороны страны, при этом военнослужащие, направленные без приостановления им военной службы в целях реализации задач по добровольной подготовке к военной службе граждан Российской Федерации, замещающей должности в учебных военных центрах, сохраняют статус военнослужащих, в том числе право на получение закрепленных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами видов обеспечения».

Отсутствие необходимого правового регулирования прохождения военной службы не на воинской должности в гражданских организациях, в которые направлены военнослужащие, вынуждает руководство решать проблемы самостоятельно. Кто-то создает свои комиссии для сдачи нормативов по физической подготовленности, кто-то договаривается с командиром части о регистрации своего военнослужащего и сдачи им нормативов.

Как сказано в п. 39 Военной доктрины Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976, выполнение основных задач строительства и развития Вооруженных Сил Российской Федерации достигается в том числе путем совершенствования федеральных государственных образовательных организаций высшего образования,

¹ Указ Президента от 19 января 2017 г. № 24 «О перечне федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования, при которых созданы военные учебные центры и в которые военнослужащие проходящие военную службу по контракту, могут направляться не на воинские должности».

² Данная правовая позиция нашла отражение в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2012 г. № 278-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Любавина на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 3 статьи 13 Федерального закона «О статусе военнослужащих»».

³ См. подробнее: Тараненко В. В., Харитонов С. С. Об обеспечении законности при денежных выплатах военнослужащим // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 5 (262). С. 33—37; Харитонов С. С. Вопросы правового регулирования денежного довольствия военнослужащих в зеркале судебных решений // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 10 (267). С. 59—70; Туганов Ю. Н., Харитонов В. С. О трактовке норм права военными судами // Военно-юридический журнал. 2019. № 7. С. 10—13; Харитонов С. С. О некоторых аспектах правоприменительной практики в сфере денежного довольствия военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 5 (250). С. 9—12 и др.

в которых проводится обучение граждан Российской Федерации по программам военной подготовки. В последнее время произошли изменения в законодательстве о деятельности военных учебных центров в основном в части изменения их наименования, при этом совершенствование правового механизма социальной защиты военнослужащих, в них направленных в основном осуществляется посредством обращения в суды. Основы правового статуса военнослужащих, должны быть определены с учетом необходимости неукоснительного исполнения военнослужащими своих обязанностей, и обеспечена надлежащая защита их интересов, в равной мере установленная для всех лиц, проходящих военную службу.

Библиография

1. Багдасарян, И. А. О праве военнослужащего на дополнительную общую площадь жилого помещения (комментарий к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 2 статьи 15.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» по жалобе гражданина М.В. Фокина» от 16 ноября 2017 года № 29-П) / И.А. Багдасарян // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2018. — № 1. — С. 39—45.
2. Тараненко, В. В. Об обеспечении законности при денежных выплатах военнослужащим / В. В. Тараненко, С. С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 5 (262). — С. 33—37.
3. Туганов, Ю. Н. О трактовке норм права военными судами / Ю. Н. Туганов, В. С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2019. — № 7. — С. 10—13.
4. Харитонов, С. С. Вопросы правового регулирования денежного довольствия военнослужащих в зеркале судебных решений / С. С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 10 (267). — С. 59—70.
5. Харитонов, С. С. О некоторых аспектах правоприменительной практики в сфере денежного довольствия военнослужащих / С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2018. — № 5 (250). — С. 9—12.

Features of social protection of citizens sent for service not in military positions

© Kalashnikov V. V.,

Colonel of justice, head of the Department of military legal training of the military training center at the Russian state University of justice, candidate of law, associate Professor.

Abstract. The subject of this article is the problems related to the implementation of social guarantees for military personnel sent to civil organizations not for military positions.

Key words: military training center, military service at military posts not

Конституционный Суд Российской Федерации уточнил пределы применения меры ответственности в виде увольнения в связи с утратой доверия: военно- правовой аспект

© Корякин В. М.,

доктор юридических наук, профессор, заместитель директора Юридического института Российского университета транспорта, профессор 25 кафедры Военного университета

Аннотация. Статья представляет собой научно-практический комментарий к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2020 г. № 14-П, которым определены пределы применения к государственным служащим взыскания в виде увольнения с государственной службы в связи с утратой доверия. Согласно правовой позиции, сформулированной в данном Постановлении, данное взыскание не может быть применено к государственному служащему, который не представил необходимых сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера при поступлении на государственную службу, однако вопреки требованию закона был назначен на должность государственной службы. Контракт с таким служащим подлежит прекращению в связи с нарушением установленных законодательством обязательных правил заключения контракта, если это нарушение исключает возможность замещения должности государственной службы. Однако это не является взысканием за коррупционное правонарушение.

Ключевые слова: увольнение в связи с утратой доверия; коррупционное правонарушение; представление сведений о доходах и расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Одним из действенных инструментов предупреждения коррупции в системе государственной службы Российской Федерации является предусмотренная законодательством о противодействии коррупции и о государственной службе возможность увольнения государственного служащего со службы с формулировкой «в связи с утратой доверия» за совершение коррупционного правонарушения, в частности — в связи с невыполнением обязанности представлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

В полной мере данный правовой инструмент применяется и в системе военной службы как одного из видов федеральной государственной службы. Правоприменительная практика по указанному вопросу неоднократно становилась предметом научных публикаций, в том числе — в военно-правовых изданиях¹.

¹ Багдасарян И. А., Корякин В. М. О некоторых правовых последствиях увольнения военнослужащих и лиц гражданского персонала в связи с утратой доверия // Право в Вооружённых Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 9. С. 2—6; Корякин В. М. Увольнение с военной службы в связи с утратой доверия: постановка проблемы // Право в Вооружённых Силах — военно-правовое обозрение. 2011. № 10. С. 12—15; Туганов Ю. Н., Аулов В. К. Утрата представителем нанимателя доверия к гражданскому служащему: правовые дефекты процедуры и варианты их устранения (вероятность использования в отношении военнослужащих) // Военное право. 2018. № 1. С. 251—257; Харитонов С. С., Бахарев А. В., Козлов

За почти 10-летний период существования в законодательстве о государственной службе института увольнения в связи с утратой доверия создана соответствующая подзаконная нормативная правовая база, выработана определенная практика его применения в конкретных ситуациях. При этом иногда выявляются определенные противоречия, неопределенность и пробелы в правовом регулировании вопросов увольнения в связи с утратой доверия. В отдельных случаях это требует вмешательства высшего органа конституционного контроля — Конституционного Суда Российской Федерации.

Одним из последних по времени актов конституционного правосудия по данному вопросу является Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2020 г. № 14-П¹, которым проверена конституционность отдельных норм Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Поводом для рассмотрения данного вопроса явилось обращение гр. И. Н. Котяша, который 28 июня 2018 г. был освобожден от замещаемой должности государственной гражданской службы в Балтийско-Арктическом морском управлении Росприроднадзора (г. Мурманск) и уволен с государственной гражданской службы по основанию, предусмотренному п. 1¹ ч. 1 ст. 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», в связи с утратой представителем нанимателя доверия к государственному гражданскому служащему в случаях несоблюдения ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнения обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции данным Федеральным законом, Федеральным законом «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами. Увольнению И. Н. Котяша предшествовало проведение на основании представления Генеральной прокуратуры Российской Федерации служебной проверки, по результатам которой было установлено, что заявитель при поступлении на государственную гражданскую службу не представил сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера супруги и несовершеннолетних детей, и рекомендовано применить в отношении него дисциплинарное взыскание в виде увольнения.

Решением Первомайского районного суда г. Мурманска от 7 сентября 2018 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной

Т. Л. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции на военной службе. Методические рекомендации / Серия Библиотека прокурора. Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Научно-исследовательский институт. М., 2011; Штаненко В. И. Цветков А. С. Увольнение военнослужащих в связи с утратой доверия // Право в Вооружённых Силах — военно-правовое обозрение. 2013. № 10. С. 25—27.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2020 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности пункта 1¹ части 1 статьи 37 и пункта 2 части 1 статьи 59² Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации", а также пункта 2 части 1 статьи 13¹ Федерального закона "О противодействии коррупции" в связи с жалобой гражданина И. Н. Котяша».

коллегии по гражданским делам Мурманского областного суда от 6 декабря 2018 г., отказано в удовлетворении исковых требований И. Н. Котяша о признании увольнения незаконным, восстановлении в ранее замещаемой должности государственной гражданской службы, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда, внесении изменений в трудовую книжку и обязанности представителя нанимателя принять меры по исключению заявителя из реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия. При этом суды пришли к выводу, что увольнение И. Н. Котяша в связи с утратой доверия на основании п. 1¹ ч. 1 ст. 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» является законной и обоснованной мерой реагирования на допущенное им нарушение действующего законодательства о прохождении государственной гражданской службы, а процедура увольнения заявителя была соблюдена.

В передаче кассационных жалоб И. Н. Котяша на указанные судебные постановления для рассмотрения в судебных заседаниях судов кассационной инстанции отказано (определение судьи Мурманского областного суда от 29 марта 2019 г. и определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 20 июня 2019 г.).

Несоответствие п. 1¹ ч. 1 ст. 37 и п. 2 ч. 1 ст. 59² Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», а также п. 2 ч. 1 ст. 13¹ Федерального закона «О противодействии коррупции», которые были применены судами в деле заявителя, Конституции Российской Федерации, ее ст. 2, 7 (ч. 2), 32 (ч. 4), 37 (ч. 1) и 45 (ч. 1), И. Н. Котяш усматривал в том, что данные законоположения — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, — позволяют представителю нанимателя увольнять государственного гражданского служащего в связи с утратой доверия за нарушение требований закона о необходимости представления сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, совершенное им при поступлении на государственную гражданскую службу, т.е. в период, когда государственный гражданский служащий еще не имел соответствующего публично-правового статуса, в то время как по своему буквальному смыслу оспариваемые нормы предполагают возможность увольнения государственного гражданского служащего в связи с утратой доверия лишь в том случае, когда сведения о доходах не были представлены им в период государственной гражданской службы. Непредставление же претендентом на замещение должности государственной гражданской службы сведений о доходах при поступлении на такого рода службу является, по мнению И. Н. Котяша, обстоятельством, препятствующим заключению с данным лицом служебного контракта.

Конституционный Суд Российской Федерации, тщательно изучив материалы дела и нормы законодательства пришел к выводу, что оспариваемые заявителем положения п. 1¹ ч. 1 ст. 37 и п. 2 ч. 1 ст. 59² Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» выступают эле-

ментами правового механизма применения к государственному гражданскому служащему меры ответственности за совершение им в период прохождения государственной гражданской службы такого коррупционного правонарушения, как непредставление сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представление заведомо недостоверных или неполных сведений, а потому не предполагают увольнения государственного гражданского служащего, который, хотя и не представил при поступлении на государственную гражданскую службу необходимых сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, на тот момент еще не имел соответствующего публично-правового статуса, но впоследствии был назначен на должность государственной гражданской службы вопреки требованию закона.

Иное означало бы допустимость применения в отношении государственного гражданского служащего меры ответственности в виде увольнения с государственной гражданской службы в связи с утратой доверия, т.е. по порочащему его основанию, при отсутствии в его действиях (бездействии) состава коррупционного правонарушения и тем самым не только вступало бы в противоречие со ст. 54 (ч. 2) Конституции Российской Федерации, но и приводило бы к выходящему за рамки конституционно допустимых ограничений прав и свобод ущемлению прав на равный доступ к государственной службе и на свободное распоряжение своими способностями к труду, выбор рода деятельности и профессии (ст. 32, ч. 4; ст. 37, ч. 1, Конституции Российской Федерации). Контракт с И. Н. Котяшом подлежал прекращению в связи с нарушением установленных законодательством обязательных правил заключения контракта. Но коррупционного правонарушения он не совершал и такое прекращение контракта не является мерой ответственности.

Исходя из этого, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 6 апреля 2020 г. № 14-П признал взаимосвязанные положения п. 1¹ ч. 1 ст. 37 и п. 2 ч. 1 ст. 59² Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — выступают элементами правового механизма применения к государственному гражданскому служащему меры ответственности за совершение им в период государственной гражданской службы такого коррупционного правонарушения, как непредставление сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представление заведомо недостоверных или неполных сведений, и не предполагают увольнения государственного гражданского служащего в связи с утратой доверия к нему представителем нанимателя, если этот государственный гражданский служащий не представил необходи-

мых сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера при поступлении на государственную гражданскую службу, однако вопреки требованию закона был назначен на должность государственной гражданской службы.

Конституционно-правовой смысл положений п. 1¹ ч. 1 ст. 37 и п. 2 ч. 1 ст. 59² Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», выявленный в указанном Постановлении, признан общеобязательным и исключающим любое иное их истолкование в правоприменительной практике. Правоприменительные решения по делу гражданина И. Н. Котяша, основанные на положениях п. 1¹ ч. 1 ст. 37 и п. 2 ч. 1 ст. 9² Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в данном Постановлении, Конституционный Суд признал подлежащим пересмотру в установленном порядке.

Учитывая прецедентный характер рассматриваемого судебного акта для регулирования соответствующих отношений в системе военной службы, представляется полезным интерпретировать аргументацию, которую использовал Конституционный Суд Российской Федерации в рассматриваемом Постановлении, применительно к вопросам увольнения с военной службы военнослужащих за аналогичные коррупционные правонарушения.

В соответствии с Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и о военной службе» (подп. «д.1» и «д.2» п. 1 ст. 51) военнослужащий подлежит увольнению с военной службы:

— в связи с утратой доверия к военнослужащему со стороны должностного лица, имеющего право принимать решение о его увольнении, в случае непредставления военнослужащим сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений;

— в связи с утратой доверия к военнослужащему, являющемуся командиром (начальником), со стороны должностного лица, имеющего право принимать решение о его увольнении, также в случае непринятия военнослужащим, являющимся командиром (начальником), которому стало известно о возникновении у подчиненного ему военнослужащего личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 13¹ Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» лицо, замещающее государственную должность Российской Федерации, государственную должность субъекта Российской Федерации, муниципальную должность, в порядке, предусмотренном федеральными конституционными законами, федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами, подлежит увольнению (освобождению от должности) в свя-

зи с утратой доверия в случае непредставления лицом сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений, если иное не установлено федеральными законами.

Согласно Конституции Российской Федерации труд свободен; каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ст. 37, ч. 1); граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе (ст. 32, ч. 4).

Одним из видов государственной службы, заключая контракт о прохождении которой гражданин реализует указанные конституционные права, является военная служба, представляющая собой профессиональную служебную деятельность граждан на воинских должностях или не на воинских должностях в случаях и на условиях, предусмотренных федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах, осуществляющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства. Таким гражданам присваиваются воинские звания (ст. 6 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»).

Такого рода профессиональная деятельность осуществляется в публичных интересах и связана с реализацией военнотружущими особыми, публично-правовыми функций в сфере обеспечения обороны страны и военной безопасности государства, что, в свою очередь, предопределяет особый правовой статус военнотружущих, включающий в себя как права и обязанности этих лиц, так и налагаемые на них ограничения и запреты, связанные с военной службой, наличие которых компенсируется в том числе предоставляемыми им гарантиями и преимуществами. Кроме того, специфика данного вида публичной службы обуславливает и право федерального законодателя при осуществлении правового регулирования отношений в сфере военной службы — исходя из стоящих перед ней задач, принципов ее организации и функционирования, а также необходимости поддержания высокого уровня ее осуществления — предусматривать специальные правила поступления на указанную службу (включая требования к лицам, претендующим на заключение контракта о прохождении военной службы), равно как и особые основания прекращения служебных отношений и увольнения с военной службы. Установление такого рода правовых норм, по смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной им применительно к различным видам профессиональной деятельности, связанной с осуществлением публичных функций (постановления от 6 июня 1995 г. № 7-П, от 30 июня 2011 г. № 14-П, от 21 марта 2013 г. № 6-П, от 21 марта 2014 г. № 7-П, от 30 октября 2014 г. № 26-П, от 8 декабря 2015 г. № 31-П, от 29 ноября 2016 г. № 26-П; определения от 1 июля 1998 г. № 84-О, от 1 декабря 1999 г. № 219-О, от 3 октября 2002 г. № 233-О, от 20 ок-

тября 2005 г. № 378-О, от 22 октября 2008 г. № 538-О-О и др.), само по себе не может рассматриваться как нарушение закрепленных Конституцией Российской Федерации права российских граждан на равный доступ к государственной службе (ст. 32, ч. 4) и права каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ст. 37, ч. 1).

Вместе с тем, устанавливая требования к лицам, претендующим на замещение должностей военной службы, а также ограничения, связанные с прохождением данного вида публичной службы, и определяя правовые последствия несоблюдения этих требований и ограничений, федеральный законодатель должен не только учитывать такие закрепленные в Конституции Российской Федерации принципы демократического правового государства, как приоритет прав и свобод человека и гражданина, справедливость, юридическое равенство, соразмерность устанавливаемых ограничений конституционно одобряемым целям (преамбула; ст. 1, ч. 1; ст. 2; ст. 19, ч. 1; ст. 55, ч. 3), но и следовать предписаниям ее ст. 54 (ч. 2), согласно которой юридическая ответственность может наступать лишь за те деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями. Данное конституционное требование в широком смысле распространяется как на отношения, связанные с установлением составов различных правонарушений и привлечением к юридической ответственности за их совершение, так и на отношения, предполагающие наступление для граждан любых негативных правовых последствий, имеющих публично-правовую природу (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2020 г. № 8-П).

Исходя из приведенной правовой позиции, конституционное требование о недопустимости привлечения к юридической ответственности за деяния, которые не являются правонарушениями, предполагает, что правовые последствия таких деяний во всяком случае не могут быть связаны с применением мер юридической ответственности. Принимая во внимание, что обязанность по соблюдению ограничений, связанных с прохождением военной службы, может быть возложена только на военнослужащих, т.е. лиц, которые уже приобрели соответствующий публично-правовой статус в силу самого факта поступления на военную службу по контракту, в то время как в отношении лиц, претендующих на заключение контракта о прохождении военной службы, допустимо установление лишь определенных требований, обусловленных спецификой данного вида публичной службы, неисполнение которых в буквальном смысле не является противоправным поведением и лишь исключает возможность поступления (приема) на военную службу, правовые последствия несоблюдения соответствующих ограничений военнослужащим, с одной стороны, и неисполнения такого рода требований лицом, поступающим на военную службу, с другой стороны, должны быть различными. Это означает, что применение мер юридической ответственности (включая увольнение с военной службы по основаниям, предусмотренным законом) возможно только в отношении военнослужащего, совершившего противоправное виновное действие (бездействие), выражающееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении военнослужащим по

его вине возложенной на него обязанности по соблюдению ограничений, связанных с прохождением данного вида публичной службы. Неисполнение же лицом, претендующим на поступление на военную службу, установленных законом требований, необходимых для заключения с ним контракта о прохождении военной службы, исключает применение к такому лицу мер юридической ответственности и должно влечь за собой лишь отказ в поступлении (приеме) на военную службу.

При этом правовые последствия несоблюдения связанных со спецификой данного вида публичной службы требований и ограничений (включая основания прекращения военно-служебных отношений и увольнения с военной службы) во всяком случае должны быть четко определены в законе, с тем чтобы каждый гражданин — как поступающий на военную службу, так и проходящий эту службу на основании заключенного контракта — мог предвидеть соответствующие правовые последствия и претерпевать те из них, которые заключаются в применении мер юридической ответственности, в том числе сопряженных с репутационными издержками, лишь за совершение деяния, являющегося правонарушением. В частности в соответствии с п. 1.1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» сведения об увольнении военнослужащего с военной службы в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения включаются соответствующим федеральным органом исполнительной власти или федеральным государственным органом, в которых военнослужащий проходил службу, в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, предусмотренный ст. 15 Федерального закона «О противодействии коррупции»¹.

Правовое регулирование отношений, связанных с поступлением на военную службу по контракту, осуществляется Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе», Положением о порядке прохождения военной службы, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, а также ведомственными нормативными правовыми актами. В частности, приказом Министра обороны Российской Федерации от 21 ноября 2019 г. № 685 утвержден Перечень воинских должностей, при назначении на которые и при замещении которых военнослужащие и граждане обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. Непредставление указанных сведений или представление заведомо ложных сведений при поступлении на военную службу относится к числу обстоятельств, при наличии которых гражданин не может быть принят на военную службу.

¹ Иванов Р. В., Корякин В. М. Реестры «неблагонадёжных лиц» как инструмент профилактики коррупции в сфере закупок товаров, работ и услуг для нужд военных организаций // Военное право. 2019. № 5; Туганов Ю. Н., Аулов В. К. Реестр лиц, утративших доверие: проблемы формирования // Право в Вооружённых Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 9. С. 10—14.

Порядок представления соответствующих сведений устанавливается Положением о представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера (утверждено Указом Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 559), предусматривающим, что при поступлении на федеральную государственную службу граждане представляют сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера в виде справки по форме, утвержденной Президентом Российской Федерации (подп. «а» п. 3). При этом согласно п. 4 названного Положения гражданин при назначении на должность государственной службы представляет:

а) сведения о своих доходах, полученных от всех источников (включая доходы по прежнему месту работы или месту замещения выборной должности, пенсии, пособия, иные выплаты) за календарный год, предшествующий году подачи документов для замещения должности государственной службы, а также сведения об имуществе, принадлежащем ему на праве собственности, и о своих обязательствах имущественного характера по состоянию на первое число месяца, предшествующего месяцу подачи документов для замещения должности государственной службы (на отчетную дату);

б) сведения о доходах супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, полученных от всех источников (включая заработную плату, пенсии, пособия, иные выплаты) за календарный год, предшествующий году подачи гражданином документов для замещения должности государственной службы, а также сведения об имуществе, принадлежащем им на праве собственности, и об их обязательствах имущественного характера по состоянию на первое число месяца, предшествующего месяцу подачи гражданином документов для замещения должности государственной службы (на отчетную дату).

Проверка достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представленных гражданином в соответствии с данным Положением, осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации (п. 10). В случае же непредставления или представления заведомо ложных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданин не может быть назначен на должность государственной службы (п. 15).

Таким образом, приведенные нормативные положения, в равной мере распространяющиеся на всех лиц, претендующих на замещение воинских должностей, включенных в упомянутый выше Перечень, прямо предусматривают, что непредставление гражданином при поступлении на военную службу — вопреки установленному законодательством требованию — сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, равно как и представление им заведомо ложных сведений, исключает возможность его назначения на воинскую должность из Перечня и заключение с ним контракта.

Обязанность обеспечить соблюдение требований закона при поступлении граждан на военную службу возлагается на соответствующий государственный

орган (его подразделение по вопросам государственной службы и кадров), что предполагает в числе прочего истребование от конкретного гражданина, претендующего на замещение воинской должности включенной в Перечень, всех необходимых для назначения его на данную должность и заключения с ним контракта документов и сведений, включая сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также организацию проверки достоверности этих сведений в установленном порядке.

Такое требование вытекает как из общеправового принципа законности, предусмотренного ст. 15 (ч. 2) Конституции Российской Федерации, который обязывает органы государственной власти соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы, так и из законодательных и иных нормативных правовых актов о противодействии коррупции и о военной службе (в частности, п. 3 ст. 6 и ч. 7 ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции», Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 г. № 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению» и др.).

В случае же, когда гражданин, претендующий на замещение воинской должности, включенной в Перечень, при поступлении на военную службу не представил сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера либо представил заведомо ложные сведения, однако — вопреки требованию закона — был назначен на такую должность, будет иметь место такое нарушение обязательных правил заключения контракта, которое исключает возможность замещения этим гражданином данной воинской должности и является основанием для его перевода на иную должность, не включенную в Перечень, либо увольнения с военной службы.

При этом увольнение военнослужащего в данном случае не может рассматриваться как мера юридической ответственности, поскольку оно обусловлено не противоправными виновными действиями (бездействием) совершенными гражданином при поступлении на военную службу, а неисполнением соответствующим государственным органом (его подразделением по вопросам государственной службы и кадров) возложенной на него обязанности по соблюдению установленного порядка поступления (приема) граждан на военную службу.

Соответственно, заключение государственным органом (его подразделением по вопросам государственной службы и кадров) — вопреки требованию закона — контракта с гражданином, не представившим сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, исключает применение к этому гражданину после поступления его на военную службу негативных правовых последствий в виде мер юридической ответственности, в том числе такой сопряженной с репутационными издержками меры, как увольнение с указанной службы по порочащему гражданину основанию.

В отличие от граждан, претендующих на поступление на военную службу, военнослужащие, замещающие воинские должности, включенные в Перечень, обязаны представлять не только сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера членов своей семьи, но и сведения о своих расходах и о расходах членов своей семьи в порядке, установленном федеральным законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Непредставление военнослужащим такого рода сведений либо представление заведомо неполных или недостоверных сведений, в случае если их представление обязательно, является правонарушением, влекущим его увольнение с военной службы по основаниям, предусмотренным подп. «д.1» и «д.2» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и о военной службе».

Приведенные законоположения приняты в развитие п. 4 ст. 6, п. 3² ч. 1 и ч. 9 ст. 8, а также ч. 1 и 3 ст. 8¹ Федерального закона «О противодействии коррупции», а сама обязанность военнослужащих представлять сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера установлена в целях осуществления государственного контроля за имущественным положением лиц, замещающих должности государственной службы, и направлена на предупреждение коррупции. Исходя из этого неисполнение или ненадлежащее исполнение военнослужащими данной обязанности представляет собой коррупционное правонарушение, ответственность за которое предусмотрена специальными нормами Федерального закона «О воинской обязанности и о военной службе».

В частности, в силу подп. «д.1» и «д.2» п. 1 ст. 51 непредставление военнослужащим сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представление заведомо недостоверных или неполных сведений влечет за собой увольнение военнослужащего в связи с утратой доверия.

Следовательно, применение к военнослужащему такой меры ответственности, как увольнение в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения, выразившегося в неисполнении обязанности по представлению сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, предполагает наличие у соответствующего лица статуса военнослужащего и, следовательно, нахождение его в субординационных отношениях с лицом (органом), привлекающим его к данной мере ответственности, не только на момент увольнения в связи с утратой доверия, но и на момент совершения указанного коррупционного правонарушения.

При этом в целях защиты военнослужащего от необоснованного увольнения, а также соблюдения баланса публичных интересов и частных интересов военнослужащих федеральный законодатель в ст. 51¹ Федерального закона «О воинской обязанности и о военной службе» предусмотрел особый порядок применения взысканий за коррупционные правонарушения, включая увольнение в

связи с утратой доверия в случае непредставления военнослужащим сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений.

В силу данной статьи и в соответствии с правовыми актами, регламентирующими процедуры подготовки решений о досрочном увольнении военнослужащего в связи с утратой доверия (Положение о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 г. № 1065; Указ Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» и др.), увольнение возможно лишь на основании доклада о результатах проверки, проведенной подразделением кадровой службы соответствующего государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений, а в случае, если доклад о результатах проверки направлялся в комиссию по урегулированию конфликтов интересов (аттестационную комиссию), — и на основании рекомендации указанной комиссии.

При применении взысканий за коррупционные правонарушения (в том числе взыскания, предусмотренного подп. «д.1» и «д.2» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и о военной службе» в виде увольнения в связи с утратой доверия) учитываются характер совершенного военнослужащим коррупционного правонарушения, его тяжесть, обстоятельства, при которых оно совершено, соблюдение военнослужащим других ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и исполнение им обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, а также предшествующие результаты исполнения военнослужащим своих должностных обязанностей.

Указанными процедурами, в рамках которых решается вопрос, является ли выявленное нарушение обязанности по представлению сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера основанием для увольнения военнослужащего в связи с утратой доверия, обеспечивается обоснованность соответствующих решений коллегиального органа (комиссий), носящих рекомендательный характер, и окончательного решения командира, принимающего его на основе всесторонней оценки полученных документов, сведений и мнений (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2014 г. № 1858-О, от 28 июня 2018 г. № 1480-О и от 29 января 2019 г. № 95-О).

Таким образом, проанализированное Постановление Конституционного Суда Российской Федерации устранило неопределенность в толковании норм,

связанных с привлечением государственных служащих к юридической ответственности за коррупционные правонарушения. По нашему мнению, исходя из данного толкования, требуется некоторая корректировка законодательства о воинской обязанности и военной службе в части закрепления обязанности граждан, поступающих на военную службу по контракту и назначаемых на воинские должности, включенные в Перечень, представлять сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера супруги (супруга) и несовершеннолетних детей.

Библиография

1. Багдасарян, И. А. О некоторых правовых последствиях увольнения военнослужащих и лиц гражданского персонала в связи с утратой доверия / И. А. Багдасарян, В. М. Корякин // *Право в Вооружённых Силах* — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 9. — С. 2—6.
 2. Иванов, Р. В. Реестры «неблагонадёжных лиц» как инструмент профилактики коррупции в сфере закупок товаров, работ и услуг для нужд военных организаций / Р. В. Иванов, В. М. Корякин // *Военное право*. — 2019. — № 5. — С. 126—137.
 3. Корякин, В. М. Увольнение с военной службы в связи с утратой доверия: постановка проблемы / В. М. Корякин // *Право в Вооружённых Силах* — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 10. — С. 12—15.
 4. Туганов, Ю. Н. Реестр лиц, утративших доверие: проблемы формирования / Ю. Н. Туганов, В. К. Аулов // *Право в Вооружённых Силах* — военно-правовое обозрение. — 2018. — № 9. — С. 10—14.
 5. Туганов, Ю. Н. К. Утрата представителем нанимателя доверия к гражданскому служащему: правовые дефекты процедуры и варианты их устранения (вероятность использования в отношении военнослужащих) / Ю. Н. Туганов, В. К. Аулов // *Военное право*. — 2018. — № 1. — С. 251—257.
 6. Харитонов, С. С. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции на военной службе. Методические рекомендации / С. С. Харитонов, А. В. Бахарев, Т. Л. Козлов / Серия Библиотека прокурора. Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Научно-исследовательский институт. — М., 2011.
 7. Штаненко, В. И. Увольнение военнослужащих в связи с утратой доверия / В. И. Штаненко, А. С. Цветков // *Право в Вооружённых Силах* — военно-правовое обозрение. — 2013. — № 10. — С. 25—27.
-

Constitutional Court Of The Russian Federation clarified the limits of liability in the form of dismissal due to loss of confidence: military-legal aspect

© Koryakin V. M.,

doctor of law, Professor, Deputy Director of the Law Institute of the Russian University of transport, Professor 25 of the Department of the Military University

Annotation. The article is a scientific and practical commentary on the Resolution of the constitutional Court of the Russian Federation of April 6, 2020 No. 14-P, which defines the limits of applying to civil servants penalties in the form of dismissal from the state service due to loss of trust. According to the legal position formulated in this Decree, this penalty cannot be applied to a civil servant who did not provide the necessary information about income, property and obligations of a property nature when entering the civil service, but was appointed to a civil service position in accordance with the law. A contract with such an employee is subject to termination due to a violation of the mandatory rules for entering into a contract established by law, if this violation precludes the possibility of filling a civil service position. However, this is not a penalty for a corrupt offense.

Keywords: dismissal due to loss of trust; corruption law enforcement; presentation of information about income and expenses, property and property obligations.

Проблемные вопросы реализации решений призывных комиссий о призыве граждан Российской Федерации на военную службу

© Лапина О. А.,

соискатель ФГКВОУ ВО «Военный университет»

Аннотация. В статье исследуются положения российского законодательства, связанные с реализацией гражданами Российской Федерации конституционной обязанности по защите Отечества, а также обжалованием решений призывных комиссий о призыве на военную службу. Подробно рассматривается существующий порядок вынесения решений о призыве граждан на военную службу, особое внимание уделяется механизму реализации указанных решений. Показывается коллизия норм права в российском законодательстве, регулирующем вопросы вынесения решений о призыве граждан на военную службу, и реализации обжалуемых решений, предлагаются конкретные меры по их устранению.

Ключевые слова: призыв на военную службу, военный комиссариат, решение призывной комиссии о призыве граждан на военную службу, обжалование решений призывных комиссий.

Возрастающие потребности общества, обусловленные процессом глобализации, внутренними и внешними угрозами национальной безопасности, требуют принятия конкретных мер к изменению законодательной базы, ориентированной на повышение эффективности функционирования органов государственной власти. При этом ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации прямо предусматривает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства¹.

Конституция Российской Федерации, определяет, что защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации.

Организация обороны страны с учетом необходимости комбинированного противодействия военным и невоенным угрозам в мирное и военное время включает оптимизацию организационных форм и методов руководства в масштабе государств, что предопределяет необходимость своевременного совершенствования законодательства².

Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» устанавливает, что исполнение воинской обязанности

¹ Дамаскин О. В., Холиков И. В. Актуальные проблемы защиты российской государственности и национального суверенитета в современных условиях // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2017. № 4 (155). С. 3.

² Дамаскин О. В., Холиков И. В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов // Вестник Академии военных наук. 2018. № 4 (65). С. 125.

по защите Отечества реализуется в форме призыва граждан Российской Федерации на военную службу.

Статьей 26 указанного Федерального закона определено, что призыв на военную службу граждан организуют военные комиссариаты субъектов Российской Федерации через свои структурные подразделения и осуществляют призывные комиссии, создаваемые в муниципальных районах, городских округах и на внутригородских территориях городов федерального значения решением высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) по представлению военного комиссара субъекта Российской Федерации¹.

Призывные комиссии создаются на период проведения призыва граждан на военную службу и завершают работу по окончании сроков призывных кампаний.

Ст. 25 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» устанавливает сроки призыва граждан на военную службу, который осуществляется два раза в год: с 1 апреля по 15 июля и с 1 октября по 31 декабря. Таким образом, законодательством Российской Федерации четко определены временные рамки призывных кампаний. Для некоторых категорий граждан, проживающих в отдельных районах Крайнего Севера или отдельных местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, в сельской местности, непосредственно занятых на посевных и уборочных работах, или являющихся педагогическими работниками образовательных организаций, предусмотрены специальные сроки призыва на военную службу, но в рамках установленных сроков.

При призыве на военную службу граждан призывная комиссия муниципального образования выносит решение о призыве на военную службу, которое объявляется гражданину председателем призывной комиссии.

По письменному заявлению гражданина военный комиссариат муниципального образования в течение пяти рабочих дней со дня подачи заявления выдает ему под роспись выписку из протокола заседания призывной комиссии муниципального образования о соответствующем решении либо направляет указанную выписку по почте заказным письмом с уведомлением о вручении по указанному в заявлении гражданина адресу.

В случае, если гражданин не согласен с решением призывной комиссии муниципального образования, оно может быть обжаловано гражданином в призывную комиссию соответствующего субъекта Российской Федерации в течение трех месяцев со дня принятия обжалуемого решения или в суд, при этом выполнение этого решения приостанавливается до вынесения решения призывной комиссией соответствующего субъекта Российской Федерации или вступления в законную силу решения суда.

¹ Холиков И. В., Лапина О. А. Проблемные вопросы законодательного обеспечения явки граждан Российской Федерации на мероприятия, связанные с призывом на военную службу // Вестник военного права. 2019. № 2. С. 46.

Если срок рассмотрения призывной комиссией субъекта Российской Федерации жалобы гражданина на решение призывной комиссии муниципального образования установлен в течение пяти рабочих дней со дня ее поступления, то в случае с обжалованием гражданином решения в судебном порядке этот срок, как правило, неограничен по времени и процесс рассмотрения жалобы затягивается.

Кроме того, обжалование решения призывной комиссии муниципального образования в призывную комиссию субъекта Российской Федерации не исключает в дальнейшем возможности обжаловать принятое призывной комиссией субъекта Российской Федерации решение в судебном порядке в случае несогласия с ним.

Так, по данным субъектов Российской Федерации, если еще в 2014 г. количество граждан, обжаловавших решения призывных комиссий о призыве на военную службу в судебном порядке составило 2 302 чел. (из них в отношении 1 871 чел. решения вступили в законную силу после завершения призыва граждан на военную службу), а в 2016 г. — уже 2 578 чел. (2 093 чел.), то в 2018 г. — 4 105 чел. (3 194 чел.) соответственно.

Как видно, число граждан, воспользовавшихся этим «законным способом» неисполнения воинской обязанности, стремительно растет.

Инструкцией по подготовке и проведению мероприятий, связанных с призывом на военную службу граждан Российской Федерации, не пребывающих в запасе, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 2 октября 2007 г. № 400, определено, что призывная комиссия субъекта Российской Федерации, рассмотрев личные дела призывников, не позднее 15 июля (31 декабря) принимает решение об отмене нереализованного в ходе текущего призыва решения о призыве граждан на военную службу. До принятия данного решения в отношении граждан старших возрастов члены призывной комиссии субъекта Российской Федерации заслушивают военного комиссара муниципального образования, представившего личные дела призывников, о причинах, по которым эти граждане не были представлены на сборный пункт для отправки к местам прохождения военной службы.

По окончании призыва нереализованные решения призывной комиссии муниципального образования о призыве на военную службу отменяются призывной комиссией субъекта Российской Федерации с указанием причин, по которым они не были реализованы.

Решение призывной комиссии муниципального образования может оказаться нереализованным лишь по той простой причине, что оно было обжаловано призывником в суде независимо от результатов обжалования¹.

В последующие призывные кампании в отношении указанных лиц призывные комиссии муниципальных образований после проведения с ними установленных мероприятий принимают решения о призыве граждан на военную службу, в результате у призывников в случае несогласия с решением призыв-

¹ Чурилов Ю. Охота на призывника // ЭЖ-Юрист. 2011. № 47. С. 7.

ной комиссии муниципального образования вновь возникает право на его обжалование. И все повторяется по одной и той же схеме: вынесение решений о призыве граждан на военную службу — обжалование этих решений за временными рамками призывных кампаний — отмена решений как нереализованных.

Решения призывных комиссий муниципальных образований, которые приостанавливались в связи с их обжалованием и признаны судом законными за пределами сроков призыва граждан на военную службу, отменяются, несмотря на то, что по смыслу ст. 28 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» должны исполняться.

Для того, чтобы найти выход из сложившейся ситуации в рамках правового поля, очевидным становится предложение о внесении изменений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе». Предлагается два варианта решения данной ситуации.

Первый: реализовать решение призывной комиссии муниципального образования о призыве на военную службу граждан, в отношении которых решения призывных комиссий признаны судом законными, и решения суда вступили в законную силу после окончания сроков призыва граждан на военную службу. Однако для этого необходимо будет дополнительно создавать в муниципальном образовании призывную комиссию.

Второй: реализовать признанное судом законным решение призывной комиссии муниципального образования о призыве на военную службу граждан в период очередного призыва граждан на военную службу, проведя мероприятия медицинского осмотра и профессионального психологического отбора перед отправкой граждан в войска.

Второй вариант представляется более приемлемым с точки зрения практической реализации, так как первое предложение будет проблематично реализовать на практике, учитывая, что сборные пункты субъектов Российской Федерации организуют свою работу только в период призывной кампании.

Библиография

1. Дамаскин, О. В. Актуальные проблемы защиты российской государственности и национального суверенитета в современных условиях / О. В. Дамаскин, И. В. Холиков // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. — 2017. — № 4 (155). — С. 1—5.
2. Дамаскин, О. В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов / О. В. Дамаскин, И. В. Холиков // Вестник Академии военных наук. — 2018. — № 4 (65). — С. 121—128.
3. Холиков, И. В. Проблемные вопросы законодательного обеспечения явки граждан Российской Федерации на мероприятия, связанные с призывом на военную службу / И. В. Холиков, О. А. Лапина // Вестник военного права. — 2019. — № 2. — С. 45—49.
4. Чурилов, Ю. Охота на призывника / Ю. Чурилов // ЭЖ-Юрист. — 2011. — № 47. — С. 7.

Problem Issues of Implementation of Draft Commissions' Decisions on Conscription of the Russian Citizens for the Military Service

© **Lapina O. A.,**

Colonel, The Military University of the Ministry of
Defence of the Russian Federation

Abstract. The article studies the provisions of the Russian legislation related to realization of the constitutional duty to protect the country by the citizens of the Russian Federation, as well as appeal against draft commissions' decisions on conscription of the Russian citizens for the military service. The existing procedure for making decisions on the conscription of the Russian citizens for military service is considered in details with major focus on the mechanism of implementation of these decisions. The collision of the Russian legal norms regulating the issues of making decisions on the conscription of the Russian citizens for military service and implementation of the appealed decisions is demonstrated and the particular measures for its correction are offered.

Keywords: conscription for military service, military commissariat, draft commissions decisions on conscription of the Russian citizens for the military service, appeal against draft commissions decisions.

О правовом регулировании конкурса среди субъектов Российской Федерации на лучшую подготовку граждан к военной службе

© Харитонов В. С.,

студент юридического факультета
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация. В статье рассмотрено правовое регулирование проведения конкурса среди субъектов Российской Федерации на лучшую подготовку граждан Российской Федерации к военной службе, организацию и проведение призыва на военную службу как формы воинской обязанности.

Ключевые слова: воинская обязанность, конкурс на лучшую подготовку граждан Российской Федерации к военной службе.

Эффективная подготовка граждан к военной службе как одна из форм исполнения воинской обязанности является одним из условий успешного выполнения военнослужащими обязанности по защите Отечества от вооруженного нападения. Для совершенствования работы по подготовке граждан Российской Федерации к военной службе, по организации и проведению призыва на военную службу используются разные способы и направления, одно из которых, используемое уже не одно десятилетие, — проведение конкурса среди субъектов Российской Федерации на лучшую подготовку граждан Российской Федерации к военной службе, организацию и проведение призыва на военную службу.

Порядок проведения указанного конкурса определен постановлением Правительства Российской Федерации от 5 июня 2000 г. № 436, которым утверждено Положение о проведении конкурса среди субъектов Российской Федерации на лучшую подготовку граждан Российской Федерации к военной службе, организацию и проведение призыва на военную службу (далее — Положение).

Основными задачами конкурса, согласно п. 2 Положения, являются

— совершенствование работы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, военных комиссариатов и общественных объединений по подготовке граждан Российской Федерации к военной службе, по организации и проведению призыва на военную службу;

— более полное использование их возможностей в области военно-профессиональной ориентации граждан при подготовке их к военной службе;

— повышение качества мероприятий по организации и проведению призыва на военную службу;

— поддержка и распространение передового опыта в области подготовки граждан к военной службе, организации и проведения призыва на военную службу.

Конкурс проводится ежегодно.

Сведения о результатах подготовки граждан к военной службе, организации и проведения призыва на военную службу, достигнутых субъектами Российской Федерации за истекший год, представляются по форме, установленной приказом Министра обороны Российской Федерации от 19 марта 2020 г. № 145 «Об установлении формы сведений о результатах подготовки граждан Российской Федерации к военной службе, организации и проведения призыва на военную службу, достигнутых субъектами Российской Федерации за истекший год, и определении критериев и порядка оценки работы субъектов Российской Федерации по подготовке граждан Российской Федерации к военной службе, организации и проведению призыва на военную службу», в конкурсные комиссии военных округов, в состав которых входят представители управления военного округа и органов исполнительной власти соответствующих субъектов Российской Федерации.

На конкурсные комиссии возложена оценка работы соответствующих субъектов Российской Федерации в указанной сфере.

Критерии и порядок оценки этой работы указаны в приложении № 2 к приказу Министра обороны Российской Федерации от 19 марта 2020 г. № 145.

Выводы конкурсных комиссий о работе субъектов Российской Федерации по подготовке граждан к военной службе, по организации и проведению призыва на военную службу рассматриваются военными советами военных округов с участием представителей заинтересованных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, после чего определяется субъект Российской Федерации, в котором эта работа организована наилучшим образом, и соответствующие материалы направляются в центральную конкурсную комиссию, которую возглавляет Министр обороны Российской Федерации.

Следует отметить, что победители конкурса в большей степени поощряются морально, чем материально. Так, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, занявшего первое место, может быть представлен Министром обороны Российской Федерации к награждению Почетной грамотой Правительства Российской Федерации или благодарностью Правительства Российской Федерации, ему вручается переходящий вымпел Министра обороны Российской Федерации (описание которого дается в приказе Министра обороны Российской Федерации от 21 апреля 2005 г. № 140 «О переходящем Вымпеле и Почетной грамоте Министра обороны Российской Федерации для поощрения победителей конкурса среди субъектов Российской Федерации на лучшую подготовку граждан Российской Федерации к военной службе, организацию и проведение призыва на военную службу»).

Вручение вымпела приурочивается ко Дню Победы.

Так, в 2018 г. вымпел за победу в конкурсе уже в пятый раз получил Ставропольский край, награждение прошло 10 июля 2019 г.¹

Непосредственные исполнители и должностные лица, ответственные за подготовку граждан к военной службе в субъектах Российской Федерации, занявших по итогам конкурса первое, второе и третье места, награждаются Министром обороны Российской Федерации почетными грамотами, им выдаются денежные премии, размер которых не должен превышать 300 000 руб.

В заключении отметим, что ежегодно проводимый между субъектами Российской Федерации конкурс на лучшую подготовку граждан к военной службе, организацию призыва на военную службу способствует высокому уровню организации работы на местах в указанной сфере.

On the legal regulation of the competition among the subjects of the Russian Federation for the best preparation of citizens for military service

© Kharitonov V. S.,

law student at the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Resume. The article discusses the legal regulation of the competition among the subjects of the Russian Federation for the best preparation of citizens of the Russian Federation for military service, the organization and conduct of conscription for military service as a form of military duty.

Keywords: military duty, competition for the best preparation of citizens of the Russian Federation for military service.

¹ См. сайт Минобороны России: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12254917@egNews, дата обращения 08.05.2020).

Обучение и воспитание

Профессионально-правовая подготовка журналистов к работе в условиях вооруженного конфликта

© Козлов А. В.,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационного менеджмента, рекламы и связей с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования Московского педагогического государственного университета

© Сыртланов Т. М.,

соискатель Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируется опыт профессионально-правовой подготовки журналистов к деятельности в условиях вооруженного конфликта. Приводятся данные о гибели журналистов в вооруженных конфликтах, показана практика деятельности по обучению журналистов правилам профессиональной деятельности в условиях войн и вооруженных конфликтов. Выявлены проблемы и пути их решения.

Ключевые слова: журналист, международное гуманитарное право, средства массовой информации, военный корреспондент, защита журналиста.

Сложившаяся в последние годы ситуация в горячих точках планеты позволяет утверждать, что число преступлений против журналистов, работающих в зонах вооруженных конфликтов, неумолимо растет. Это касается всех категорий представителей СМИ, чей международно-правовой статус в условиях вооруженного конфликта закреплен в классических положениях Гаагского и Женевского права.

Под понятием «журналист» в комментарии 1987 г. к ст. 79 «Меры по защите журналистов» Дополнительного протокола 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. (Протокол I) понимается «корреспондент, репортер, фотограф и их кино- радио- и телеоператоры, для которых осуществление указанной деятельности обычно является основной профессией»¹.

В зоне вооруженного конфликта журналист может находиться в качестве: военного журналиста, военного корреспондента, свободного журналиста, т.е. творческого сотрудника СМИ, находящегося в опасной профессиональной командировке в районах вооруженного конфликта².

Вопросы безопасности двух последних категорий журналистов рассматриваются на сессиях и саммитах ООН, ПАСЕ, ОБСЕ, различных международных общественных структур и организаций. Принимаются декларации и резо-

¹ Commentary of 1987 measures of protection for journalists, п. 3260 // URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/Comment.xsp>

² Козлов А. В. К вопросу о правовом статусе военного корреспондента // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 8. С. 220—228.

люции, осуждающие нападение на сотрудников средств массовой информации и убийства журналистов, выполняющих свои профессиональные обязанности. Однако, несмотря на протесты и принятые документы, количество смертей журналистов, освещающих военные конфликты, продолжает увеличиваться.

Самым трагичным для отрасли стал 2012 г., когда в мире, по данным Международного института прессы, погибли 119 сотрудников СМИ¹. В 2013 г. по профессиональным мотивам были убиты 70 журналистов². В 2014 г. по данным Комитета защиты журналистов убиты 89 сотрудников СМИ, в их числе — 6 представителей российских СМИ. Около четверти погибших в 2014 г. репортеров — сотрудники иностранных СМИ, работавшие за рубежом. Большинство из них погибли там, где шли боевые действия. Почти половина журналистов убиты на Ближнем Востоке, из них 38 % — в момент открытых столкновений.

Десять лет подряд Сирия удерживает за собой статус самого опасного государства для работы журналистов. Только в 2014 г. там погибли 18 сотрудников СМИ, при этом в двух случаях группировка «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) (запрещена в России) казнила двух журналистов-заложников³.

В список опасных стран также попала Украина⁴. По официальным данным, в ходе выполнения служебного долга на Украине в 2014 г. погибли 11 журналистов, в 2015 г. — 5, в 2016 г. — 1.

В 2017 г. в мире по данным Press Emblem Campaign убито 97 журналистов, двое из которых россияне⁵, а за 11 месяцев 2018 г. — 80 человек, среди которых трое — россияне. Больше половины убийств приходится на Афганистан (15 жертв), Сирию (11), Йемен (8), Мексику (9) и Индию (6)⁶.

75 представителей СМИ погибли в 26 странах в 2019 г. Первые позиции в списке государств по числу жертв заняли Мексика (13 человек), Афганистан (8) и Пакистан (8), далее следуют Сирия (6), Гондурас (5) и Филиппины (4). Среди стран, где погибли журналисты, также числятся Украина, Великобритания, Бразилия, Индия⁷.

¹ Чукова Т. Журналисты, погибшие в ходе военных конфликтов с 1991 года // Режим доступа: <http://tass.ru/info/1267478> (дата обращения: 2.02.2019).

² Цилюрик–Франц Д. Иностранные репортеры в зоне риска // Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2014-12-24/8_journalists.html (дата обращения: 12.12.2018).

³ Там же.

⁴ Руководство по безопасности журналистов. Освещение новостей в опасном и меняющемся мире / Комитет защиты журналистов // Режим доступа: <https://cpj.org/ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

⁵ В мире с начала 2017 года убили 58 журналистов // Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5a192edc9a7947a3101b7de3> (дата обращения: 2.02.2019).

⁶ «Репортеры без границ»: в 2018 году в мире убили 80 журналистов // Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/news/2018/12/18/147708-reportery-bez-granits-v-2018-godu-v-mire-ubili-80-zhurnalystov> (дата обращения: 12.12.2019).

⁷ Давыдов И. Подсчитано количество журналистов, погибших по всему миру в 2019 г. // Режим доступа: <https://riafan.ru/1234570-podschitano-kolichestvo-zhurnalystov-pogibshikh-po-vsemu-miru-v-2019-godu> (дата обращения: 12.12.2019).

Как сообщает неправительственная организация Press Emblem Campaign в Женеве, всего за последние 10 лет убиты 1 174 сотрудника СМИ¹. Чаще всего они освещали политические события и военные действия, что подтверждает Комитет защиты журналистов.

В работе журналистов в зоне вооруженного конфликта не бывает абсолютно одинаковых ситуаций, поэтому найти выход из сложившихся обстоятельств помогает знание норм международного гуманитарного права, законов, обычаев, культуры страны пребывания, умение оценить обстановку и принять правильное решение. Определенный опыт в этом плане уже накоплен журналистами, работающими в зонах боевых действий или в горячих точках. Данные знания также, безусловно, полезны для людей, которые только собираются работать в регионах повышенной опасности.

Решению этой задачи служит профессионально-правовая подготовка журналистов, которая охватывает:

- правовые вопросы;
- профессионально-творческие основы журналистской деятельности;
- основы личной безопасности.

Международная практика в данной сфере богата и разнообразна. В «Руководстве по безопасности журналистов» Комитета по защите журналистов приводятся адреса организаций в различных странах, которые предлагают подобные учебные курсы. Например, Международный институт безопасности журналистов (г. Лондон)² обучает национальных журналистов, работающих в условиях вооруженных конфликтов. «Репортеры без границ» проводят курсы по безопасности и управлению стрессовой ситуацией, а также по международному гуманитарному праву (МГП). Занятия проводятся в сотрудничестве с французским Красным Крестом³.

ЮНЕСКО совместно с такими организациями, как Шведское агентство по международному сотрудничеству, Международный институт безопасности журналистов, регулярно проводят курсы по личной безопасности для сотрудников СМИ в различных странах⁴.

Существует в этой сфере и отечественный опыт профессионально-правовой подготовки журналистов.

Под последней авторы понимают комплекс учебных мероприятий по всесторонней подготовке творческих сотрудников СМИ правовым, профессионально-творческим основам журналистской деятельности и основам личной

¹ Там же.

² Международный институт безопасности журналистов (International News Safety Institute) // Режим доступа: www.newssafety.org (дата обращения: 27.11.2019).

³ Репортеры без границ (Reporters Without Borders) // Режим доступа: <http://en.rsf.org> (дата обращения: 27.11.2019).

⁴ Смайт Ф. Руководство по безопасности журналистов. Освещение новостей в опасном и меняющемся мире / Комитет защиты журналистов // Режим доступа: https://cpj.org/security/guide_ru.pdf (дата обращения: 27.11.2019).

безопасности, в том числе и в условиях локальных войн и вооруженных конфликтов.

Профессионально-правовая подготовка журналистов в России реализуется посредством:

— чтения вузовских курсов по защите журналиста во время войны, в т.ч. дисциплины «Международное гуманитарное право и СМИ»;

— проведения различных теоретических и практических курсов, семинаров и др.

Практика чтения в России учебной дисциплины «Международное гуманитарное право и СМИ» начинается в середине 90-х гг. XX в. С этого времени курс распространился по вузам страны и до недавнего времени являлся повсеместным. К сожалению, в последние годы эта тенденция пошла на спад. В 57 процентах институтов, (факультетов, отделений) журналистики отказались от его чтения¹. Банально нет подготовленных педагогических кадров.

Цель дисциплины — дать студентам-журналистам знания о системе юридических норм, применяемых в период вооруженных конфликтов, об их применении в деятельности СМИ.

Для представителей прессы знания международного гуманитарного права важны как в плане их собственной безопасности, так и для обеспечения правдивости, точности выступлений и публикаций. Именно эти знания позволяют им квалифицированно оценить действия сторон вооруженного противоборства, привлечь внимание к нарушениям норм МГП. А таковые имеют место во многих горячих точках планеты, в том числе в отношении представителей СМИ.

При этом проблема ответственности за нарушение норм МГП состоит не только в наличии или отсутствии специальных институтов международного правосудия, но и в решающей степени зависит от готовности и способности, воли государств соблюдать нормы и принципы международного права не на словах, а на деле¹. И организация подобных учебных курсов в немалой степени способствует этому.

Нельзя забывать, что основой формирования МГП является не только принятие государствами соответствующих договоров путем их ратификации или присоединения к ним, но и создание на национальном уровне условий, способствующих соблюдению норм МГП: принятие законодательных, исполнительных и иных мер по его имплементации, распространение знаний и информации о МГП и т.д. Важную роль в этом процессе играет координация действий между различными правительственными учреждениями и секторами, вооруженными силами и гражданским обществом².

В рамках курса «Международное гуманитарное право и СМИ» будущими журналистами изучаются темы: «МГП как отрасль права и ее влияние на деятельность прессы», «История создания первых международных документов, определяющих правовой статус журналиста», «Международные правовые до-

¹ Подсчитано авторами по материалам сайтов институтов (факультетов, отделений) журналистики вузов России.

кументы, определяющие статус журналиста на войне», «Особенности работы журналиста в зоне боевых действий» и др.

Достижение заявленной цели разработчиками курса позволяет подготовить журналистов, знающих и умеющих применять на практике нормы МГП, использование которых обусловлено наличием вооруженного конфликта международного или немеждународного характера.

Еще одно направление — проведение обучающих курсов для сотрудников прессы. В России вот уже 14 лет Союз журналистов Москвы проводит учебно-практические курсы (УПК) «Бастион»³. Благодаря им, представители средств массовой информации осваивают знания и навыки, которые помогут сохранить жизнь и здоровье, а также отработать практические элементы взаимодействия с Вооруженными Силами России и другими силовыми структурами.

Создание УПК «Бастион» было вызвано теми обстоятельствами, что в конце 1990-х — начале 2000-х гг. в ходе чеченской кампании погибли 35 журналистов, 12 — пропали без вести, десятки были ранены⁴. Еще одна причина — некорректные действия журналистов приводили к печальным последствиям не только для них самих, но и для военнослужащих, а обнародованная информация подчас приводила к срыву антитеррористических операций и гибели заложников.

Именно в этих условиях у руководителей Союза журналистов Москвы появилась идея открытия в России курсов для журналистов, работающих в зонах вооруженных конфликтов и кризисных ситуациях. В 2001 г. Союз журналистов Москвы совместно с Пресс-службой Минобороны России разработали методику обучающих курсов для представителей СМИ и информационных структур, работающих в особых условиях⁵.

В программе УПК «Бастион» учтен опыт всех силовых структур России, Международного Комитета Красного Креста, МЧС России и МИД России, российских и зарубежных СМИ, ведущих вузов России, профильных научно-исследовательских организаций¹.

Воплощение в жизнь данного проекта произошло в 2005 г. в связи с подписанием Президентом России «Плана мероприятий по информационному сопровождению борьбы с терроризмом и обеспечению общественной безопасно-

¹ Дамаскин О. В., Холиков И. В. Военные аспекты международного гуманитарного права // Военное право. 2017. № 2. С. 220.

² Дамаскин О. В., Холиков И. В. Современные проблемы международного гуманитарного права // Современное право. 2017. № 5. С. 104.

³ «Бастион» учит выживать журналистов в критических ситуациях // Режим доступа: <http://smi-antiterror.ru/articles/quot-bastion-quot-uchit-vyzhivat-zhurnalistov-v-kriticheskikh-situatsiyakh/> (дата обращения: 12.12.2019).

⁴ Там же.

⁵ Васин А. В. Взаимодействие органов государственной власти и общественных организаций по вопросу освещения военных конфликтов в СМИ в 1990—2000-е годы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. № 3-1. С. 38—41.

сти». Финансовую поддержку оказало Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям².

УПК «Бастион» начал функционировать в мае 2006 г. на базе курсов «Выстрел» при Общевоинской академии Вооруженных Сил. На выборе места сказалось то, что именно на солнечногорском полигоне проходили подготовку будущие российские и европейские миротворцы.

Преподаватели курсов «Бастион» имеют не только значительные теоретические знания, но и богатый практический опыт выживания в экстремальных условиях³. Задача педагогов — дать ключевые навыки и умения по выживанию журналистов в условиях вооруженного конфликта, научить их сотрудничать с представителями силовых ведомств, владеть правовыми основами деятельности в условиях войн и вооруженных конфликтов.

Во время теоретической части подготовки журналистам показывают обучающие видеофильмы, они изучают учебно-теоретические материалы, участвуют в семинарах. В программу включены и лекции по международному гуманитарному праву.

Все это помогает им понять основополагающие принципы работы в условиях ведения боевых действий и контртеррористических операций, во время массовых беспорядков, стихийных бедствий, адекватно оценивать свои возможности и сделать риски минимальными.

Лекции и мастер-классы проводят представители МИД России, ФСБ России и НАК России, МВД России и МЧС России, высших учебных заведений, Московского центра защиты от стресса, а также опытные военные корреспонденты⁴.

Во время практических занятий слушатели программы выезжают на полигон. Здесь они на практике закрепляют полученные в аудитории знания.

Курсы «Бастион» проходят 5—7 дней и заканчиваются тестированием, по итогам которого слушателям вручаются сертификаты.

География проведения УПК широка: Солнечногорск (2006—2008 г.), Волгоград (2008 г.), Челябинская область (2009 г.), Югра (2011 г.), Владивосток (2012 г.), Новороссийск (2013 г.), Нижегородская область (2014 г.), Севастополь (2015 г.), Московская область и Ленинградская область (2016 г.), Владимирская область (2017 г.), Рязанская область (2018 г.), Крым (2019 г.) За четырнадцать лет подготовку на УПК «Бастион» прошли без малого одна тысяча корреспондентов, операторов, видеоинженеров, фотожурналистов из всех регионов Рос-

¹ «Бастион» — курсы спецподготовки журналистов, работающих в экстремальных условиях и горячих точках // Режим доступа: URL: <http://smi-antiterror.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

² Щербина Л. В. Подготовка журналистов к работе в экстремальных условиях противодействие терроризму. проблемы XXI века — counter-terrorism // Современная экономика и право. 2015. № 2. С. 4—7.

³ Там же.

⁴ Онлайн журнал отечественной журналистики «Союз» // Режим доступа: <http://mag-union.ru/> (дата обращения: 12.12.2019).

сии. Курсы можно назвать международными. На них обучались журналисты из Украины, Приднестровья, Казахстана и других стран ближнего зарубежья.

С 2018 г. обучение на курсах, подобных «Бастиону», — обязательный этап подготовки журналистов к работе в горячих точках. Этого требует закон о дополнительных мерах по защите журналистов, работающих в горячих точках, который был подписан Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 г.¹ Подготовку творческого сотрудника СМИ обязан обеспечить работодатель.

На него же возложены выплаты за вред, причиненный жизни или здоровью журналиста, выполняющего поручение редакции в районах вооруженных конфликтов².

К проблемным вопросам профессионально-правовой подготовки современных российских журналистов можно отнести:

— отсутствие дисциплины «Международное гуманитарное право и СМИ» в учебных планах без малого 60 процентов российских институтов, (факультетов, отделений) журналистики;

— ограниченные возможности по приему слушателей, которым предстоит работать в горячих точках, на всех обучающих курсах по защите журналиста в условиях военных действий;

— отсутствие государственного финансирования проведения курсов и др.

Решение названных выше и многих других проблем позволило бы повысить эффективность профессионально-правовой подготовки творческих сотрудников средств массовой информации к работе в условиях вооруженного конфликта.

Библиография

1. Васин, А. В. Взаимодействие органов государственной власти и общественных организаций по вопросу освещения военных конфликтов в СМИ в 1990—2000-е годы / А. В. Васин // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2017. — № 3-1. — С. 38—41.
2. Дамаскин, О. В. Военные аспекты международного гуманитарного права / О. В. Дамаскин, И. В. Холиков // Военное право. — 2017. — № 2. — С. 214—221.
3. Дамаскин, О. В. Современные проблемы международного гуманитарного права / О. В. Дамаскин, И. В. Холиков // Современное право. — 2017. — № 5. — С. 104—111.
4. Козлов, А. В. К вопросу о правовом статусе военного корреспондента / А. В. Козлов // Социально-гуманитарные знания. — 2019. — № 8. — С. 220—228.
5. Щербина, Л. В. Подготовка журналистов к работе в экстремальных условиях противодействие терроризму. проблемы XXI века — counter-terrorism / Л. В. Щербина // Современная экономика и право. — 2015. — № 2. — С. 4—7.

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Закон «О средствах массовой информации». Ст. 47¹.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2019 г. № 1195 «Об утверждении Правил выплаты единовременной компенсации при причинении вреда жизни или здоровью сотрудника редакции в процессе выполнения им поручения редакции в особых условиях».

Professional and legal training of journalists for work in the conditions of the armed conflict

© **Kozlov A.**,

Head of Communicative Management, Advertising and Public Relations Department of the Institute of Journalism, Communication and Media Education, Moscow Pedagogical State University

© **Syrtlanov T.**,

researcher at the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article analyzes the experience of professional and legal training of journalists to work in conditions of armed conflict. Data on the death of journalists in armed conflicts are provided, and the practice of training journalists in the rules of professional activity in war and armed conflicts is shown. Problems and ways to solve them are identified.

Keywords: journalist, international humanitarian law, mass media, war correspondent, protection of a journalist.

Правовое обучение и воспитание военнослужащих, проходящих службу в Арктике

© **Федак Е. И.**,

кандидат педагогических наук, доцент, профессор 19 кафедры (педагогика) ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации

© **Потяев П. Ю.**,

адъюнкт 19 кафедры (педагогика) ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье раскрываются особенности правовой подготовки военнослужащих, проходящих службу в Арктическом регионе. Сформулированы главные задачи, основные формы, силы и средства правового обучения и воспитания военнослужащих, проходящих службу в Арктическом регионе. Рассмотрена система работы должностных лиц по организации правового обучения и воспитания личного состава в арктических условиях.

Ключевые слова: Арктика, правовое воспитание, правовое обучение, национальная безопасность Российской Федерации; приарктические государства.

На сегодняшний день, в условиях активно развивающегося мирового интереса к арктическим территориям, перед Вооруженными Силами Российской Федерации остро стоит вопрос защиты интересов страны и ее северных территорий¹.

Арктика — регион с особым статусом, подверженный острой дискуссии по своей государственной принадлежности. Проблема спора стран арктического региона и не только о границах владения территориями Арктики возникла задолго до того, как произошло понимание важности этого региона. Актуальность этого вопроса в последние десятилетия набирает обороты и привлекает все больше внимания. Человечество с конца XIX в. и до настоящего времени совершило огромный научно-технический прорыв, при этом важнейшее значение приобрела проблематика обеспеченности и близости потребителей к различным энергетическим ресурсам планеты. Арктика по праву считается богатейшим регионом природных ресурсов нефти и газа. И последующие развитие того или иного государства будет напрямую связано с владением этими ресурсами. Поэтому вопрос применения военной силы в арктическом полярном секторе останется делом времени.

Вместе с Россией одну арктическую границу имеют такие государства, как Канада, Дания (в Гренландии), Норвегия и США. При этом из всей Арктики Российской Федерации принадлежит самая большая ее часть.

В соответствии с российским законодательством, в Арктическую зону

¹ Потяев П. Ю. Обучение военнослужащих мотострелковых подразделений (арктических) приемам изготовления к стрельбе при передвижении на лыжах в условиях Арктики // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 167.

Российской Федерации входят территории Мурманской области, Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Чукотского автономных округов, а также земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, указанные в Постановлении Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане», и других актах СССР¹.

К основополагающим нормативным правовым актам в сфере военной безопасности и развития арктической зоны относятся: Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года»; Указ Президента Российской Федерации от 26 февраля 2019 г. № 78 «О совершенствовании государственного управления в сфере развития Арктической зоны Российской Федерации» и многие другие.

Нарастающие потенциальные опасности в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации, заключающиеся в стремлении других государств, особенно неарктической зоны, иметь дивиденды от освоения колоссальных ресурсов региона, а также начавшийся процесс милитаризации Арктики США, вынуждают соответствующе реагировать и Российскую Федерацию. Возобновление присутствия российской группировки войск в регионе является тому ярким подтверждением.

Нельзя не отметить усилия Российской Федерации по отстаиванию своих интересов в Арктике. В частности, начиная с 2007 г., проведен ряд успешных научно-исследовательских экспедиций с целью изучения и подтверждения того факта, что хребет Ломоносова и поднятие Менделеева в районе Северного полюса являются естественным продолжением континентального шельфа Российской Федерации (площадь территории составляет более 1 млн. км.). Тем самым доказана остальным приарктическим странам несостоятельность своих притязаний на оспариваемые территории.

В настоящее время подразделения Сухопутных войск Вооруженных Сил должны быть готовы к выполнению боевых задач в суровых условиях Арктики, так как это необходимо для обеспечения военной безопасности, защиты и охраны государственных интересов Российской Федерации в Арктической зоне. Для этого необходимо готовить специалистов, не только способных вести бой в условиях Арктики, но и имеющих высокие правовые знания.

Правовое воспитание военнослужащих — это организованная, систематическая и целенаправленная деятельность органов военного управления, командиров (начальников) всех степеней, должностных лиц органов военной юстиции и органов воспитательной работы по привитию военнослужащим правовых знаний, формированию у них уважения законов как социальной ценности, выработке у них потребностей, привычек и навыков правомерного поведения, которое является составной частью системы воспитательной работы в Воору-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации».

женных Силах Российской Федерации и органически связано с другими видами воспитания (воинским, нравственным, политическим и т.д.)¹.

Теоретические основы правового обучения и воспитания военнослужащих в полном объёме относятся и к её организации и проведению в условиях Арктики. Конечно, в арктических условиях работа по правовому обучению и воспитанию личного состава имеет свои особенности.

После изучения проблемы правового обучения и воспитания на основе анализа работ Н. В. Даничева², В. И. Ворощенко³, Д. В. Игнатьева⁴ и других исследователей⁵ были сформулированы главные задачи правового обучения и воспитания военнослужащих, проходящих службу в Арктическом регионе:

— обучение личного состава правовым знаниям государственной политики в области обороны и безопасности Российской Федерации в Арктике;

— развитие знаний о договорных международных соглашениях, регламентирующих нахождение Вооруженных Сил Российской Федерации в Арктике;

— развитие знаний о статусах приарктических государств в сфере использования Арктики;

— формирование готовности и умения личного состава к обеспечению военной безопасности и защиты национальных интересов в арктической зоне Российской Федерации;

— укрепление уверенности в правовом применении (использовании) Вооруженных Сил Российской Федерации на арктической территории в соответствии с международным правом;

— воспитание патриотической солидарности с решениями военно-политического руководства страны по защите интересов России в Арктике.

В качестве основных принципов правового воспитания в Вооруженных Силах Российской Федерации можно выделить следующие: гуманизации; научной обоснованности; индивидуального подхода; воспитания в коллективе и через коллектив; воспитания в процессе воинской деятельности; комплексности в воспитании; целеустремленности и конкретности; гибкости и динамизма в

¹ Иванеев С. В. Рационально-этические ориентиры в правовом воспитании военнослужащих // Военное право. 2017. № 5 (45). С. 138—142.

² Даничев Н. В. Принципы правового обучения и воспитания военнослужащих войск национальной гвардии // Образование и педагогические науки в XXI веке. Актуальные вопросы, достижения и инновации : Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2019. С. 39—41.

³ Ворощенко И. В. Организация правового обучения и воспитания личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации // Гуманитарные проблемы военного дела. 2014. № 1 (1). С. 159—161.

⁴ Игнатьев Д. В. Правовая основа деятельности Российской группировки войск в Арктике и территориальные претензии западных стран // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2018. № 1 (9). С. 143—147.

⁵ См., например: Военное право : учебник / В. К. Белов [и др.] / под ред. В. Г. Стрекозова, А. В. Кудашкина. М.: «За права военнослужащих», 2004.

содержании, формах и методах; систематичности и непрерывности¹.

В процессе правового обучения и воспитания личного состава командиров, исходя из особенностей арктического климата, необходимо активно использовать весь арсенал форм правового воспитания военнослужащих.

Исходя из условий выполнения учебных и боевых задач в Арктике, предпочтение в занятиях по различным аспектам правовой арктической подготовки личного состава следует отдавать индивидуальным, микрогрупповым и групповым формам работы.

К ним можно отнести следующие: индивидуальная работа с личным составом; беседы и лекции по вопросам политического, воинского, правового и других видов воспитания; подведение итогов боевой подготовки и состояния воинской дисциплины; информирование личного состава; просмотр и прослушивание информационных теле-радио-передач; коллективный просмотр видеофильмов; доведение и разъяснение приказов с объявлением приговоров военных судов об осуждении военнослужащих; собрание личного состава и другие мероприятия.

Занятие проводит категория командиров подразделений и заместителей командиров по военно-политической работе во время военно-политической работы и в отведенный 1 ч. в неделю (в среду) для правового консультирования личного состава с участием специалистов служб воинской части, доведения и разъяснения правовых актов Российской Федерации и Минобороны России, приема военнослужащих по личным вопросам².

Для проведения занятий привлекается также начальник юридической службы в зависимости от рассматриваемой темы.

В роте имеются следующие силы и средства правовой работы с личным составом:

— силы: офицерский состав; сержантский состав; редколлегии стенной печати; спорторганизатор; культурорганизатор; совет комнаты информирования и досуга; редактор боевого листка, листка молнии; информатор.

— средства: телевизор; переносная трансляционная установка (ВПТУ-20); переносной радиоприемник; книжная библиотечка; стенгазета, фотогазета, сатирическая газета; боевые листки и листки-молнии; газеты и журналы; комната досуга.

Система работы должностных лиц по организации правового обучения и воспитания личного состава в арктических условиях включает:

— уяснение и оценку исходных данных, изучение руководящих документов касающихся арктического региона, задач, поставленных старшими начальниками, анализ состояния боевой готовности, боевой подготовки, морально-психологического состояния личного состава, состояния правопорядка и воинской дисциплины, оценку условий организации правового обучения и воспита-

¹ Корякин В. М. Введение в теорию военного права : монография // Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. М.: За права военнослужащих, 2007.

² П. 10 приказа Министра обороны Российской Федерации от 22 июня 2019 г. № 404 «Об организации военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации».

ние личного состава, анализ состояния и возможностей объектов учебно-материальной базы правового обучения и воспитание личного состава;

— выработку замысла и принятие решения на организацию правового обучения и воспитания личного состава, и поддержание воинской дисциплины в воинской части, подразделении (какими силами, средствами и способами, в какой последовательности и в какие сроки должны быть выполнены основные первоочередные мероприятия правового обучения и воспитания личного состава);

— планирование мероприятий правового обучения и воспитания личного состава, согласование и утверждение разработанных документов;

— всесторонний контроль и помощь в организации и проведении мероприятий правового обучения и воспитания личного состава;

— подведение в установленные сроки итогов правового обучения и воспитания с личным составом, постановка задач на устранение недостатков.

Правовое обеспечение деятельности частей и подразделений имеет чёткую организационную структуру. В Вооружённых Силах действует система органов и должностных лиц, на которых возложена задача организации и непрерывного управления всей системой правового обучения и воспитания в целях достижения его высокой эффективности и действенности в мирное и военное время.

Таким образом, правовое обучение и воспитание военнослужащих, проходящих службу в Арктическом регионе, является необходимым для обеспечения национальной безопасности и достаточным условием для обеспечения успешного и безопасного освоения Арктики. Знание личным составом теоретических и правовых основ международных соглашений, юридических статусов государств арктического региона и пр., будет способствовать их качественной воинской службе и успешному выполнению задач по защите национальных интересов Российской Федерации в Арктике.

Библиография

1. Военное право : учебник / В. К. Белов [и др.] / под ред. В.Г. Стрекозова, А. В. Кудашкина. РОД «За права военнослужащих». — М., 2004. Сер. Выпуск 45 «Право в Вооружённых Силах — консультант». — 640 с.

2. Ворощенко, И. В. Организация правового обучения и воспитания личного состава Вооружённых Сил российской Федерации / И. В. Ворощенко // Гуманитарные проблемы военного дела. — 2014. — №1 (1). — С. 159—161.

3. Даничев, Н. В. Принципы правового обучения и воспитания военнослужащих войск национальной гвардии / Н. В. Даничев // Образование и педагогические науки в XXI веке. Актуальные вопросы, достижения и инновации : Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. — Пенза, 2019. — С. 39—41.

4. Иванеев, С. В. Рационально-этические ориентиры в правовом воспитании военнослужащих / С. В. Иванеев // Военное право. — 2017. — №5 (45). — С. 138—142.

5. Игнатьев, Д. В. Правовая основа деятельности Российской группировки войск в Арктике и территориальные претензии западных стран / Д. В. Игнатьев // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. — 2018. — № 1 (9). — С. 143—147.

6. Корякин, В. М. Введение в теорию военного права : монография / В. М. Корякин //

Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. — М.: За права военнослужащих, 2007.

4. Потяев, П. Ю. Обучение военнослужащих мотострелковых подразделений (арктических) приемам изготовления к стрельбе при передвижении на лыжах в условиях Арктики / П. Ю. Потяев // Мир науки, культуры, образования. — 2019. — № 6 (79). — С. 167—169.

Legal training and education of military personnel, serving in the Arctic

© Phedak Ye. I.,

PhD in Pedagogy, docent, Professor of department 19 (pedagogy) of the Federal State military educational institution of higher education "Military University" of the Ministry of defense of the Russian Federation,

© Potiayev P. Yu.,

Postgraduate student of pedagogy department of Federal State military educational institution of higher education "Military University" of the Ministry of defense of the Russian Federation,

Annotation: The article reveals the features of the legal training of service men serving in the Arctic region. The main tasks, basic forms, efficacies and means of legal training and education of military personnel serving in the Arctic region are formulated in the article. The article considers system of work of officials on the organization of legal training and education of personnel in the Arctic conditions.

Key words: Arctic, legal education, legal training, national security of the Russian Federation; subarctic states.

Теория и история государства и права

Историко-правовой анализ защиты сведений, составляющих государственную тайну

© Белков А. П.,
аспирант

© Долинин Д. Н.,
кандидат юридических наук, преподаватель

Аннотация. В статье проведен исторический и сравнительный анализ научных взглядов на теорию защиты сведений, составляющих государственную тайну. Автором сделаны выводы об основных аспектах деятельности российского и иностранных государств в разных этапах становления и экономического развития.

Ключевые слова: правовой режим; государственная тайна; правовое регулирование защиты сведений, составляющих государственную тайну; шпион; шпионаж.

Первым государством, организовавшим мероприятия по защите государственной тайны и применившим меры карательного характера за разглашение, передачу сторонним лицам или утрату документов государственной важности, что вело к ощутимому урону для страны, стала Германия. Позитивным примером в этой отрасли государственной деятельности воспользовались Австро-Венгрия, Франция, Италия и Россия.

Согласно германскому законодательству 1871 г. за информирование иностранных правительственных структур о планах военных сооружений, а также о содержании секретной военной документации полагалось продолжительное тюремное заключение. Непродолжительный арест или финансовый штраф применялись к тем лицам, которые зарисовывали схемы инженерно-технических военных сооружений — укреплений, дотов, фортификационных рубежей и оборонительно-заградительных линий¹.

Наказание со стороны государственных органов полагалось за такие виды деятельности, приносящей вред стране и разглашающей ее секреты:

— накопление информации относительно достижений страны в военном деле, масштабах сооружений или военных заказов для передачи зарубежным агентам;

— публикация в средствах массовой информации данных о вооруженных силах или военных проектах, если на оглашение этих объектов лежал запрет, разглашение или ознакомление с ними иностранных правительств могло стать причиной потенциального вреда государству.

На основании утвержденной в рамках Брюссельской конференции 1874 г. Декларации о правилах ведения войны была выдвинута формулировка шпиона как лица, занятого скрытым сбором военных сведений для передачи их противникам. Кроме того, шпионская деятельность признавалась как приемлемое

¹ Авалян Р. История правового регулирования гражданского общества в России // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. Выпуск. 2015. № 3/4. С. 32.

средство для ведения военных конфликтов и начинала пониматься как институт международно-правовой нормы. При этом указывалось на принципиальное отличие лица, осуществляющего шпионаж, от лазутчика, который проникает на вражескую территорию скрыто и состоит при этом на военной службе противника. В практической деятельности нередки случаи интеграции этих понятий ввиду специфики внедрения шпионов и разведчиков.

Итак, нормы международного права допускают осуществление шпионажа, хотя этому виду деятельности присуща высокая степень риска¹.

Специфика деятельности шпиона обуславливает и его социально-политическую позицию, и способ жизни. Согласно тактике и стратегии спецслужб, тайным агентам необходимо проявлять максимум обыденности в повседневной жизни и маскироваться стандартной обезличенностью. Это прием именуется «открытая скрытность» и характеризует профессиональных разведчиков высокого класса, что требует от личности не только выдержанного темперамента, но и развитых интеллектуальных способностей.

Среди приоритетных задач шпионажа необходимо упомянуть:

- информационную, подразумевающую профилактику шпионско-диверсантской активности на собственной территории;
- наступательную, охватывающую контрразведывательные мероприятия и реализацию точечных военных действий на территории противника.

Работа шпиона состоит во внимательном и скрупулезном сборе информации, доступной рядовому гражданину государства, не привлекающего к себе внимания в процессе ознакомления с жизненными реалиями страны, города или региона. Так, на основании статистических закономерностей и применении картографии можно вычислить пропускной потенциал транспортных магистралей, что дает понимание возможностей того или иного региона при планировании диверсии или военных действий. На основании разработок внедренных шпионов и подаваемых им сведений о руководящем составе тех или иных предприятий возникает возможность провести целенаправленную вербовку значимых в масштабе страны кадров. Деятельностью шпионов практически всегда руководят статистические эксперты, запрашивающие, казалось бы, малозначимые факты относительно жизни государства, являющегося потенциальным противником. На основании заключений таких экспертов формируются мнения и комментарии, позволяющие своевременно рецензировать планы военной активности явного или вероятного противника.

В Российской империи в положениях Свода законов, изданного в 1832 и 1842 годах, был наложен запрет на разглашение государственных секретов должностными лицами, невыполнение такого требования каралось каторгой или смертной казнью.

В нормах Уложения о наказаниях, утвержденного в 1885 г., предполагались такие меры:

¹ Жаров С. Н. Становление режима секретности в Российском государстве // Правоведение. 2007. № 5. С. 183.

— за сообщение подданным Российской империи гражданам любых иностранных государств, даже нейтральных в отношении России, различных видов секретной информации, включая планы фортификационных сооружений, по нормам ст. 256 человек подлежал выселению в Сибирь;

— за сообщение чиновником засекреченных сведений в пользу правительств иностранных государств при наличии осознанного умысла или ввиду неосторожности по требованиям ст. 425 влекло увольнение с должности и отбывание тюремного срока¹.

Шпионаж классифицировался по стадиям:

— непосредственно передача информации;

— подготовительные мероприятия к шпионской деятельности.

Вина в отношении шпионажа могла быть признана согласно ст. 256 как у российских подданных любого сословия, так и у подданных иностранных государств.

В качестве объектов, указывающих на посягательства шпиона на безопасность России, расценивались документированные сведения, касающиеся этого вопроса, передача, разглашение или опубликование которых происходили как по случайности, так и при наличии умысла.

Характеристики деятельности, признаваемой как подготовка к шпионажу, определялись такими рамками:

— несанкционированное изображение военно-оборонительных сооружений и прилежащей к ним местности;

— копирование документации, снабженной грифом «секретно», или любых сведений о России для передачи иностранным гражданам;

— самостоятельное изучение территорий военных сооружений.

При совершении указанных преступлений законодательство предусматривало такие наказания как тюремное заключение или исправительные работы (ст. 31 и 33 Уложения).

При совершении должностным лицом оплошности, приведшей к утрате секретной документации, в нормах ст. 425 Уложения полагалось заключение в тюрьму.

С усложнением геополитической ситуации с 20 апреля 1892 г. в Российской империи стали применяться такие правовые нормы, которые позволяли министру юстиции при солидарном рассмотрении случая с высшим военным руководством или главнокомандующего флотом применять к служащим гражданских ведомств за преступления против безопасности России, указанные в ст. 256 Уложения, нормы военного суда².

На протяжении ряда лет, до 1903 г., ознаменовавшегося принятием нового Уголовного уложения, Российская империя подвергала деятельность по шпионажу как уголовно наказуемые мероприятия:

¹ Авалян Р. Указ. соч. С. 98.

² Кондрашов Б. П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения. М., 1998.

- реализация шпионской деятельности, истекающей из формулировки понятия;
- нарушение секретности при работе с засекреченной документацией и предметами, независимо от достоверности попадания их в руки противника;
- разведение почтовых пород голубей или реализация беспроводной телеграфной связи в районах, расположенных на границе;
- публикация статей, раскрывающих положения государственной тайны.

Специфичной чертой законодательства являлось отсутствие реестра, на основании которого информация классифицировалась как носящая характер государственной тайны. Были выделены отдельные группы данных, маркированные грифом «долженствующие сохраняться в тайне» — изображения сооружений, оружия, карты, спецификация кораблей, описание мероприятий по мобилизации и дислокации войск, как в мирное время, так и во время войны.

В 1903 г., в эпоху правления Николая II, была завершена деятельность особой комиссии, учреждённой императором Александром III в 1882 г. для составления Уголовного уложения, под руководством председателя криминалиста Н. С. Таганцева. В этом своде законов имелись отличия от Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, и был подан детальный перечень государственных преступлений, а также усиленные меры наказания за их совершение.

В Уголовном Уложении 1903 г. термин «шпионаж» трактовался шире и подробнее, а также дополнился классификацией между шпионами, имеющими доступ к секретным данным ввиду служебного положения, или без такового. Шпионам, использовавшим должностные полномочия, полагалась более строгая кара. Кроме того, высшая мера наказания полагалась и за убийство с целью «благоприятствования или способствования в шпионстве». Законодательно предусматривалась кара за копирование секретной документации. В положениях гл. IV Уголовного Уложения от 22 марта 1903 г. предусматривалась статья о государственной измене, раскрывающая указанный термин как посягательство на уровень внешней безопасности державы и ее статус в мировом сообществе¹.

Наиболее тяжко наказуемые случаи государственной измены относились к числу обстоятельств военной измены и предполагались при совершении таких преступных действий:

- выдача военного или флотского подразделения врагу;
- оказание сопротивления отрядам российского войска;
- покушение или убийство высших военных чинов, а также сдача их живыми неприятелю;
- разглашение военных маршрутов, писем или сообщений;
- шпионство.

В качестве субъекта преступления, как указывалось в ст. 119 Уголовного Уложения, мог выступать как подданный России, так и подданный иностранного государства, а также лицо, взятое в плен при реализации военных действий, если их деяния были направлены против союзников России или ее самой.

¹ Авалян Р. Указ. соч. С. 99.

Термин «военная измена» охватывал и ряд прочих видов деятельности:

— поступление лица с российским подданством на службу в ряды войск неприятеля или факт пребывания на такой службе после начала конфликта страны с Россией (ст. 109);

— договоренность с иностранными правительствами помогать военным действиям против России (ст. 110).

В 1912 г. в России был принят прогрессивный для Европы того времени законодательный акт, направленный на правовое обеспечение защиты государственной тайны и противодействие иностранному шпионажу. Этот закон от 5 июля 1912 г. «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства в мирное время» привел к существенному расширению термина «государственная измена в результате шпионажа» и трансформировал некоторые нормы статей Уголовного уложения. Кроме того, были введены принципиально новые карательные постановления в виде мер уголовной ответственности за отдельные виды шпионской деятельности, не наказывавшиеся в уголовном порядке ранее. В указанном Уложении шпионаж понимался как автономный вид правонарушения, не включенный в разновидности государственной измены, а также дополнялся пособническими действиями и раскрытием засекреченной информации.

Согласно закону от 5 июля 1912 г., в нормах ст. 111 сговор с иностранными агентами или службами представлял полный состав преступления. Мера наказания повышалась в случаях, если сговор заключало должностное лицо (ст. 111) или договоренность проводилась во время военных действий (ст. 118). Закон вводил понятие дипломатической измены¹, субъектом которой потенциально могло выступить лицо с дипломатическим статусом, представляющее Россию, при условии передачи секретных данных или реализации действий, причиняющих вред России. Подобная категория преступлений не относилась к разряду типичных и часто фиксируемых, о чем свидетельствует тот факт, что в 1908 г. в России не было совершено ни одного случая государственной измены. Между тем деятельность шпионов была достаточно распространенной и фиксировалась повсеместно.

Перед распадом Российской империи, вплоть до серьезных революционных перемен в 1917 г., не отмечалось ощутимых изменений в вопросах сохранности государственной тайны ввиду сложной политической и социально-экономической обстановки в стране.

Сформировавшаяся Советская республика была вынуждена прибегнуть к оперативному созданию высокоэффективного комплекса мероприятий по защите государственной тайны, которая с течением лет совершенствовалась и модифицировалась, реализовавшись в тот комплекс, которым оперируют уполномоченные органы в настоящее время.

¹ Золотарёв В. А. Военная безопасность Государства Российского. М.: Кучково поле, 2001. С. 7—8.

Приоритетные концепции и принцип организации выделились в процессе долгих экспериментальных разработок, проводившихся на протяжении 20—30-х годов XX в. После завершения этапа формирования структуры происходили незначительные изменения в уставных документах и изменялись названия структур, ответственных за безопасность информации.

Первое упоминание в законодательных актах Советского Союза понятия «государственная измена» встречается в выпущенном ВЦИК декрете от 20 июня 1919 г., хотя сущность термина не раскрывается. Факт измены рассматривается применительно к мере ответственности за такое преступление, причем объявление в регионе военного положения влекло даже высшую меру наказания за выявившиеся обстоятельства государственной измены. Кроме того, проблема измены Родине поднимается и в декрете СНК от 23 сентября 1919 г. «Об обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности при царском и буржуазном строе», в котором предписывалось наказание и конфискация имущества для лиц, уличенных в государственной измене.

Первой ласточкой в формировании централизованного комплекса защиты государственной тайны стало основание структур контрразведывательного сектора¹, эффективность работы которых не подлежит сомнению.

Так, среди достижений контрразведчиков необходимо упомянуть такие достижения, как создание пропускной паспортной системы для мониторинга миграционных процессов, что происходило на основании изданного в ноябре 1917 г. декрета СНК «Правила въезда и выезда из России», а также опубликованного 24 апреля 1919 г. декрета «О порядке выдачи заграничных паспортов». Отметим, что первоначально эти мероприятия не показали прогнозируемого уровня эффективности, что пояснялось распространенностью фальшивых или поддельных документов, удостоверяющих личность.

В 1920 г., ориентируясь на Постановление Совета труда и обороны, НКВД СССР был наделена исключительным правом определять характер и возможность пересечения границ отдельных регионов, что привело к формированию термина «территория особого режима». Историческое развитие страны привело к трансформации этих регионов в «закрытые» населенные пункты.

Окончание 1920-х годов ознаменовалось масштабной унификацией структуры секретных служб и формированием стандартов в номенклатуре должностей этих учреждений. Так, при центральных аппаратах Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) и народного комиссариата иностранных дел (НКВД), народного комиссариата путей сообщения (НКПС) были образованы секретные отделы, в республиканских наркоматах — секретные части, а на местах, в главках, управлениях и отделах — секретные части и секретные отделения соответственно.

В число номенклатурных единиц для должностных лиц органов безопасности входили:

¹ Золотарёв В. А. Указ. соч. С. 7—8.

- глава подразделения;
- инструкторы;
- секретари и их помощники;
- корреспонденты;
- старшие машинистки (машинистки);
- работники архива.

В структуре секретных структур существовали различные подразделения:

- тайного делопроизводства;
- отдел по работе с чертежами;
- бюро стенографии;
- мониторинговая группа;
- отдел учета и распределения;
- справочно-пропускной отдел.

Более конкретно структура секретных служб формировалась на основании резолюций наркоматов и распоряжений спецотделов при ОГПУ. Отделы по защите информации именовались совершенно по-разному: секретные части, подотделы секретного делопроизводства или шифровальные отделы.

Вплоть до 1921 г. правительством не предпринималось активных мероприятий по упорядочению систематизации и архивации документов, в которых заключались сведения с государственными тайнами. Первым трудом, заявившим Советской России о назревшей необходимости структурировать секретное делопроизводство и создать реестр данных, относящихся к военной тайне, стало учебное пособие «Военная тайна», публикация Управления военно-учебных заведений Западного фронта, выпущенная в 1921 г. Авторство книги принадлежит бывшему офицеру военной разведки имперской армии Н. Е. Какурину, который стремился разрешить круг вопросов по защите военной тайны в рядах Красной армии.

Параллельно, 13 октября 1921 г. по указанию Декрета СНК, осуществлено окончательное утверждение Реестра сведений, которые рассматриваются как тайные и не подлежат разглашению, их предполагалось делить на разновидности военного и экономического плана.

В первый УК РСФСР не было включено понятие «измена Родине», что поясняется тем, что на указанном этапе развития государства законодатели посчитали становление термина «Родина» или «государство» недостаточно развитыми и не стали акцентировать внимание на подобных преступлениях¹. Между тем, в УК присутствовали нормы, призывающие лицо к ответу перед законом за изменничество, например, измена военнослужащего подразумевала акт военного шпионажа.

По итогам аналитического изучения норм указанного Кодекса возможно умозаключить, что законодательно достаточно четко прописывались нормы об преступлениях, относящихся к категории измены.

¹ Авалян Р. Указ. соч. С.100.

В Кодексе отдельный раздел регламентировал борьбу со шпионажем, ответственность за который наступала по нормам ст. 66. Так, на шпионаж указывали факты участия в передаче, сообщении, похищении, сборе данных, наделенных статусом государственной тайны, и преимущественно относящихся к разглашению их в иностранным войскам, правительствам или противникам революции, для получения материального вознаграждения или подрыва достигнутого революцией устройства РСФСР. Кроме того, ответственность наступала за разглашение этих данных, но при отсутствии корысти, противодействия революционных, а также при неудовлетворительном понимании опасности таких деяний.

В рамках УК в положениях ст. 213 было дано толкование военного шпионажа и положенной за его осуществление ответственности. В качестве военного шпионажа рассматривалось содействие агента армии противника как результат сбора и передачи информации, которая способствует реализации враждебных замыслов.

Как предусматривалось в положениях ст. 66 УК, субъект шпионажа мог представлен любым жителем Советского Союза, исключая военнослужащих Советской Армии, отвечавших перед законом по нормам ст. 213.

В качестве объекта шпионской деятельности определялась внешняя безопасность СССР, тогда как предметом прямого посягательства предполагались факты, наделенные свойствами конфиденциальности и тайны, государственной или военной. Применительно к военному шпионажу предметом такого рода деятельности являлись все категории данных, раскрытие которых может содействовать противнику.

Таким образом, вопросы тайны экономической деятельности и прочие виды информации, раскрытие которых могло оказаться потенциально неблагоприятным для Советской Республики, не входили в предмет деятельности шпионов. Однако, активность шпионов при получении информации экономического, производственно-технологического и научного характера подвергалась наказанию различной строгости. Такое правоприменение выступало как легитимное ввиду того факта, что отсутствовали нормативные акты, утверждающие реестр или специфику информации, которая классифицировалась как государственная и военная тайна, а также формулировка положений ст. 66 и 213 УК способствовала реализации расширенного толкования предмета шпионажа.

Сведения об экономической, научной или производственной деятельности, согласно специфике конкретного направления, квалифицировались как категории государственной или военной тайны. Шпионаж имел в качестве объективной стороны факты сбора, передачи или разглашения информации, так как ч. 2 ст. 66 УК предполагала как объективный признак активности шпиона раскрытие секретной информации¹.

¹ Шуберт Т. Э. Национальная безопасность России: конституционно-правовые аспекты. Сравнительно-правовое исследование. М.: Право и закон, 2001. С 11.

На тот момент законодатели еще не уделяли внимания активности организаторов, подстрекающих и побуждающих лиц на реализацию шпионажа в различных отраслях гражданского и военного дела. Полагаем, что этот факт представляет собой существенное упущение, так как деятельность шпиона осуществляется на фундаменте, создаваемом продолжительное время организаторами и инструкторами противника.

Политика во все времена привлекала и привлекает к себе самое пристальное внимание, особенно что касается вопроса появления и деятельности новых отделов, каждый из которых играл свою роль. 5 мая 1921 г. начал свою активную деятельность спецотдел при ВЧК. Через год он был переименован в спецотдел при НКВД. Главной задачей этого отдела было установление наблюдения за деятельностью всех важных государственных учреждений, партийных и общественных организаций в вопросе сохранения и неразглашения секретной информации. Этот отдел считался ведущим в вопросе координации всех вводимых мер защиты и секретности. В параллели на этот отдел также была возложена работа по подготовке проектов специальных документов, направленных на государственную защиту источников информации и сведений.

Одно из постановлений, одобренным 30 августа 1922 г., было постановление «О порядке хранения и движения секретных документов». Именно этот пакет документов и разработок принято считать первым и главным шагом в работе отдела. Важность данного постановления состояла в том, что предлагалось введение новых секретных частей, деятельность которых должна быть направлена осуществление секретного делопроизводства.

Следующим постановлением, которое также было принято в 1922 г., стало постановление «О порядке хранения секретных постановлений ЦК РКП(б)». Красная Армия издала аналогичный приказ РВСР № 2011, согласно которому прописывался и устанавливался строгий, определённый порядок в работе с секретной информацией. В 1924 г. было издано первое учебное пособие и руководство, в котором большое внимание уделялось основным аспектам секретного делопроизводства. Называлось оно «Техника штабной службы. Оперативная служба войсковых штабов (в военное время)».

11 января 1923 г. согласно постановлению Политбюро ЦК РКП(б) начинает свою работу Дезинформбюро, что означало специальное межведомственное бюро по дезинформации. Перед бюро ставились следующие задачи и цели:

1. Ведение специального учёта и контроля поступающих в государственное политическое управление (ГПУ) и относительно осведомлённости и владения информацией разведками других стран;

2. Контроль за сведениями, интересующими противника;

3. Выявление и контроль за степенью осведомлённости противника;

4. Работа по внедрению и разработке ложной информации для противника, в результате чего должно сформироваться совершенно иное мнение, отличное от реального;

5. Максимальное снабжение противника всей создаваемой информацией.

Вся разрабатываемая информация контролировалась и проходила строго через ГПУ.

Все вышеперечисленные мероприятия стали основой ведения эффективных операций относительно дезинформации противника. В свою очередь, благодаря эффективной и слаженной работе созданных органов, контрразведка вела свой учёт и контроль за утечкой секретной информации, вела активную борьбу по нейтрализации засланных агентов.

24 апреля 1926 г. был одобрен и утверждён документ, устанавливающий перечень документации и информации, относящейся к категории «государственная тайна и секретная информация». Вся поступающая информация должна подразделяться на три группы, для каждой из которой характерны свои особенности и характеристики. Это информация военного, экономического и иного характера. На основании постановления СНК также было разработано и введено три категории секретности — совершенно секретно, секретно и «не подлежит разглашению». Но, несмотря на, казалось бы, все преимущества, специалисты всё же выделяли ряд существенных и значимых недоработок, поэтому спецотдел при ОГПУ разработал и утвердил новый документ: «Перечень вопросов секретной, совершенно секретной и не подлежащей оглашению переписки». По новому постановлению изменялась структура Перечня, так как выделялось уже не три, а четыре категории. Это вопросы военного, финансово-экономического, политического и общего характера¹.

Для эффективной работы с секретной информацией в 1926 г. были разработаны и одобрены ряд специальных инструкций для каждой отдельно взятой отрасли:

— Инструкция деятельности органов секретного и шифровального производства;

— Инструкция о деятельности местных органов ГПУ в вопросах постановки секретного и мобилизационного делопроизводства;

— Инструкция по работе архивного отдела и сдаче дел в органы Централхива;

— Инструкция о порядке заготовления и конвертования корреспонденции, пересылаемой дипломатической почтой;

— Инструкция о порядке стенографии на секретных совещаниях и заседаниях;

— Инструкция о порядке ведения и хранения секретной переписки.

Но на практике эти инструкции просуществовали недолго, так как в 1928 г. был разработан и одобрен указ о разделении делопроизводства на два — секретное делопроизводство и шифровальное.

Согласно вводимым новшествам, в 1929 г. была разработана новая инструкция под названием «Инструкция местным органам ОГПУ по наблюдению за состоянием секретного и мобилизационного делопроизводства

¹ Авалян Р. Указ. соч. С. 98.

учреждений и организаций». Данный документ стал официальным документальным подтверждением функций и обязанностей ОГПУ по контролю за соблюдением требований секретного делопроизводства.

Проанализировав все вводимые меры, можно утверждать, что они носили хаотичный характер, а, следовательно, эффективность защиты государственных секретов была не на высоком уровне. В результате продолжалась активная работа по совершенствованию системы защиты государственной информации и тайны, которая всё же была создана и существует и в настоящие дни, лишь в модифицированном виде. Принципы новой структуры были разработаны в 20—30-е годы, а в последующем подвергались лишь корректировкам, доработкам. Следовательно, менялись и названия самих органов защиты.

Свою максимальную эффективность и высокое качество работы система защиты продемонстрировала в 60—80-е годы.

В СССР особое место отводилось административно-правовой системе защиты государственных тайн и информации, подразделявшейся на две ветви, каждая из которых отвечала за свои функции. Это — государственная и партийная. Сам уровень государственной тайны определялся не на уровне прописанного свода законов, а на основании правительственных решений и постановлений. Всю засекреченную информацию можно классифицировать на государственную и служебную, то есть военную тайну. Не стоит забывать и о цензуре, отмеченной в специальных инструкциях, перечнях, согласно которым устанавливался свой список информации, о которой можно было говорить и доводить до сведения. Как правило, такая информация опубликовывалась строго в изданиях, предназначенных для служебного пользования¹.

На фоне разрабатываемых инструкций и положений складывалась ситуация, когда ограничение распространения информации ложилось на плечи тех, кто пытался публично обнародовать и открыть информации под грифом секретности. В результате можно выявить следующие существенные недостатки в работе данного органа.

Самыми основными можно назвать то, что информация не была доступна для публичности и не подвергалась критическому анализу.

Как результат такой деятельности, а также невладение обществом всей информацией, — порождение мифов и искажение реальной информации о работе органов государственной власти. Особенно остро это наблюдалось в период перестройки. Именно этот период времени можно назвать ускоренным в плане информирования населения о проблемах правового режима и режима секретной деятельности структур. По итогам в обществе формировалось совершенно неадекватное, неуравновешенное реагирование в вопросе усиление контроля за информацией секретного характера со стороны государства.

¹ Бакаева О. Ю. Государственный контроль в сфере защиты государственной тайны: актуальные вопросы правового регулирования // Информационная безопасность регионов. 2013. № 1 (12). С. 93—97.

В 1988 г. было открыто рассмотрен вопрос об установлении регулирования отношений между информированием и грифом секретности. Первая статья на эту тему была опубликована и доступна для открытого изучения в журнале «Коммунист» и называлась «От культа секретности к информационной культуре» В. А. Рубанова. В своей статье он впервые выдвинул тезис, что информационная культура основывалась и опиралась на ряд определённых показателей. Это безопасность в плане информирования, уровень защиты и грамотное, рациональное применение всех ее информационных источников. Последовавшее обсуждение вопросов, связанных с правовыми аспектами, установило большое множество недочётов, некоторые из которых актуальны и сегодня. Общество постепенно начинает осознавать всю значимость экономической зависимости, а не методы административного нажима между такими органами, как государственные органы, выполняющие роль заказчика секретности и органами, отвечающими за сохранность предоставляемой секретной информации¹.

В декабре 1990 г. в Обнинске состоялась конференция «Безопасность информации», носившая научно-практический характер, где широко рассматривались и обсуждались вопросы регулирования информационных отношений и защиты со стороны государства, обсуждались возможные законопроекты и их эффективность. В 1991 г. в Ленинграде состоялась единственная научная конференция «Свобода научной информации и охрана государственной тайны», местом проведения которой была библиотека Академии Наук.

По причине нарастающих перемен в демократическом обществе актуальным становился пересмотр всей системы государственной тайны и законов, на основе которых она базировалась. Согласно переменам в политических и экономических областях государства, созданные ранее механизмы стали неактуальны и не отвечали всем требованиям и условиям современного мира, а, следовательно, стали абсолютно бесполезными и неэффективными.

Особенно остро выглядела ситуация в 1991—1993 г. Именно в этот период правовой пробел был очень большим, а при содействии СМИ в российском обществе закладывались понятия, что такие термины как демократия и свобода не совместимы с понятиями защиты государственной тайны и информации. Многие политики активно вели речь о том, что у государства не должно быть никаких тайн и секретной информации. Свои доводы они строили на мировой истории всех стран мира, каждая из стран имела собственный режим защиты государственных интересов, собственную форму института власти.

Перемены, появившиеся в результате социальной и политической перестройки, а также на фоне формирования нового сознания рыночной

¹ Кравченко Ф. С. Доступ к информации как предмет Российского законодательства // Государство и право. 2007. № 53. С. 9.

экономики, стали толчком для внесения корректировок в информационные отношения внутри общества¹. На сегодняшние дни право человека на информацию отображено и зафиксировано в Декларации прав и свобод человека, в Конституции Российской Федерации.

Согласно Декларации прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации от 22 ноября 1991 г. каждый человек имеет право искать, получать и свободно распространять информацию, ограничения этого права могут устанавливаться Законом только в целях охраны личной, семейной, профессиональной, коммерческой и государственной тайны, а также нравственности (ст.13.2).

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 1996 г. № 346 «О Государственной программе обеспечения защиты государственной тайны в Российской Федерации на 1996—1997 годы» были прописаны и зафиксированы определённые направления деятельности. Согласно Указу, именно эти направления необходимы для совершенствования и эффективной работы всей системы защиты государственных тайн. В список данных направлений вошли следующие, каждый из которых характеризуется своей значимостью и важностью для всей системы в целом;

1. Проведение разграничений в вопросе функций и обязанностей между органами государственной власти;

2. Каждое предприятие, учреждение и организация должны иметь соответствующую лицензию на право использования определённой информации, на право создание средств защиты информации, проведения мероприятий, направленных на защиту;

3. Установление ведущей научно-исследовательской организации, которая обязана направлять, координировать и контролировать все исследования в области защиты секретной информации;

4. Формирование специальных систем сертификации относительно средств защиты;

5. Активное развитие и совершенствование межведомственного и ведомственного контроля в вопросе защиты государственной тайны.

Сегодня отмечаются существенные перемены в понимании противника, контрразведки, зарубежных спецслужб. Ещё несколько десятилетий тому назад существовало чёткое понятие о враге, чего нельзя сказать о современном мире, когда такие понятия всё больше и больше расширяются. В современном мире в это понятие обязательно включается борьба с терроризмом, организованной преступностью, коррупцией, незаконным оборотом оружия, несанкционированным использованием материалов и т.д., так как список разнообразен и обширен. Основной тенденцией является совместная работа разведслужб всех стран мира, независимо от политических и экономических аспектов и приоритетов, состояния с правами человека и множеством других

¹ Там же. С. 10.

спорных моментов. По мнению большинства, в дальнейшем тенденция такого объединения будет усиливаться и наращивать свои обороты.

Хотя многие отмечают ряд областей и сфер, в которых совместная работа просто-напросто невозможна. Деятельность разведки и контрразведки в большей степени основывается на получении необходимой информации о другой стране. Политика любой страны направлена на поиск как можно больше информации, на которую в последующем опираются руководители при принятии важных управленческих решений. Если рассмотреть Федеральный закон «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации», то его п. «а» ст. 12 гласит, что задачей органов безопасности является информировать президента и председателя правительства России и по их поручению федеральные органы государственной власти, а также органы государственной власти субъектов Российской Федерации об угрозах безопасности Российской Федерации.

Деятельность органов внутреннего управления основывается и опирается на приказы и постановления. Одним из таких документов является постановление Совета Министров СССР от 12 мая 1987 г., из которого следует, что военная тайна представляет собой сведения военного характера, и их передача или разглашение могут стать причиной многих проблем и ущерба интересам не только Вооружённых Сил, но и всего государства.

В период 50—60-х г. в Вооружённых Силах государства наблюдалось разграничение на государственную и военную тайну, что полностью отвечало всем потребностям государственного аппарата.

Военная тайна — это пакет информации, который всегда хранился под грифом «секретно», или же «Для служебного пользования». На основании этого на этот институт накладывалась большая ответственность и нагрузка¹.

Информация, хранящаяся под грифом «секретно», не относилась к категории государственной тайны, а являлась её производной. Информация, относящаяся к категории ограниченного распространения, не подходила ни под какой перечень, а выполняла роль «инструмента» в ограничении доступа общества и СМИ к этой информации, разглашение которой способно нанести существенный вред обороноспособности страны. Пользоваться данными «инструментами» в ограничении доступа могли партийный аппарат среднего и нижнего уровня, органы военного управления. Пометка «Для служебного пользования» по праву носила облегчённый характер в плане её установления абсолютно на любом официальном документе.

Институт военной тайны эффективно способствовал неразглашению важной и секретной информации. Военная тайна выполняет функцию барьерного и защитного щита для информации относительно органов военного управления, воинских частей и подразделений, военных образовательных учреждений и

¹ Барабин В. В. Военно-политическая деятельность государства в системе национальной безопасности. М., 2011. С. 74.

предприятий Министерства обороны. Если и возникали случаи угрозы, то только со стороны зарубежных стран.

Сегодня имеется потребность в возрождении понятия «военная тайна».

Библиография

1. Авалян, Р. История правового регулирования гражданского общества в России / Р. Авалян // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. — 2015. — Выпуск 3/4.
2. Бакаева, О. Ю. Государственный контроль в сфере защиты государственной тайны: актуальные вопросы правового регулирования / О. Ю. Бакаева // Информационная безопасность регионов. — 2013. — № 1 (12).
3. Барабин, В. В. Военно-политическая деятельность государства в системе национальной безопасности / В. В. Барабин. — М., 2011.
4. Жаров, С. Н. Становление режима секретности в Российском государстве / С. Н. Жаров // Правоведение. — 2007. — № 5.
5. Золотарёв, В. А. Военная безопасность Государства Российского / В. А. Золотарев. — М.: Кучково поле, 2001;
6. Кравченко, Ф. С. Доступ к информации как предмет Российского законодательства / Ф. С. Шуберт // Государство и право. — 2007. — № 53.
7. Шуберт, Т. Э. Национальная безопасность России: конституционно-правовые аспекты. Сравнительно-правовое исследование / Т. Э. Шуберт. — М.: Право и закон, 2001.

Historical and legal analysis of data protection, constituting a state secret

© Belkov A. P.,

PhD Student

© Dolinin D. N.,

candidate of legal Sciences, teacher

Annotation. The article presents a historical and comparative analysis of scientific views on the theory of the protection of information constituting a state secret. The author draws conclusions about the main aspects of the activities of Russian and foreign states at different stages of formation and economic development.

Key words: legal regime; state secret; legal regulation of the protection of information constituting a state secret; spy; espionage.

От древнейшей к новейшей истории формирования церковно-правовых основ деятельности военного духовенства России (вопросы совершенствования правовой работы) (продолжение, начало в № 2 за 2020 г.)

© Овчаров О. А.,
кандидат юридических наук

Аннотация. В статье рассмотрены и проанализированы отдельные вопросы преемственности военно-религиозных правовых норм в ходе исторического развития правового регулирования деятельности военного духовенства в древнейшей и новейшей истории и совершенствования правовой работы в области государственно-церковных отношений при реализации военным духовенством своих полномочий в религиозной сфере, делаются соответствующие важные выводы.

Ключевые слова: правовая работа, право военнослужащих на свободу вероисповедания, военное духовенство, военная служба.

Статусный период (2010—2013 гг.). Подписанное Министром обороны России 24 января 2010 г. Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил устанавливает структуру и задачи органов по работе с верующими военнослужащими, определяет порядок назначения на должности в эти органы "на основании решения Министра обороны Российской Федерации по представлению соответствующих религиозных объединений", устанавливает требования к специалистам этих органов (обладание необходимыми знаниями и умениями, гражданством России, необходимым уровнем образования и здоровья, наличие рекомендации от соответствующего религиозного объединения и др.), основные функциональные обязанности должностных лиц по работе с верующими военнослужащими (в том числе участие в учениях, походах и других мероприятиях боевой учебы войск), регламентирует отдельные организационные вопросы их деятельности в войсках. Положение предусматривает в качестве правового основания деятельности штатного военного духовенства в военной организации трудовой договор работодателя (Минобороны России) со штатным военным священником, заключаемый в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (п. 17).

Возлагает Положение обязанности и на командование: предоставление отдельного помещения, оборудованного средствами связи, для организации работы с верующими военнослужащими, обеспечение жилыми помещениями, медицинское обеспечение, выплата зарплаты, другие социальные выплаты должностным лицам по работе с верующими военнослужащими в соответствии с законодательством, оформление решением соответствующего командира факта участия должностных лиц по работе с верующими военнослужащими в мероприятиях боевой учебы войск.

Сам юридический факт издания Министром обороны России Положения по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил

был большим шагом в сторону воссоздания штатного военного духовенства. Однако этот акт следует расценивать как полумеру, поскольку он не столько воссоздаёт институт военного духовенства, сколько образует новые (ранее не существовавшие в войсках) органы по работе с верующими военнослужащими. И как видно из анализа содержания этого Положения, сама эта вновь образованная структура никакого отношения к каким-либо религиозным организациям не имеет, напрямую с ними не связана. На должности помощника командира по работе с верующими военнослужащими не запрещено назначать любых граждан, не обязательно имеющих священный сан и состоящих в религиозной организации (от неё требуется лишь рекомендация).

По сути, это не структура религиозной организации, окормляющая воинов и подчиненная соответствующему священноначалию, сохраняющая необходимую религиозную иерархическую структуру, то есть не военное духовенство в полном его понимании. Это структура государства (имеющая должности, на которые могут назначаться в числе прочих и священники), пытающаяся подменить религиозную организацию, заменить военное духовенство помощниками командира по работе с верующими военнослужащими, которые подчинены только командиру и, в сущности, никак организационно (по государственному законодательству) не связана с религиозной организацией (прежде всего, подчинением), которую могут представлять и от имени которой могут осуществлять религиозную деятельность в войсках.

Принципиальным является вопрос с подчиненностью, с властными полномочиями, с юрисдикцией военных священнослужителей и военного духовенства в целом. Положение прямого ответа на этот вопрос не даёт, но ответ этот можно легко найти в законодательстве. И ответ этот не в пользу религиозных объединений, а в интересах военных организаций и сохранения в них единоначалия за счет полного подчинения священника командиру-работодателю.

Поскольку штатный военный священник заключает трудовой договор с Минобороны России как работодателем, то он является работником в соответствующей военной организации. Его правоотношения с командованием регулируются ТК РФ, который в ст. 56 устанавливает, что трудовой договор — это соглашение между работодателем и работником, в соответствии с которым ... работник обязуется выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию в интересах, под управлением и контролем работодателя. Основные трудовые функции священника, назначенного на штатную должность в органы по работе с верующими военнослужащими, определены в п. 15 Положения по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил, где на первом месте как раз и стоит религиозная и духовно-просветительная деятельность. Следовательно, по этим вопросам штатный военный священник находится под управлением и контролем командования, в интересах которого этот священник и должен осуществлять свою религиозную деятельность в соответствии с требованиями ст. 56 ТК РФ.

Аналогичный вывод следует также и из анализа требований других законодательных норм. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» в ч. 1 ст. 12 устанавливает, что личный состав Вооруженных Сил включает военнослужащих, федеральных государственных гражданских служащих и работников. А согласно ст. 93 УВС ВС РФ командир полка (корабля 1 ранга) является прямым начальником всего личного состава полка (корабля). Следовательно, командир воинской части является прямым начальником и своего работника — штатного военного священника этой части.

Вместе с тем, такое правовое положение штатного военного священника не вполне согласуется с требованиями церковного права, согласно которым он должен находиться под властью, управлением и надзором своего епископа и священноначалия, как этого, например, требует 39 правило Святых Апостолов, устанавливающее, что пресвитеры без воли епископа ничего да не совершают. Или Устава Русской Православной Церкви, который устанавливает, что Русская Православная Церковь имеет иерархическую структуру управления (п. I.6); что епархиальный архиерей, по преемству власти от святых апостолов, есть предстоятель местной Церкви — епархии, канонически управляющий ею при соборном содействии клира и мирян (п. XVI.6); что архиереи пользуются всею полнотою иерархической власти в делах вероучения, священнодействия и пастырства (п. XVI.11); что при управлении епархией архиерей осуществляет контроль за религиозной, административной и финансовой деятельностью подразделений епархии (п. XVI.18.4).

Воинский храм с его настоятелем — штатным военным священником является одним из таких подразделений. Но это согласно церковному праву. В соответствии с государственным законодательством для штатного военного священника прямым его начальником является не архиерей, а командир, который осуществляет управление и контроль за надлежащим исполнением военным священником своей трудовой функции в воинской части — богослужебной, религиозно-просветительской и пастырской деятельностью среди личного состава. О властных полномочиях архиерея в отношении штатного военного священника государственное законодательство ничего не сообщает. Это противоречие ставит и командование, и военное духовенство, и архиереев в тупик, поскольку согласно п. I.6 Устава Русской Православной Церкви она осуществляет свою деятельность на основе своих внутренних установлений при уважении и соблюдении существующих в каждом государстве законов. Как быть в ситуации, когда законы противоречат внутренним установлениям, Устав не указывает. Но при этом как не поступи — нарушение внутренних установлений неизбежно, т.к. нарушение законов государства пребывания (при исполнении внутренних установлений церкви) нарушает одновременно п. I.6 Устава Русской Православной Церкви.

Похожая правовая противоречивая ситуация в России уже имела место в истории военного духовенства. В полковничьей инструкции 1766 г. было изображено: «главному в полку начальнику все чины от первого до последнего подчиняются». На основании этого, суровая воинская дисциплина

прикладывалась, по мнению Н. Невзорова, по общей мерке, и к военным священникам. В указе Св. Синода от 29 ноября 1776 г. прописано: «того года, ноября 14 дня, Св. Синоду, член онаго преосвященный Инокентий, архиепископ Псковский, доношением представил, что минувшего 17 октября, в рижское духовное правление, состоящего в Финляндии сибирского пехотного полка, священник Василий Вересович приносил жалобу о посажении его тогож полку полковником Луниным на пушечный караул, вместе с колодниками, безвинно, якобы только за невенчание брака онаго полку подпоручика Николая Шубина с лютеранкою без помазания ея св. миром и просил о защищении»¹.

Таким образом, Положение по организации работы с верующими военно-служащими Вооруженных Сил, устанавливая правовой статус штатного военного духовенства, который не вполне согласуется с церковным законодательством, создаёт серьёзную правовую проблему, требующую своего решения.

Вместе с тем, легитимность указанного Положения как нормативного правового акта федерального органа исполнительной власти, затрагивающего права граждан (в частности, право на свободу вероисповедания, установленное ст. 28 Конституции России), нельзя признать бесспорным в силу ряда юридически значимых обстоятельств.

В соответствии с ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации все законы, а также любые нормативные акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, должны быть официально опубликованы для всеобщего сведения, то есть обнародованы. Неопубликованные нормативные правовые акты не применяются, не влекут правовых последствий как не вступившие в силу.

На момент издания рассматриваемого Положения вопросы государственной регистрации и вступления в силу ведомственных нормативных правовых актов регулировались Указом Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 и постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009.

В соответствии с п. 8—10 Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, прошедшие государственную регистрацию в Минюсте России, подлежат обязательному официальному опубликованию. Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти в течение 10 дней после дня их государственной регистрации подлежат официальному опубликованию в "Российской газете" или Бюллетене нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, издаваемом еженедельно государственным учреждением — издательством "Юридическая литература" Администрации Президента Российской Федерации, и размещению (опубликованию) на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru). Официальным опубли-

¹ Невзоров Н. Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. СПб., 1875. С. 82—83.

ликованием нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти считается либо первая публикация их полных текстов в "Российской газете" или Бюллетене нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, либо первое размещение (опубликование) на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru).

Официальными являлись также тексты нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, содержащиеся в Бюллетене нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, распространяемом в электронном виде федеральным государственным унитарным предприятием «Научно-технический центр правовой информации "Система"» Федеральной службы охраны Российской Федерации и органами государственной охраны, а также размещаемые на интернет-портале "Российской газеты" (www.rg.ru), функционирование которого обеспечивает федеральное государственное бюджетное учреждение «Редакция "Российской газеты"».

В соответствии с п. 10 Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 763 нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, не прошедшие государственную регистрацию, а также зарегистрированные, но не опубликованные в установленном порядке, не влекут правовых последствий, как не вступившие в силу, и не могут служить основанием для регулирования соответствующих правоотношений, применения санкций к гражданам, должностным лицам и организациям за невыполнение содержащихся в них предписаний. На указанные акты нельзя ссылаться при разрешении споров.

В соответствии с п. 10 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации (утв. пост. Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009) государственной регистрации подлежат нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающие правовой статус организаций, имеющие межведомственный характер, независимо от срока их действия.

В п. 12 Разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных приказом Минюста России от 4 мая 2007 г. № 88, дается более подробное описание признаков нормативных актов, подлежащих государственной регистрации, в частности, к таковым относятся акты:

а) содержащие правовые нормы, затрагивающие:

— гражданские, политические, социально-экономические и иные права, свободы и обязанности граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства;

— гарантии их осуществления, закрепленные в Конституции Российской Федерации и иных законодательных актах Российской Федерации;

— механизм реализации прав, свобод и обязанностей.

По сути своей Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации, утверждённое

Министром обороны России 24 января 2010 г., затрагивает и сами права на свободу вероисповедания, установленные ст. 28 Конституции Российской Федерации, и гарантии их осуществления, и механизм реализации этих прав. Этот вывод прямо следует не только из названия, но и из п. 1 Положения, который указывает, что Положение устанавливает порядок взаимодействия органов военного управления и религиозных объединений в отношении реализации верующими военнослужащими прав на свободу совести и свободу вероисповедания в соответствии с Конституцией Российской Федерации и иными правовыми актами Российской Федерации.

Следовательно, в силу этих обстоятельств и вышеперечисленных правовых оснований данное Положение должно было пройти процедуру государственной регистрации в Минюсте России и процедуру официального опубликования в строго перечисленных официальных изданиях. Точных сведений ни о государственной регистрации, ни об официальном опубликовании утверждённого Министром обороны России Положения по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил России в официальных источниках найти не удаётся.

Вывод напрашивается сам собой — юридическая сила указанного Положения Министра обороны России весьма сомнительна и не бесспорна.

На этот вывод наталкивает и другое важное юридически значимое обстоятельство. В Минобороны России ежегодно издаётся Справочник по приказам и директивам Министра обороны Российской Федерации (далее — Справочник), в котором (в несекретной его части, размещённой на официальном сайте Минобороны России) во введении прямо указывается, что этот Справочник содержит сведения по действующим по состоянию на 1 января 2020 г. в Вооруженных Силах Российской Федерации нормативным приказам и директивам Министра обороны, а также директивам Генерального штаба Вооруженных Сил.

Однако, в указанном Справочнике нет утверждённого Министром обороны России Положения по организации работы с верующими военнослужащими. Следовательно, по состоянию на 1 января 2020 г. этот правовой документ уже не действовал? Но тогда возникает следующий вопрос: когда и кем он отменён, с какого момента прекратил своё действие?

Вместе с тем, указанное выше Положение, утверждённое Министром обороны России 24 января 2010 г., размещено на официальном сайте Минобороны России в разделе «Документы» по адресу: http://stat.doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=10339831@egNPA#txt, но по неясной причине у этого документа нет номера.

Вместе с тем, в соответствии с п. 10 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009) подписанный (утвержденный) нормативный правовой акт должен иметь помимо прочих реквизитов дату подписания (утверждения) акта и его номер. В этой связи возникает закономерный вопрос:

а имеет ли юридическую силу нормативный правовой акт, который в нарушение установленного порядка не имеет учётного номера и нигде официально не учтён (по крайней мере, не имеет номера, подтверждающего данный юридически значимый факт), в т.ч. и в Справочнике, в качестве действующего нормативного правового акта?

Указанные выше недостатки правовой работы в области правотворческой деятельности необходимо устранить установленным порядком и издать полноценный приказ Министра обороны России об утверждении Положения о военном духовенстве в Вооружённых Силах Российской Федерации.

Таким образом, несмотря на издание Министерством обороны России рассмотренного выше Положения, законность его издания и юридическая сила весьма спорны. Де-факто это Положение применяется и органами военного управления, и религиозными организациями как документ, хоть как-то упорядочивающий формат сотрудничества государственно-религиозных отношений в области обеспечения обороны и реализации вероисповедных прав военнослужащих, как документ, позволяющий бороться с хаосом и бессистемностью в этих важных (для государства, религиозных объединений и самих верующих военнослужащих) вопросах. Де-юре же Положение не имеет юридической силы и не подлежит применению как недействующее на территории России по вышеизложенным правовым основаниям.

В начале 2011 г. Минобороны России совместно с Русской Православной Церковью Московского патриархата подготовило проект закона о военных священниках в армии. О создании структуры по работе с верующими военнослужащими сообщал тогда исполняющий обязанности начальника Главного управления по работе с личным составом Вооружённых Сил генерал-майор Юрий Дашкин. Выступая в Культурном центре Вооружённых Сил 26 февраля 2011 г. перед ветеранами Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, Дашкин заявил: "Священники Русской Православной Церкви уже давно работают в армии. Настало время узаконить это явление, и основная законодательная база у нас уже готова"¹. Однако прошло уже много лет с тех пор, а узаконить деятельность военных священнослужителей в военных организациях так и не удалось. Данному законопроекту также не сужено было стать законодательной базой сотрудничества государства и церкви, организации и деятельности военного духовенства в армейской среде.

Вместе с тем, на проведённой 8 февраля 2012 г. (спустя два с половиной года после принятия Президентом России решения о введении военного духовенства) встречи Председателя Правительства России (в тот период) В. В. Путина с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом и главами религиозных объединений России, глава Правительства сказал, в частности: «И ещё один приоритет, чрезвычайно важный и традиционный, собственно говоря,

¹ Министерство обороны РФ совместно с РПЦ МП подготовило проект закона о военных священниках в армии [Электронный ресурс] — URL: <http://www.maranatha.org.ua/cnews/r/81493/> (дата обращения: 25.08.2019).

для наших конфессий, прежде всего, конечно, для Русской Православной Церкви (ну и в сегодняшних условиях для всех традиционных конфессий), — это участие Церкви в жизни Вооружённых Сил. Традиция такого участия и служения уходит глубоко корнями в историю нашей Родины, является одним из мощных источников патриотизма. Церковь всегда была с народом, особенно в самые тяжёлые времена». И, подведя итог, В. В. Путин далее поставил задачу: «Считаю, что необходимо на должный уровень поставить развитие института военного духовенства. К решению этой задачи с равным вниманием должны подойти и религиозные организации, и само Министерство обороны»¹.

Как видно, речь идет о развитии института военного духовенства (а не органов по работе с верующими военнослужащими), причём Минобороны России так до сих пор и не смогло решить эту задачу и воссоздать полноценный институт военного духовенства, как этот институт существовал в России до его ликвидации в 1918 г., как этот институт существует и поныне во многих развитых государствах (США, Франции, Англии, Германии, Италии, Польше и др.). Например, в Германии штатные военные священники официально появились в войсках в XV в., а в настоящее время их деятельность закреплена в законе «О духовном обслуживании армии». В Австрии же штатное военное духовенство официально было установлено в 1551 г., а сейчас его присутствие и деятельность в войсках основывается на нормах Закона об обороне.

Летом 2012 г. был издан Указ Президента Российской Федерации от 12 июля 2012 г. № 969 «О предоставлении священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу», на основании которого было принято постановление Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1004, утвердившее Правила предоставления священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу и Правила прохождения священнослужителями специальной подготовки, необходимой для исполнения обязанностей по должности помощника командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими. Эти документы подробно регламентируют и порядок получения священнослужителями отсрочки от призыва на военную службу и порядок прохождения ими указанной специальной подготовки, которая осуществляется в добровольном порядке. Эти правовые документы отражают ещё один существенный шаг в сторону укрепления сотрудничества государства и религиозных объединений в области обороны страны.

Кроме того, 1 февраля 2013 г. на Архиерейском соборе Русской православной церкви Президент России В. В. Путин указал: «Сегодня исключительно востребовано углубление совместной работы, партнерства государства и всех традиционных конфессий. Сохраняя, безусловно, светский характер нашего государства, не допуская огосударствления церковной жизни, мы должны уйти от вульгарного примитивного понимания светскости».

¹ Лукичѳв Б. М. Патриарх Кирилл и военное духовенство (О трудах Патриарха Московского и всея Руси Кирилла по возрождению института военного духовенства в Вооружённых силах Российской Федерации). М.: ФИВ, 2016. С. 84—85.

Президент страны охарактеризовал как соработничество и партнерство отношения государства и церкви в таких областях, как поддержка семьи, материнства, воспитание и образование детей, молодежная политика, укрепление патриотического духа Вооруженных Сил России» (URL: <http://www.top.rbc.ru/politics/01/02/2013/843320.shtml?print>).

Все эти области соработничества чрезвычайно важны для обеспечения обороны страны. Вместе с тем, указанные партнёрские отношения между государством и церковью по вопросам укрепления патриотического духа войск и реализации конституционных прав на свободу вероисповедания военнослужащих, реализуемое посредством военного духовенства, должно получить своё законодательное закрепление с учётом отечественного и мирового опыта.

В конце 2013 г., спустя три года после издания Министром обороны Положения по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил России, вышел другой важный официальный документ — Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации (принято на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 25—26 декабря 2013 г., журнал № 141). Началась новая страница в истории формирования церковно-правовых основ деятельности военного духовенства.

Библиография

1. Лукичѳв, Б. М. Патриарх Кирилл и военное духовенство (О трудах Патриарха Московского и всея Руси Кирилла по возрождению института военного духовенства в Вооружѳнных силах Российской Федерации) / Б. М. Лукичѳв. — М.: ФИВ, 2016. — 239 с.
2. Невзоров, Н. Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России / Н. Невзоров. — СПб., 1875.

From the most ancient to the most recent history of the formation of the Church-legal foundations of military activity clergy of Russia (issues of improvement legal work)

© Ovcharov O. A.,
PhD in law

Annotation. The article considers and analyzes certain issues of continuity of military-religious legal norms in the course of the historical development of legal regulation of the activities of military clergy in ancient and modern history and the improvement of legal work in the field of state-Church relations in the implementation of military clergy's powers in the religious sphere, and makes relevant important conclusions.

Keywords: legal work, the right of military personnel to freedom of religion, military clergy, military service.

Генезис арбитража и проблемы периодизации: 1924—1931 гг.

© Туганов Ю. Н.,

Главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия, профессор Российской таможенной академии, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

© Аулов В. К.,

кандидат юридических наук, доцент, судья в почетной отставке

Аннотация. В статье авторы исследуют исторический период становления и развития «экономического правосудия» на территории СССР в 1924—1931 гг. Рассматриваются арбитражная комиссия при Совете Труда и Обороне СССР (высшего органа в иерархии сформированной на тот момент структуры «экономического правосудия» союзного государства), арбитражные комиссии при областных и губернских экономических совещаниях, Высшая арбитражная комиссия при Совете Труда и Обороне СССР и арбитражная комиссия Высшего Совета Народного Хозяйства Союза ССР. Отмечается, что семь первых лет существования в СССР «арбитража» свидетельствуют о том, что это было совершенно самостоятельное правовое явление, лишенное глубоких исторических корней, и не получившее продолжение в дальнейшем. Именно поэтому указанное явление следует разграничивать с «арбитражем» после 1931 г., тем более, что для этого законодатель ввел в правовой и научный оборот иной терминологический ориентир — «Госарбитраж».

Ключевые слова: судебная деятельность, суды, арбитраж, арбитражные комиссии.

В СССР термин «арбитраж» присутствовал в наименовании структур «экономического правосудия» на территории СССР¹.

Экономическое правосудие в сегодняшней России вершат не только российские арбитражные государственные суды, но и негосударственные — третейские — суды. Осуществляется экономическое правосудие у нас и в иных, несудебных, но правовых формах (правда, здесь встает вопрос о правомерности распространения на эти методы и способы урегулирования экономических споров понятия «правосудие», но все-таки представляется возможным на этот вопрос ответить положительно)». В настоящей публикации «арбитраж» анализируется исключительно как государственный орган. При классификации современных третейских судов как органов «экономического правосудия» следует учитывать позицию Конституционного Суда Российской Федерации, который в Определении от 13 апреля 2000 г. № 45-О «Об отказе в принятии к рассмотрению обращения независимого арбитражного (третейского) суда при торгово-промышленной палате Ставропольского края о проверке конституционности статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» указал, что третейские суды не являются государственными органами, создаются частными ли-

¹ Здесь и далее «экономическое правосудие» используется не в том в смысле, который придал этому сочетанию М. И. Клеандров в своем фундаментальном исследовании «Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее». М. И. Клеандров относил к «экономическому правосудию» и деятельность третейских судов.

цами по их собственной воле и по их инициативе осуществляют защиту гражданских прав, а потому не являются органами правосудия.

Первой структурой экономического правосудия, созданной после образования СССР, была Арбитражная Комиссия при Совете Труда и Оборона СССР (далее — Комиссия при СТО). Учреждена Комиссия при СТО была совместным Декретом Центрального Исполнительного Комитета СССР и Совета Народных Комиссаров СССР 6 мая 1924 г.¹

Первый этап — Комиссия при СТО.

Дела Комиссией при СТО принимались к рассмотрению только лишь по письменному заявлению стороны — учреждения или предприятия, считающего свои права нарушенными. В ведении Комиссии находилось разрешение и рассмотрение имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями в случаях, если:

— одна или обе спорящие стороны — центральные органы учреждений СССР или являются предприятием общесоюзного значения;

— одна или обе спорящие стороны — местные органы центральных органов учреждений СССР или предприятий общесоюзного значения, и если при этом глава центрального органа соответствующего учреждения или предприятия передает спор на разрешение Комиссии при СТО;

— если спорящими сторонами являются центральные органы учреждений или предприятий различных союзных республик и если одна из спорящих сторон потребует передачи спора на разрешение Комиссии при СТО.

При этом из компетенции Комиссии при СТО были исключены имущественные споры:

— между государственными учреждениями и предприятиями одного и того же ведомства в том случае, если обе стороны состоят на общегосударственном бюджете, а также в иных случаях, когда действующими тогда законодательством было предусмотрено рассмотрение споров во внутриведомственном порядке;

— возникающие по операциям Государственного Банка и Главного Правления государственного страхования, в случаях, когда Государственный Банк или Главное Правление государственного страхования являются истцом или ответчиком;

— вытекающие из договоров железнодорожной перевозки, регулируемые Уставом железных дорог, а также споры, вытекающие из договоров о почтовой пересылке, регулируемые особыми правилами об ответственности почтово-телеграфного ведомства за почтовые отправления;

— по опротестованным векселям, кроме тех случаев, когда против вексельного иска, согласно действующим тогда законам, могли быть поданы возражения, вытекающие из сделки, послужившей основанием к выдаче или передаче векселя;

¹ Режим доступа: <http://www.alppp.ru/law/pravosudie/45/dekret-cik-sssr-snk-sssr-ot-06-05-1924.html> (дата обращения: 22.01.2020).

— вытекающие из договоров пользования помещениями и (или) предоставления коммунальных услуг;

— возникающие по поводу обложения общегосударственными или местными налогами и повинностями;

— с финансовыми органами по исполнению бюджета.

Образовывалась Комиссия при СТО в составе председателя и членов. Количественный состав Комиссии при СТО определялся Советом Труда и Оборона. Этим же органом назначался председатель и члены Комиссии. К компетенции Совета Труда и Оборона относилась разработка процессуального порядка (правил) производства дела в Комиссии при СТО, а также правил о взимании судебных пошлин и иных сборов по находящимся в производстве комиссии делам.

Бремя доказывания обстоятельств, на которые ссылались стороны в обоснование своих требований или возражений, возлагалось на стороны. В случае недостаточности доказательств комиссия могла предложить сторонам представить дополнительные доказательства. Кроме того, Комиссия при СТО могла самостоятельно собирать доказательства по собственной инициативе.

При принятии решения по спору комиссия имела полномочия выйти за пределы заявленных требований. В частности, исходя из общих начал экономической политики СССР, и принимая во внимание общегосударственные интересы, Комиссия при СТО могла принять решение об отсрочке или рассрочке исполнения своего постановления или о замене предмета исполнения другим предметом или денежным эквивалентом. В исключительных случаях принималось решение о полном или частичном освобождении от обязательства или ответственности.

Решения Комиссии при СТО имели силу судебных решений, являлись окончательными и могли быть обжалованы лишь в порядке надзора в Совет Труда и Оборона. Причем надзор был выборочным. Решение о рассмотрении дела в порядке надзора принималось непосредственно Председателем Совета Труда и Оборона.

Надзорная процедура пересмотра дела инициировалась не сторонами, а учреждениями, имеющими право непосредственного внесения вопросов в Совет Труда и Оборона «в течение месячного срока со дня приобщения к делу мотивированного решения». Будучи надзорным органом по решениям и постановлениям Комиссии при СТО, Совет Труда и Оборона был также вправе отменить или изменить любое решение комиссии или вернуть дело ей на новое рассмотрение.

Оценивая полномочия Комиссии при СТО, следует принять во внимание, что Совет Труда и Оборона СССР фактически являлся аналогом Совета Труда и Оборона РСФСР — руководящего органа РСФСР (упразднен в связи с созданием союзного государства). Созданные Советом Труда и Оборона РСФСР органы на местах — областные и губернские экономические совещания (ЭКОСО), продолжали свою работу и после упразднения вышестоящей республиканской инстанции. Соответственно, продолжали функционировать и Арбитраж-

ные комиссии при ЭКОСО (далее — Комиссии при ЭКОСО). В силу п. «д» ст. 2 Положения о судоустройстве РСФСР¹, Комиссии при ЭКОСО относились к категории специализированных судов².

При таких обстоятельствах есть все основания позиционировать Комиссию при СТО в качестве высшего органа в иерархии сформированной на тот момент структуры «экономического правосудия» союзного государства, состоящей, большей частью, из Комиссий при ЭКОСО.

Подтверждением тому также является наделение Комиссии при СТО процессуальными полномочиями по истребованию из арбитражных комиссий при ЭКОСО союзных республик копий решений и других необходимых ей сведений. Кроме того, Комиссия при СТО также обладала правом указывать Комиссиям при ЭКОСО на их уклонения от общих начал экономической политики Союза. При отсутствии реакции на такое уведомление, Комиссия при СТО вносила данный вопрос на рассмотрение непосредственно Советом Труда и Оборона СССР³.

Второй этап — структура с судебными функциями.

Формирование юридической конструкции системы «экономического правосудия» в СССР было продолжено принятием 29 октября 1924 г. Основ судоустройства Союза ССР и союзных республик (далее — Основы). В Основах регулирование деятельности Комиссии при СТО дополнялось нормами законодательного акта более высокого, чем ранее, уровня — «в порядке общесоюзного законодательства».

В целом Основы судоустройства Союза ССР и союзных республик воспроизвели подход РСФСР к статусу арбитражных комиссий, который был формализован в Положении о судоустройстве РСФСР⁴ и Положении о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями⁵. Однако, в отличие от республиканского судоустройственного закона, Основы не относили арбитражные комиссии к судебному органу.

Попытка закрепить статус арбитражных комиссий как неких судебных органов, была предпринята через два года — в Положении о Верховном Суде Союза Советских Социалистических Республик⁶. В этом документе Высшая Арбитражная комиссия при Совете Труда и Оборона СССР провозглашена учреждением, имеющим судебные функции. Однако, нормы судоустройственного законодательства в части порядка формирования комиссии с таким назва-

¹ Утверждено Постановлением ВЦИК от 11 ноября 1922 г.

² Арбитражные комиссии при ЭКОСО создавались в соответствии с Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября 1922 г., которым было утверждено Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями.

³ Срок для направления ответа был установлен шесть недель.

⁴ Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «Положение о судоустройстве РСФСР».

⁵ Декрет ВЦИК и СНК от 21 сентября 1922 г. «Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями».

⁶ Постановление Президиума ЦИК СССР от 23 ноября 1923 г. «Положение о Верховном Суде Союза Советских Социалистических Республик».

нием и процедуры ее функционирования так и не были до конца реализованы на практике.

Основы ограничиваются перечислением (ст. 22) юрисдикции Высшей Арбитражной Комиссии при Совете Труда и Обороне Союза ССР и высших арбитражных комиссий при экономических совещаниях союзных республик, арбитражных комиссий при советах народных комиссаров автономных республик, местных (областных и губернских) арбитражных комиссий¹.

Исходя из государственного устройства СССР, Основы устанавливали, что деятельность высших арбитражных комиссий при экономических совещаниях союзных республик, арбитражных комиссий при советах народных комиссаров автономных республик, местных арбитражных комиссий регламентируется соответствующими положениями, принимаемыми республиками СССР в соответствии с Положением о Высшей Арбитражной Комиссии при Совете Труда и Обороне Союза ССР.

При этом, декларирование судебных функций у арбитражных комиссий, позволило наделить Верховный Суд СССР полномочием по пересмотру в порядке надзора решений Комиссии при СТО и до некоторой степени объяснить право судей Верховного Суда СССР входить также и в состав Высшей и арбитражных комиссий союзных республик.

Тем самым Основы подвергли принципиальным изменениям процедуру пересмотра решений арбитражных комиссий, прибавив к надзору «вышестоящего органа», еще и судебный надзор². Необходимо иметь в виду, что в отношении арбитражных комиссий союзных республик надзорными полномочиями наделялись соответствующие судебные органы на основании региональных положений о судостроительстве. В частности, такое Положение, было принято в Белорусской ССР II сессией ЦИК БССР четвертого созыва 30 марта 1923 года — еще до утверждения Положения о Верховном Суде СССР.

Дальнейшее совершенствование нормативной базы арбитража в СССР было обусловлено изменением структуры управления страной и связанных с таким изменением перераспределением полномочий между различными звеньями управления³.

Третий этап — преэминентность Комиссии ВСНХ

¹ Местные (областные и губернские) арбитражные комиссии организовывались при исполнительных комитетах областей и губерний.

² Ранее функции ведомственного (с определенными оговорками) надзора были закреплены только за органом, при котором функционировала комиссия.

³ Клеандров М. И. в своем исследовании «Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее». обращает внимание, что помимо перечисленных арбитражных комиссий в стране действовали арбитражные комиссии при товарных и фондовых биржах, учрежденные Постановлением СТО при СНК РСФСР от 23 августа 1922 г. Эти комиссии рассматривали споры между биржами и биржевыми маклерами — то есть споры без государственных субъектов. Ликвидированы эти арбитражные комиссии были Постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 декабря 1929 г. «Об упразднении товарных бирж и фондовых отделов при них».

12 февраля 1926 г. совместным Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР было принято Положение об арбитражной комиссии Высшего Совета Народного Хозяйства Союза ССР (далее — Комиссия ВСНХ). Компактный документ (всего 10 статей) во многом повторял уже существующую конструкцию арбитража на территории СССР.

Например, Комиссией при СТО дела принимались к рассмотрению только лишь по письменному заявлению стороны — учреждения или предприятия, считающего свои права нарушенными. Сходная норма присутствует и в Положении об арбитражной комиссии Высшего Совета Народного Хозяйства Союза ССР. Ст. 3 этого документа предусматривает рассмотрение споров Комиссией ВСНХ только в случае, если имеется соответствующее письменное соглашение. Исключением этого правила были споры между сторонами каждая из которых одновременно была подведомственна ВСНХ и «состояла на государственном бюджете». В этом случае вынесение споров на разрешение Комиссии ВСНХ было обязательным, независимо от каких-либо предварительных письменных соглашений¹.

Порядок формирования Комиссии ВСНХ был практически таким же, как и порядок создания Комиссии при СТО. В обоих случаях и количественный, и персональный состав определялся органом (президиумом ВСНХ применительно к Комиссии ВСНХ), обладавшим правом пересмотра решений арбитражных комиссий. Процедура рассмотрения дел («правила» по терминологии Постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 12 февраля 1926 г.) так же разрабатывалась надзорным органом — в данном случае — ВСНХ.

В силу ст. 6 Положения об арбитражной комиссии Высшего Совета Народного Хозяйства Союза ССР этот орган в своей деятельности должен был руководствоваться «действующими законоположениями, общими началами экономической политики Союза ССР, а равно принципами хозяйственной целесообразности». Присутствие в законодательстве норм, легализующих целесообразность при принятии юрисдикционных актов, активно обсуждалось англоязычными источниками, посвященными советской правовой системе².

Изменена формулировка, касающаяся подведомственности споров Комиссии ВСНХ. По новому положению Комиссия ВСНХ наделялась полномочиями по разрешению имущественных споров учреждений и предприятий (независимо от источников финансирования), если:

- обе стороны подведомственны ВСНХ СССР;
- обе стороны подведомственны ВСНХ разных республик в составе СССР;

¹ Все так же, с некоторыми оговорками, за пределами компетенции комиссий оставались иски по опротестованным векселям.

² Об этом говорилось так: «приверженность политического руководства правовым учреждениям и процедурам была условной. См.: Solomon P.H. Soviet Criminal Justice under Stalin. Cambridge (Mass.), 1996. — Режим доступа: <http://www.fedydiary.ru/html/052012/15052012-02a.html> (дата обращения: 22.01.2020).

— одна сторона подведомственна ВСНХ СССР, вторая сторона — ВСНХ республики в составе СССР.

Иным стал порядок обжалования. Право инициировать процедуру пересмотра получили стороны спора. Ранее эта прерогатива принадлежала учреждениям, имеющим право непосредственного внесения вопросов в Совет Труда и Оборона.

Срок обжалования решений, принятых Комиссией ВСНХ, был установлен две недели со дня вручения копии мотивированного решения. Пересмотр актов комиссии по жалобам, поданным в этот период, осуществлял тот же орган (Президиум ВСНХ¹). Стоит отметить, что Президиум ВСНХ, пересматривая дело уже в порядке надзора, мог изменить свою предыдущую правовую позицию и принять по ранее рассмотренному делу иное решение.

По результатам пересмотра дела Президиум ВСНХ был вправе или утвердить решение комиссии, или прекратить дело, или отменить обжалованное решение полностью или частично. Кроме того, Президиум ВСНХ обладал полномочиями передать дело на новое рассмотрение Комиссии ВСНХ. Процессуальная особенность, связанная с новым государственным устройством, состояла в том, что Комиссия ВСНХ могла руководствоваться также законодательством союзных республик².

Рассматривая спор по существу, Комиссия ВСНХ имела полномочия выйти за пределы заявленных требований. Варианты постановления в этом случае совпадали с аналогичными решениями, которые принимала Комиссия при СТО при выходе за пределы заявленных требований (об отсрочке или расрочке исполнения своего постановления, или о замене предмета исполнения другим предметом или денежным эквивалентом, или о полном или частичном освобождении от обязательства или ответственности).

У Комиссий ВСНХ и при СТО было еще одно, во многом формальное, отличие. Вторая комиссия функционировала при Совете Труда и Оборона. С февраля 1926 года Комиссия ВСНХ структурно находится непосредственно в составе иного органа — Высшего Совета Народного Хозяйства СССР.

Уникальность юридической конструкции.

Таким образом уникальность юридической конструкции арбитража в СССР в период 1924—1931 гг. состояла в наличии у Совета Труда и Оборона СССР и у сменившего его в последствии Высшего Совета Народного Хозяйства СССР одновременно следующих полномочий:

1. органа союзного уровня, который определяет количественный и персональный состав арбитражных комиссий;
2. субъекта, устанавливающего процедуру рассмотрения дела арбитражными комиссиями;
3. надзорной инстанции, которая в любой момент могла выйти за пределы заявленных сторонами требований и принять любое решение по делу, рассмот-

¹ Постоянный исполнительный орган ВСНХ СССР.

² Основы судостроительства Союза ССР и союзных республик: утв. Постановлением ЦИК СССР от 29.10.1924 г.

ренному арбитражной комиссией любого уровня с учетом превалирования целесообразности над законностью.

При этом и Совет Труда и Оборона СССР, и Высший Совет Народного Хозяйства СССР формально не были связанными при принятии своих решений никакой процедурой, так как сами определяли процессуальные «правила» разбирательства дел и поэтому могли произвольно изменить их по своему усмотрению.

Изложенное выше свидетельствует о том, что Арбитражные комиссии ВСНХ и при СТО находились во главе иерархии «экономического правосудия» лишь номинально. Такая «номинальность» позволяла иностранным авторам рассуждать по поводу непонимания политическим руководством нашей страны отличия юстиции от других областей государственного управления¹.

На самом деле никакого непонимания не было: центральные государственные органы управления народным хозяйством и были теми органами, которые формировали практику по экономическим спорам и осуществляли общее руководство арбитражем в СССР в тот период.

Все это придает юридической конструкции арбитража в СССР в период 1924—1931 гг. особое качество. Это качество и есть общий интегрирующий признак, отличающий такую конструкцию от вариантов юридической конструкции «арбитража в СССР», существовавших после упразднения арбитражных комиссий² вплоть до распада страны.

Периодизация: взгляды ученых.

Нельзя сказать, что такое качественное отличие осталось совершенно незамеченным.

Временной отрезок функционирования арбитражных комиссий (с 1922 по 1931 г.) в 1960 г. выделен авторским коллективом под редакцией А. Ф. Клеймана³ как самостоятельный период генезиса советского арбитража. Сменивший его (с 1931 по 1959 г.) период квалифицировался как обособленный, именно потому, что в 1931 г. арбитражные комиссии были упразднены и с этого времени основные параметры юридической конструкции арбитража в СССР определились нормативной базой «Государственного арбитража».

Объяснение концептуального несовпадения сущностных характеристик арбитражных комиссий и государственного арбитража присутствует в работах В. Н. Галеева, который писал: «Различия в деятельности арбитражных комиссий и Госарбитража определяются, в конечном итоге, различием двух этапов развития одного и того же метода ведения социалистического хозяйствования

¹ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 32. Цит. по: Крыжан А. В. Из истории изучения местных советских учреждений юстиции 1920 — 1930-х годов: взгляд на монографию П. Соломона // Новый исторический вестник. 2016. № 1 (47). С. 126—137.

² Постановление ЦИК СССР № 57 и СНК СССР от 4 апреля 1931 г. № 90 «Об упразднении государственных арбитражных комиссий. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=27003#02326856529297136> (дата обращения: 22.01.2020).

³ Арбитраж в СССР / под ред. А. Ф. Клейнмана. М., 1960.

— метода хозрасчета¹». Создание Госарбитража этот автор связывал с тем, что «особенность проведения в жизнь хозрасчетного метода зависит от конкретных исторических условий развития Советского государства, поэтому не может оставаться неизменной и арбитражная форма защиты права, которая требует своего совершенствования»².

А. А. Добровольский и вовсе считал общеизвестным, что «органы государственного арбитража созданы в 1931 г.», давая тем самым понять, что до 1931 г. арбитраж как бы был еще не совсем арбитражем в полном смысле этого слова³.

Однако, чем дальше от распада Союза ССР, тем меньше внимания уделяется изучению принципиальных несовпадений между различными вариантами организации арбитражной деятельности в СССР. Акцент переносится на иные дискуссионные вопросы: «о характере выполняемой им (арбитражем) работы и об ее эффективности, о специфике правового статуса данного института, о приоритетном значении отдельных направлений его деятельности»⁴.

В результате уже в начале XXI в. была оформлена научная позиция, согласно которой период существования арбитражных комиссий предлагается считать подготовительным этапом⁵ «становления и развития системы арбитражных судов», причисляя, таким образом, эти государственные органы к «арбитражу»⁶. Сходное мнение присутствует в работе В. С. Анохина, в которой «... рождение государственного арбитража с даты создания арбитражных комиссий в 1922 году» объявляется общепринятым фактом (с оговоркой, что «некоторые авторы считают, что возникновение государственного арбитража следует датировать с момента его создания в 1931 году»)⁷.

Такой позиции придерживается и Д. В. Воронин, считавший правомерным включение периода функционирования арбитражных комиссий в последовательный и непрерывный процесс развития арбитража в СССР⁸.

¹ Гапеев В. Н. Сущность арбитражной формы защиты права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1971. С. 7.

² Там же.

³ Добровольский А. А. Государственный арбитраж на новом этапе // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1981. № 1. С. 11—19.

⁴ Токарева С. Н., Машкова А. С. Государственный арбитраж в СССР: историографический аспект // Электронный научный журнал Filo Ariadne. 2017. № 1(5). <http://filoariadne.esrae.ru/7>.

⁵ При этом Е. С. Андреева приняла за начало процесса создания арбитражных судов образование Высшей арбитражной комиссии при Совете Труда и Обороне, и государственных арбитражных комиссий при областных экономических советах, затем и губернским совещанием.

⁶ Андреева Е. С. Становление и развитие арбитражных судов в России в период с 1922 г. по 1993 г.: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

⁷ Арбитражное процессуальное право России : учебник / В. С. Анохин. Воронеж: Изд-во Инта экон. и права, 2006.

⁸ Воронин Д. В. Развитие института государственного арбитража и его влияние на советскую экономику: союзно-республиканский и региональный аспекты: 1922—1991 гг.: дис. ... д-ра истор. наук. Томск, 2016. С. 7.

Западные исследователи арбитража указанный в заглавии настоящей публикации период вообще не рассматривают в качестве самостоятельного, уделяя основное внимание анализу развития коммерческого арбитража в СССР¹.

Следует отметить, что в соответствии с Постановлением ЦИК СССР № 57 и СНК СССР № 90 от 4 марта 1931 г. «Об упразднении государственных арбитражных комиссий» деятельность арбитражных комиссий была прекращена с передачей дел, находившихся в их компетенции вышестоящим органам спорящих сторон. В случае, если спор имел место между хозяйствующими субъектами, находящимися в подчинении различных ведомств, дело было подано суду общей юрисдикции и рассматривалось с участием народных заседателей из числа представителей хозяйствующих органов².

Довольно оперативно — уже 20 марта того же года, Постановлением СНК СССР «Об изменении в системе кредитования, укрепления кредитной работы и обеспечении хозяйственного расчета во всех хозяйственных органах» решение о прекращении деятельности арбитражных комиссий было отменено.

3 мая 1931 г. издано совместное Постановление ЦИК СССР (№ 5) и СНК СССР (№ 298) которым было утверждено «Положение о государственном арбитраже». 8 декабря 1931 г. в развитие этого документа принято Постановление СНК СССР «О мерах укрепления работы органов Государственного арбитража».

Выводы

Итак, история «арбитража» в СССР не была линейной и гомогенной. Но, каким бы образом не трансформировалась конструкция «арбитража» в СССР после 1931 г., ни в одном органе «экономического правосудия» больше никогда не концентрировались «сверхполномочия», как это было в Совете Труда и Обороне СССР, а также в Высшем Совете Народного Хозяйства СССР во время существования арбитражных комиссий.

Непродолжительный, менее месяца, временной разрыв 1931 г. в существовании арбитражных комиссий, имеет важное значение для понимания сущности «экономического правосудия» советского периода. Возвращение выведенного на этот месяц из юридического оборота термина «арбитраж»

¹ Paul Fisher. The Soviet Union's approach to arbitration and its enduring influence upon arbitration in the former Soviet space. Russian law journal Volume V (2017) Issue 4. p.137. (P. 129—150), American Journal of International Law. Soviet Treaty Practice on Commercial Arbitration Since 1940. Get access Volume 53, Issue 4 October 1959, pp. 882—889 и др.

² М. И. Клеандров пишет, что у судов к этому времени был наработан небольшой опыт разрешения хозяйственных споров, поскольку Постановлением ВЦИК и СНК СССР от 6 февраля 1929 г. отдельные категории хозяйственных споров были переданы на рассмотрение специальных хозяйственных сессий народных судов. Приводится по: Клеандров М. И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее / Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/commlaw/1306?page=13> (дата обращения: 22.01.2020).

принятием Положения о государственном арбитраже от 3 мая 1931 г. создает лишь видимость хронодискретности этого понятия¹.

На самом деле период прекращения работы арбитражных комиссий был слишком коротким, даже относительно непродолжительного времени существования на тот момент «экономического правосудия» в СССР. Именно поэтому в случае с «арбитражем» в СССР нет оснований говорить о разрыве преемственности и традиции. Полноценная правовая традиция даже к 1931 г. еще так и не была сформирована.

Семь первых лет существования в СССР «арбитража» свидетельствуют о том, что это было совершенно самостоятельное правовое явление, лишенное глубоких исторических корней, и не получившее продолжение в дальнейшем.

Именно поэтому указанное явление следует разграничивать с «арбитражем» после 1931 г., тем более, что для этого законодатель ввел в правовой и научный оборот иной терминологический ориентир — «Госарбитраж».

Библиография

1. Андреева, Е. С. Становление и развитие арбитражных судов в России в период с 1922 г. по 1993 г.: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук / Е. С. Андреева. — М., 2002.
2. Анохин, В. С. Арбитражное процессуальное право России : учебник / В. С. Анохин. Воронеж: Изд-во Ин-та экон. и права, 2006. — 426 с.
3. Воронин, Д. В. Развитие института государственного арбитража и его влияние на советскую экономику: союзно-республиканский и региональный аспекты: 1922—1991 гг. : дис. ... д-ра истор. наук / Д. В. Воронин. — Томск, 2016.
4. Гапеев, В. Н. Сущность арбитражной формы защиты права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. Н. Гапеев. — Ростов-на-Дону, 1971.
5. Демичев, А. А. Принципы и перспективы развития научного направления «Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение» / А. А. Демичев // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 1 (33).
6. Добровольский, А. А. Государственный арбитраж на новом этапе / А. А. Добровольский // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1981. — № 1. — С. 11—19.
7. Клеандров, М. И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее [Электронный ресурс] / М. И. Клеандров // — Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/commlaw/1306?page=13> (дата обращения: 22.03.2020).
8. Крыжан, А. В. Из истории изучения местных советских учреждений юстиции 1920—1930-х годов: взгляд на монографию П. Соломона / А. В. Крыжан // Новый исторический вестник. — 2016. — № 1 (47). — С. 126—137.
9. Соломон, П. Советская юстиция при Сталине / П. Соломон. — М., 2008.

¹ Здесь под хронодискретностью понимается разработанная А. А. Демичевым характеристика термина, когда «сравнивается не один и тот же институт, который эволюционировал на протяжении длительного времени, а одноименные институты, сформированные принципиально отличающейся нормативной базой в несовпадающих экономических условиях, одного исторического периода при отсутствии между ними прямой преемственности». См.: Демичев А. А. Принципы и перспективы развития научного направления «Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение» // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 24.

10. Токарева, С. Н. Государственный арбитраж в СССР: историографический аспект / С. Н. Токарева, А. С. Машкова // Электронный научный журнал Filo Ariadne. — 2017. — № 1(5). – Режим доступа: <http://filoariadne.esrae.ru/7> (дата обращения: 22.03.2020).

11. American Journal of International Law. Soviet Treaty Practice on Commercial Arbitration Since 1940. Get access Volume 53, Issue 4 October 1959, pp. 882—889.

12. Paul Fisher. The Soviet Union's approach to arbitration and its enduring influence upon arbitration in the former Soviet space. Russian law journal Volume V (2017) Issue 4. p.137. (P.129—150).

The Genesis of arbitration and the problems of periodization: 1924—1931

© Tuganov Yu. N.,

Chief researcher Russian State University of justice,
Professor of the Russian Customs Academy,
honored lawyer of the Russian Federation, doctor of
law, Professor, academician RANS,

© Aulov V. K.,

candidate of legal Sciences, associate Professor,
the judge in honourable resignation

Abstract: The article examines the historical period of formation and development of "economic justice" on the territory of the USSR in 1924-1931. The arbitration Commission under the Council of Labor and Defense of the USSR (the highest body in the hierarchy of the "economic justice" structure of the Union state formed at that time), arbitration commissions at regional and provincial economic meetings, the Supreme Arbitration Commission under the Council of Labor and Defense of the USSR and the arbitration Commission of the Supreme Council of National Economy of the USSR are considered. It is noted that the first seven years of the existence of "arbitration" in the USSR indicate that it was a completely independent legal phenomenon, devoid of deep historical roots, and did not continue in the future. That is why this phenomenon should be distinguished from "arbitration" after 1931, especially since the legislator introduced a different terminological reference point – "state Arbitration" - into legal and scientific circulation.

Keywords: judicial activity, courts, arbitration, arbitration commissions.

Прокурорская и судебная деятельность

Некоторые особенности прокурорской проверки исполнения законов

© Гирько С. И.,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России

© Харченко С. В.,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры ОРД ИПД Российской таможенной академии

Аннотация. В статье раскрыта деятельность и основные цели прокуроров при организации и проведении проверок исполнения законов контролирующими и правоохранительными органами, предложены пути по решению возникающих проблем, связанных с надлежащим реагированием на выявленные нарушения законов.

Ключевые слова: органы прокуратуры; надзорная деятельность; прокурорская проверка; прокурорский надзор.

Законность нуждается в постоянной охране. И одним из действенных способов ее обеспечения является эффективный прокурорский надзор¹. С возрастанием роли законности возрастает и роль прокурорского надзора в ее укреплении. Осуществление прокурорского надзора не означает грубого вмешательства в сферу «частных» отношений, так как он вмешивается в них в мере, регулируемой законодательством.

В соответствии с п. 2 ст. 21 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» органы прокуратуры при осуществлении надзора за исполнением законов не подменяют иные государственные органы. Не подменять — значит не делать того, что должны выполнять иные государственные органы. В обязанность прокуратуры входит всеобъемлющий контроль за деятельностью различных органов, учреждений, предприятий, организаций, который включает наряду с обнаружением нарушений законности их предупреждение и устранение. Прокурорский надзор за исполнением законов должен осуществляться самостоятельно, независимо от различных контролирующих органов, ибо главное его назначение — обеспечение строгого и точного соблюдения законности по всей стране.

Проводимые исследования показывают, что прокурорские проверки — основной способ выявления нарушений закона. Проверка исполнения законов проводится на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, в случае, ес-

¹ Харченко С. В. Некоторые особенности прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Морской сборник. 2020. № 2(2075). С. 41—45.

ли эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения указанной проверки.

Именно в результате проверок принимается большинство решений о применении мер прокурорского реагирования. В зависимости от оснований, послуживших причиной их проведения, следует различать текущие и плановые проверки.

Основную массу проверок составляют текущие проверки. Решение об их проведении прокурор принимает на основании поступающей информации о конкретных фактах нарушения закона. Такая информация содержится в обращениях граждан, поступает от должностных лиц (в том числе и по запросам прокурора), из контролирующих органов, имеется в материалах уголовных, гражданских, административных дел, дел оперативного учета, а также может быть получена из средств массовой информации.

Практика показывает, что проверки также могут проводиться по поручению вышестоящего органа прокуратуры.

В отличие от текущих проверок, плановые уже имеются в плане работы прокуратуры на определенный период. Указанные проверки, по мнению авторов, не должны планироваться только лишь для отчетности. Принимая решение о включении в план той или иной проверки, прокурор обязан учитывать состояние законности на проверяемом объекте, накопленную за предыдущий отчетный период информацию, данные предыдущей проверки, результаты рассмотрения протестов и представлений, внесенных по поводу выявленных ранее нарушений закона, планы работы вышестоящих прокуратур и другие значимые обстоятельства.

Любая проверка включает в себя несколько этапов:

- 1) подготовку к проведению проверки;
- 2) проведение самой проверки;
- 3) составление по результатам проверки справки, обобщения или иного документа;
- 4) принятие решения о применении мер прокурорского реагирования.

Каждая стадия имеет свои особенности, поэтому рассмотрим их более подробно.

Каждый этап надзорной деятельности должен сопровождаться применением определенной тактики, которая может выражаться не только в применении конкретных тактических приемов, методов и способов, но и конкретной линии поведения прокурора¹.

Совершенно очевидно, что должным образом проведенная подготовка проверки во многом определяет ее успешность. Если прокурор приходит на проверяемый объект, не зная точно, что именно он хочет обнаружить, скорее всего, он найдет только то, что должностные лица захотят ему показать. Такая проверка не даст хороших результатов, не поможет устранить нарушения зако-

¹ Корякин В. М., Махьянова Р. М. Надзорная деятельность и обеспечение законности // Морской сборник. 2018. № 5. С. 63.

на, и рано или поздно очередные нарушения вынудят прокурора вновь проверять этот объект.

Поэтому руководители прокуратуры должны требовать от своих сотрудников, особенно не имеющих достаточного опыта, чтобы они составляли план предстоящей проверки, который включал бы также план ее подготовки.

Независимо от обстоятельств, которые необходимо выявить в ходе проверки, подготовительные мероприятия в любом случае должны включать:

- ознакомление с действующим законодательством, регламентирующим деятельность проверяемого органа;
- ознакомление с приказами и указаниями Генерального прокурора, касающимися изучаемого вопроса;
- сравнение статистических данных о деятельности интересующего объекта за проверяемый период и соответствующий период прошедшего года;
- ознакомление с материалами предыдущих прокурорских проверок, справками, обобщениями;
- анализ поступивших в прокуратуру жалоб граждан на действия данного органа и его сотрудников, заявлений и обращений должностных лиц (информация о нарушениях законов, прав и свобод граждан учитывается в книгах учета прокурорских проверок, жалоб и обращений граждан, в соответствующих папках (нарядах));
- изучение иной имеющейся в прокуратуре района (города) и в вышестоящей прокуратуре информации.

На основании анализа этой информации прокурор, во-первых, составляет предварительный перечень вопросов, которые необходимо выяснить в ходе проверки, а во-вторых, определяет, какую еще дополнительную информацию необходимо получить до начала проверки.

Работникам прокуратуры, осуществляющим надзор на данном участке, прежде всего, необходимо знать, где именно они могут получить необходимую информацию?

Изучение практики показало, что источниками информации о нарушениях закона являются:

- органы внутренних дел;
- органы налоговой инспекции;
- таможенные органы;
- административные комиссии;
- санитарно-эпидемиологические службы;
- органы принудительного исполнения;
- органы местного самоуправления и их структурные подразделения;
- городские (районные) комитеты — статистики, жилищно-коммунальные, по управлению имуществом, по земельным ресурсам и землеустройству и др.;
- городские (районные) службы социальной защиты населения, занятости населения;

– различные коммерческие и некоммерческие организации.

Кроме того, источниками информации могут быть различные формы отчетности, например, содержащие сведения о производстве и отгрузке товаров и услуг, об инвестициях, о суммах, наложенных на юридические лица и взысканных с них, штрафов и недоимок и т.д.

Вступив в должность, работник прокуратуры должен в ближайшее же время выяснить, где и какая ведется отчетность, какие собираются сведения, представляющие для него определенный интерес, а руководитель органа прокуратуры — проверить, все ли возможности для получения необходимой информации используют его подчиненные.

Конечно, надлежащая подготовка занимает много времени и отвлекает прокурора от текущей работы. Поэтому можно рекомендовать каждому сотруднику прокуратуры, в плане которого стоит проведение проверок, составить специальную таблицу, в которую заносить данные об объекте проверки, о необходимой информации, ее источниках и т. д. После того как таблица будет заполнена, необходимо определить источники информации, которые совпадают. Это позволит прокурору, во-первых, получить из одного источника информацию сразу по нескольким проверкам, а во-вторых, — осуществлять подготовку к проверкам постепенно, в процессе своей ежедневной деятельности.

При осуществлении возложенных на него функций прокурор вправе иметь доступ к документам и материалам поднадзорных органов. При этом снятие копий с необходимых прокурору материалов должно производиться безвозмездно независимо от формы собственности предприятий, учреждений, организаций.

Прокурор также вправе требовать от руководителей и других должностных лиц поднадзорных органов предоставления необходимых документов, материалов, статистических и иных сведений.

Практика показывает, что иногда прокурору отказывают в предоставлении документов или доступе к ним по причине того, что они содержат государственную или коммерческую тайну. При этом такие отказы во многих случаях являются необоснованными. Однако неопытные прокуроры оставляют это нарушение без внимания, соглашаясь с мнением должностного лица, не выполнившего требование прокурора. Чтобы определить законность отказа, прокурор должен обратиться к Закону Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне», содержащему исчерпывающий перечень сведений, составляющих государственную тайну и Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», т. к. она осуществляется гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, а сведения об ее организации и тактике не входят в предмет прокурорского надзора.

Таким образом, если запрашиваемые материалы действительно содержат сведения, составляющие государственную тайну, истребовавший такие сведения прокурор должен иметь соответствующий допуск, а порядок предоставле-

ния этих сведений осуществляется в соответствии с правилами работы с документами ограниченного доступа.

Что касается тайны коммерческой, то закон определил перечень сведений, которые не могут ее составлять. К ним относятся:

- учредительные документы и уставы предприятий;
- регистрационные удостоверения, лицензии, патенты;
- отчетные данные о платежеспособности коммерческих структур, об уплате налогов;
- данные о численности и составе производственного персонала;
- сведения о нарушении правил охраны окружающей среды, антимонопольного законодательства, законов об охране труда, несоблюдении условий реализации продукции и иных нарушениях законодательства;
- сведения об участии должностных лиц в обществах, товариществах и других организациях, занимающихся предпринимательской деятельностью¹.

Если прокурору отказывают в доступе к документам, материалам или не исполняют требование об их предоставлении, то, прежде чем принимать меры реагирования, прокурору следует в первом случае — направить требование, а во втором — повторное требование со ссылкой на соответствующую норму закона.

При решении вопроса о праве прокурора требовать объяснения от граждан и должностных лиц по поводу нарушения закона необходимо иметь в виду, что эти лица вправе отказаться от дачи объяснений в силу ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации, за что они не могут быть привлечены к какой-либо ответственности.

Также надо иметь в виду, что закон не предоставляет прокурору права на произвольный, без законного основания вызов граждан и должностных лиц в прокуратуру для дачи объяснений. Это право используется лишь в случае нарушения ими законов.

Как уже отмечалось, для того чтобы использовать средства и методы осуществления прокурорского надзора с наибольшей эффективностью, прежде всего необходимо определить вид предстоящей проверки. Проведенное исследование показало, что в зависимости от поставленных задач, проверки можно подразделить на следующие виды: комплексные, целевые, «сквозные» и контрольные.

Комплексная проверка ставит своей целью контроль за исполнением широкого круга норм действующего законодательства.

Целевая проверка направлена на проверку исполнения какой-либо одной отрасли законодательства — налогового, банковского, регламентирующего определенный вид экономической деятельности и т. д.

Если необходимо проверить исполнение законодательства всеми подразделениями или звеньями районного (городского) органа, то проводится так

¹ Федеральный закон от 29 апреля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне».

называемая «сквозная» проверка. По своему характеру она может быть, как целевой, так и комплексной.

Фактическое устранение ранее выявленных нарушений устанавливается в ходе контрольной проверки.

В любом случае, независимо от формы и цели проверки, в ее процессе необходимо выяснить следующие обстоятельства:

- характер допущенных нарушений;
- какой правовой акт и какие содержащиеся в нем нормы нарушены;
- какие обстоятельства способствовали нарушению закона;
- почему выявленное прокурором нарушение не было выявлено контролирующими органами, ранее проводившими проверки и т. п.

Это необходимо для того, чтобы впоследствии, при анализе материалов проверки, прокурор мог принять взвешенное и обоснованное решение о применении меры прокурорского реагирования.

Насколько разнообразны по своему правовому режиму, компетенции, характеру деятельности и другим характеристикам объекты прокурорского надзора, настолько же разнообразны и обстоятельства, которые необходимо установить в ходе проверки. Поэтому мы рассмотрим только два вида проверок — те, которые прокурору обязательно придется проводить.

1. Проверка соответствия закону издаваемых правовых актов.

В процессе проверки законности актов необходимо установить следующие обстоятельства:

- уполномочен ли этот орган издавать подобный акт, т.е. не вышел ли он за пределы своей компетенции;
- соблюден ли порядок принятия акта, закрепленный в регламенте (например, имелся ли необходимый кворум для принятия акта представительным органом власти);
- не противоречит ли данный акт другим актам, ранее принятым тем же органом;
- не допущено ли нарушения материального права;
- не ограничивает ли акт права и свободы граждан или законные интересы юридических лиц;
- не устанавливаются ли актом обязанности граждан, не предусмотренные законом;
- не разрешает ли акт совершение запрещенных законом действий;
- не содержит ли акт сведений о совершенных преступлениях или правонарушениях.

2. Проверка деятельности органов контроля.

В Российской Федерации имеется не один десяток органов, осуществляющих контроль и надзор. Многие из них осуществляют настолько специфическую, узкоспециализированную деятельность, что без обладания специальными знаниями вряд ли возможно получение достоверной информации. Поэтому при

проведении проверки прокурору, скорее всего, придется воспользоваться предоставленным ему правом и потребовать выделения специалиста.

В ходе проведения самой проверки предстоит ознакомиться:

- с приказами, положениями, инструкциями и другими актами, изданными руководителем или руководящим органом;
- с необходимыми для данной проверки журналами, книгами учета, материалами обследований и т.п.;
- с составленными протоколами, актами, предписаниями и постановлениями.

Изучение всех этих материалов необходимо для того, чтобы в случае наличия у проверяемого органа соответствующей компетенции можно было получить ответы на следующие вопросы:

- осуществляется ли надлежащий учет и регистрация поступающих жалоб, заявлений, устных сообщений;
- своевременно ли проводятся проверки с целью выявления, устранения и предупреждения в дальнейшем подобных нарушений;
- всегда ли определяется наличие материального ущерба;
- возмещается ли ущерб за счет виновных лиц;
- предъявляются ли иски о взыскании с виновных средств для возмещения ущерба. Так, например, в постановлении руководителя (заместителя руководителя) налогового органа, вынесенном по результатам рассмотрения материалов проверки о привлечении налогоплательщика к ответственности за совершение налогового правонарушения, или в постановлении об отказе в привлечении налогоплательщика к ответственности должны быть указаны не только суммы налогов, подлежащие оплате в бюджет, но и суммы начисленных пеней за несвоевременную уплату налогов;
- осуществляется ли контроль за исполнением выносимых предписаний и постановлений;
- направляется ли в прокуратуру информация о нарушениях закона. Следует иметь в виду, что на практике такая информация должна указывать на то, что требуется принятие мер прокурорского надзора, поскольку реагирование на подобные нарушения не входит в компетенцию контролирующего органа;
- передаются ли в органы прокуратуры и органы внутренних дел материалы, содержащие сведения о признаках преступлений. При обнаружении в ходе проверки таких материалов прокурор должен их истребовать, провести по ним проверку и принять предусмотренное законом решение.

Таким образом, целью проверки является не только выявление нарушения, но и его устранение. Если в результате проверки прокурор выявит нарушение закона, гарантированных Конституцией Российской Федерации или предусмотренных законом прав граждан, он обязан принять меры прокурорского реагирования: внести представление, а в том случае, если в действиях должностного лица содержатся признаки преступления или административного правона-

рушения, вынести мотивированное постановление о возбуждении уголовного дела или производства об административном правонарушении.

Библиография

1. Корякин, В. М. Надзорная деятельность и обеспечение законности / В. М. Корякин, Р. М. Махьянова // Морской сборник. — 2018. — № 5. — С. 61—65.
2. Харченко, С. В. Некоторые особенности прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность / С. В. Харченко // Морской сборник. — 2020. — № 2(2075). — С. 41—45.

Some features of the Prosecutor's check enforcement of laws

© **Girko S. I.**,

doctor of law, Professor, honored worker of science of the Russian Federation, chief research officer of the Federal research Institute of the Federal penitentiary service of Russia

© **Kharchenko S. V.**,

doctor of law, associate Professor, Professor of the Department of internal AFFAIRS of the Russian customs Academy

Annotation. The article reveals the activities and main goals of prosecutors in organizing and conducting inspections of law enforcement by regulatory and law enforcement agencies, and suggests ways to solve emerging problems related to proper response to detected violations of laws.

Key words: public Prosecutor's office; Supervisory activities; prosecutorial screening; prosecutorial supervision.

Некоторые аспекты становления судебного нормоконтроля в сфере подзаконного нормотворчества как самостоятельного вида судебной деятельности в военно-судебной системе России

© Легков К. В.,

советник юстиции 1 класса, соискатель ученой степени кандидата юридических наук Российского государственного университета правосудия

Аннотация. В статье автор излагает концептуальные предпосылки к возникновению и дальнейшему развитию судебной деятельности по проверке законности подзаконных нормативных правовых актов в сфере военной службы, а также акцентирует внимание на наличие объективной необходимости нового взгляда в вопросах формирования данного вида судебной деятельности на фоне изменений процессуального законодательства. Особенно важным представляется исследование прямого судебного нормоконтроля с точки зрения его специфики и значимости в судебной защите прав и интересов военнослужащих, реализации посредством него конституционных принципов государственного устройства России и устранения дисбаланса в правовом регулировании на подзаконном уровне правоотношений, связанных с прохождением военной службы.

Ключевые слова: нормоконтроль, судебная деятельность, правосудие, государственное устройство, судебная власть, военная служба, военнослужащий, нормативный правовой акт, подзаконное нормотворчество.

На протяжении многих лет ведутся дискуссии и посвящаются научные труды такому социальному явлению, как государственная власть, а также проблемам правового государства, отправления правосудия и совершенствования данного вида государственной деятельности.

Позитивное совершенствование государственного устройства в целом, его правовых и демократических начал предопределяет тенденции развития судебной власти, выявляя одновременно с этим и проблемы на пути ее эволюции, позволяющие определить принципиально новый объект научного исследования и поставить при этом качественно новые ориентиры их разрешения.

Судебный нормоконтроль, называемый в ряде научных источников прямым, непосредственным или абстрактным, представляющий собой судебную форму проверки законности нормативных правовых актов на предмет их соответствия актам, имеющим большую юридическую силу, как самостоятельный правовой институт, сформированный в настоящее время в российском законодательстве, прошел долгий путь своего становления и нормативного закрепления, а вопросы фактической его реализации и совершенствования остаются актуальными до сих пор.

Как отмечали Л. А. Тхабисимова и И. М. Евлов, анализируя процесс становления судебного нормоконтроля, «было бы самонадеянным считать, что двадцати лет достаточно для формирования совершенной системы судебного

нормоконтроля, поэтому ближайшие годы и десятилетия нам предстоит еще не одна реформа и модернизация этой сферы судебной деятельности»¹.

Современные процессы развития отраслей российского процессуального законодательства свидетельствуют о безусловной верности данного утверждения.

Анализ различных научных источников, посвященных вопросам государства и права, а также формированию административной юстиции, позволяет сделать вывод, что предпосылкой возникновения судебного нормоконтроля является наделение судебной власти независимостью в реализации ее основной функции — отправление правосудия и возрастание роли в обеспечении системы сдержек и противовесов в деятельности государственной власти.

В истории России были периоды, начиная от отрицания необходимости отделения судебных функций от административного управления вовсе, и до придания их самостоятельности лишь формального характера на фоне осознания необходимости модернизации государственной власти, и только после следовало принятие для этого правовых основ и действенных организационных мер.

Во многих научных трудах и современной юридической науке, как правило, наличие судебного нормоконтроля связывается с выделением судебной власти в самостоятельную систему государственных органов, не зависящую от двух других ветвей государственной власти.

При этом одним из проявлений принципа сдержек и противовесов в системе государственной власти России справедливо принято считать судебный контроль за правовым содержанием нормативных правовых актов, принимаемых органами законодательной и исполнительной власти, полномочиями по осуществлению которого наделены лишь отдельные судебные инстанции.

Как отмечено В. М. Лебедевым, придание судебной системе подобных полномочий свидетельствует о повышении роли судебной власти в государственно-правовом механизме, когда судебная власть получает реальный статус «настоящей власти», т.е. однопорядковой и равнозначной двум другим ветвям власти. Система сдержек и противовесов — это не война властей, а система сбалансированного взаимодействия, не позволяющая ни одной ветви власти выйти за пределы Конституции. А если эту систему и можно условно назвать «войной», то только войной за право, за правовой закон².

Таким образом, закрепление в ст. 10, 118 и 120 Конституции Российской Федерации фундаментальных основ устройства государственной власти в Российской Федерации, базирующегося на ее разделении на законодательную, ис-

¹ Тхабисимова Л. А., Евлоев И. М. История развития судебного нормоконтроля как инструмента воздействия общества на государство // Политико-правовые механизмы формирования институтов публичной власти: материалы и доклады VIII Международной научно-практической конференции (Самара, 30 мая — 3 июня 2012 г.) / под ред. В. В. Полянского, В. Э. Волкова. Самара: Самарский университет, 2012. С. 274—283.

² Лебедев В. М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб.: «Лань», 2001. С. 88—89.

полнительную и судебную, обозначило немаловажные начала организации судебной власти, основанные на принципах самостоятельности органов судебной власти и осуществления правосудия только судом в условиях, обеспечивающих независимость судей и подчинение их только Конституции Российской Федерации и федеральному закону.

Еще в 1915 г. в научном труде, посвященном проблемам правового государства, С. А. Котляревский, анализируя и цитируя работы юристов XIX—XX в., приводит ряд суждений, определяющих правовое государство и его содержание. Так, чтобы правовое государство сделалось действительностью, недостаточно определить нормы публичного права путем их закрепления в законодательстве, нужно также создать правосудие, которое устанавливает право в каждом конкретном случае и дает незыблемую основу для его восстановления, если оно нарушено. Правовое государство обнаруживается в правовой защите граждан. Формальное всемогущество государства над правом выражается исключительно через законодательные учреждения и в форме закона; управление связано законами; правосудие, как самостоятельная функция в государстве, требует независимой организации и особо установленной процедуры.

Он также отмечает, что правовая защита, организованная средствами самого государства, возможна при условии разделения властей, то есть в рамках конституционного государства, но опять же наличие конституции безусловно не делает государство правовым¹.

Создать идеальную модель конституции тоже невозможно, что обусловлено влиянием множества факторов на состояние государственного устройства, и, как следствие, всего законодательства².

Родоначальником теории конституционного государства является Ш. Л. Монтескье, с резкой категоричностью указывавший на опасность, грозящую политической свободе граждан от соединения законодательной, исполнительной и судебной власти в одних и тех же руках.

Как отмечал В. М. Гессен, в обоснование необходимости разделения ветвей государственной власти, несмотря на то, что государственная власть едина, это никоим образом не противоречит обособлению властей, под которым он понимал отделение правительственной власти от законодательной и судебной от той и другой как отличительное свойство правового государства, при котором публичные права гражданина, подобно частным его правам, гарантируются судебной охраной и защитой, что является основой и необходимой гарантией их обособления³.

В. М. Гессен указывал, что, безусловно, принцип обособления властей, в правильном его понимании, лежит в основе конституционного строя.

Он весьма положительно отнесся к положению теории Ш. Л. Монтескье о независимости судебной власти от законодательной и исполнительной, кото-

¹ Котляревский С. А. Власть и право. Проблемы правового государства. М., 1915.

² Лебедев В. А. Конституционное развитие России // *Lex russica*. 2018. № 11. С. 16—22.

³ Гессен В. М. О правовом государстве // *Правовое государство и народное голосование. К реформе государственного строя России*. СПб.: Изд. Н. Глаголева, 1906. Вып. 2. С. 9—62.

рое, считал В. М. Гессен, победоносно выдерживает испытание времен, остается не только теоретически непоколебленным, но, больше того, свидетельствует о законодательной эволюции правового государства, поскольку она касается судебной власти, является не чем иным, как постепенным, неуклонно последовательным внедрением его в политическую жизнь.

Также В. М. Гессен полагал, что, создавая право, законодательная власть руководствуется соображениями целесообразности и пользы, интересами общества или отдельного его класса. И теми же соображениями руководствуется правительство, в пределах права управляя страной. Политика — стихия, в которой живет и та, и другая власть; политика — стихия, в которой судебная власть задыхается и умирает. Закон или правительственный акт может быть разумным или неразумным, нравственным или безнравственным, полезным или вредным. Судебное решение может быть правосудным или несправосудным, и только.

Именно потому, что судебная функция отлична от функции других властей, судебная власть должна быть независимой от них, а отделение суда от администрации является основным требованием современного судоустройства¹.

Вопрос необходимости наделения судебной власти реальной независимостью и самостоятельностью, отмеченный в юридической литературе многими учеными, сохраняет свою актуальность и сейчас, продолжая являться предметом реформирования российской судебной системы, а вместе с ней и процессуального законодательства, в том числе в сфере публично-правовых отношений.

Разделение властей, без которого невозможно осуществление власти в демократическом государстве, является неизбежным условием построения правового государства и гражданского общества. Возможность осуществления нормоконтроля российскими судами относят к числу позитивных результатов проводимой судебной реформы. Судебный нормоконтроль имеет внушительный вес в деле обеспечения равновесия ветвей власти².

Это связано и с тем, что в основе деятельности государственной власти одно из центральных мест занимают вопросы правового регулирования общественных отношений, в том числе в области обороны страны, которое в современных условиях характеризуется постоянными процессами его модернизации и наличием обширного количества принимаемых нормативных правовых актов.

Возможность найти авторитетный и справедливый императив, примирить спорящих была всегда драгоценна, и, будучи однажды найденным, он превращался в общее правило, не только разрешающее споры, но и предотвращающее само возникновение их³.

Мировая история дает четко понять, что наличие определенных правил поведения, обеспеченных государством, обусловлено, в том числе, потребно-

¹ Гессен В. М. Основы конституционного права / изд. 2-е. Петроград: изд. юридического книжного склада «Право», типолитография товарищества А.Ф. Маркс, 1918.

² Ишеков К. А. Реализация конституционного принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации / под ред. П. П. Сергуна. Саратов: ГОУ ВПО РПА МЮ РФ, 2010.

³ Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с предис. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 79.

стями и интересами самого человека и общества. С древних времен человек подчинялся «закону» — определенному императиву в том или ином его проявлении, необходимость которого была неоспорима, в том числе в целях обеспечения безопасности.

Безусловно, развитие военной организации и военной политики Российского государства отражает в себе исторические этапы его существования, связанные с многочисленными военными конфликтами и войнами, нахождением страны в постоянном состоянии необходимости обеспечения сохранности своего суверенитета и противостояния военной угрозе.

Для обеспечения целей и задач, связанных с обеспечением обороноспособности страны, необходима соответствующая правовая основа.

Тем не менее, активно меняющееся содержание нормативных правовых актов в России, многообразие их форм и соотношение друг с другом зачастую влекут появление в системе права противоречий и несогласованностей.

Как полагает М. А. Занина, в некоторых случаях такие противоречия юридических норм — явление вполне естественное, объективное и даже необходимое для развития права, в особенности, когда их возникновение связано с устареванием законодательства, с усложнением экономических, политических и иных сфер общественного устройства¹.

В современной России ее правовую систему составляет множество нормативных правовых актов разных сфер действия и юридической силы, определяющих права и обязанности субъектов правоотношений, которые в силу своей специфики и сложности требуют детального и согласованного правового регулирования, которым очерчивались бы пределы свободы и определялись взаимные правила их поведения, в том числе в отношениях с публичной властью.

Достаточно большое количество различных нормативных правовых актов не всегда свидетельствует о негативном характере деятельности государства в сфере нормотворчества, что снижало бы эффективность правового регулирования.

Развитие и сосуществование дифференцированных по своей природе и характеру отношений, которые в современных реалиях практически нельзя представить без «столкновения» интересов их субъектов, не может протекать вне правового поля и без участия государства, которым придается легитимность и обеспечивается их защита посредством создания норм права, являющихся фундаментом построения правового государства.

Обеспечение надлежащего правового регулирования отношений в области военной безопасности государства является и залогом укрепления оборонной мощи страны, а также предпосылкой должного обеспечения реализации прав граждан, связанных с прохождением военной службы.

Современное российское государство, ориентированное на защиту прав и свобод человека и гражданина, предоставляет субъектам правоотношений, кон-

¹ Занина М. А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды). М.: РАП, 2009. С. 4.

кретному человеку, законную возможность реагировать на «негативные» моменты, связанные с деятельностью государства, в том числе в сфере нормотворчества в лице его государственных органов и должностных лиц.

Возвращаясь к науке о теории государства и права, необходимо отметить тесную историческую взаимосвязь общества и государства, при которой существование государства, представляющего собой форму организации публичной власти и определенный союз, объединение людей, невозможно без общества и неразрывно связано с этапами развития самого общественного устройства¹.

Готовность государства «ограничить» свою власть, продиктованная конституционными приоритетами незыблемости прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности, требует создания необходимых основ и действенных механизмов реализации соответствующих институтов, призванных обеспечить обществу возможность некой «ревизии» властных полномочий государства.

Конституция Российской Федерации провозглашает Россию демократическим правовым государством, в котором высшей ценностью являются человек, его права и свободы, а основополагающей обязанностью государства — признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина.

Особые требования предъявляются к нормативным правовым актам, опосредующим взаимоотношения граждан (физических лиц) и их объединений (юридических лиц) с публичной властью, к применению содержащихся в них нормативных положений².

Это касается и военнослужащих, а также иных лиц, на которых распространяются обусловленные этим статусом социальные гарантии и меры защиты.

Так, п. 2 и 4 ст. 3 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» предусмотрено, что правовая защита военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей является функцией государства и предусматривает закрепление в законах и иных нормативных правовых актах прав, социальных гарантий и компенсаций указанных лиц и иных мер их социальной защиты, а также правовой механизм их реализации.

В свою очередь реализация данных мер правовой и социальной защиты возлагается, в том числе, на органы государственной власти и федеральные суды общей юрисдикции.

Эффективная защита прав и свобод военнослужащих требует четкого правового закрепления не только их, но и корреспондирующих этим правам обязанностей соответствующих государственных органов³.

¹ Гогин А. А., Липинский Д. А., Малько А. В. и др. Теория государства и права : учебник / под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского. М.: Проспект, 2016.

² Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2019 г. № 5-П, от 13 июня 2019 г. № 23-П, от 14 июня 2018 г. № 23-П.

³ Корякин В. М. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих». М.: Центр правовых коммуникаций, 2018.

В связи с этим большую значимость приобретает качество законодательства, предполагающее, в том числе его стабильность и согласованность, как важнейшее условие его эффективности, выраженное в соотношении между целями введения государством тех или иных правовых норм и достигнутым результатом их действия в обществе¹.

Однако объективно правовые нормы, как обоснованно указывает С. С. Харитонов, анализируя судебную практику по вопросам прохождения военной службы, не идеальны².

Не является исключением и нормотворческая деятельность государства в сфере военно-служебных отношений на подзаконном уровне, которая не лишена своих недостатков, порождающих определенные правовые коллизии.

Военное законодательство представляет собой систему правовых норм, к которым относятся как законодательные, так и иные многочисленные нормативные правовые акты в области обороны и военной безопасности государства³. Как и любые другие подзаконные нормативные правовые акты, акты данного уровня, регулирующие отношения в области обороны и военной безопасности, должны издаваться только в развитие законодательства, имеющего большую юридическую силу, не противоречить ему и иметь согласование на своем уровне правового регулирования.

Между тем, это существенное условие издания подзаконных нормативных правовых актов, предполагающее обеспечение эффективности законодательного правового регулирования, соблюдается не всегда.

В то же время акты военного управления играют огромную роль в обеспечении военной безопасности, являясь правовым средством управления войсками, организации их боевой подготовки, регулирования многообразных отношений, возникающих в процессе строительства и развития Вооруженных Сил, жизни, быта и деятельности войск, а также средством обеспечения управления войсками и поддержания правопорядка и воинской дисциплины.

Однако, существуют нормы военного права, которые хотя действуют и применяются, но мешают общественным отношениям и еще не исключены из системы военного права. Эти нормы не просто относятся к числу неэффективных норм, а обладают отрицательной эффективностью — это т.н. дефектные нормы⁴.

Нормативные правовые акты подзаконного уровня, регулирующие большое разнообразие воинских правоотношений, значительно превышают по ко-

¹ Тихомиров Ю. А., Емельянцева В. П., Аюрова А. А. и др. Эффективность законодательства: вопросы теории и практика : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Емельянцева. М.: ИНФРА-М, 2015.

² Харитонов С. С. О судебной практике по вопросам прохождения военной службы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 10. С. 28—38.

³ См. подробнее: Военное право : учебник / В. К. Белов [и др.] / под ред. В. Г. Стрекозова, А. В. Кудашкина. М.: «За права военнослужащих», 2004.

⁴ Корякин В. М. Введение в теорию военного права (монография). М.: Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. М.: За права военнослужащих, 2007. С. 11—118.

личеству законодательные акты и по процедуре отличаются более упрощенным порядком их принятия, что зачастую идет в разрез с их «качеством», порождающим проблемы в правовом регулировании, в целях обеспечения которого они и введены в действие.

К сожалению, дефекты любой отрасли права сегодня воспринимаются как неизбежное явление, обусловленное рядом причин как объективного, так и субъективного характера, связанных, в частности, с неопределенностью нормативного предписания, противоречиями правовых норм, несовершенством правовых конструкций, произвольным использованием юридических понятий без учета системных связей понятийного аппарата¹.

Изменение конституционно-правового устройства государства России, связанное с принятием Конституции Российской Федерации, обусловило возникновение совершенно иной модели государственной власти, нежели в советский период, и наделение особыми государственными функциями судебной власти.

Одной из важнейших функций Российской Федерации как правового государства признается охрана прав и свобод человека, и, как указывалось ранее, также военнослужащих, в защите которых особое место отведено судебной власти, обладающей исключительной компетенцией в отправлении правосудия.

В рамках деятельности судебной власти по отправлению правосудия при разрешении дел, связанных с оспариванием подзаконных нормативных правовых актов в области обороны и военной безопасности, одним из главных является вопрос законности такого акта.

Представляя собой одно из центральных понятий юриспруденции, принцип законности, закрепленный в Конституции Российской Федерации и положенный в основу всех отраслей российского законодательства, служит отправным ориентиром и «стандартом» в подзаконном нормотворчестве. Ст. 15 Конституции Российской Федерации требует от всех органов государственной власти, органов местного самоуправления и должностных лиц соблюдения Конституции Российской Федерации и законов, а также руководства в своей деятельности общепризнанными принципами.

Принцип законности, являясь общеправовым, требует строгого и неуклонного выполнения государственными органами и должностными лицами требований законов, в том числе в процессе их подзаконной нормотворческой деятельности. Именно поэтому система качественных нормативных правовых актов подзаконного уровня также является существенным условием и предпосылкой законности, а средством ее обеспечения — судебный контроль за деятельностью государственных органов и должностных лиц в сфере обороны страны, при котором судебная власть является основным звеном единого универсального механизма защиты прав военнослужащих².

¹ Головина С. Ю. Способы преодоления судами пробелов и иных дефектов трудового законодательства // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 13—16.

² Корякин В. М., Кудашкин А. В., Фатеев К. В. Военно-административное право (военная администрация) : учебник. М.: За права военнослужащих, 2008. С. 390, 399.

В рассматриваемом аспекте судебной деятельности по непосредственному судебному нормоконтролю термин «законность» нормативного правового акта следует понимать как его соответствие актам, имеющим большую юридическую силу, в том числе, предъявляющим требования к порядку его принятия и форме, а судебный нормоконтроль — как деятельность судов по проверке этого соответствия.

В свою очередь потенциал судебной власти по проверке законности подзаконных актов заключается в оперативности и возможности, не вторгаясь в прерогативу и сам процесс подзаконного нормотворчества органов государственной власти, своевременно отреагировать на «некачественные, дефектные» акты, обеспечив тем самым защиту частных интересов, в том числе в публично-правовых отношениях интересов военнослужащих, и, как следствие, устранить дисбаланс правовых норм в данной системе правового регулирования.

Согласованность нормативных правовых актов и их внутреннее единство способствует эффективному регулированию общественных отношений в сфере военной деятельности государства и их правильному применению компетентными органами в отношениях с участием военнослужащих.

Прямой судебный нормоконтроль в военно-судебной системе, направленный на обеспечения единства системы военного права, как способ преодоления коллизий в результате допущенных правотворческих ошибок из-за нарушений требований, определяющих законность нормативных правовых актов, занимает принципиально важное место в достижении целей правового регулирования общественных отношений в сфере военной службы и реализации прав, свобод и законных интересов военнослужащих.

Как справедливо отмечено В. М. Корякиным, установленные правила поведения в сфере обороны и военной безопасности страны смогут эффективно влиять на данные отношения лишь в случае, когда они будут восприняты самими военнослужащими в результате формирования их правосознания и позитивного отношения к действующим нормативным требованиям и предписаниям их служебно-боевой и общегражданской деятельности¹.

Однако такое положение возможно лишь тогда, когда нормативное предписание того или иного правового акта позволит решить те задачи и достичь тех целей, ради которых оно принято, не создавая при этом противоречий в правовом регулировании.

Институт судебного нормоконтроля в сфере военно-служебных отношений на подзаконном уровне представляется принципиально значимым инструментом опосредованного взаимодействия общества с государством, позволяя в рамках определенных юридических процедур устранить недостатки правового регулирования в столь важной области общественных отношений, как оборона и военная безопасность, что, безусловно корреспондируется с интересами и самими военнослужащих, позволяя судить о правовом и демократическом характере устройства государственной власти.

¹ Корякин В. М. Введение в теорию военного права. С. 11 — 118.

В. М. Савицкий указывал, что судебную власть характеризует не столько правосудие (в традиционном смысле), сколько юридическая возможность оказывать активное влияние на решения и действия законодательной и исполнительной властей, «уравновешивать» их. Эти полномочия, когда они предоставлены суду и используются судом, превращают его в реальную стабилизирующую силу, способную защитить права и свободы граждан, оберегать общество от разрушительных социальных конфликтов.

Он же считал, что как одну из основных структур правового государства судебную власть нельзя сводить к рассмотрению конкретных дел, предусмотренных нормами гражданского или уголовного права. Такой подход себя изжил, был ориентирован на прежний суд. Настоящая судебная власть может возникнуть в результате приобретения судом качественно новых функций, отнюдь несводимых к тому, что раньше обычно именовалось правосудием¹.

В связи с совершенствованием в Российской Федерации отраслей процессуального законодательства за последние годы в модель судебного нормоконтроля были внесены значительные изменения, касающиеся порядка рассмотрения дел по проверке законности подзаконных нормативных правовых актов в рамках законодательства о статусе военнослужащих, воинской обязанности и военной службы, а также вопросах ее прохождения.

Особую значимость приобретает стабильность и качество законодательства в этой сфере правоотношений как важнейшие условия его эффективности, от чего напрямую зависит защита прав, свобод граждан — военнослужащих, в обеспечении которых важная роль отдана судебной власти.

В основу прямого судебного нормоконтроля положена идея устранения коллизий правовых норм, вызванных различного рода ошибками в правотворческой деятельности органов государственной власти и должностных лиц в результате отступления от принципа законности, возникновения конфликта этих норм в иерархии действующего законодательства, влекущих их признание недействительными.

Без единых, взаимосогласованных предписаний право не сможет выполнять роль фундамента правовой государственности².

Придание прямому судебному нормоконтролю нового законодательного оформления в результате принятия КАС РФ, чему предшествовал многолетний практический опыт по проблемам рассмотрения подобной категории дел, а также огромная работа по унификации процессуального законодательства в сфере административной юстиции, представляет как практический, так и научный интерес в исследовании перспектив дальнейшего развития, а также вопросов, возникающих в судебной деятельности по проверке законности подзаконных нормативных правовых актов в столь специфической сфере правоотношений как военная служба.

¹ Савицкий В. М. Организация судебной власти в Российской Федерации : учеб. пособ. М., 1996. С. 29.

² Занина М. А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды). М.: РАП, 2009. С. 78.

Библиография

1. Военное право : учебник / В. К. Белов [и др.] / под ред. В.Г. Стрекозова, А. В. Кудашкина. РОД «За права военнослужащих». — М., 2004. Сер. Выпуск 45 «Право в Вооруженных Силах — консультант». — 640 с.
2. Гессен, В. М. «О правовом государстве» / В. М. Гессен // Правовое государство и народное голосование. К реформе государственного строя России. — СПб.: Изд. Н. Глаголева, 1906. — Вып. 2.
3. Гессен, В. М. Основы конституционного права (издание 2-е) / В. М. Гессен. — Пет-роград: издание юридического книжного склада «Право», типолитография товарищества А. Ф. Маркс, 1918.
4. Головина, С. Ю. Способы преодоления судами пробелов и иных дефектов трудового законодательства / С. Ю. Головина // Трудовое право в России и за рубежом. — 2018. — № 4. — С. 11—14.
5. Гогин, А. А. Теория государства и права : учебник; под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского / А. А. Гогин, Д. А. Липинский, А. В. Малько и др. — М.: Проспект, 2016.
6. Занина, М. А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды) : монография; 2-е изд., перераб. и доп. / М. А. Занина. — М.: РАП, Волтерс Клувер, 2010.
7. Ильин, И. А. Теория права и государства; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова / И. А. Ильин. — М.: Изд. «Зерцало», 2003. — 400 с.
8. Ишеков, К. А. Реализация конституционного принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации; под ред. П. П. Сергуна / К. А. Ишеков. — Саратов: ГОУ ВПО «РПА МЮ РФ», 2010.
9. Корякин, В. М. Введение в теорию военного права (монография) / В.М. Корякин. — М.: Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. — М.: За права военнослужащих, 2007.
10. Корякин, В. М. Военно-административное право (военная администрация) : учебник / В. М. Корякин, А. В. Кудашкин, К. В. Фатеев. — М.: За права военнослужащих, 2008.
11. Корякин, В. М. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих» / В. М. Корякин. — М.: Центр правовых коммуникаций, 2018. — 390 с.
12. Котляревский, С. А. Власть и право. Проблемы правового государства / С. А. Котляревский. — М., 1915.
13. Лебедев, В. М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития / В. А. Лебедев. — СПб.: Изд-во «Лань», 2001.
14. Лебедев, В. А. Конституционное развитие России / В. А. Лебедев // Lex russica. — 2018. — № 11. — С. 16—22.
15. Савицкий, В. М. Организация судебной власти в Российской Федерации : учеб. пособ. / В. М. Савицкий. — М., 1996.
16. Тихомиров, Ю. А. Эффективность законодательства: вопросы теории и практика : монография; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Емельянцева / Ю. А. Тихомиров, В. П. Емельянцева, А. А. Аюрова и др. — М.: «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М», 2015.
17. Тхабисимова, Л. А. История развития судебного нормоконтроля как инструмента воздействия общества на государство / Л. А. Тхабисимова, И. М. Евлоев // Политико-правовые механизмы формирования институтов публичной власти: материалы и доклады VIII Международной научно-практической конференции (Самара, 30 мая—3 июня 2012 г.) / под ред. В. В. Полянского, В. Э. Волкова. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012.
18. Харитонов, С. С. О судебной практике по вопросам прохождения военной службы / С. С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 10. — С. 28—38.

**Some aspects of the formation of judicial norm control in the field of
Bylaw rulemaking as an independent type of judicial activity in the
military judicial system of Russia**

© Legkov K. V.,

1st Class Councilor of Justice, applicant degree candidate of science in law at the Russian State University of justice

Annotation. In the article, the author sets out the conceptual prerequisites for the emergence and further development of judicial activities to verify the legality of subordinate normative legal acts in the field of military service, and also focuses on the existence of an objective need for a new view on the formation of this type of judicial activity against the background of changes in procedural legislation. It is particularly important to study direct judicial norm control in terms of its specificity and significance in the judicial protection of the rights and interests of military personnel, the implementation of the constitutional principles of the Russian state structure through it, and the elimination of an imbalance in the legal regulation at the subordinate level of legal relations related to military service.

Keywords: standard control, judicial activity, justice, state structure, judicial power, military service, military personnel, normative legal act, Bylaw rule-making.

Представительство интересов органов военного управления в арбитражном судопроизводстве

© Мамонова М. В.,

преподаватель кафедры «Транспортное право» Юридического института Российского университета транспорта, главный юрисконсульт ФГКУ «Центральное территориальное управление имущественных отношений» Минобороны России

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию вопросов представительства интересов органов военного управления в арбитражном судопроизводстве. В статье также проанализированы законы, регламентирующие порядок представительства участников арбитражных процессуальных правоотношений в арбитражных судах.

Ключевые слова: арбитражный суд, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Вооруженные Силы Российской Федерации, Министерство обороны Российской Федерации, органы военного управления.

В соответствии со ст. 118 Конституции Российской Федерации правосудие в Российской Федерации представляет собой основное содержание судебной власти и осуществляется только судом посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Обособление названных видов судопроизводства обусловлено несовпадением компетенции различных ветвей судебной власти, особенностями рассматриваемых ими дел, применяемых мер воздействия и различием правовых последствий решений, вынесенных компетентными юрисдикционными органами судебной ветви государственной власти.

Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (далее — ФКЗ «О судебной системе»), устанавливающий основы судебной ветви власти в Российской Федерации, в ч. 3 ст. 1 также признает указанные в Конституции Российской Федерации формы судопроизводства.

Между тем из перечисленных видов судопроизводства не названо реально действующее арбитражное судопроизводство, а отнести его к гражданскому не позволяет его самостоятельный характер.

Предметом арбитражного разрешения споров, которые вытекают из гражданских правоотношений либо из правоотношений в сфере управления, является разбирательство в арбитражном суде методами арбитражного судопроизводства. Согласно ст. 4 Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» арбитражные суды осуществляют правосудие путем разрешения экономических споров и рассмотрения иных дел, отнесенных к их ведению Конституцией Российской Федерации, данным Законом, Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации и принимаемыми в соответствии с ними другими федеральными законами.

Говоря о представительстве органов военного управления в арбитражном судопроизводстве, для начала необходимо обозначить систему органов военного управления. К ним относятся Минобороны России, иные федеральные органы исполнительной власти, в которых Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» предусмотрена военная служба, центральные органы военного управления (командования, штабы, управления, департаменты, службы, отделы, отряды, центры), территориальные органы военного управления (военные комиссариаты, региональные центры, комендатуры территорий), управления и штабы объединений, соединений, воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов¹.

Воинские части при регистрации их в качестве юридических лиц могут выступать участниками как гражданского, так и арбитражного судопроизводства². В зависимости от предмета спора или требований и характера правоотношений в судах общей юрисдикции применяют Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ), а в арбитражных судах — Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ).

Между тем, далеко не все военные организации обладают статусом юридического лица и прошли государственную регистрацию в соответствии с Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». В первую очередь это относится к воинским частям, которые формально отвечают многим признакам юридического лица (имеют закрепленное за ними обособленное имущество, обладают признаком организационного единства, могут от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности и др.), однако официально не зарегистрированы. Данное положение неопределенности материально-правового статуса воинских частей зачастую затрудняет определение их процессуального статуса. Военная организация, не обладающая статусом юридического лица, но участвующая в спорном правоотношении, во многих случаях рассматривается судами как обособленное подразделение Минобороны России, что с точки зрения гражданского законодательства не совсем верно, поскольку единого баланса, включающего закрепленное за всеми военными организациями имущество, в настоящее время не существует.

В связи с передачей функций государственной регистрации юридических лиц налоговым органам некоторые воинские части стали регистрироваться как «некоммерческие организации». Следует, однако, отметить, что несмотря на кажущуюся простоту решения проблемы, с точки зрения гражданского права,

¹ Корякин В. М. Некоторые вопросы разграничения подсудности между военными судами и иным федеральными судами общей юрисдикции // Военное право. 2017. № 4 (44). С. 156.

² См. подробнее: Харитонов С.С. Организационно-правовые основы договорной работы в воинской части контракту : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

имущественных отношений такая практика представляется сомнительной, поскольку ни дивизия, ни армия, ни военный округ не являются собственниками имущества, которое находится в оперативном управлении воинской части. В соответствии с подп. 71 п. 7 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082, Минобороны России осуществляет в пределах своей компетенции правомочия собственника имущества, закрепленного за Вооруженными Силами Российской Федерации, а также правомочия в отношении земель, лесов, вод и других природных ресурсов, предоставленных в пользование Вооруженным Силам Российской Федерации¹.

Более того, статус воинской части, скорее, соответствует государственному учреждению, чем некоммерческой организации.

На практике нередко возникают вопросы по поводу того, кто может представлять интересы военной организации в судах, что обусловлено отсутствием четкой позиции по этому поводу в законодательстве. Так, ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон об адвокатской деятельности и адвокатуре) определяет, что представителями организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления в гражданском и административном судопроизводстве, судопроизводстве по делам об административных правонарушениях могут выступать только адвокаты, за исключением случаев, когда эти функции выполняют работники, состоящие в штате указанных организаций, органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Ч. 4 ст. 59 АПК РФ прямо закреплена практически дублирующая норма Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре: дела организаций ведут в арбитражном суде их органы, действующие в соответствии с федеральным законом, иным нормативным правовым актом или учредительными документами организаций. Представителями организаций могут выступать в арбитражном суде по должности руководители организаций, действующие в пределах полномочий, предусмотренных федеральным законом, иным нормативным правовым актом, учредительными документами, или лица, состоящие в штате указанных организаций, либо адвокаты (ч. 5 ст. 59 АПК РФ).

В то же время в отличие от Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре АПК РФ определяет более широкий круг лиц, которые могут быть представителями в судебном процессе. Как указано в ч. 6 ст. 59 АПК РФ, представителями в арбитражном суде могут быть дееспособные лица с надлежащим образом оформленными и подтвержденными полномочиями на ведение дела, за

¹ Шаболтанов И. А. Реализация военными прокурорами полномочий в арбитражном процессе по истребованию государственного имущества из чужого незаконного владения как эффективный способ защиты экономических интересов государства // Военное право. 2017. № 6 (46). С. 256.

исключением судей, арбитражных заседателей, следователей, прокуроров, помощников судей и работников аппарата суда (указанных в ст. 60 АПК РФ). Кроме того, полномочия представителей в силу закона имеют лица, которые указаны в ч. 2, 3, 4 ст. 59 АПК РФ.

Полномочия на ведение дела в арбитражном суде должны быть выражены в доверенности, выданной и оформленной в соответствии с законом (ч. 4 ст. 61 АПК РФ).

Защита в судах законных интересов Минобороны России осуществляется должностными лицами органов военного управления, действующими в пределах полномочий, предоставленных им законодательством Российской Федерации, либо их представителями. Полномочия представителей на ведение дел в судах определяются выданными им доверенностями, оформленными надлежащим образом на совершение процессуальных действий от имени Минобороны России, форма которых установлена в приложениях к Инструкции о порядке организации в Вооруженных Силах Российской Федерации работы по представлению интересов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, органов военного управления, объединений, соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации в судах, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 15 января 2015 г. № 10.

Особое внимание следует обратить на тот факт, что с 1 октября 2019 г. в АПК РФ были внесены важные изменения в части представительства в арбитражных судах. Теперь представлять интересы доверителя — юридического лица либо индивидуального предпринимателя может только лицо, имеющее высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности, подтверждением этому является документ (диплом) о высшем юридическом образовании или ученой степени по юридическим наукам (ч. 3 ст. 59 АПК РФ в редакции Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

При этом важно помнить, что в случае, когда лицо начало участвовать в деле в качестве представителя до 1 октября 2019 г., оно сохраняет свои полномочия после указанной даты вне зависимости от наличия высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 26 «О некоторых вопросах применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с введением в действие Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Изменения в институте судебного представительства — наиболее значительное нововведение в АПК РФ. Новые требования к представителям в арбитражном процессе повышают статус лиц, участвующих в арбитражном судопро-

изводстве. До этого нововведения в суде могли представлять лица без надлежащего образования, не обладающие должной квалификацией; юридические фирмы, например, могли экономить на персонале, используя труд студентов профильных высших учебных заведений и неквалифицированных сотрудников. В настоящее же время к участию в арбитражном процессе можно будет допустить только дипломированных юристов, т.е. защиту интересов органов военного управления смогут осуществлять только имеющие высшее юридическое образование должностные лица (или ученую степень по юридической специальности), действующие в пределах полномочий, либо привлеченные адвокаты.

Важно заметить, что существенные изменения внесены и в вопросы представительства в военных судах¹.

Библиография

1. Корякин, В. М. Некоторые вопросы разграничения подсудности между военными судами и иным федеральными судами общей юрисдикции / В. М. Корякин // Военное право. — 2017. — № 4 (44). — С. 154—160.
 2. Корякин, В. М. Представительство интересов граждан и организаций в военных судах: новации правового регулирования / В. М. Корякин // Военные суды России: история становления и развития. К 100-летию образования военных судов : материалы научно-практической конференции, 30 ноября 2018 г. — М.: ВУ, 2019. — С. 69—73.
 3. Харитонов С. С. Организационно-правовые основы договорной работы в воинской части контракту : дис. ... канд. юрид. наук / С. С. Харитонов. — М., 2000.
 4. Шаболтанов, И. А. Реализация военными прокурорами полномочий в арбитражном процессе по истребованию государственного имущества из чужого незаконного владения как эффективный способ защиты экономических интересов государства / И. А. Шаболтанов // Военное право. — 2017. — № 6 (46). — С. 254—261.
-

¹ Корякин В.М. Представительство интересов граждан и организаций в военных судах: новации правового регулирования // Военные суды России: история становления и развития. К 100-летию образования военных судов : материалы научно-практической конференции, 30 ноября 2018 г. М.: ВУ, 2019. С. 69—73.

Representation of the interests of military administration bodies in arbitration proceedings

© Mamonova M. V.,

lecturer of Law Institute of the Russian University of Transport, general counsel of the State-owned Federal State Institution "Central territorial administration of property relations" of the Ministry of defence of the Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the study of issues of representation of interests of military administration bodies in arbitration proceedings. The article also analyzes the laws regulating the procedure for representation of participants in arbitration procedural legal relations in arbitration courts.

Keywords: arbitration court, Arbitration procedural code of the Russian Federation, Armed Forces of The Russian Federation, Ministry of defence of the Russian Federation, military administration bodies.

Влияние тактики на повышение эффективности надзорной деятельности органов военной прокуратуры

© Махьянова Р. М.,

преподаватель 25 кафедры Военного университета

Аннотация. В статье раскрыто понятие надзорной деятельности военного прокурора, тактики надзорной деятельности военного прокурора, предложены пути повышения эффективности и совершенствования надзорной деятельности органов военной прокуратуры.

Ключевые слова: военный прокурор; органы военной прокуратуры; надзорная деятельность; тактика надзорной деятельности военного прокурора; надзорная ситуация; тактическое решение; тактический прием.

В соответствии с положениями Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура Российской Федерации — единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации. В целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за исполнением законов на территории Российской Федерации.

Анализ вышеприведенных положений закона дает основание полагать, что надзорная деятельность органов прокуратуры является одним из приоритетных и самостоятельных направлений, осуществление которой способствует предупреждению правонарушаемости, укреплению и восстановлению законности, охране законных прав и интересов общества и государства.

Особая роль в обеспечении верховенства законов и укреплении правопорядка принадлежит органам военной прокуратуры, которые в силу специфики предмета и объекта надзора осуществляют прокурорский надзор в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах. Осуществление надзорной деятельности военными прокурорами, качество и результативность проводимых ими надзорных мероприятий в поднадзорных войсках непосредственно влияют на обеспечение законности, боеспособности и боеготовности Вооруженных Сил Российской Федерации.

Вопросы организации и деятельности органов военной прокуратуры регламентированы в самостоятельном разделе Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (раздел VI).

Надзорная деятельность органов военной прокуратуры имеет свои отличительные особенности, которые обусловлены нормами действующего федерального законодательства о прокурорском надзоре и принимаемыми в их развитие ведомственными правовыми актами Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Главной военной прокуратуры. Кроме того, учитывается

здесь и практика прокурорской деятельности военных прокуроров, которая формируется при реализации ими своих законных полномочий и в дальнейшем систематически обобщается в целях оценки ее качества и эффективности.

Среди основных особенностей осуществления надзорной деятельности военными прокурорами в Вооруженных Силах Российской Федерации следует выделить:

— предмет и объект надзора (военные организации и учреждения, чья деятельность связана с обеспечением обороны и безопасности государства, прохождением военной службы; нормативные правовые акты в указанной сфере);

— построение органов военной прокуратуры применительно к структуре Вооруженных Сил Российской Федерации;

— комплектование органов военной прокуратуры преимущественно лицами из числа военнослужащих;

— установление особого порядка привлечения военных прокуроров к дисциплинарной ответственности за допущенные нарушения (в соответствии с нормами Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (п. 12. ст. 48) и ДУ ВС РФ);

— осуществление функций прокуратуры в местностях, где в силу исключительных обстоятельств не действуют иные органы прокуратуры Российской Федерации, а также за пределами России, где в соответствии с международными договорами находятся войска Российской Федерации;

— направленность надзорной деятельности на поддержание высокой боеготовности и боевой готовности воинских частей в целях выполнения главного предназначения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и органов в соответствии с требованиями действующего законодательства, регламентирующего вопросы военной службы;

— военный прокурор обладает статусом работника органов прокуратуры Российской Федерации, установленного Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», и одновременно — статусом военнослужащего, установленного законодательством о военной службе и статусе военнослужащих.

Надзорная деятельность военного прокурора имеет определенные последовательные стадии ее осуществления, непосредственно основными из которых являются: проведение проверки; принятие мер прокурорского реагирования по результатам проверки при выявлении нарушений законов в целях их устранения и предупреждения совершения в дальнейшем аналогичных правонарушений; контроль за выполнением законных требований военного прокурора в целях полного восстановления законности.

Таким образом, надзорная деятельность военного прокурора — осуществление военными прокурорами в соответствии с предоставленными полномочиями надзорных мероприятий, направленных на выявление, устранение и недопущение фактов нарушения законов и способствующих им причин и условий в целях предупреждения совершения правонарушений, полного восстанов-

ления и укрепления законности и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органа.

Установление законодателем конкретных условий порядка организации и проведения прокурорских проверок требует от военных прокуроров непрерывного совершенствования профессионального мастерства, умения владеть основами тактики и применять наиболее рациональные тактические приемы в целях улучшения качества и результативности прокурорского надзора, что закреплено в ведомственных правовых актах Главной военной прокуратуры.

Применение тактических приемов позволяет в сжатые сроки меньшими оперативными силами и средствами достигнуть цели и выполнить задачи, поставленные перед органами военной прокуратуры в определенном периоде времени. Тактическое сопровождение надзорной деятельности способствует обновлению способов ее организации и осуществления, придает прокурорской деятельности наиболее рациональный и действенный характер.

Тактика надзорной деятельности военного прокурора — это умение определять и применять в конкретной надзорной ситуации избранные методы и приемы (всеми доступными и возможными средствами и силами) в целях достижения ожидаемых результатов и повышения эффективности деятельности органов военной прокуратуры¹.

С тактикой надзорной деятельности тесно связаны составляющие ее элементное содержание понятия: «надзорная ситуация», «тактическое решение», «тактический прием».

Надзорная ситуация — это совокупность информационных данных о состоянии законности на поднадзорном объекте в конкретном периоде времени, прогнозирующих результаты надзорной деятельности и определяющих в процессе ее осуществления, содержание и порядок применения тактических приемов².

Надзорные ситуации необходимо различать по стадиям надзорной деятельности, о которых нами упомянуто выше, также следует учитывать ее тип (простой, сложный). От этих факторов напрямую зависит выработка тактики и формирование наиболее эффективных тактических приемов.

Тактическое решение — логически обоснованное заключение, способствующее избранию и реализации наиболее эффективного способа тактического воздействия в конкретной надзорной ситуации.

Под тактическим приемом надзорной деятельности военного прокурора следует понимать избранный посредством тактического решения рациональный способ действий, применяемый в конкретной надзорной ситуации для

¹ Махьянова Р. М. Тактика: этимология и применение в прокурорской деятельности // Морской сборник. 2018. № 12. С. 55.

² Маликов С. В., Махьянова Р. М. Факторы, влияющие на выработку тактики надзорной деятельности военного прокурора // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 185.

обеспечения наиболее эффективного решения задач, связанных с осуществлением надзорной деятельности.

Выработку тактических приемов следует осуществлять в строгой логической последовательности¹ в соответствии с объектами и субъектами надзора, составляющими базовую основу для формирования тактических приемов надзорной деятельности военного прокурора, с учетом конкретной надзорной ситуации и этапа надзорной деятельности. Кроме того, необходимо учитывать и факторы, влияющие на выработку тактики надзорной деятельности военного прокурора и структуру надзорной ситуации².

Вместе с тем, в настоящее время тактика надзорной деятельности военного прокурора, тактика прокурорской деятельности, тактические приемы надзорной деятельности военного прокурора недостаточно разработаны в теории прокурорского надзора и в военно-правовой науке.

С этим согласны некоторые ученые и практики³.

В этой связи предлагается в первую очередь на теоретическом уровне разработать тактические основы надзорной деятельности органов прокуратуры в целях дальнейшего использования этих результатов в практической деятельности органов военной прокуратуры в целях повышения ее эффективности и дальнейшего совершенствования.

Библиография

1. Винокуров, Ю. Е. К вопросу о понятии «Научный продукт» (Версия) / В. Е. Винокуров // Вестник научной школы «Повышение эффективности деятельности правоохранительных органов Российской Федерации». — Выпуск седьмой. — М., 2018.

2. Маликов, С. В. Система формирования тактических приемов надзорной деятельности военного прокурора и ее совершенствование / С. В. Маликов, Р. М. Махьянова // Морской сборник. — 2020. — № 2. — С. 37—40.

3. Маликов, С. В. Факторы, влияющие на выработку тактики надзорной деятельности военного прокурора / С. В. Маликов, Р. М. Махьянова // Военное право. — 2020. — № 1 (59). — С. 185—189.

4. Махьянова, Р. М. Тактика: этимология и применение в прокурорской деятельности / Р. М. Махьянова // Морской сборник. — 2018. — № 12. — С. 55—59.

¹ Маликов С. В., Махьянова Р. М. Система формирования тактических приемов надзорной деятельности военного прокурора и ее совершенствование // Морской сборник 2020. № 2. С. 37, 38.

² Маликов С.В., Махьянова Р.М. Факторы, влияющие на выработку тактики надзорной деятельности военного прокурора. С. 187.

³ Винокуров Ю. Е. К вопросу о понятии «Научный продукт» (Версия) // Вестник научной школы «Повышение эффективности деятельности правоохранительных органов Российской Федерации». Выпуск седьмой. М., 2018. С. 6.

Influence of tactics on improving the effectiveness of Supervisory activities of military Prosecutor's offices

© Makhyanova R. M.,

teacher of the 25 Department of the Military University

Abstract. The article reveals the concept of the Supervisory activity of the military Prosecutor, the tactics of the Supervisory activity of the military Prosecutor, and suggests ways to increase the effectiveness and improve the Supervisory activity of the military Prosecutor's office.

Keywords: military Prosecutor; bodies of military Prosecutor's office; Supervisory activity; tactics of Supervisory activity of military Prosecutor; Supervisory situation; tactical decision; tactical technique.

Административно-юрисдикционная деятельность военного прокурора по проекту нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

© Субанова Н. В.,

доктор юридических наук, проректор
Университета прокуратуры Российской
Федерации

Аннотация. В статье анализируются отдельные вопросы участия военного прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях по проекту нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: военный прокурор, прокуратура, административное правонарушение, производство, ответственность, законность.

Специфика деятельности прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях обусловлена реализацией им как надзорной функции, так и функции административного преследования. Участие прокуроров в производстве по делам об административных правонарушениях является действенным средством укрепления законности.

Прокуроры возбуждают дела об административных правонарушениях, участвуют в рассмотрении дел, приносят протесты и осуществляют многие другие предусмотренные федеральным законодательством полномочия. Разграничение компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур установлено приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 7 мая 2008 г. № 84.

В органах военной прокуратуры рассматриваются обращения в отношении постановлений и иных актов поднадзорных органов военного управления, федеральных органов исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, их должностных лиц, а также постановлений и решений судей окружных (флотских) и гарнизонных военных судов по делам об административных правонарушениях (в том числе о привлечении военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы, к административной ответственности), решений арбитражных судов о привлечении к административной ответственности воинских частей и иных воинских формирований (п. 5.3 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 19 февраля 2015 г. № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях»). По удовлетворенным обращениям в 2019 г. органами военной прокуратуры выявлено свыше 14 тыс. нарушений законов, в связи с

чем осуществлялись меры прокурорского реагирования, в том числе возбуждено свыше 360 дел об административных правонарушениях¹.

Всего в прошлом году по материалам проверок, проведенных военными прокурорами, к административной ответственности привлечено 9,1 тыс. должностных и юридических лиц².

Проект нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях³, разработка которого была обусловлена поручением Правительства Российской Федерации с учетом объективной необходимости научного осмысления и анализа сложившейся за прошедшие с момента принятия КоАП РФ годы практики его применения, а также критической оценки эффективности его норм в свете внесения многочисленных изменений⁴, определенным образом корректирует положение прокурора как участника производства.

В настоящее время проект нового Кодекса состоит из трех разделов: Общая часть, Особенная часть и раздел «Субъекты административной юрисдикции».

Прокуроры отнесены к числу субъектов административной юрисдикции, уполномоченных возбуждать дела об административных правонарушениях (ст. 42.1 законопроекта). Согласно ч. 1 ст. 44.1 законопроекта по основаниям и в порядке, предусмотренным данным Кодексом, прокурором будут возбуждаться дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 6.2, 6.3, 6.5, 6.8 — 6.11, 7.1 — 7.4, 7.6 — 7.8, 7.14, 7.20, 9.6, 9.7, 11.10, 11.11, 13.8, 16.7, 17.2, ч. 1 ст. 23.3, ч. 5 ст. 28.2, ст. 33.4, 34.14, 34.15, 34.32, 34.33, 35.4, 35.19, 39.2, 39.3. Тем самым законопроект вновь оперирует категорией «исключительных полномочий» прокуроров по возбуждению дел об административных правонарушениях, круг которых в настоящее время определен ст. 28.4 действующего КоАП РФ.

Несложно заметить, что подведомственность прокурора в данном случае включает составы административных правонарушений, предусмотренные 34 статьями законопроекта (в отличии от действующего КоАП РФ, ст. 28.4 которого предусматривает 52 таких статьи). Сокращение объема административного преследования, возложенного на прокуроров, на наш взгляд, заслуживает поддержки с учетом предшествующей многолетней практики импульсивного расширения их административно-юрисдикционной

¹ <https://gvp.gov.ru/gvp/news/view/3325> (дата обращения 13.04.2020).

² <https://gvp.gov.ru/gvp/news/view/3312> (дата обращения 13.04.2020).

³ Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099059).

⁴ См. Концепцию нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, одобр. на совещании Председателя Правительства Российской Федерации Д. А. Медведева 04.06.2019.

компетенции в отсутствие каких-либо четких критериев, определяющих ее границы по «предметному» принципу¹.

Например, нельзя не оценить перспективу изъятия из «исключительной компетенции» прокурора полномочий по возбуждению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.63.1 «Нарушение требований законодательства, предусматривающих выдачу специальных разрешений на движение по автомобильным дорогам тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства», ч. 1 ст. 15.10 «Неисполнение банком поручения государственного внебюджетного фонда» и других составов, включение которых в ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ труднообъяснимо принимая во внимание наличие многочисленных государственных органов исполнительной власти, уполномоченных на осуществление контроля (надзора) в соответствующих сферах общественных отношений. Стоит сказать, что данное законодательное решение имеет объективное подтверждение и с точки зрения статистических показателей прокурорской практики. Например, согласно данным статистической отчетности², в 2019 г. дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 15.10 КоАП РФ, прокурорами не возбуждалось; по ст. 5.63.1 КоАП РФ было возбуждено лишь 6 дел об административных правонарушениях.

И, напротив, многие составы административных правонарушений, активно применяемые на данный момент в практике военных прокуроров, по проекту нового Кодекса обоснованно сохранены в рамках «исключительных» полномочий прокуроров. В их числе, например, составы, предусмотренные ст. 6.8 законопроекта «Нарушение порядка рассмотрения обращений граждан» (в настоящее время — ст. 5.59 КоАП РФ), ст. 11.11 законопроекта «Нарушение порядка распоряжения объектом нежилого фонда, находящимся в государственной или муниципальной собственности» (в настоящее время — 7.24 КоАП РФ «Нарушение порядка распоряжения объектом нежилого фонда, находящимся в федеральной собственности, и использования указанного объекта»), ст. 34.33 законопроекта «Незаконное привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего либо бывшего государственного или муниципального служащего» (ст. 19.29 КоАП РФ) и др.

Вместе с тем, законопроектом предлагается сохранить в «исключительной» компетенции прокурора возбуждение дел об административных правонарушениях за оскорбление. Ст. 6.2 законопроекта практически дословно воспроизводит текст ст. 5. 61 КоАП РФ, исключена лишь

¹ См. об этом, напр.: Субанова Н. В. К вопросу об осуществлении прокуратурой функции административного преследования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 4. С. 67—73.

² Стат. отчет «Реализация полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях» за январь-декабрь 2019 г.

ее ч. 3 («Непринятие мер к недопущению оскорбления в публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации»). Тем самым неоднократно высказанные учеными и практиками вполне справедливые и учитывающие особенности правоприменения мнения¹ о необходимости изменения подхода, в результате которого силы прокуратуры направляются на разрешение бытовых конфликтов, к сожалению, не были услышаны. Как представляется, законопроект в данной части подлежит дополнительному обсуждению.

Кроме того, военный прокурор по-прежнему будет вправе возбудить дело о любом другом административном правонарушении, предусмотренном КоАП РФ или законами субъектов Российской Федерации (ч. 2 ст. 44.1 законопроекта).

В этой связи стоит отметить увеличение объема нормативного регулирования, касающегося административной ответственности в области воинского учета и мобилизационных обязанностей. В настоящее время гл. 21 «Административные правонарушения в области воинского учета» действующего КоАП РФ включает 7 статей. Гл. 40 законопроекта «Административные правонарушения в области воинского учета и мобилизационных обязанностей» включает 11 статей. Составы административных правонарушений, предусмотренных главой 21 действующего КоАП РФ и устанавливающих административную ответственность в области воинского учета, включены в данную главу законопроекта практически без изменений, за исключением санкций. Заметным является усиление меры ответственности — увеличен размер административных штрафов, исключена возможность применения предупреждения за неисполнение гражданами обязанностей по воинскому учету, уклонение от медицинского обследования, умышленную порчу или утрату документов воинского учета. Кроме того, гл. 40 законопроекта включает 4 статьи, предусматривающие административную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение военно-транспортных мобилизационных обязанностей: «Неисполнение обязанностей по обеспечению мобилизационной готовности транспортных средств», «Непредставление информации о наличии и техническом состоянии транспортных средств», «Непредоставление в установленном порядке транспортных средств войскам, воинским формированиям и органам», «Нарушение порядка доставки транспортных средств в пункты передачи войскам, воинским формированиям и органам». В сравнении со ст. 19.25 «Неисполнение военно-транспортных мобилизационных обязанностей» действующего КоАП РФ из субъектного состава соответствующих статей устранены граждане (ст. 40.8-

¹ Багаутдинов Ф. Н., Нагаева Л. М. Возбуждение прокурором производства об административном правонарушении за оскорбление: требуются изменения // Законность. 2018. № 9. С. 27—28; Сивидова-Абкарян Т. Ф. Реализация прокурором полномочий по возбуждению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.61 КоАП // Законность. 2018. № 5. С. 22—26 и др.

40.11 законопроекта установлена административная ответственность должностных и юридических лиц), существенно увеличены размеры административных штрафов.

Если говорить о субъектах административных правонарушений, то традиционно в поле зрения прокуратуры находятся прежде всего должностные лица.

При этом понятие административной ответственности должностных лиц проектом КоАП РФ уточняется. Согласно ч. 1 ст. 2.7 законопроекта в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом или законом субъекта Российской Федерации, должностные лица подлежат административной ответственности за административные правонарушения, совершенные ими в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих должностных и (или) служебных обязанностей по замещаемой должности (ст. 2.4 действующего КоАП РФ оперирует только категорией неисполнения либо ненадлежащего исполнения служебных обязанностей). Под должностным лицом в законопроекте понимается лицо, постоянно, временно или в соответствии со специальными полномочиями осуществляющее функции представителя власти, то есть наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от него, а равно лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Интерес представляет часть 6 ст. 2.7 проекта, в соответствии с которой судьи, органы, должностные лица (субъекты административной юрисдикции), участвующие в производстве по делам об административных правонарушениях, не несут административную ответственность как должностные лица в случаях неисполнения либо ненадлежащего исполнения ими возложенных на них обязанностей в производстве по делам об административных правонарушениях. На наш взгляд, изъятие значительной по объему категории должностных лиц из сферы административного преследования (в случаях возможного привлечения их к административной ответственности, которые потенциально могут быть установлены составами соответствующих административных правонарушений), вызывает вопросы с точки зрения соблюдения гарантированного ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации равенства всех перед законом. Статьей 1.11 законопроекта исчерпывающе определены лица, особенности привлечения которых к административной ответственности могут быть установлены данным Кодексом.

В свою очередь, порядок производства по делам об административных правонарушениях при возбуждении, рассмотрении и пересмотре дел об административных правонарушениях, порядок исполнения постановлений по таким

делам будет регулироваться Процессуальным кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях¹, проект которого также представлен на обсуждение общественности.

Дальнейшее совершенствование законодательства об административных правонарушениях будет способствовать эффективному обеспечению органами прокуратуры законности и правопорядка в армии, на флоте и других воинских формированиях.

Библиография

1. Багаутдинов, Ф. Н. Возбуждение прокурором производства об административном правонарушении за оскорбление: требуются изменения / Ф. Н. Багаутдинов, Л. М. Нагаева // Законность. — 2018. — № 9. — С. 27—28.

2. Сивидова-Абкарян, Т. Ф. Реализация прокурором полномочий по возбуждению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.61 КоАП / Т. Ф. Сивидова-Абкарян // Законность. — 2018. — № 5. — С. 22—26.

3. Субанова, Н. В. К вопросу об осуществлении прокуратурой функции административного преследования / Н.В. Субанова // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2015. — № 4. — С. 67—73.

Administrative and jurisdictional activities of the military prosecutor under the draft new Code of the Russian Federation on administrative offenses

© Subanova N. V.,

Vice-Rector, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law

Resume. The article analyzes certain issues of the participation of the military prosecutor in administrative offense cases under the draft new Code of the Russian Federation on administrative offenses.

Keywords: military prosecutor, prosecutor's office, administrative offense, production, responsibility, legality.

¹ Проект «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099061).

Уголовное право и криминология

Некоторые меры, направленные на противодействие экстремизму в молодежной среде

© Батюкова В. Е.

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора уголовного права, криминологии и уголовного процесса Института государства и права РАН

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы экстремизма в молодежной среде, анализируется судебная статистика, опыт США и Англии в исследуемой области. Автор рассматривает программы статистики преступлений на почве ненависти этих стран, которая основана на инцидентах. Основная масса преступлений были мотивированы предвзятостью в отношении расы или этнической принадлежности. Изученные материалы позволили автору предложить некоторые меры, направленные на противодействие экстремизму в молодежной среде.

Ключевые слова: экстремизм, молодежная среда, судебная статистика, социологический опрос, меры противодействия.

Проблемам экстремизма, его проявлений и мер противодействия ему посвящено много монографий¹ и защищено много диссертаций. Большинство авторов предлагают авторское определение экстремизма, экстремистских проявлений, преступлений экстремистской направленности, выдвигают умозрительные предложения по совершенствованию федерального законодательства, УК РФ, КоАП РФ, однако эти предложения не имеют убедительного прикладного значения, практически не влияют на состояние этой группы правонарушений, в связи с чем в настоящее время можно наблюдать постоянство, а в ряде случаев и рост экстремизма и его различных проявлений в нашем обществе. Кроме этого, можно констатировать, что по всей видимости, это неверный подход, поскольку ничего не поменялось не только в масштабах экстремизма и его проявлений в нашем обществе, но и в мерах противодействия этим явлениям. Поэто-

¹ Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / изд. 2-е, перераб. и доп. М.: «Волтерс Клувер», 2005; Дамаскин О. В. Криминологические аспекты детерминации современного экстремизма и терроризма. М.: «Юрлитинформ», 2018; Никишин В. Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика : монография / под ред. Е. И. Галяшковой. М.: «Проспект», 2019; Борисов С. В., Жеребченко А. В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности. М.: Юриспруденция, 2015; Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М.: «Волтер Клувер», 2009; Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М.: «Проспект», 2020; Долгова А. И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность : монография. М.: Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2017.

му необходимо переосмыслить поспешно выдвинутые предложения, выявить причины и условия, способствующие этим проявлениям, найти новые подходы к решению этой проблемы и предложить новую уголовно-правовую политику в сфере противодействия экстремизму и его проявлениям в России.

Приведем некоторые данные официальной статистики за последние пять лет.

Согласно данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2014 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано 1 034 преступления экстремистской направленности¹, что составило прирост по сравнению с предыдущим годом на 15,4 %; в 2015 г. зарегистрировано анализируемых преступлений 1 329, что составило прирост на 28,5 %; в 2016 году — 1 450 преступлений экстремистской направленности, что составило прирост по сравнению с предыдущим годом на 9,1 %; в 2017 г. соответственно — 1 521 (4,9 %); в 2018 г. — 1 265, что соответствует снижению

¹ Согласно паспорту показателей Генеральной прокуратуры, Российской Федерации преступлением экстремистской направленности считается преступное деяние, если оно является проявлением экстремизма, а именно:

1) деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на:

— насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности России;

— подрыв безопасности России;

— захват или присвоение властных полномочий;

— создание незаконных вооруженных формирований;

— осуществление террористической деятельности;

— возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;

— унижение национального достоинства;

— осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной, религиозной ненависти либо вражды, а равно ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;

— пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики (символики) либо атрибутики (символики), сходной с нацистской атрибутики или символики до степени смешения;

3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;

4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств.

этих видов преступлений на 16,8 %¹. Данные цифры говорят сами за себя, число преступлений экстремистской направленности продолжает расти. Некоторое снижение показателей в 2018 г. мы объясняем уголовно-правовой политикой в этой сфере в части принятия федеральных законов, направленных на противодействие экстремизму: от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ; от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ и от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ², и паспорта показателей Генеральной прокуратуры Российской Федерации, который включает в себя достаточно широкий спектр преступлений, в том числе преступления террористической направленности, создание незаконных вооруженных формирований и др.

Обращаясь к опыту США и Англии в части противодействия и расследования преступлений «Hate Crimes» (согласно российскому законодательству: экстремистской направленности), следует отметить, что преступления на почве ненависти являются высшим приоритетом программы ФБР по гражданским правам в связи с тем, что они оказывают разрушительное воздействие на семьи и общины. Бюро расследует сотни таких случаев каждый год и работает над выявлением и предотвращением дальнейших инцидентов посредством обучения сотрудников правоохранительных органов, работы с общественностью и партнерства с общественными группами.

Традиционно расследование ФБР преступлений на почве ненависти ограничивается преступлениями, в которых виновные действуют на основании предвзятости в отношении расы, цвета кожи, религии или национального происхождения жертвы. Кроме того, расследования проводились только в тех случаях, когда жертва обладала федеральной защитой. С принятием в 2009 г. Закона о предотвращении преступлений на почве ненависти Мэтью Шепарда и Джеймса Берда-младшего Бюро получило полномочия также расследовать преступления, совершенные на основании предубеждений относительно фактической или предполагаемой сексуальной ориентации, гендерной идентичности, инвалидности или пола.

Преступление на почве ненависти в США — это традиционное преступление, такое, как убийство, поджог или вандализм с присущими элементами предвзятости. В целях сбора статистики ФБР определило преступление на почве ненависти как «уголовное преступление против личности или имущества, мотивированное полностью или частично предвзятостью преступника по отношению к расе, религии, инвалидности, сексуальной ориентации, этнической

¹ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации // <http://crimestat.ru/> [дата доступа 11.01.2020]

² Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»; Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации».

принадлежности, полу или гендерной идентичности». Ненависть сама по себе не является преступлением — и ФБР заботится о защите свободы слова и других гражданских свобод¹.

Официальная статистика в США собирается с 1992 г. и доступна в настоящее время за 2017 г. Руководящие принципы по сбору данных Программы UCR предусматривают, что преступление на почве ненависти может включать в себя несколько преступлений, жертв и преступников в рамках одного инцидента, следовательно, Программа статистики преступлений на почве ненависти основана на инцидентах. Согласно правилам подсчета UCR, одно преступление засчитывается за каждого пострадавшего в преступлениях против личности. За каждое преступление против собственности учитывается одно преступление. Одно преступление засчитывается за каждый вид преступлений против общества².

Обзор опубликованных статистических данных относительно преступлений «Hate Crimes» свидетельствует, что в 2017 г. 16 149 правоохранительных органов приняли участие в Программе сбора статистики преступлений на почве ненависти. Из этих ведомств 2 040 сообщили о 7 175 случаях преступлений на почве ненависти, связанных с 8 437 преступлениями.

Было зафиксировано 7 106 случаев с предубеждением в отношении одной группы, в которых было зафиксировано 8 126 преступлений, 8 493 жертв и 6 307 установленных правонарушителей. Из 69 инцидентов с предубеждением в отношении двух и более групп, о которых сообщалось в 2017 г., касались 311 преступлений, 335 жертв и 63 известных правонарушителей.

Анализ инцидентов с предубеждением в отношении одной группы свидетельствует, что в 2017 г. было зафиксировано 7 106 таких инцидентов, из них:

- 58,1 % были мотивированы предвзятостью в отношении расы или этнической принадлежности, либо расового или этнического происхождения;
- 22 % были вызваны отношением к религии;
- 15,9 % — из-за предвзятого отношения к сексуальной ориентации;
- 1,7 % — мотивированы предвзятостью гендерной идентичности;
- 1,6 % — вызваны предвзятым отношением к инвалидности;
- 0,6 % (46 инцидентов) — мотивированы предвзятостью по отношению к полу потерпевшего.

Из 8 126 преступлений на почве ненависти, совершенных с предвзятостью к одной группе:

- 59,5 % — обусловлены предвзятостью в отношении расы или этнической принадлежности, либо расового или этнического происхождения;
- 20,7 % — вызваны отношением к религии;

¹ Официальный сайт ФБР // <https://www.fbi.gov/investigate/civil-rights/hate-crimes> // Электронный ресурс [дата доступа: 15.02.2020]

² Официальный сайт ФБР // <https://ucr.fbi.gov/hate-crimes/2017/resource-pages/methodology/> // Электронный ресурс [дата доступа: 15.02.2020]

— 16,0 % — из-за предвзятого отношения к сексуальной ориентации;
— 1,6 % — вызваны предвзятым отношением к инвалидности;
— 1,6 % — мотивированы предвзятостью гендерной идентичности;
— 0,7 % (53 правонарушения) — мотивированы предвзятостью по отношению к полу потерпевшего¹.

В Англии преступление на почве ненависти определяется как «любое уголовное преступление, которое, по мнению жертвы или любого другого лица, мотивировано враждебностью или предубеждением по отношению к кому-либо на основе личностных качеств». Существует пять основных направлений преступлений на почве ненависти: раса или этническая принадлежность; религия или убеждения; сексуальная ориентация; инвалидность; трансгендерная идентичность².

Данные официальной статистики Англии и Уэльса свидетельствуют, что в 2018—2019 гг. полицией было зарегистрировано 103 379 преступлений на почве ненависти, что на 10 % больше по сравнению с 2017—2018 гг. (94 121 правонарушение). Это продолжает тенденцию последних лет, когда количество преступлений на почве ненависти, зарегистрированных полицией, увеличилось более чем вдвое по сравнению с 2012—2013 гг. (с 42 255 до 103 379 преступлений).

Рост преступлений этого вида в Англии объясняется, главным образом, совершенствованием регистрации преступлений полицией, а также определенными событиями, таких как референдум ЕС и террористические акты в 2017 г.

Большинство преступлений на почве ненависти характеризовались на почве расовой ненависти, на которые приходилось около трех четвертей преступлений (76 % или 78 991 преступление)³.

Несмотря на то, что проблемы экстремизма рассматривались в различных аспектах, в том числе как на региональном уровне, так и на федеральном, до настоящего времени не было комплексного исследования, позволяющего установить не только причины и условия, способствующие развитию экстремизма и его различных его проявлений, но и определить факторы, его порождающие, а также становления мировоззрения, способствующего принятию крайних мер среди молодежи⁴.

За последние годы в Российской Федерации остро встала проблема экстремизма, особенно в молодежной среде. Произошедшие события последних

¹ Официальный сайт ФБР // <https://ucr.fbi.gov/hate-crimes/2017/topic-pages/incidents-and-offenses/> Электронный ресурс [дата доступа: 15.02.2020]

² Электронный ресурс <https://www.gov.uk/government/statistics/hate-crime-england-and-wales-2018-to-2019> [Дата доступа 15.02.2020].

³ Электронный ресурс https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/839172/hate-crime-1819-hosb2419.pdf [Дата доступа 15.02.2020].

⁴ Дамаскин О. В. Молодежный экстремизм: криминологические аспекты противодействия // Военное право. 2020. № 2 (60). С. 177—186.

лет свидетельствует о его подъеме, в связи с чем возникает вопрос: является ли это «вершиной айсберга» или анализируемое криминальное проявление продолжит свой рост? Следует заметить, что на сегодняшний день ситуация только обостряется в результате комплекса происходящих изменений как в политике, так и в экономике¹.

Экстремизм в большей степени проявляется там, где назрели политические, социально-экономические кризисы, которые не находят своего разрешения, падает жизненный уровень населения, внутренняя политика государства направлена на подавление инакомыслия, оппозиции. Единственным выходом из сложившейся ситуации для некоторых лиц могут стать крайние меры. Анализ уже разработанных мер противодействия экстремизму и его проявлениям свидетельствует о недостаточной разработанности превентивных мер. При этом, на наш взгляд, необходимо устранить некоторые противоречия, которые наблюдаются в нашем обществе, например, между необходимостью глубокого осмысления происхождения экстремизма в молодежной среде и недостаточностью научного подхода к этому феномену; между потребностью необходимых мер, направленных на предотвращение таких проявлений, и ошибочной политикой государства в этой сфере; между необходимостью комплексного подхода, направленного на профилактику экстремизма и его проявлений в молодежной среде, и практикой регулирования этой деятельности.

Высокая значимость выделенных противоречий определяет проблему исследования, выработки государственной политики, направленной не только на противодействие экстремизму и его проявлениям в молодежной среде, но и возникновению тенденций среди молодежи на применение насилия.

Распространение экстремизма и его проявлений в молодежной среде стало для России одной из острейших проблем. Увеличивается количество преступлений, совершаемых молодежью по мотивам политической, идеологической, религиозной ненависти и вражды. Эти преступления совершаются с применением насилия, которое подчас носит жестокий характер. Для поведения молодежи характерны максимализм, подражание, что в условиях существующего политического и экономического кризиса в России, является факторами проявления агрессии.

Развитие молодежного экстремизма вызывает обоснованную тревогу в обществе, реально угрожает основам конституционного строя, подрывает социальную стабильность, межнациональный мир, национальную безопасность. Все это является признаком нестабильности, неблагополучия нашего общества. Без надежной концепции строительства межэтнического мира нельзя развиваться дальше, учитывая, что Россия является многонациональной, многоконфессиональной страной.

¹ Татаров Л. А. Молодежный экстремизм. Вопросы противодействия: отечественный и зарубежный опыт // Закон и право. 2014. № 6. С. 20—23.

С целью выяснения понимания экстремизма в молодежной среде нами был проведен опрос 240 студентов первого и второго курса двух московских ВУЗов (Высшая школа экономики и Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации). Одним из вопросов был: «Что Вы понимаете под экстремизмом?».

Результат оказался следующим: всего лишь 38 человек приблизительно охарактеризовали экстремизм или его проявления. Ответы были таковы:

— «экстремизм — определенная форма поведения, которая выходит за рамки закона, а также характеризуется нарушениями прав и свобод граждан в сфере религиозных, политических, культурных, национальных»;

— «деятельность, которая направлена на дестабилизацию жизни общества, разжигание вражды между представителями различных социальных групп»;

— «совершение преступления или правонарушения, направленного на свержение основ конституционного строя, приверженность к крайним радикальным взглядам» и т.д.

Остальные 202 человека экстремизм и его проявления определили следующим образом:

— «нетерпимое отношение к представителям иной расы, национальности, религии»;

— «негативная деятельность, направленная против государства»;

— «использование противозаконных средств, мер, призыв к противозаконной деятельности, захват»;

— «использование крайних мер для достижения своих целей» и т.д., причем 62 человека вообще ничего не ответили и не смогли дать ответа на поставленный вопрос.

Данные ответы свидетельствуют, что молодые люди только в общих чертах представляют то, в чем заключаются анализируемые понятия.

На вопрос: «Какие мероприятия проводятся в Вашем ВУЗе, направленные на профилактику экстремизма и его проявлениям?», только десять человек из ста двадцати ответили:

— «в рамках семинарских занятий по уголовному праву и административному праву»;

— «курс дисциплины «Основы жизнедеятельности»»;

— «в Уставе ВУЗа содержатся определенные ограничения в одежде, содержащей рисунки или надписи, демонстрирующие расовую, национальную, религиозную ненависть».

Остальные 220 человек ответили на поставленный вопрос отрицательно, т.е. либо не знают, либо не проводится.

Соответственно, можно сделать вывод, что профилактическая работа среди гражданской молодежи в учебных заведениях не проводится.

Методология и методика криминологического изучения общественного мнения военнослужащих-курсантов была разработана и применена О. В. Дамаскиным¹. С использованием этих данных нами было установлено, что в понимании студентов, экстремист — это человек, который не принимает важных общепринятых ценностей, желая тем самым преодолеть неуверенность в себе через стремление «быть не как все». Он не адаптирован к условиям взрослой жизни, ему легко внушить, что виной тому, например, люди определенной национальности или действующая власть.

Таким образом, принимая все вышеизложенное во внимание, можно определить некоторые направления противодействия экстремизму среди студенческой молодежи.

1. Внедрение государственной политики в общеобразовательные учреждения, направленной на должное понимание экстремизма. По нашему мнению, проблема в первую очередь, заключается в социализации детей, в отсутствии конкретной государственной политики по воспитанию молодежи именно тех ценностей, которые дадут понимание относительно экстремистской деятельности, ее общественной опасности и последствий. Необходимо объяснять все это детям еще в школе. В младших классах прививать общие нравственные ценности, когда происходит активная социализация детей при общении со своими сверстниками, нужно воспитывать в детях толерантность к людям другой национальности, веры или расы. При этом, чем старше учащиеся школы, тем больше нужно обращать их внимание к проблеме экстремизма в наше время, привлекать к обсуждению путей ее решения. Для более эффективного воспитания учащихся необходимо детально разработать государственную программу, предусматривающую, например, создание детских организаций, что конечно же, потребует дополнительных финансовых вложений государства.

2. Обязать каждое высшее и среднее специальное учреждение образования разработать программу, направленную на профилактику экстремизма среди студентов. На наш взгляд, это наиболее важное направление, поскольку локальная профилактика в каждом учебном заведении позволит снизить риск вовлечения студентов в радикальные организации, предупредить экстремистские проявления в этой среде. Студенты являются наиболее активным и легко вовлекаемым слоем населения, поэтому следует предусмотреть разнообразные программы и мероприятия. Например, можно предусмотреть следующие мероприятия:

— проводить форумы, круглые столы и другие научные мероприятия как внутри университета, так и между различными учебными заведениями, которые будут посвящены различным аспектам экстремизма, толерантному воспитанию молодежи, и таким же образом можно укреплять сотрудничество с ВУЗами других стран;

¹ Дамаскин О. В. Методология и методика изучения правосознания и общественного мнения военнослужащих. М.: МПИ ФСБ России, 2011.

— вовлекать студентов в социологические вопросы, с помощью которых можно определять риски проявления экстремистских настроений среди студентов конкретного учебного заведения и опубликовывать их в сети Интернет;

— развивать антиэкстремистскую деятельность посредством социальных сетей, в которых студенты, как правило, проводят наибольшее количество времени. Например, создать “телевидение” университета, где студенты самостоятельно будут освещать данную проблему посредством репортажей, интервью и т.п. Такими средствами действительно можно вовлечь студентов и именно тех, которые могли бы найти самовыражение в противоправной экстремистской деятельности, но, благодаря программе университета, будут проявлять себя во внутренней деятельности по противодействию таких действий.

3. Разработать на региональном уровне программы относительно профилактики экстремистской деятельности среди спортивных болельщиков. Поклонники различных спортивных дисциплин, как правило, являются самыми частыми разжигателями межнациональной розни. Студенческая молодежь активно вовлечена в спортивную жизнь нашей страны, поэтому необходимо воздействовать не только со стороны университета, но и со стороны государственного управления. Необходимо разработать программу, которая предусматривала бы правила, мероприятия, способствующие предупреждению конфликтов на почве национальной, религиозной и расовой ненависти.

4. Вовлекать студентов в политическую жизнь. В данном направлении очень важно предоставить разумную свободу студентам, чтобы предоставить им возможность формировать свою гражданскую позицию, но при этом не прибегать к крайностям. Важно создавать такие организации, в которых студенты будут обсуждать различные проблемы государства и вносить свои конструктивные предложения.

Также стоит обратить внимание на политическое образование студентов, чтобы они объективно понимали различные причинно-следственные связи различных событий, разбирались в них и формировали свое собственное мнение, но при этом уважая точку зрения других людей. Многих студентов легко вовлечь в политический экстремизм именно из-за того, что они не обладают достаточными знаниями в этой сфере. Для того, чтобы создать такие организации молодежи нужно в первую очередь провести опрос среди студентов, узнав, что именно им было бы интересно.

Таким образом, при реализации всех вышеназванных направлений, можно успешно осуществлять противодействие экстремизму среди студенческой молодежи. Все меры связаны с коммуникацией со студентами, необходимо общаться с молодежью, выявлять их интересы, проблемы, которые их волнуют. Необходимо работать со студенческой молодежью, объединяя ее под определенный контроль, который будет выражаться в помощи, а не установлении запретов и императивных норм.

В настоящее время, к сожалению, не уделяется должного внимания важным проблемам государства и общества в целом. Именно поэтому необходимо предпринимать необходимые меры в рассмотренных аспектах, ведь проблема экстремизма среди студенческой молодежи представляет огромную опасность и требует должного решения.

Библиография

1. Борисов, С. В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности / С. В. Борисов, А. В. Жеребченко. — М.: Юриспруденция, 2015.
2. Дамаскин, О. В. Криминологические аспекты детерминации современного экстремизма и терроризма / О. В. Дамаскин. — М.: «Юрлитинформ», 2018.
3. Дамаскин, О. В. Методология и методика изучения правосознания и общественного мнения военнослужащих: монография / О. В. Дамаскин. — М.: МПИ ФСБ, 2011.
4. Дамаскин, О. В. Молодежный экстремизм: криминологические аспекты противодействия / О. В. Дамаскин // Военное право. — 2020. — № 2 (60). — С. 177—186.
5. Долгова, А. И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность : монография / А. И. Долгова. — М.: Норма, ИНФРА-М., 2017.
6. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. — М.: «Волтер Клувер», 2009.
7. Лунеев, В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции; изд. 2-е, перераб. и доп. / В. В. Лунеев. — М.: «Волтерс Клувер», 2005.
8. Никишин, В. Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика : монография; под ред. Е. И. Галяшиной / В. Д. Никишин. — М.: «Проспект», 2019.
9. Савенков, А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации / А. Н. Савенков. — М.: «Проспект», 2020.
10. Татаров, Л. А. Молодежный экстремизм. Вопросы противодействия: отечественный и зарубежный опыт / Л. А. Татаров // Закон и право. — 2014. — № 6. — С. 20—23.

Some measures aimed at countering extremism among young people

© **Batyukova V. E.**,

Candidate of Law, Associate Professor, Senior Researcher sectors of criminal law, criminology and criminal proceedings Institute of State and Law RAS

Annotation. The article examines the main problems of extremism among young people, analyzes judicial statistics, and the experience of the United States and England in this area. The author examines the programs of hate crime statistics in these countries, which are based on incidents. The bulk of the crimes were motivated by bias against race or ethnicity. The studied materials allowed the author to suggest some measures aimed at countering extremism among young people.

Keywords: extremism, youth environment, judicial statistics, sociological survey, counteraction measures.

Миграционная преступность на государственной границе Российской Федерации и Республики Казахстан в постсоветский период

© Ликсунов В. О.,

специалист юридического отдела Центра исследования проблем Российского права «Эквигас», аспирант

Аннотация. В статье предлагается и обосновывается периодизация незаконной миграции через государственную границу Российской Федерации и Республики Казахстан под влиянием миграционных процессов в постсоветский период.

Ключевые слова: незаконная миграция, противодействие незаконной миграции, национальная безопасность, иностранные граждане, государственная граница Российской Федерации и Республики Казахстан, государственная миграционная политика.

В течение более четверти века развития в качестве самостоятельных государств Российская Федерация и Республика Казахстан оказались вовлечены в интенсивные миграционные процессы. Распад Советского Союза преобразовал межреспубликанские, внутригосударственные миграционные потоки в международные. Так как данные изменения сопровождалось экономическим упадком и политическим крахом, которыми была охвачена вся территория бывшего Советского Союза, это вызвало резкий скачок международной миграции.

В настоящее время мы наблюдаем миграционные последствия распада Советского Союза. Ежедневно через российско-казахстанский участок государственной границы проходят большие миграционные потоки, являющиеся важнейшей референцией экономической и социальной эволюции всего региона в целом.

Недостаточный опыт управления миграционными процессами, а также отсутствие соответствующей правовой основы оказали значительное влияние на развитие бесконтрольного характера миграции в регионе, сопровождавшейся игнорированием юридических и социальных прав мигрантов и отсутствием как такового их правового статуса. Однако сама трудовая и постоянная миграция предоставила жителям бывшего Советского Союза возможность адаптации к переходной рыночной экономике в обстановке продолжительного экономического кризиса.

В конце 1980-х гг. на место прежним центробежным миграционным тенденциям пришли центростремительные. Всесоюзная перепись населения 1989 г. фиксирует значительный миграционный отток русскоязычного населения — русских, украинцев и белорусов — из республик Средней Азии. Граждане СССР, прежде переехавшие из РСФСР в республики Центрально-Азиатского региона в рамках оргнабора или практики «распределения» выпускников вузов и обеспечившие там кадровую основу промышленности,

управления, сферы образования и здравоохранения, оказались выдавливаемыми с местных рынков труда уже подготовленными национальными кадрами. Фактически реконфигурация миграционных потоков в СССР явилась проявлением только зарождавшегося политического кризиса, который в итоге привел к распаду огромной страны. Республики Средней Азии выступают в новой для себя роли миграционных доноров, а РСФСР укрепляет свои позиции принимающей мигрантов стороны¹.

Всплеск миграционной активности населения через участок государственной границы Российской Федерации и Республики Казахстан, связанный с распадом СССР, не является новым для региона явлением. Между республиками бывшего Советского Союза на постоянной основе происходил непрерывный миграционный обмен, в результате которого к моменту распада около 54,3 млн. или 19 % граждан проживали вне своих национальных республик, в том числе 25,3 млн. русских, что составляло 17,4 % от численности населения Российской Федерации². Последствия этого наблюдаются до сих пор: только в рамках Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом³, направленной на переселение людей, оказавшихся после распада СССР за пределами Российской Федерации и желающих переселиться в Россию, переехало свыше 367 тыс. соотечественников, в основном из стран Центрально-Азиатского региона⁴.

Эволюция миграции на постсоветском пространстве и противодействие пограничными органами её незаконным проявлениям через государственную границу Российской Федерации и Республики Казахстан может быть детерминирована в рамках нескольких этапов, отличающихся изменением движущих факторов миграции и соответственно структуры миграционных потоков. Характер миграционной политики России, как основной принимающей стороны, является одним из главных факторов определения указанной периодизации.

Первый этап (1991—1995 гг.) определяется непосредственным результатом распада СССР и образованием суверенных государств. Международная миграция в данный период связана с экономической и социально-политической нестабильностью, ростом национализма, дискриминацией по религиозному признаку. Одной из причин, которой руководствовались люди, покидая свои

¹ Прибыткова И. М. Постсоветский миграционный переход // Международная миграция населения на постсоветском пространстве: двадцать лет удач, ошибок и надежд. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». 2011. Выпуск 25. С. 60.

² Госкомстат. Национальный состав населения СССР. Государственный комитет СССР по статистике. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 5—19.

³ Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

⁴ <http://government.ru>

дома, являлась фобия оказаться во вновь образованных республиках в качестве национального меньшинства. В основном миграция носила семейный характер.

Для этого этапа характерно преобладание потоков вынужденной миграции из зон вооруженных конфликтов. В первой половине 1990-х гг. не менее 5 млн. чел. покинули места постоянного проживания в зонах вооруженных конфликтов: около 2.4 млн. выехали в другие страны СНГ (из них более 1 млн. чел. получили статус беженца и вынужденного переселенца). 2.2 млн. стали внутренними перемещенными лицами. Позднее свыше 1.6 млн. чел. вернулись в места постоянного проживания¹.

Так как контроль международной миграции в данный период не осуществлялся, установить точное число мигрантов не представляется возможным, однако по приблизительным подсчетам общая численность прибывших мигрантов в Российскую Федерацию составляет около 6 млн. человек. Более 70 % прибывших в Россию иммигрантов были русскими по национальности. Из Казахстана, в котором в 1989 г. проживало 25 % русской диаспоры всего Советского Союза, выехало около 20 %, что составило почти 40 % вернувшихся в Россию русских².

На данном этапе начала зарождаться экономическая миграция, которая была тесно взаимосвязана с вынужденной. Негативные экономические условия (гиперинфляция, невыплата заработной платы, закрытие предприятий и т.п.) вынуждали бывших граждан Советского Союза изыскивать возможности заработка за рубежом.

Несмотря на принятый в самом начале этого этапа Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации», устанавливающий одним из основополагающих принципов обеспечения международной безопасности противодействие незаконной миграции на территорию Российской Федерации, в том числе из стран Центральной Азии, в указанный период такое противодействие практически не осуществлялось в связи с отсутствием как контролирующих органов исполнительной власти, в том числе осуществляющих пограничный контроль на данном направлении, так и правовой основы осуществления полномочий самих органов и правового регулирования миграции в целом. Государственная граница с бывшими союзными республиками, в том числе с Республикой Казахстан, не была делимитирована, что также способствовало отсутствию возможности осуществления противодействия незаконной миграции на данном направлении.

Второй этап (1996—2001 гг.) сопровождается сравнительной стабильностью в политической и социальной сферах стран СНГ, приостановлением или прекращением региональных конфликтов, что повлекло за собой уменьшение

¹ Мукомель В. И. Демографические последствия этнических и региональных последствий региональных конфликтов в СНГ // Социологические исследования. 1999. № 6. С. 66—71.

² Население России — 2001. Девятый ежегодный демографический доклад / под ред. А. Вишневого. М.: КДУ, 2002.

вынужденной миграции. К 1996 г. миграционный поток на территорию Российской Федерации сократился на 50 % в сравнении с предыдущим годом. Уменьшился эмиграционный поток из Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана. Также претерпели изменения характеристики миграционных потоков. Наблюдался значительный количественный рост временной миграции на фоне снижения случаев переселения на постоянное место жительства. Несмотря на уменьшение регистрируемого официальной статистикой численного показателя миграции, наблюдалось резкое увеличение количества незаконных мигрантов.

Кроме того, все более явно выражаются факторы, способствующие наплыву мигрантов, в том числе незаконных, на территорию Российской Федерации из стран Центрально-Азиатского региона. Благоприятная экономическая ситуация в Российской Федерации (временно приостановленная дефолтом 1998 г. все более привлекала мигрантов из других стран СНГ, экономические реформы в которых не оказали должного эффекта, лишь увеличивая безработицу до ужасающих масштабов.

Как раз на данном этапе увеличивается уровень незаконной трудовой миграции на территорию Российской Федерации. В указанный период существует очень сложный и бюрократизированный способ регистрации мигрантов и получения разрешений на работу. В связи с этим большая часть мигрантов под давлением обстоятельств предпочитают осуществлять трудовую деятельность вне правового поля. Кроме того, возможность осуществления неофициальной трудовой деятельности привлекала на территорию Российской Федерации лиц без каких-либо действительных документов, удостоверяющих личность, которые попадали на территорию Российской Федерации в обход пограничного контроля и установленных пунктов пропуска, уже функционирующих на российско-казахстанской границе. Данные статистики показывают, что в рассматриваемый период количество незаконных мигрантов до двадцати раз превышало количество официально трудоустроенных и составляло около 3—4 млн человек¹.

Доминирование нелегальных форм занятости мигрантов является также результатом своеобразия сложившейся в России экономической системы с ее значительным сегментом теневой экономики и неформальным рынком труда. Производство в теневом секторе экономики России оценивается Госкомстатом в четверть ВВП, а занятость в нем — в 15—30 % от общего числа работников². Мигранты из стран Центрально-Азиатского региона, попадающие на территорию Российской Федерации незаконно, в обход установленных пунктов пропуска на участке российско-казахстанской границы, без особых препятствий отыскивали место трудоустройства.

¹ Население России — 2002. Десятый ежегодный демографический доклад / под ред. А. Вишневого. М.: КДУ, 2003. С.169.

² Радаев В. А. Теневая экономика России: изменение контуров // «Pro et Contra». 1999. Т. 4. № 1.

Несмотря на имеющиеся проблемы в сфере незаконной миграции, а возможно и «благодаря» им, в данный период начинается активный процесс нормотворческой деятельности, направленный на противодействие указанной угрозе.

Так, 13 июня 1996 г. принимается УК РФ, который включает в себя один состав преступления за незаконное пересечение государственной границы Российской Федерации, изложенный в ст. 322, предусматривающий возможность привлечения к ответственности лиц, пересекших границу без действительных документов на право въезда или выезда, а также без разрешения, полученного в установленном законом порядке. В целях совершенствования правовой базы деятельности Федеральной пограничной службы Российской Федерации подписываются Указ Президента Российской Федерации от 2 марта 1995 г. № 232 «Об утверждении Положения о Федеральной пограничной службе Российской Федерации», а также Федеральный закон от 4 мая 2000 г. № 55-ФЗ «О Пограничной службе Российской Федерации».

Принимается целый ряд международных нормативных правовых актов, таких как Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией¹, Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности. Принимаются шаги к разрешению проблемы оформления российско-казахстанской границы в международно-правовом аспекте. 13 июля 1998 г. президенты Российской Федерации и Республики Казахстан подписали Соглашение о делимитации границы². Ровно через год, 13 июля 1999 г., постановлениями правительств двух стран, для этих целей были созданы особые российские и казахстанские делегации для проведения указанных мероприятий.

Начинает создаваться правовая основа для функционирования пограничных органов на государственной границе Российской Федерации с Республикой Казахстан. Для прикрытия отдельных участков российско-казахстанской государственной границы, защиты политических, экономических и иных интересов Российской Федерации, Указом Президента Российской Федерации от 19 июня 1996 г. было создано Региональное Управление Федеральной Пограничной Службы России с местом дислокации в городе Челябинске, 12 августа 1998 г. преобразованное в Юго-Восточное Региональное Пограничное Управление. Его соединения, части и подразделения были дислоцированы на территории 19 субъектов Российской Федерации, расположенных в четырех федеральных округах — Южном, Приволжском, Уральском и Сибирском, включающих Вол-

¹ Федеральный закон от 12 июля 2000 г. № 97-ФЗ «О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств—участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией».

² Совместное заявление Президентов Российской Федерации и Республики Казахстан от 19 июля 1996 // <http://www.kremlin.ru/supplement/2165>

гоградскую, Саратовскую, Самарскую, Оренбургскую, Челябинскую, Курганскую, Тюменскую, Омскую, Новосибирскую области и Алтайский край.

Однако, противодействие угрозам национальной безопасности, в том числе незаконной миграции, через государственную границу Российской Федерации и Республики Казахстан на данном этапе осложняется недостаточным финансированием пограничных органов. Отсутствует необходимое инженерно-техническое оборудование существующей линии границы, почти не ведется строительство новых пограничных и таможенных постов, пунктов пропуска, пунктов упрощенного перехода, чрезвычайно низка техническая оснащенность действующих пограничных и таможенных подразделений — ощущается острая нехватка автомобильного транспорта, средств связи, денежных средств на содержание личного состава, оплату тепловой и электрической энергии, плохо или совсем не оборудованы служебные помещения, не налажен быт пограничников, несмотря на принимаемые меры (постановление Правительства Российской Федерации от 29 июня 1999 г. «О неотложных мерах материально-технического обеспечения обустройства государственной границы Российской Федерации с Республикой Казахстан»).

Третий этап (2002—2006 гг.) определяется общемировой политикой нетерпимости к незаконной миграции и незаконным мигрантам в мире, связанной с террористическими атаками 11 сентября 2001 г. в США. Российская Федерация отреагировала изменением международного сотрудничества в рамках СНГ, направленного на противодействие незаконной миграции, усиление силового подхода в управлении миграционными процессами, принятие активных административных мер в отношении незаконных мигрантов. Высокий уровень фобии в отношении мигрантов из азиатских республик и национальной нетерпимости инициировался в том числе средствами массовой информации и некоторыми политическими популистами, что крайне негативно сказывалось на миграционных процессах.

В то же время факторы, стимулирующие миграционные потоки, не перестали существовать: экономическая ситуация в странах выезда мигрантов продолжала оставаться сложной; возможность заработков в России являлась притягательной для значительного числа жителей новых независимых государств; уже сложились мощные миграционные сети, поддерживающие миграционный приток, несмотря на ограничения миграционных властей; заработки в России стали элементом семейной стратегии среди значительного числа жителей стран СНГ; произошла этно-профессиональная сегментация российского рынка труда и формирование «этнических ниш занятости»¹.

В результате принятых мер незаконная миграция в Российской Федерации практически полностью вышла из правового поля. Предпринимаемые действия, направленные на борьбу с незаконной миграцией, спровоцировали по-

¹ «Трудовая миграция в России». Выпуск 2 серии «Миграция населения» / Под общ. ред. Воробьевой О.Д. Приложение к журналу «Миграция в России». М., 2001.

лярный результат — увеличение ее количественного показателя и потерю управления над миграционными процессами органами власти.

Достижение указанных выше целей миграционной политики государства повлекло за собой и реорганизацию всей системы пограничных органов Российской Федерации. В соответствии с Указом Президента России от 11 марта 2003 г. № 308 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области безопасности Российской Федерации» с 1 июля 2003 г. упразднена Федеральная пограничная служба Российской Федерации, а ее функции переданы Федеральной службе безопасности Российской Федерации.

Данная реорганизация не могла не сказаться и на охране российско-казахстанского участка государственной границы. Проводятся мероприятия по преобразованию организационно-штатной структуры. На базе имеющихся региональных пограничных управлений в мае 2005 г. создаются пограничные управления ФСБ России в следующих субъектах Российской Федерации: Астраханской области и Республике Калмыкия, Волгоградской области, Саратовской и Самарской областях, Оренбургской области, Челябинской области, Курганской и Тюменской областях, Омской области, Новосибирской области, Алтайскому краю и Республике Алтай.

Все активнее внедряются элементы оперативного способа охраны государственной границы, создаются оперативные отделы в пограничных управлениях. Переход пограничных органов в систему ФСБ России вызвал необходимость руководствоваться в оперативно-служебной деятельности при охране государственной границы, в том числе и в целях противодействия незаконной миграции на российско-казахстанском участке государственной границы, приказами и распоряжениями ФСБ России.

На данном этапе Федеральным законом от 28 декабря 2004 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» вводится уголовная ответственность за организацию незаконной миграции путем включения в УК РФ статьи 322.1.

Четвертый этап (2007—2010 гг.) характеризуется кардинальным изменением в подходе к миграционной политике Российской Федерации. Это связано, в основном, с результатом оценки катастрофических масштабов демографического кризиса и значения миграции для демографического и экономического роста России. Были официально пересмотрены основные принципы миграционной политики России касаясь трудовых мигрантов из стран СНГ, в том числе из стран Центрально-Азиатского региона, прибывающих на территорию Российской Федерации в большей части через российско-казахстанскую границу. В соответствии с проведенной в 2007 г. миграционной реформой указанные государства рассматриваются Россией как основные миграционные партнеры.

Только в течении 2007 г. миграционные потоки через государственную границу Российской Федерации и Республики Казахстан существенно возросли. К 2010 г. около 75 % трудовых мигрантов, находящихся на территории Российской Федерации, прибыли из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии¹.

Также в течение данного этапа возник мировой экономический кризис 2008—2009 гг., повлекший уменьшение производства и оказавший значительное воздействие на уровень международной миграции во всем мире, в том числе на международные потоки из стран Центрально-Азиатского региона в Российскую Федерацию, которая приняла меры по сокращению наплыва иностранных граждан путем сокращения трудовых квот в два раза. Однако, поскольку возможности заработка в странах происхождения оказались еще хуже, чем в России, мигранты предпочли переждать кризис в России, соглашаясь на любую работу, что в свою очередь привело к увеличению уровня именно незаконной миграции, в том числе через государственную границу Российской Федерации и Республики Казахстан². Процесс выхода трудовой миграции из теневых схем, начавшийся благодаря введению нового законодательства в 2007 г., приостановился и вернулся к уровню начала двухтысячных годов. Кроме того, усиливаются и антимигрантские настроения в российском обществе, обусловленные увеличением уровня безработицы и общим ухудшением экономической ситуации. Однако, наблюдается понимание на государственном уровне роли трудовой миграции и ее вкладе в экономику России, составляющее около 6—8 % ВВП.³

6 октября 2007 г. в Душанбе между Россией, Казахстаном и Белоруссией подписан договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза⁴, что послужило основой для дальнейших интеграционных процессов. В 2009 г. на уровне глав государств и правительств были приняты и ратифицированы около 40 международных договоров, составивших основу Таможенного союза. В январе 2010 г. вступил в силу Единый таможенный тариф⁵, а с июля 2010 г. — единый Таможенный кодекс⁶.

¹ Ивахнюк И. В. Воздействие глобального экономического кризиса на миграцию и миграционную политику // Инновационное развитие экономики России: ресурсное обеспечение : Сборник статей по материалам Второй Международной научной конференции. М.: МГУ, 2009.

² Там же.

³ Ромодановский К. О. Дорогу в будущее мостить делами: <http://www.fms.gov.ru/press/publications>, 2008.

⁴ Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза (подписан в г. Душанбе 6 октября 2007 г.).

⁵ Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27 ноября 2009 г. № 18 «О едином таможенно-тарифном регулировании таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации».

⁶ Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17).

Однако, несмотря на наметившиеся процессы в объединении таможенного пространства между бывшими союзными республиками, в указанный период противодействие незаконной миграции через государственную границу Российской Федерации и Республики Казахстан усложняется возросшим уровнем контрабанды на данном участке, борьба с которой выходит на более приоритетные позиции для пограничных органов. Постоянно раздаются громкие заявления о задержании «астрономических» объемов незаконно ввезенных в Россию одежды, обуви, бытовой техники, различных запрещенных к гражданскому обороту товаров¹. Приоритетное направление противодействия контрабанде в ущерб противодействию незаконной миграции обуславливается в том числе и упомянутым ранее экономическим кризисом и наблюдающимся упадком в экономике России на данном этапе.

Начинается обустройство российско-казахстанского участка государственной границы в инженерном отношении и в плане обустройства быта военнослужащих. «Раньше граница ассоциировалась с колючей проволокой и часовым с собакой. Теперь все несколько изменилось. Техническое переоснащение мы рассматриваем как одно из важных направлений создания современной системы защиты и охраны государственной границы. Его главная цель — повысить возможности пограничных органов в обнаружении и задержании нарушителей государственной границы, минимизировав при этом физическое присутствие пограничников на охраняемом участке»².

Пятый этап (2011 — н. в.) в первую очередь обуславливается вступлением в силу принятых ранее новых правил единого таможенного регулирования в соответствии с Договором о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза от 6 октября 2007 г.

Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 2011 г. № 880 «Об отмене согласованных видов контроля на государственной границе Российской Федерации с Республикой Белоруссия и Республикой Казахстан» транспортный контроль был перенесен на внешние границы Таможенного союза. 1 января 2012 г. приняты два соглашения в области регулирования трудовой миграции: Соглашение о правовом статусе трудящихся — мигрантов и членов их семей³ и Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих стран⁴. Создается тенденция формирования общего рынка труда.

¹ Геращенко В. А. Контрабанда как угроза национальной безопасности России // Молодой ученый. 2014. № 19. С. 478—481.

² Интервью Российской газете Директора Пограничной Службы ФСБ России генерал армии Проничева В. Е., <https://rg.ru/2009/05/28/pronichev-ned.html>

³ Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей. (Заклучено в г. Санкт-Петербурге 19 ноября 2010 г.).

⁴ Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств. (Ратифицировано Федеральным законом от 11 июля 2011 г. № 178-ФЗ).

Кроме того, в связи с вступлением в силу 1 января 2015 г. Договора о Евразийском экономическом союзе, основным положением которого является закрепление принципов свободного передвижения трудовых ресурсов, отсутствие органов таможенного контроля, организация упрощенного порядка пересечения Государственной границы, противодействие незаконной миграции на указанном направлении становится наиболее приоритетным для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. О проблеме защищенности государственной границы, в том числе в сфере противодействия незаконной миграции, высказывались Ю. Н. Туганов и В. А. Коляда, указавшие в своей работе, что «... после вступления в Единый таможенный союз пространственные пределы действия таможенных норм Российской Федерации (равно как и стран-участниц) расширились, что вызвало обострение вопросов защищенности Российской Федерации с территории сопредельных стран»¹.

На данном этапе в связи с вступлением в силу новых таможенных правил и практически полной ликвидации такой угрозы для Российской Федерации, как контрабанда товаров народного потребления, противодействие незаконной миграции через государственную границу Российской Федерации и Республики Казахстан становится одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности Российской Федерации для пограничных органов ФСБ России.

Пятый этап в настоящее время продолжается. Совершенствование правового регулирования миграционных процессов — одна из важнейших задач сегодняшнего дня. Необходимо не просто легализовать пребывание находящихся в стране незаконных мигрантов, но комплексно решать проблемы регулирования миграции и перехода к цивилизованным формам ведения предпринимательства, в том числе соблюдения работодателями трудового законодательства, качественного улучшения условий труда и жилищных условий приезжих, сокращения потребности в неквалифицированном труде. Для этого необходимо разрушить экономический механизм выгоды привлечения нелегальной рабочей силы и сделать труд незаконных мигрантов невыгодным для предпринимателей².

Таким образом, можно сделать вывод, что эволюция незаконной миграции через государственную границу Российской Федерации и Республики Казахстан на постсоветском пространстве происходила в пять этапов:

— первый этап (1991—1995 гг.) определяется непосредственным результатом распада СССР и образованием суверенных государств. Международная миграция в данный период связана с экономической и социально-политической

¹ Туганов Ю. Н., Коляда В. А. О некоторых особенностях защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации // Самоуправление. 2013. № 3. С. 15—17.

² Дамаскин О. В., Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности : монография. М.: Пограничная академия ФСБ России, 2016. С. 116.

нестабильностью, ростом национализма, дискриминацией по религиозному признаку;

— второй этап (1996—2001 гг.) сопровождается сравнительной стабильностью в политической и социальной сферах стран СНГ, приостановлением или прекращением региональных конфликтов, что повлекло за собой уменьшение вынужденной миграции;

— третий этап (2002—2006 гг.) определяется общемировой политикой нетерпимости к незаконной миграции и незаконным мигрантам в мире, изменением международного сотрудничества в рамках СНГ;

— четвертый этап (2007—2010 гг.) характеризуется кардинальным изменением в подходе к миграционной политике Российской Федерации. Это связано, в основном, с результатом оценки катастрофических масштабов демографического кризиса и значении миграции для демографического и экономического роста России;

— пятый этап (2011 — н.в.) в первую очередь обуславливается вступлением в силу правил единого таможенного регулирования в соответствии с Договором о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза и последующими за ним интеграционными процессами.

Библиография

1. Геращенко, В. А. Контрабанда как угроза национальной безопасности России / В. А. Геращенко // Молодой ученый. — 2014. — №19. — С. 478—481.
2. Дамаскин, О. В., Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности : монография / О. В. Дамаскин. — М. : Пограничная академия ФСБ России, 2016.
3. Ивахнюк, И. В. Воздействие глобального экономического кризиса на миграцию и миграционную политику // Инновационное развитие экономики России: ресурсное обеспечение / И. В. Ивахнюк // Сборник статей по материалам Второй Международной научной конференции. — М.: МГУ, 2009.
4. Мукомель, В. И. Демографические последствия этнических и региональных последствий региональных конфликтов в СНГ / В. И. Мукомель // Социологические исследования. — 1999. — № 6. — С. 66—71.
5. Прибыткова, И. М. Постсоветский миграционный переход // Международная миграция населения на постсоветском пространстве: двадцать лет удач, ошибок и надежд // Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». — 2011. — Выпуск 25.
6. Радаев, В. А. Теневая экономика России: изменение контуров // Pro et Contra. — 1999. — Т. 4. — № 1.
7. Туганов, Ю. Н. О некоторых особенностях защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации / Ю. Н. Туганов, В. А. Коляда // Самоуправление. — 2013. — № 3. — С. 15—17.

Migration crime at the state level border of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in the post-Soviet period

© Liksunov V. O.,

specialist of the legal Department of the center for
research of Russian law "Equitas", post-graduate
student

Annotation. The article suggests and substantiates the periodization of illegal migration across the state border of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan under the influence of migration processes in the post-Soviet period.

Keywords: illegal migration, countering illegal migration, national security, foreign citizens, state border of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, state migration policy.

О декриминализации части 1 статьи 335 и статьи 336 Уголовного кодекса Российской Федерации

© Моргуленко Е. А.,

кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции запаса;

© Харитонов С. С.,

кандидат юридических наук, профессор, полковник юстиции запаса.

Аннотация. Проведен правовой анализ аргументации сторонников декриминализации ч. 1 ст. 335 и ст. 336 УК РФ. Приведены правовые обоснования недопустимости корректировки указанных уголовно-правовых норм в сторону «либерализации».

Ключевые слова: нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, наказание, военно-уголовное законодательство.

Успешное выполнение задач, стоящих перед военнослужащими, трудно представить без здоровой атмосферы в воинском коллективе. Но поскольку состав индивидуумов неоднороден по возрасту, образованию, воспитанию, то закономерно возникают межличностные конфликты, которые не должны переходить в так называемые «неуставные отношения», которые традиционно преследуются уголовным законом.

Несмотря на значительное уменьшение фиксируемых случаев неуставных взаимоотношений, это явление живо в войсках. Армия и гражданское общество не существует изолировано друг от друга, поэтому еще в период допризывной подготовки необходимо готовить будущих защитников Родины как в плане физической подготовки, которая позволит им гораздо легче переносить нагрузки¹, так и проводить активное военно-патриотическое воспитание с целью осознанного выполнения конституционной обязанности по защите нашего государства², правильный отбор по военно-учетным специальностям³.

Исследование юридических аспектов нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности всегда было в центре внимания военных юристов, резуль-

¹ Харитонов В. С. Правовые аспекты регулирования военно-прикладных видов спорта как части добровольной подготовки граждан к военной службе // Военное право. 2018. № 2. С. 94—99.

² Зорин О. Л. Подготовка российских граждан к военной службе на основе военно-патриотического воспитания: некоторые вопросы совершенствования законодательства Российской Федерации // Военное право. 2018. № 5. С. 83—89.

³ Харитонов В. С. Профессиональный психологический отбор по военно-учетным специальностям : вопросы правового регулирования // Военное право. 2018. № 4 (51). С. 104—107.

татом чего стали научные исследования¹, монографии² и, конечно, публикации военных юристов в научных периодических изданиях юридического профиля.

Однако в последнее время все чаще звучат голоса тех, кто предлагает декриминализировать ч. 1 ст. 335 и ст. 336 УК РФ. Причем аргументы, которые приводят как авторы публикаций³, так и некоторые воинские должностные лица, позволяют еще раз констатировать, что анализ норм военно-уголовного права предполагает глубокое понимание сути воинских преступлений, что возможно только в результате «погружения» в эту правовую материю.

Итак, сторонники декриминализации указанных военно-уголовных норм отмечают, что в соответствии с ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ за административные правонарушения, за исключением отдельных административных правонарушений, военнослужащие несут дисциплинарную ответственность.

Согласно ч. 2 указанной статьи КоАП РФ установлена ответственность военнослужащих на общих основаниях с другими гражданами за отдельные виды административных правонарушений, предусмотренных в соответствующих главах раздела II КоАП РФ. При этом главы, посвященной административным правонарушениям в области порядка прохождения военной службы, указанный раздел КоАП РФ не содержит.

Согласно ст. 1.2. КоАП РФ охрана установленного порядка прохождения военной службы к задачам административного законодательства не относится. Следовательно, предлагаемая декриминализация деяний, предусмотренных в ч. 1 ст. 335 и ст. 336 УК РФ, не должна сопровождаться внесением изменений в КоАП РФ.

¹ См., например: Кочешев С. П. Нарушение правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2000; Моргуленко Е. А. Причины и меры предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Черных Н. С. Виктимологическая профилактика нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003, и др.

² См., например: Зателепин О. К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства : монография. М.: За права военнослужащих, 2009; Моргуленко Е. А. Неуставные взаимоотношения военнослужащих: теория и практика антикриминального воздействия : монография. М.: За права военнослужащих, 2006.; Новокшенов Д. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений : монография. СПб.: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации; Белгород: ООО «ЭПИЦЕНТР», 2017, и др.

³ См., например: Волкова К. В. Декриминализация ст. 336 УК РФ — оскорбление военнослужащего // Природа. Человек. Культура / Сб. матер. Первого Международного научно-просветительского форума (г. Кисловодск, 3—5 октября 2018 г.) под общ. ред. д.ф.н., проф. С. Е. Туркулец, к. соц. н., доц. Е. В. Листопадовой. Кисловодск, Хабаровск, Москва: Изд. «Научный консультант», 2018.

Декриминализацию указанных норм, считают они, возможно осуществить путем внесения квалифицирующего признака повторности совершения соответствующего деяния в определенный период времени, например, в течение одного года со дня наложения взыскания за совершение грубого дисциплинарного проступка, посягающего на нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими.

Одновременно упоминается, что абзац второй п. 2 ст. 28⁵ Федерального закона «О статусе военнослужащих» указывает на нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими как при наличии отношений подчиненности, так и при отсутствии такой подчиненности. Поэтому полагается возможным при необходимости внести в указанную норму изменения уточняющего характера, направленные на разграничение уголовных и дисциплинарных правонарушений.

Аргументируя недопустимость декриминализации ч. 1 ст. 335 и ст. 336 УК РФ, следует обозначить следующие правовые позиции.

1. Обсуждая вопросы совершенствования уголовного закона в части уголовной ответственности за преступления против военной службы, нельзя руководствоваться теми же соображениями, что и при изменении ст. 116 УК РФ и декриминализации ст. 130 УК РФ, поскольку предлагаемые к декриминализации преступления главы 33 УК РФ имеют иной, чем интересы личности, самостоятельный объект уголовно-правовой охраны — военную безопасность (порядок прохождения военной службы), важность которого в современных внешнеполитических условиях существования нашего государства переоценить невозможно. Следовательно, любые попытки ослабить состояние защищенности нашей страны от внешних угроз, в том числе путем «совершенствования» уголовного закона, являются непродуманными, нецелесообразными и даже вредными.

2. На сегодня военным юристам неизвестны хоть какие-то научно обоснованные данные о криминологической (социальной) обусловленности предлагаемых изменений, как, впрочем, не имеется их и в правоприменительной практике.

3. Любые изменения правовых предписаний в «военной сфере» должны быть направлены на улучшение правопорядка и дисциплины в войсках, повышение их боеготовности. В попытках декриминализировать воинские преступления виден т.н. «либеральный» подход к обеспечению дисциплины, заключающийся, прежде всего, в максимальном ограничении сферы применения уголовного закона без предоставления альтернативных способов борьбы с девиантным поведением военнослужащих. Непродуманность, незнание фактической обстановки в войсках и деструктивность подобного рода предлагаемых изменений очевидна.

4. Как справедливо отмечал М. А. Торкунов, нормы об ответственности за нарушение уставных правил взаимоотношений и оскорбление военнослужащих

существовали в УК РСФСР 1926 г. и 1960 г. Увязывать их с действующим КоАП РФ нет необходимости, поскольку эти преступления совершаются в специфических условиях воинских коллективов, посягают на особо охраняемый объект — порядок прохождения военной службы, а также на неприкосновенность личности военнослужащего. Перевод впервые совершённых деяний, предусмотренных ст. 335, 336 УК РФ, в категорию дисциплинарных проступков подорвёт и так традиционно трудно устанавливаемую воинскую дисциплину. Это один из самых болезненных участков воинских правоотношений, на котором, по сути, стоит правопорядок прежде всего в коллективах военнослужащих по призыву. При этом надо учитывать высокую степень латентности данных видов преступлений. Как показала практика применения гл. 33 УК РФ, именно уголовно-правовая оценка неуставных отношений, предусмотренных в ст. 335 УК РФ, является важнейшим ограничительным фактором распространения этих деяний в армии. Аналогичный подход к изменению ст. 336 УК РФ также будет способствовать неконтролируемому ухудшению правопорядка в воинских коллективах. Приняв такие изменения, мы фактически легализуем т.н. «казарменное хулиганство»¹.

5. Уголовная ответственность за деяния, предусмотренные этими статьями УК РФ в действующих редакциях, является важным сдерживающим фактором распространения подобных правонарушений. Исключая такую возможность при первом нарушении, мы оставляем потерпевших без реальной защиты уголовным законом. Зная изнутри характер воинских взаимоотношений, строевой офицер, военный прокурор, военный судья с уверенностью может утверждать, что после вступления в законную силу анализируемых изменений «первым» эпизодом, который будет расценен как дисциплинарный проступок, будет, возможно десятый или двадцатый факт нарушения — тот, который уже командованию утаить невозможно. Все же предыдущие правонарушения будут с высокой степенью вероятности скрыты.

Все тяжелые случаи, связанные с гибелью военнослужащих, в том числе самоубийствами и так называемыми «расстрелами» сослуживцев, свидетельствуют, что они являются, как правило, результатом скрытых неуставных взаимоотношений, не получивших своевременную уголовно-правовую оценку.

Одновременно следует отметить, что производство по применению производства о грубых дисциплинарных проступках до настоящего времени не получило широкого распространения в практике вовсе не из-за отсутствия таких, а, прежде всего, из-за того, что доказательственная база и процессуальная сложность заставляют командование обращаться к этой форме воздействия на военнослужащих только в крайних случаях. За 13 лет применения количество дел по-прежнему незначительно. По аналогии с этим производством станут возбуждаться и дела анализируемой категории. При привлечении к уголовной

¹ См. подробнее: Торкунов М. А. Общественная опасность и криминализация деяний (военно-судебная практика) : монография. Киров, 2008.

ответственности в суде будут тщательно рассматриваться и подвергаться сомнению стороной защиты случаи, расцененные командованием как «первые». А оснований для признания их малозначительными, недоказанными, не надлежащим образом оформленными (и пр. и пр.) найти в армейских условиях не так сложно. При таких обстоятельствах не только сократится количество возбуждаемых уголовных дел, но и часть возбужденных будет прекращена в суде именно по причине недоказанности т.н. «первых» нарушений, которые, согласно предлагаемым изменениям, будут обязательным условием для наступления уголовной ответственности.

6. Уставные правила взаимоотношений между военнослужащими являются составной частью общего объекта преступлений против военной службы — порядка ее прохождения, — это азы.

Состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 335 УК РФ, которую пытаются декриминализовать, является двухобъектным (военная безопасность (порядок прохождения военной службы) и здоровье (честь, достоинство) личности) составом.

Следовательно, характер общественной опасности деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 335 УК РФ, его вредоносность, значительно выше, чем в деяниях, предусмотренных ст. 115, 116 УК РФ (при наличии признаков казарменного хулиганства либо мотивов противопоставления виновным своих желаний требованиям общественной морали, демонстрации окружающим собственной исключительности, что при неуставных отношениях происходит практически всегда), а также ст. 117 УК РФ, по которым проводилась бы квалификация рассматриваемых деяний в случае отсутствия главного признака преступлений против военной службы — основного объекта преступления в виде военной безопасности (порядка прохождения военной службы).

При декриминализации же ч. 1 ст. 335 УК РФ, помимо нарушения принципа справедливости, установленного ст. 6 УК РФ, произойдет снижение состояния защищенности от преступных посягательств основного объекта рассматриваемого преступления — военной безопасности (порядка прохождения военной службы).

7. Введение признака объективной стороны преступления — совершение военнослужащим в течение одного года со дня наложения на него дисциплинарного взыскания за нарушение уставных правил взаимоотношений — повлечет возможность применения одного вида и размера наказания за преступления, общественная опасность которых существенно разнится. Так, военнослужащий в течение года совершивший повторное нарушение уставных правил взаимоотношений, сопряженное с насилием, не повлекшим вред здоровью, несет одинаковую ответственность с военнослужащим, допустившего аналогичное правонарушение, хоть и впервые, но повлекшее причинение среднего вреда здоровью.

8. Ч. 1 ст. 335 УК РФ предусматривает не простое нарушение правил взаимоотношений, а только то, которое связано с либо с унижением чести и достоинства, либо издевательством над потерпевшим, либо сопряженно с насилием.

В связи с этим декриминализация рассматриваемой нормы приведет к неадекватной, явно не соответствующей характеру и степени общественной опасности содеянного, правовой оценке подобных правонарушений. То есть за применение насилия, в том числе повлекшего легкий вред здоровью, за что у «гражданского» лица предусмотрена ответственность по ст. 115 УК РФ, либо за побои при наличии хулиганского мотива (который в случае неустанных взаимоотношений практически всегда имеет место), за что у «гражданского» лица предусмотрена ответственность по ст. 116 УК РФ, либо за систематические издевательства (причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями), за что у «гражданского» лица предусмотрена ответственность по ст. 117 УК РФ, в случае поддержки предложений «декриминализаторов», виновного военнослужащего можно будет привлекать ТОЛЬКО к дисциплинарной ответственности!

И только если указанное лицо ПОВТОРНО совершит насильственные или издевательские действия, его можно будет привлечь к уголовной ответственности (в соответствии с рецензируемыми предложениями).

Подобное изменение уголовного закона может привести к резкому снижению воинской дисциплины и правопорядка, ухудшить криминологическую обстановку в войсках, и, как следствие, снижению боеготовности и боеспособности воинских подразделений (частей).

9. По тем же соображениям, касающимся двухобъектности преступлений против уставных взаимоотношений военнослужащих, недопустима декриминализация ст. 336 УК РФ.

Кроме того, следует учитывать, что ч. 2 ст. 336 УК РФ, которая также предлагается к декриминализации, предусматривает оскорбление подчиненным начальника, что, в свою очередь напрямую угрожает реализации в военной организации государства принципа единоначалия, который в соответствии со ст. 33 УВС ВС РФ является одним из основных принципов строительства Вооруженных Сил, руководства ими и взаимоотношений между военнослужащими.

Кроме того, в настоящее время при квалификации насилия, примененного начальниками к подчиненным, важное значение уделяется направленности умысла. При этом в значительных случаях деяния квалифицируются по соответствующей части ст. 336 УК РФ. Ведение в качестве обязательного условия привлечения к уголовной ответственности наличие непогашенного дисциплинарного взыскания за нарушение уставных правил взаимоотношений, с большей долей вероятности повлечет практику квалификации любого насилия и в

любом объеме начальника к подчиненному исключительно по ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Подводя итог, с высокой степенью обоснованности можно констатировать, что периодически появляющиеся предложения по частичной декриминализации ст. 335, 336 УК РФ являются необоснованными как с правовой, так и с криминологической точки зрения, они являются нецелесообразными и даже разрушительными для защиты военной безопасности нашего государства уголовно-правовыми средствами, поскольку в случае их реализации произойдет дезорганизация системы преступлений против воинских уставных отношений, нарушение принципа справедливости, закрепленного ст. 6 УК РФ, а также снижение состояния защищенности от преступных посягательств основного объекта декриминализуемых преступлений — военной безопасности (порядка прохождения военной службы).

Видится целесообразным не менять апробированные и доказавшие свою эффективность военно-уголовные нормы, которые позволяют военным следственным органам при достаточно внимательном отношении к расследуемым деяниям и так разделять дисциплинарный проступок от преступления в сфере межличностных отношений между военнослужащими.

Библиография

1. Волкова, К. В. Декриминализация ст. 336 УК РФ — оскорбление военнослужащего // *Природа. Человек. Культура / Сб. матер. Первого Международного научно-просветительского форума (г. Кисловодск, 3—5 октября 2018 г.) под общ. ред. д.ф.н., проф. С. Е. Туркулец, к. соц. н., доц. Е. В. Листопадовой.* — Кисловодск, Хабаровск, Москва: Изд. «Научный консультант», 2018. — 416 с.
2. Зателепин, О. К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства : монография / О.К. Зателепин. — М.: За права военнослужащих, 2009. — 288 с.
3. Зорин, О. Л. Подготовка российских граждан к военной службе на основе военно-патриотического воспитания: некоторые вопросы совершенствования законодательства Российской Федерации / О. Л. Зорин // *Военное право.* — 2018. — № 5. — С. 83—89.
4. Кочешев, С. П. Нарушение правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук / С. П. Кочешев. — Иркутск, 2000
5. Новокшенов, Д. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений : монография / Д. В. Новокшенов. — СПб.: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации; Белгород : ООО «ЭПИЦЕНТР», 2017. — 176 с.
6. Моргуленко, Е. А. Неуставные взаимоотношения военнослужащих: теория и практика антикриминального воздействия : монография / Е. А. Моргуленко. — М.: За права военнослужащих, 2006. — 191 с.
7. Моргуленко, Е. А. Причины и меры предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений военнослужащих при отсутствии между ними отношений подчиненности : дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Моргуленко. — М., 2003.
8. Торкунов М. А. Общественная опасность и криминализация деяний (военно-судебная практика) : монография / М. А. Торкунов. — Киров. 2008. — 375 с.
9. Харитонов, В. С. Правовые аспекты регулирования военно-прикладных видов спорта как части добровольной подготовки граждан к военной службе / В. С. Харитонов //

Военное право. — 2018. — № 2. — С. 94—99.

10. Харитонов, В. С. Профессиональный психологический отбор по военно-учетным специальностям : вопросы правового регулирования // Военное право. — 2018. — № 4 (51). — С. 104—107.

11. Черных Н. С. Виктимологическая профилактика нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности : дис. ... канд. юрид. наук / Н. С. Черных. — М., 2003.

On decriminalization of part 1 of article 335 and article 336 Criminal code of the Russian Federation

© Morgunenko E. A.,

candidate of legal Sciences, associate Professor,
Colonel of justice in reserve;

© Kharitonov S. S.,

candidate of legal Sciences, Professor, Colonel of
justice of the reserve.

Annotation. The legal analysis of the arguments of supporters of decriminalization of part 1 of article 335 and article 336 of the criminal code of the Russian Federation is carried out. Legal justifications for the inadmissibility of adjusting the specified criminal law norms in the direction of "liberalization" are given.

Keywords: violation of the statutory rules of relations between military personnel, punishment, military-criminal legislation.

Отдельные аспекты исследования латентной преступности военнослужащих в сфере незаконного оборота наркотиков

© Паршаков А. С.,

кандидат юридических наук, полковник юстиции запаса, почетный работник прокуратуры Российской Федерации, доцент Юридического института Российского университета транспорта, старший научный сотрудник НИО Военного университета

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к исследованию латентной преступности военнослужащих в сфере незаконного оборота наркотиков. Изучение и анализ наркотизации военнослужащих позволяет определить уровни проникновения ее в армейскую среду, в том числе латентный характер. При этом значения и уровни индексов наркотизации определяются по результатам социологического опроса военнослужащих. Подчеркивается, что в основу оценки индекса наркотизации заложено комплексное изучение специальных критериев. В статье приводятся обобщенные результаты данного исследования, формулируются выводы о характере и степени латентности данного вида преступления в воинских подразделениях.

Ключевые слова: латентная преступность военнослужащих, незаконный оборот наркотиков, индекс наркотизации, социологический опрос.

Отечественный и зарубежный опыт исследования вопросов латентной преступности военнослужащих в сфере незаконного оборота наркотиков показывает, что актуальность этой темы не снижается.

Наркотизация представляет собой негативное социальное явление, проявляющееся в приобщении части населения страны, в том числе военнослужащих, к немедицинскому употреблению наркотических средств, психотропных и токсических веществ, находящихся под специальным международно-правовым и внутригосударственным контролем, а также в незаконном изготовлении, приобретении, хранении, перевозке, пересылке либо сбыте указанных средств (веществ).

Разработанная и применяемая методика оценки уровня наркотизации военнослужащих предназначена для определения уровня их осведомленности о наркотиках, изучения отношения к ним, оценки наличия личного опыта употребления наркотиков, выполнения требований руководящих документов по противодействию наркомании с целью выработки рекомендаций по антинаркотической пропаганде и противодействию наркотизации.

В рамках этой деятельности разработан порядок оценки уровня наркотизации, который позволит получить характеристику этого негативного явления, в том числе латентный характер.

Показателями уровня наркотизации являются индексы наркотизации военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и степень социально-

го неприятия наркотиков военнослужащими и уровня их осведомленности о наркотиках.

Значения и уровни индексов определяются по результатам социологического опроса военнослужащих.

Индекс наркотизации представляет собой комплексную характеристику наркоситуации в конкретном соединении, воинской части, учреждении (организации).

В основу оценки индекса наркотизации заложены следующие критерии:

- мнение о степени актуальности проблемы наркомании для Вооруженных Сил России;
- личное отношение военнослужащих к употреблению наркотиков;
- мнение военнослужащих об отношении воинского коллектива к употреблению наркотиков;
- отношение военнослужащих к пропаганде наркотиков;
- отношение к возможности распространения наркотиков в армейской среде;
- мнение военнослужащих о возможности оправдания употребления наркотиков;
- мнение военнослужащих о степени допущения употребления наркотиков военнослужащим;
- наличие личного опыта употребления наркотиков;
- знание о местах незаконной продажи наркотиков;
- знание о попытках распространения наркотиков в районе дислокации воинской части;
- знание о случаях употребления наркотиков в воинской части;
- готовность сообщить о фактах незаконного оборота наркотиков;
- наличие наркоманов среди близких, знакомых;
- наличие санкций, предпринятых для наказания за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков в воинской части;
- объем времени, затрачиваемый на профилактику наркомании в воинской части;
- выполнение требований приказа Министра обороны Российской Федерации от 11 декабря 2017 г. № 764 «Об организации работы по противодействию незаконному потреблению и обороту наркотических средств и психотропных веществ в Вооруженных Силах Российской Федерации» о проведении занятий по профилактике наркомании в воинской части;
- частота прохождения обследования на наркотики;
- наличие и количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Следует подчеркнуть, что оценка индекса наркотизации проводится по алгоритму, нарушение которого приведет к искажению информации об уровне наркотизации воинского подразделения (см. рис. 1).

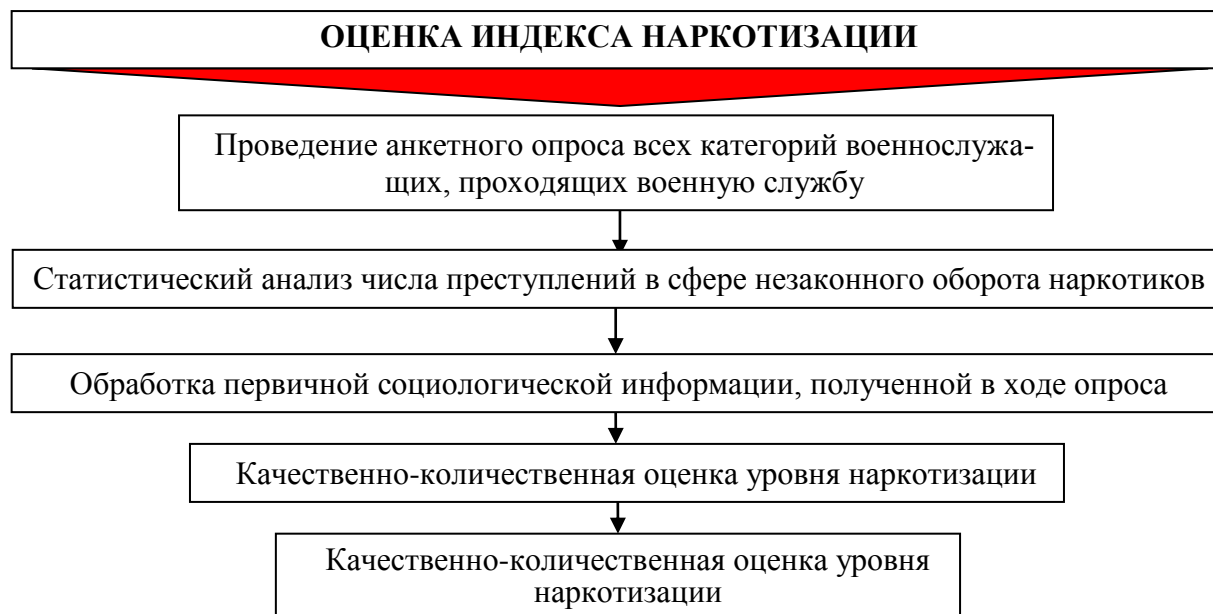

Рис. 1. Алгоритм оценки индекса наркотизации воинского подразделения

Исходя из количества опрашиваемых офицеров, прапорщиков (мичманов), а также солдат и сержантов (матросов) по контракту либо по призыву, определяется объем выборочной совокупности (количество человек). Уровень наркотизации рассчитывается по формуле:

$$\text{Уровень наркотизации} = \left(\left(\frac{V_1 + V_2 + \dots + V_n}{100 * 10} \right) * I_n / K_n \right) + K_n / 2 ,$$

где: K_n — коэффициент нормирования; V_1, V_2, V_n — процентные значения отрицательных вариантов ответов в вопросах; I_n — индекс наркоситуации; K_n — коэффициент статистического показателя числа преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Цифровые показатели указанных позиций автором упускаются.

Мониторинговые социологические исследования по изучению актуального криминогенного феномена проводятся научными сотрудниками научно-исследовательского центра (социологического) Вооруженных Сил Российской Федерации и научно-исследовательского отдела (военно-научной информации, военно-правовых проблем), в том числе в рамках научно-исследовательских работ, связанных с латентной преступностью военнослужащих.

В истекшем году по рассматриваемой проблематике в исследовании приняли участие 957 военнослужащих, из них 444 офицера и прапорщика (мичмана) и 513 солдат и сержантов (матросов и старшин). Социально-демографические характеристики военнослужащих указанных категорий в данной статье не приводятся.

Результаты социологических исследований позволяют утверждать, что на современном этапе наркомания является достаточно актуальной проблемой для Российской Федерации, в том числе и для Вооруженных Сил.

Так, более половины (51 %) офицеров считают, что актуальность проблемы наркомании в армии высока (в 2018 г. — 52 %). Противоположной позиции придерживаются около 28 % офицерского состава, а остальные офицеры (21 %) затруднились ответить на данный вопрос (в 2018 г. — 22 % и 26 % соответственно).

Число офицеров, осуждающих негативное явление наркомании, по сравнению с 2018 г. осталось прежним (97 %), в то же время число солдат и сержантов (матросов и старшин) уменьшилось (83 %) (в 2018 г. — 92 %).

Следует предположить, что проблема наркомании в войсках остается латентной (скрытой) и острой, имеющей тенденцию к нарастанию. В первую очередь, это связано с недостаточным качеством профилактической работы с личным составом со стороны офицеров на фоне возросшей интенсивности военной службы, а также с появлением новых наркотических средств и психотропных веществ, выявить факт употребления которых непросто.

Уровень осведомленности военнослужащих о наркотиках незначительно уменьшился. Распределение индикаторов по степени осведомленности о наркотиках выглядит следующим образом (рис. 2).

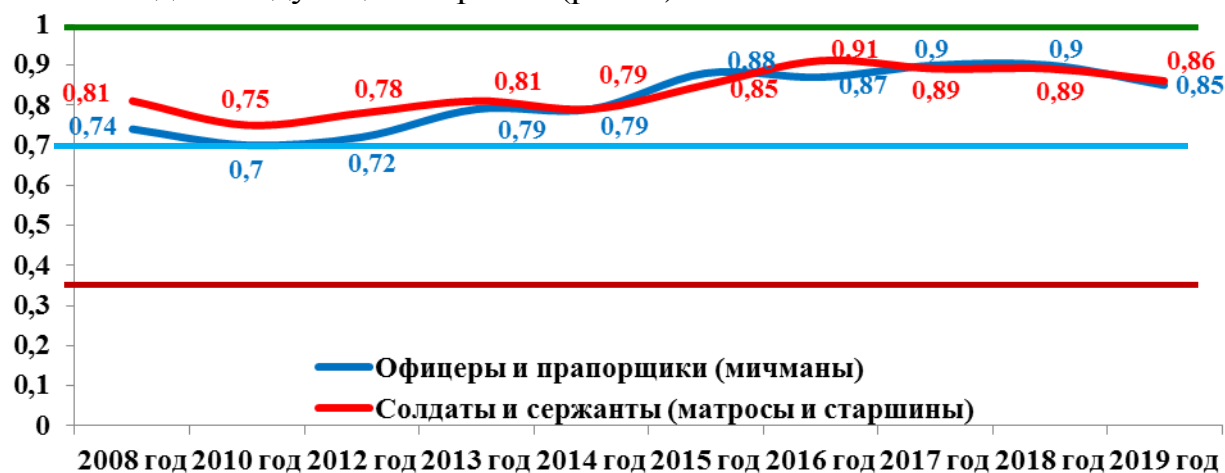

Рис. 2. Динамика осведомленности военнослужащих о зависимости, возникающей в результате употребления наркотиков (в баллах)

Отношение подавляющего большинства военнослужащих и в целом воинских коллективов к употреблению наркотиков носит отрицательный характер.

Так, среди офицеров и прапорщиков (мичманов) категорически не одобряют или скорее не одобряют употребление наркотиков подавляющее большинство (98 %), среди солдат и сержантов (матросов и старшин) — 95 %. Причем среди последних у 4 % наблюдается нейтральное (попустительское) отношение, выражающееся в безразличии к употреблению наркотиков сослуживцами. Затруднились ответить на данный вопрос только 1 % солдат и сержантов (матросов и старшин).

Возможно, причина этого кроется в их редком участии в мероприятиях по профилактике наркомании либо в равнодушии к своим сослуживцам (по принципу «каждый живет свою жизнь»).

Распределение индикаторов по степени негативного отношения к наркотикам выглядит следующим образом (рис. 3).

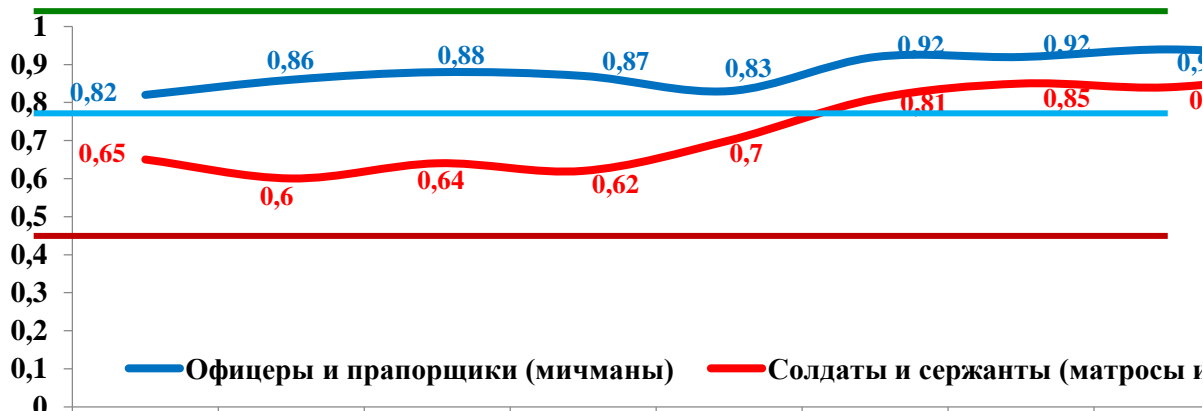

Рис. 3. Степень негативного отношения воинского коллектива к употреблению наркотиков (в баллах)

Большинство военнослужащих отрицают наличие людей, употребляющих наркотики, среди своих близких (знакомых). Подтвердили это только 3 % офицеров и прапорщиков (мичманов) и 3 % солдат и сержантов (матросов и старшин) (в 2016 г. — 5 % и 3 % соответственно). Весьма вероятно, что часть этих наркозависимых лиц могут быть сослуживцами опрашиваемых военнослужащих.

В настоящее время офицеры и прапорщики (мичманы) склонны считать, что наркоманы — опасные люди и их следует изолировать от общества (40 %) и, напротив, солдаты и сержанты (матросы и старшины) видят в них больных людей, нуждающиеся в медицинской помощи (32 %).

Таким образом, опрошенные военнослужащие разделяются в своих мнениях на две группы, одна из которых — лояльная и сочувствующая, а другая — радикальная и максималистская.

Мнение респондентов о военнослужащих, наиболее склонных к употреблению наркотиков (или употребляющих их), основывается на том, что все зависит от личности самого человека, его индивидуальной силы воли.

Каждый должен решить самостоятельно — употреблять наркотики или нет, — не полагаясь на других людей и осознавая последствия немедицинского употребления наркотических средств и психотропных веществ (рис. 4).

Вместе с тем среди опрошенных военнослужащих укрепляется мнение о том, что употребление наркотиков неминуемо ведет к деградации личности и потере здоровья. Многие военнослужащие, которым известны факты употребления наркотиков в их воинской части, готовы или скорее готовы сообщить об этом в компетентные органы или соответствующим должностным лицам. Об

этом заявили две трети опрошенных офицеров и прапорщиков (мичманов) (56 %), а также треть солдат и сержантов (матросов и старшин) (29 %).

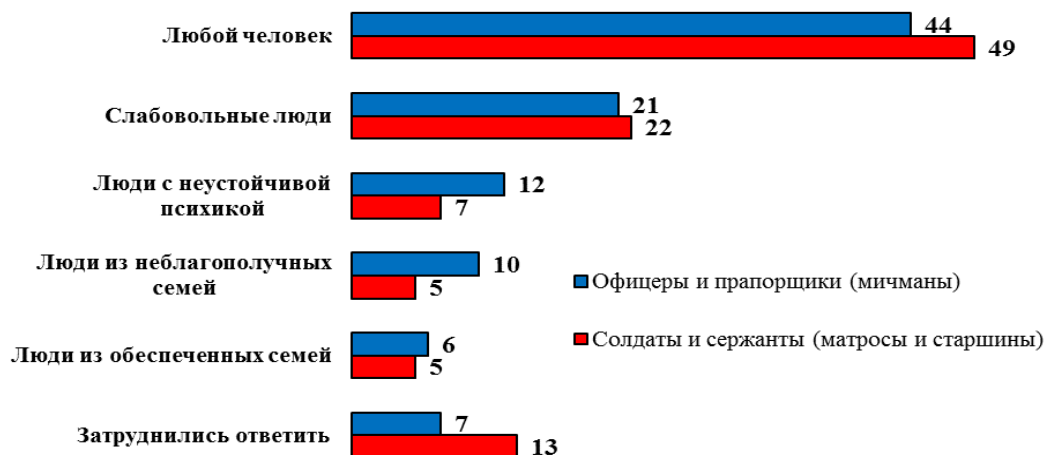

Рис. 4. Мнение военнослужащих об особенностях лиц, употребляющих наркотики или склонных к их употреблению (в %)

Необходимо отметить, что по сравнению с 2018 г. их число практически не изменилось (в 2018 г. — 64 % и 37 % соответственно). При этом 1 % офицеров и прапорщиков (мичманов), 12 % солдат и сержантов (матросов и старшин) указали, что они не готовы сообщать об этих фактах или считают это необязательным делом (в 2018 г. — 2 % и 9 % соответственно).

Причины такого отношения могут быть разными. Офицеры и прапорщики (мичманы), как правило, опасаются наказания со стороны вышестоящего командования за проступки подчиненных, а солдаты и сержанты (матросы и старшины) не обладают активной жизненной позицией, проявляя безразличие к своим сослуживцам и воинскому коллективу (рис. 5).

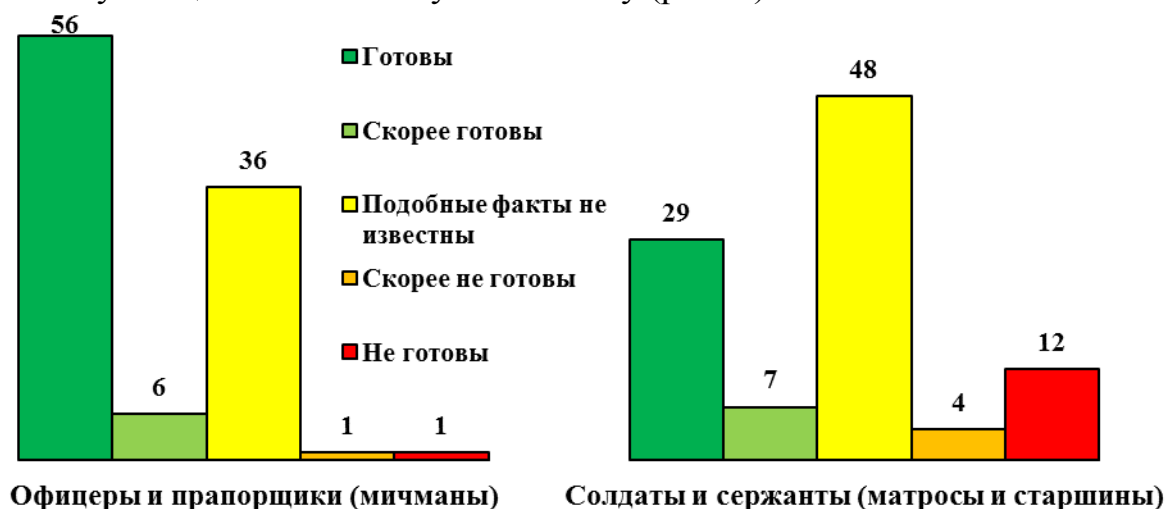

Рис. 5. Готовность военнослужащих проинформировать компетентные органы о незаконном обороте наркотиков (в %)

По оценкам офицеров и прапорщиков (мичманов), наиболее предпочтительными адресатами сообщения являются: командир воинской части, подразделения (55 %), заместитель командира по военно-политической работе (20 %) и представитель отдела ФСБ в воинской части (10 %).

Солдаты и сержанты (матросы и старшины) готовы проинформировать, прежде всего, своего командира подразделения (командира взвода (группы) — 21 %, командира роты (боевой части) — 16 %), а представителя отдела ФСБ по воинской части (по 6 %).

Факты употребления наркотиков, по оценкам опрошенных военнослужащих, практически всегда становятся предметом разбирательства со стороны командования воинских частей.

Однако военнослужащие указывают на случаи сокрытия подобных происшествий их командирами. На это указали почти 5 % солдат и сержантов (матросов и старшин) (в 2018 г. — 1 %). Офицеров и прапорщиков (мичманов), указавших на сокрытие преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, оказался 1 % (в 2018 г. — 1 %).

Наиболее вероятными каналами попадания наркотических средств и психотропных веществ в воинскую часть, по мнению респондентов, являются торговля через Интернет, торговля в районе дислокации воинской части и торговля в близлежащем населенном пункте (рис. 6).

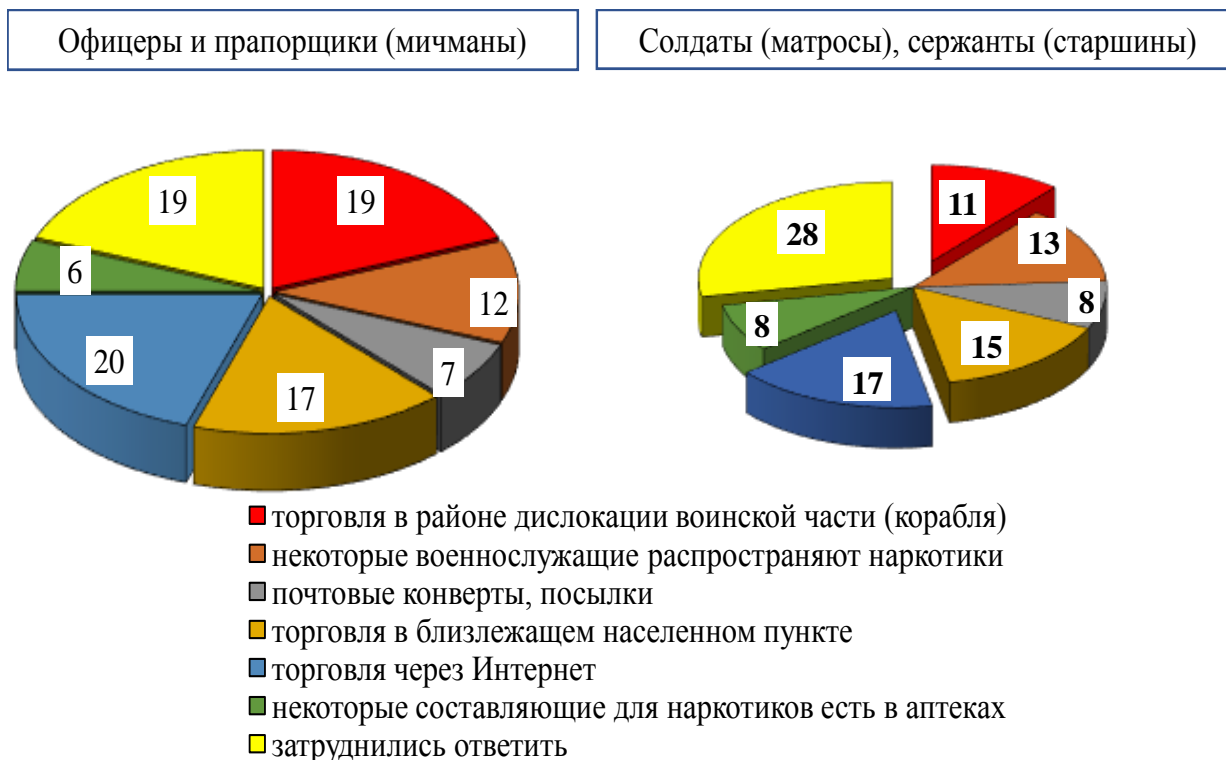

Рис. 6. Мнение военнослужащих о вероятных каналах попадания наркотиков в воинские части (в %)

Особую тревогу вызывает наличие военнослужащих, которые распространяют наркотики в своих воинских частях. Каждый восьмой респондент указал на этот вероятный канал, что свидетельствует о том, что некоторая доля военнослужащих вовлечена в индустрию незаконного оборота наркотиков, являясь фактически наркодиллерами и тем самым подрывая боеготовность в войсках.

Мнения военнослужащих о причинах, способствующих употреблению наркотиков их сослуживцами, разделились. Офицеры и прапорщики (мичманы) выделяют недостатки воспитания, выражающиеся, прежде всего, в педагогической запущенности, как наиболее вероятную причину (18 %). Каждый шестой военнослужащий (14 %) указывает в качестве основной причины желание «все попробовать в этой жизни».

Среди приоритетных причин, способствующих наркотизации, военнослужащие также отмечают слабых характерность человека. Кроме того, солдаты и сержанты (матросы и старшины) склоняются к мнению, что причиной употребления наркотиков может стать и стрессовая ситуация, в которой может оказываться военнослужащий.

В армейских условиях, по оценкам военнослужащих, чаще происходят случаи с применением наркотиков, являющимися галлюциногенными препаратами и веществами (каннабиониды, спайс, псилоцибин, грибы, ЛСД и др.) (рис. 7).

Рис. 7. Наиболее распространенные наркотики в Вооруженных Силах (по мнению военнослужащих, в %)

По мнению опрошенных военнослужащих, наиболее распространенной формой употребления наркотиков среди военнослужащих является курение. Так считают до 27 % офицеров и прапорщиков (мичманов), а также 22 % солдат (матросов), сержантов (старшин) (в 2018 г. — 29 % и 23 %).

При этом большинство военнослужащих затруднились ответить на данный вопрос. По сравнению с 2018 г. количество затруднившихся ответить офицеров и прапорщиков (мичманов) и солдат и сержантов (матросов и старшин) уменьшилось соответственно до 60 % и 66 % (в 2018 г. — 65 % и 70 % соответственно) (рис. 8).

Рис. 8. Наиболее распространенные формы употребления наркотиков в Вооруженных Силах (в %)

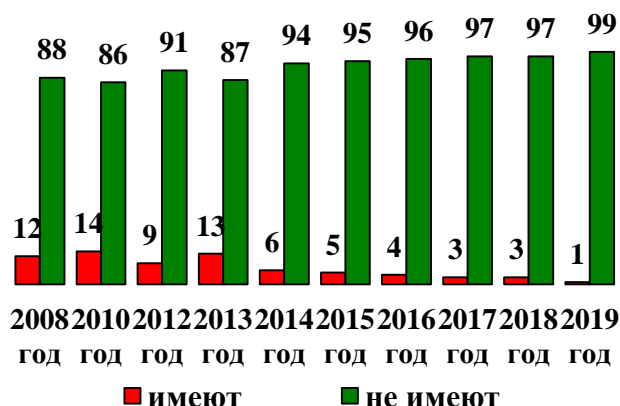
Исследование свидетельствует о сохранении рисков распространения наркотиков в будущем, что представляет угрозу для боеспособности и боеготовности войск.

Как и в 2018 г. лишь 1—2 % офицеров и прапорщиков (мичманов) и солдат (матросов), сержантов (старшин) примерно одинаково осведомлены о местах незаконной продажи наркотиков в районе дислокации их воинской части. Еще 4 % офицеров и прапорщиков (мичманов), а также 2 % солдат (матросов), сержантов (старшин) слышали о существовании таких мест за пределами их воинской части. Кроме того, сохранение незаконной продажи наркотиков в населенных пунктах по месту постоянной дислокации воинских частей свидетельствует о том, что для наркоторговцев Вооруженные Силы являются одним из рынков сбыта.

Анонимным анкетированием удалось выявить, что часть офицеров и прапорщиков (мичманов) имеет опыт употребления наркотиков (рис. 9).

Следует констатировать, что лицам, имеющим опыт употребления наркотиков, в настоящее время становится труднее стать военнослужащими, так как в войсках, в военно-учебных заведениях Минобороны России, а также в воен-

ных комиссариатах и пунктах отбора военнослужащих по контракту вводится обязательное соответствующее тестирование на предмет потребления наркотиков.

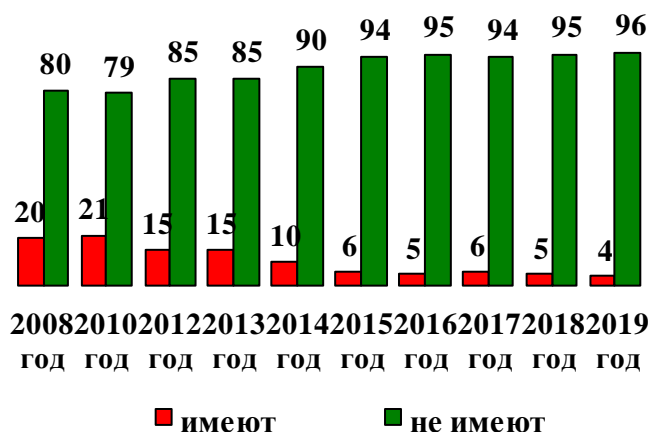

Категория военнослужащих	Опыт употребления наркотиков (в %)	
	2018 год	2019 год
Старшие офицеры	5	1
Младшие офицеры	3	1
Прапорщики (мичманы)	4	2
Все офицеры и прапорщики (мичманы)	3	1

Рис. 9. Личный опыт употребления наркотиков офицерами и прапорщиками (мичманами) (в %)

Анализ показывает, что существующая система профессионального отбора в военно-учебных заведениях Минобороны России не позволяет таким лицам стать офицерами. В отношении солдат и сержантов (матросов и старшин), проходящих военную службу как по контракту, так и по призыву, ситуация несколько другая и вероятность повторного употребления наркотиков ими уже в ходе военной службы остается достаточно высокой.

Среди солдат и сержантов (матросов и старшин) получены следующие данные (рис. 10).

Категория военнослужащих	Опыт употребления наркотиков (в %)	
	2018 год	2019 год
Солдаты и сержанты (матросы и старшины) по призыву	4	3
Солдаты и сержанты (матросы и старшины) по контракту	6	5
Все военнослужащие	5	4

Рис. 10. Личный опыт потребления наркотиков солдатами и сержантами (в %)

По сравнению с 2018 г. количество военнослужащих, проходящих военную службу по призыву и по контракту, имеющих опыт употребления наркотиков несколько уменьшилось (с 5 % до 4 %).

Исследования, проведенные независимыми социологическими организациями по изучению причин наркотизации молодежи, показывают, что поддер-

жанию интереса к наркотикам среди российской молодежи во многом способствует реклама (в средствах массовой информации, в том числе скрытая), а также кинематограф, где порой открыто пропагандируется откровенно нездоровый образ жизни.

Происходит манипулирование общественным сознанием, так как обществу постоянно навязывается мнение о том, что употребление так называемых «легких» наркотиков и слабоалкогольных напитков не вызывает никакой зависимости. В настоящее время нередким является открытый показ употребления наркотиков на телевидении, в кино и в Интернете.

Особую опасность представляют военнослужащие, начавшие употреблять наркотики непосредственно во время службы в армии (на флоте). Так, 4 % опрошенных солдат и сержантов (матросов и старшин) отметили, что часто либо иногда употребляют в настоящее время наркотики (в 2018 г. — 3 %). Следует обратить внимание и на то, что наркоманы (токсикоманы) обычно стремятся расширить круг своих сторонников.

Уровень наркотизации Вооруженных Сил в 2019 г. соответствует напряженному уровню (0,230) (в 2018 г. — 0,243) (рис. 11).

Самая сложная наркоситуация в Вооруженных Силах отмечалась в 2013 г. В настоящее время отмечается тенденция снижения уровня наркотизации в Вооруженных Силах.

Необходимо отметить, что рассчитанный в текущем году уровень наркотизации Вооруженных Сил по-прежнему не может удовлетворять возросшим требованиям, предъявляемым к их боевой способности и готовности. Вызывает тревогу то, что у офицеров и прапорщиков (мичманов) наблюдается рост уровня наркотизации.

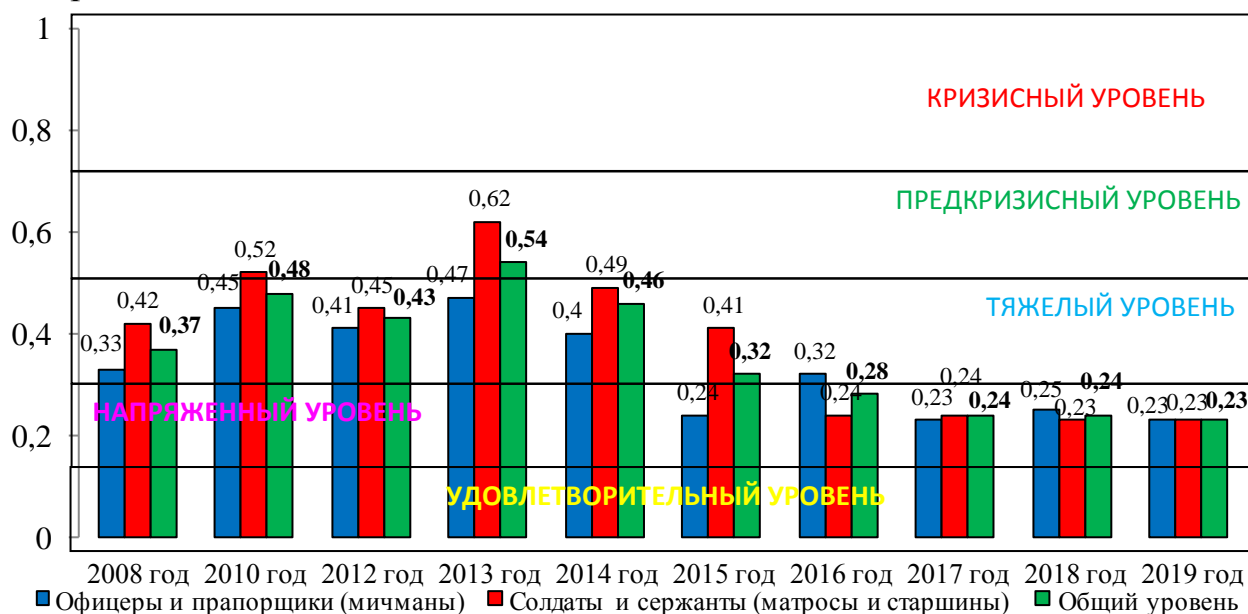

Рис.11. Тенденция изменения уровня наркотизации в Вооруженных Силах по категориям военнослужащих в 2008—2019 годах (в баллах)

Основные требования в области контроля оборота наркотиков в Вооруженных Силах заключаются в организации профилактических мероприятий в подразделении (воинской части) и принятии мер по борьбе против наркотической экспансии.

Практика борьбы с употреблением наркотиков военнослужащими показала, что для наиболее качественного решения проблемы наркомании и токсикомании, в первую очередь, необходимо знание офицерами и прапорщиками (мичманами) руководящих документов и признаков употребления человеком наркотиков. Отсутствие знаний в этой области не позволяет организовать эффективное противодействие наркомании и токсикомании в войсках.

Мнения офицеров и прапорщиков (мичманов) об эффективности нормативно-правовой базы, регулирующей хранение, распространение и употребление наркотиков, разделились.

Например, большинство опрошенных военнослужащих говорят о необходимости внесения в них изменений (старшие офицеры — 51 %, младшие офицеры — 38 %, прапорщики (мичманы) — 24 %) (в 2018 г. — 52 %, 41 % и 27 % соответственно). А 4 % респондентов считают неэффективными руководящие документы в области противодействия наркомании (токсикомании) (в 2018 г. — 3 %).

Осведомленность офицеров о признаках употребления человеком наркотиков выше среднего, поскольку большинство опрошенных (82 %) знают их полностью или практически полностью (в 2018 г. — 74 %) (рис. 12).

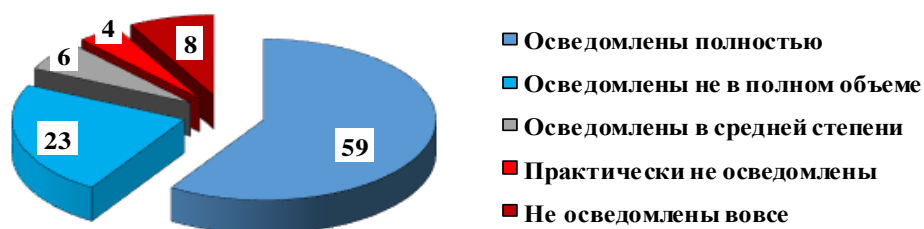

Рис. 12. Осведомленность офицеров и прапорщиков (мичманов) о признаках употребления человеком наркотиков (в %)

По мнению большинства (75 %) офицеров и прапорщиков (мичманов), мероприятия по предупреждению наркомании и токсикомании, в том числе антинаркотическая пропаганда в воинских частях, имеют важное значение для обеспечения высокой боеготовности и должны проводиться постоянно.

Среди наиболее часто проводимых мероприятий по профилактике наркомании и токсикомании в воинских частях (подразделениях) офицеры и прапорщики (мичманы) выделяют информирование личного состава (28 %), размещение наглядных материалов антинаркотической пропаганды (18 %), а также

индивидуальную работу (14%) и правовое информирование (10 %) (в 2018 г. — 24 %, 22 %, 13 % и 8 %).

Что же касается мнения военнослужащих по поводу эффективности этих мероприятий, то ответы распределились следующим образом (рис. 13).

В целом офицеры и прапорщики (мичманы) убеждены в достаточно высокой эффективности проводимых мероприятий. Кроме того, они считают, что наряду с информированием личного состава, акцент в профилактике наркотизации должен смещаться на активное применение наглядных материалов и индивидуальную работу.

В организации мероприятий по профилактике наркомании и токсикомании, по мнению опрошенных, должны быть задействованы все должностные лица воинской части (35 %).

Объем времени, затраченного на организацию и проведение занятий по профилактике наркомании и токсикомании в воинской части, расследование преступлений на этой почве у большинства респондентов находится в рамках плановых мероприятий (40 %). Как правило, офицеры и прапорщики (мичманы) (17 %) занимаются такими вопросами очень редко (в 2018 г. — 41 % и 19 % соответственно). Однако каждый пятый офицер и прапорщик (мичман) (6 %) затрачивает на это значительную часть усилий и служебного времени (в 2018 г. — 4 %).

Рис. 13. Наиболее эффективные мероприятия по профилактике наркомании и токсикомании в воинской части (по мнению офицеров и прапорщиков (мичманов), в %)

Таким образом, на основании проведенного исследования следует сделать общие и частные выводы, направленные на повышение эффективности деятельности по выявлению латентных преступлений военнослужащих в сфере незаконного оборота наркотиков:

1) наркоситуация в Вооруженных Силах России остается неоднозначной. В этой связи целесообразно организовать ежегодный социологический мониторинг;

2) военнослужащие имеют точное представление том, что такое наркотики, насколько они распространены в воинских коллективах и каковы негативные последствия наркомании (токсикомании), в том числе при разовом употреблении наркотических средств (психотропных и токсических веществ). Некоторое количество военнослужащих всех категорий имеет личный опыт употребления наркотиков, что свидетельствует о недостатках как в системе работы по профессиональному (особенно психологическому и медицинскому) отбору граждан на военную службу, абитуриентов при поступлении в военные вузы, так и в профилактической работе с военнослужащими;

3) отношение военнослужащих к наркотическим средствам, (психотропным и токсическим веществам), их употреблению характеризуется как отрицательное. Подавляющее большинство опрошенных не употребляли, не употребляют и не будут употреблять наркотики ни при каких обстоятельствах;

4) по мнению респондентов, наиболее распространенными («популярными») среди военнослужащих наркотиками, являются галлюциногенные препараты и вещества (каннабиоиды, спайс, псилоцибин, грибы, ЛСД), а наиболее распространенные формы употребления наркотиков – курение и прием внутрь;

5) частота случаев употребления наркотиков в воинских частях (на кораблях) по сравнению с прошлыми годами несколько снизилась. Исходя из ответов военнослужащих, можно предположить, что проблема наркомании военнослужащих является латентной (скрытой) и достаточно острой;

6) руководящие документы, регламентирующие контроль оборота наркотиков, изучены офицерами и прапорщиками (мичманами) недостаточно хорошо, что негативно сказывается на профилактике наркотизма в войсках (силах);

7) оценки эффективности нормативно-правовой базы, регулирующей контроль оборота наркотиков, противоречивы. По мнению офицеров и прапорщиков (мичманов), законодательная база требует определенных доработок.

Some aspects of the study of hidden crime of military personnel in the field of drug trafficking

© Parshakov A. S.,

Candidate of Law, Colonel of Reserve Justice, Honorary Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Associate Professor of the Law Institute of RUT (MIIT), Senior Research Fellow of the Military Research University (VNI, WFP)

Annotation. The article discusses modern approaches to the study of latent crime of military personnel in the field of drug trafficking. The study and analysis of anesthesia of military personnel allows us to determine the levels of its penetration into the army, including the latent nature. Moreover, the values and levels of indices of anesthesia are determined by the results of a sociological survey of military personnel. It is emphasized that the basis for assessing the anesthesia index is a comprehensive study of special criteria. The article summarizes the results of this study, formulates conclusions about the nature and degree of latency of this type of crime in military units.

Keywords: latent crime of military personnel, drug trafficking, anesthesia index, sociological survey.

Актуальные вопросы о возрасте соучастников в преступлениях против военной службы

© Попов А. А.,

адъюнкт 29 кафедры Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, возникающие в ходе привлечения к уголовной ответственности за преступления против военной службы, а также за нарушение специальных видов военной службы, совершенных в соучастии, связанные с возрастом соучастников, не являющихся военнослужащими, а также анализируются особенности ответственности гражданских лиц за соучастие в воинских преступлениях.

Ключевые слова: специальный субъект, специальный состав, специальные виды службы, соучастие, виды соучастников, возраст соучастников, ответственность соучастников.

Преступления против военной службы (воинские преступления) относятся к числу преступлений со специальным составом. Субъект таких преступлений специальный, в соответствии с ч. 1 ст. 331 УК РФ им являются военнослужащие, а также граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов. Только указанные лица могут быть исполнителями и соисполнителями этих преступлений.

В преступлениях против военной службы допустимо соучастие гражданских лиц, которые могут участвовать в совершении воинского преступления в качестве организаторов, подстрекателей и пособников. Это может быть, например, пособничество в насильственных действиях, совершенных в отношении начальника, подстрекательство военнослужащего к нарушению правил несения специальных видов служб, к умышленному уничтожению или повреждению военного имущества, пособничество в уклонении от выполнения обязанностей военной службы любыми способами и т. п. В подобных случаях в литературе предлагается действия виновного военнослужащего, совершившего преступление, квалифицировать по соответствующим статьям гл. 33 УК РФ как исполнителя преступления, а действия гражданских лиц (невоеннослужащих) как организатора, подстрекателя или пособника — по ч. 3, 4 или 5 ст. 33 и соответствующей статье гл. 33 УК РФ¹. При этом такая оценка действиям невоеннослужащих дается без уточнений вопроса о возрасте этих лиц.

В литературе уделяется достаточно внимания возрасту специальных субъектов воинских преступлений, однако вопрос о возрасте соучастников воинских преступлений из числа гражданских лиц изучен недостаточно².

¹ См. напр.: Зателепин О. К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства. М., 2009. С. 212—213.

² Подробнее об этом см., напр.: Аветисян С. С. Соучастие в преступлениях со специальным составом : монография. М., 2004. С. 107—118; Ахметшин Х. М. Основные вопросы теории советского военно-уголовного законодательства и практики его применения: дис. ... д-ра

В понятии субъекта воинских преступлений возраст привлечения к уголовной ответственности имеет свои особенности.

В частности, их субъектами являются военнослужащие, достигшие определенного законом возраста, относящегося к начальному моменту военной службы (п. 10 ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»¹):

а) с 16-летнего возраста — лица, добровольно поступившие на военную службу до достижения ими 18-летнего возраста (несовершеннолетние курсанты высших военно-учебных заведений до заключения с ними контракта²);

б) с 18-летнего возраста — все иные военнослужащие, проходящие военную службу по призыву и по контракту.

В соответствии с законодательством Российской Федерации подлежат призыву на военную службу граждане по достижении возраста 18 лет. Также по достижении 16 лет они могут добровольно поступить на военную службу путем зачисления их в военную образовательную организацию; в таком случае они

юрид. наук. М., 1975. С. 94—101; Зателепин О. К. Указ. соч. С. 267—275; Калякин Д. В. Субъект воинского преступления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 31—35; Лобов Я. В. Понятие специального субъекта воинского преступления // Актуальные проблемы применения законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих : Материалы научно-практического семинара, 10 апреля 1997 г. М.: ВУ, 1997. С. 50—52; Мелешко П. Е. Субъект преступлений против военной службы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 38—41; Орымбаев Р. Специальный субъект преступления. Алма-Ата, 1977. С. 18—24; Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 96—137; Тер-Акопов А. А. Правовые основания ответственности за воинские преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1982. С. 161—167; Устименко В. В. Специальный субъект преступления : монография. Харьков, 1989. С. 12—14; Фатеев К. В. Заключение кафедры уголовного права Военного университета по вопросу о возможности привлечения к уголовной ответственности за преступления против военной службы курсантов военных образовательных учреждений профессионального образования // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2002. № 10. (Вкладка «Военно-уголовное право». 2002. № 9—10. С. 8—10); Шупленков В. П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступлениями против обороны СССР: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1986. С. 78—90 и др.

¹ Специфика военно-служебных отношений обуславливает особенности исчисления сроков. С момента начала течения срока военной службы гражданин становится военнослужащим с присущим ему особым правовым статусом, т. е. он приобретает права и обязанности и на него возлагается ответственность. В отличие от гражданского законодательства (ст. 191 ГК РФ), которым установлено, что течение срока, определенного периодом времени, начинается на следующий после наступления календарной даты или соответствующего события день, течение срока военной службы начинается в 00 часов 00 минут наступления соответствующего дня, например, день вступления в силу контракта, день присвоения воинского звания рядового и др. (Комментарий к Федеральному закону «О воинской обязанности и военной службе». М., 1999. С. 244).

² Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от прохождения военной службы или альтернативной гражданской службы».

являются субъектами преступлений против военной службы (воинских преступлений), и их правовой статус до заключения контракта определяется как статус военнослужащих, проходящих военную службу по призыву.

Отмеченные особенности возраста субъекта воинских преступлений относятся к исполнителям (соисполнителям) указанных преступлений.

В связи с этим необходимо определиться с возрастом соучастников воинских преступлений из числа гражданских лиц, а именно — должен ли этот возраст определяться по правилам для субъектов воинских преступлений или иначе? В научной литературе этот вопрос специально не освещен. При его решении необходимо учитывать следующее.

Установление специальных правил для определения возраста субъектов воинских преступлений обусловлено положениями действующего военного законодательства, регулирующего вопросы поступления на военную службу. Исполнителями, а также соисполнителями могут быть в преступлениях против военной службы (воинских преступлениях) только лица, проходящие военную службу по призыву, по контракту, а также и граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов. Перечисленные лица могут нарушить порядок прохождения военной службы (военных сборов) и тем самым причинить вред военной безопасности.

Как отмечал профессор Х. М. Ахметшин, «преступление со специальным субъектом характеризуются тем, что общественно опасное деяние совершается главным образом в сфере той или иной служебной деятельности. Исполнители такого рода преступлений — это не только физические вменяемые лица, достигшие возраста, установленного уголовным законом; они наделены особыми свойствами, являются носителями определенных обязанностей, прав и полномочий, нарушение которых образует сущность данных преступлений. Поэтому лица, не обладающие этими признаками, не могут быть исполнителями или соисполнителями преступлений со специальным субъектом»¹.

Представляется, что выработанные теорией уголовного права положения о возрасте субъекта преступлений против военной службы относятся только к исполнителям (соисполнителям) этих преступлений и не могут применяться к возрасту соучастников из числа гражданских лиц, поскольку последние не проходят военную службу, соответственно и не могут нарушить порядок ее прохождения.

В ст. 20 УК РФ речь идет не о возрасте субъектов преступлений, а о возрасте привлечения к уголовной ответственности. Кроме того, в этой норме отсутствуют какие-либо указания в отношении определения возраста соучастников воинских преступлений.

Положения о возрасте соучастников также отсутствуют в ч. 4 ст. 34 УК РФ, где устанавливается, что лицо, не являющееся субъектом преступления,

¹ Ахметшин Х. М. Военно-уголовное право: учеб. М.: За права военнослужащих, 2008. С. 118.

специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника.

Наконец, положения ст. 331 УК РФ не содержат вообще указаний об особенностях соучастия в преступлениях против военной службы.

С учетом изложенного при определении возраста соучастников воинских преступлений из числа гражданских лиц, на наш взгляд, должны применяться общие положения ст. 20 УК РФ. Согласно указанной норме, уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16-летнего возраста (ч. 1 ст. 20 УК РФ), за исключением совершения преступлений, за которые ответственность допускается с 14-летнего возраста (ч. 2 ст. 20 УК РФ).

Поскольку воинские преступления, предусмотренные ст. 332 — 352 УК РФ, отсутствуют в ч. 2 ст. 20 УК РФ, то общее правило будет следующим: уголовной ответственности за соучастие в воинских преступлениях подлежат гражданские лица, достигшие 16-летнего возраста. Например, при пособничестве в дезертирстве военнослужащего, подстрекательстве к нарушению правил несения караульной службы и т.п.

Вместе с тем при применении этого общего правила нужно учитывать, что отдельные воинские преступления являются составными, т.е. включают в себя не только нарушение тех или иных военно-служебных (специальных) отношений, но и посягательство на жизнь или здоровье человека, например, сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы (ст. 333 УК РФ), насильственные действия в отношении начальника (ст. 334 УК РФ), нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ).

Объективная сторона указанных воинских преступлений предусматривает в том числе и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «в» ч. 2 ст. 333, п. «в» ч.2 ст. 334, п. «д» ч. 2 ст. 335, ч. 3 ст. 335 УК РФ).

В практике следственных и судебных органов встречаются случаи, когда роль исполнителя деяния выполняет лицо, не являющееся военнослужащим, что образует объективную сторону состава преступления против военной службы, а военнослужащий является подстрекателем к совершению преступления. В таких ситуациях имеет место посредственное исполнение преступления, при котором по общему правилу лицо, не являющееся специальным субъектом (гражданское лицо), становится пособником совершенного преступления, а специальный субъект признается исполнителем преступления.

Например, если военнослужащий из мести к своему начальнику (командиру) за его требовательность по службе подговорил своего знакомого из гражданских лиц к совершению насилия над ним, а последний, выполнил просьбу

военнослужащего и совершил такое насилие, то в таких случаях гражданское лицо, учинившие само насилие, подлежит ответственности по ст. 33 ч. 5 и ст. 334 УК РФ как пособник, а военнослужащий — по ст. 334 УК РФ как исполнитель преступления.

Таким образом, уголовной ответственности за преступления против военной службы (воинские преступления) подлежит лицо, которое ко времени совершения преступления достигло 16 лет. Указанный возраст за совершенное преступление против военной службы будет применяться только в отношении соучастников, которыми являются организатор, подстрекатель и пособник.

Согласно ч. 2 ст. 20 УК РФ с 14-летнего возраста наступает ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) и причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ).

Учитывая установленное выше общее правило, действия гражданского лица в возрасте до 16 лет, умышленно причинившего потерпевшему тяжкий вред здоровью или средней тяжести вреда здоровью в нашем примере, не могут квалифицироваться как пособничество в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 333, п. «в» ч. 2 ст. 334, п. «д» ч. 2 ст. 335, ч. 3 ст. 335 УК РФ. Такие действия гражданских лиц следует квалифицировать по ст. 111 или 112 УК РФ, а действия военнослужащего — по ст. 334 УК РФ. В таких случаях можно говорить о юридической фикции, так как фактическое соучастие в воинском преступлении квалифицируется как совокупность двух преступлений. Действия гражданского лица в возрасте до 16 лет в этих случаях не могут квалифицироваться по статьям главы 33 УК РФ и должны оцениваться как отдельное общеуголовное преступление. Действия же военнослужащего, выступающего в роли подстрекателя, который фактически не выполнял объективной стороны преступления, будут квалифицироваться по ст. 334 УК РФ, в этом случае военнослужащий является исполнителем преступления, и только он один должен нести уголовную ответственность за предусмотренные законом преступления против военной службы.

С учетом изложенного можно прийти к следующим выводам. Ответственности за соучастие в преступлениях против военной службы подлежат гражданские лица, достигшие 16-летнего возраста, их действия следует квалифицировать по ч. 3, 4 или 5 ст. 33 и за преступления против военной службы по соответствующей статье гл. 33 УК РФ. Если гражданские лица, не достигли 16-летнего возраста, то содеянное ими не может оцениваться как соучастие в преступлениях против военной службы (воинских преступлениях). В случае причинения лицами, достигшими 14-летнего возраста, умышленного тяжкого или средней тяжести вреда здоровью специальному субъекту, ответственность наступает по ст. 111 или 112 УК РФ.

Библиография

1. Аветисян, С. С. Соучастие в преступлениях со специальным составом : моногр. / С. С. Аветисян. — М., 2004. — 467 с.

2. Ахметшин, Х. М. Военно-уголовное право: учеб. / Х. М. Ахметшин [и др.]. — М., 2008. — 384 с.
3. Ахметшин, Х. М. Основные вопросы теории советского военно-уголовного законодательства и практики его применения : дис. ... докт. юрид. наук / Х. М. Ахметшин. — М., 1975. — 386 с.
4. Зателепин, О. К. Квалификация преступлений против военной безопасности : моногр. / О. К. Зателепин. — М., 2009. — 288 с.
5. Калякин, Д. В. Субъект воинского преступления : дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Калякин. — М., 1994. — 170 с.
6. Лобов, Я. В. Понятие специального субъекта воинского преступления / Я. В. Лобов // Актуальные проблемы применения законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих : Материалы научно-практического семинара, 10 апреля 1997 г. — М.: ВУ, 1997.
7. Мелешко, П. Е. Субъект преступлений против военной службы : дис. ... канд. юрид. наук / П. Е. Мелешко. — М., 2012. — 241 с.
8. Орлов, В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву / В. С. Орлов. — М.: Госюриздат, 1958. — 260 с.
9. Орымбаев, Р. Специальный субъект преступления / Р. Орымбаев. — Алма-Ата, 1977. — 152 с.
10. Тер-Акопов, А. А. Правовые основания ответственности за воинские преступления: дис. ... д-ра юрид. наук / А. А. Тер-Акопов. — М., 1982. — 362 с.
11. Устименко, В. В. Специальный субъект преступления / В. В. Устименко. — Харьков, 1989. — 104 с.
12. Фатеев, К. В. Заключение кафедры уголовного права Военного университета по вопросу о возможности привлечения к уголовной ответственности за преступления против военной службы курсантов военных образовательных учреждений профессионального образования / К. В. Фатеев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2002. — № 10. (Вкладка «Военно-уголовное право». — 2002. — № 9—10. — С. 8—10).
13. Шупленков, В. П. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступлениями против обороны СССР : дис. ... д-ра юрид. наук / В. П. Шупленков. — М., 1986. — 356 с.

Current questions about the age of accomplices in crimes against military service

© **Popov A. A.**,
adjunct of the Department of criminal law of the
Military University

Annotation. The article deals with the problems that arise in the course of criminal prosecution for crimes against military service, as well as for violations of special types of military service committed in complicity, related to the age of accomplices who are not military personnel, and also analyzes the features of responsibility of civilians for complicity in military crimes.

Key words: special subject, special staff, special types of service, complicity, types of accomplices, age of accomplices, responsibility of accomplices.

Условия освобождения военнослужащих от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: вопросы возмещения ущерба и заглаживания причиненного вреда

© Смирнов Д. В.,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры № 29 Военного университета

Аннотация. В статье рассматривается юридическая природа освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, отличия от других видов освобождения, предусмотренных Уголовным кодексом РФ, условия применения освобождения, анализируется судебная практика.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, судебный штраф.

Неотвратимость уголовной ответственности является одним из важнейших ее принципов правовой доктрины. Он означает, что лицо, совершившее преступление, обязано претерпеть в установленном законом порядке определенную судом меру уголовно-правового воздействия в форме лишения личного, организационного или имущественного характера. Вместе с тем, наряду с постулатом неотвратимости ответственности, в правовой доктрине всегда существовал принцип необходимости милосердия и прощения. Эта идея приоритета личности нашла закрепление в Конституции Российской Федерации, закрепившей в ст. 2 и 18, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью и определяют смысл, содержание и применение законов. Как отмечал А. А. Тер-Акопов, «... все, что делается в стране должно оцениваться в первую очередь по тому, как это отвечает жизненно важным интересам человека»¹, его безопасности. Принцип гуманизма, закрепленный в ст. 7 УК РФ распространяется не только на лицо, пострадавшее от преступления, но действует также и в отношении самого преступника. Гуманизм уголовного законодательства проявляется в том числе и в том, что, решая вопрос об ответственности лица, государство не стремится отомстить ему за содеянное, причинить страдания и унижить достоинство². Цель уголовно-правового воздействия иная: оказать положительное, исправляющее влияние на виновного. Это не обязательно может быть достигнуто путем применения наказания или иных мер уголовно-правового характера. Задачи уголовного закона могут быть решены и до стадии реализации уголовной ответственности, если виновный своим положительным посткриминальным поведением доказывает, что его исправление возможно без использования мер воздействия, связанных с государственным принуждением.

¹ Тер-Акопов А. А. Нравственность и право. Избранное. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 277.

² Бриллиантов А. В. Освобождение от уголовной ответственности с учетом обобщения судебной практики : научно-практич. пособие. М.: Прогресс, 2019. С. 2.

В качестве положительного посткриминального поведения понимается последовавшее за преступным актом поведение виновного лица, направленное на предотвращение, нейтрализацию, уменьшение или возмещение причиненного преступлением ущерба, заглаживание вреда, содействие раскрытию преступления или поведение, иным образом свидетельствующее о раскаянии виновного в содеянном и начавшемся его исправлении. Такое поведение лица в установленных законом случаях позволяет уполномоченным органам принять решение об освобождении от уголовной ответственности виновного. Задачу стимулирования такого поведения призваны решать особые уголовно-правовые нормы, именуемые в уголовно-правовой доктрине «поощрительными». О наличии в уголовном праве, наряду с охранительными, правовых норм, носящих поощрительный характер, и призванных стимулировать желательное поведение граждан, упоминалось в литературе советского периода¹. И хотя в уголовном праве поощрительные нормы имеют второстепенное значение, уступая охранительным нормам по своей значимости, благодаря им существенно возрастает действенность правового регулирования. В последнее время наблюдается активный рост количества правовых норм, по которым возможно освобождение от ответственности в силу положительного посткриминального поведения виновного².

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в УК РФ введена статья 76.2, установившая возможность для лиц, впервые совершивших преступление небольшой или средней тяжести, получить освобождение от уголовной ответственности в силу положительного посткриминального поведения, заключающегося в возмещении ущерба и заглаживании вреда, причиненного преступлением, заплатив штраф, назначенный судом в соответствии со ст. 104.4, 104.5 УК РФ.

Анализ юридической природы освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа позволяет увидеть цель законодателя — заменить уголовную ответственность за совершение нетяжких деяний имущественной санкцией, иным видом юридической ответственности. И хотя напрямую законодатель ее вид прямо не указывает, следует признать близость судебного штрафа к административной ответственности³. В истории

¹ Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. С. 22.

² Если в 2003 г. Особенная часть УК РФ предусматривала 22 специальные поощрительные нормы, в 2019 г. в ней предусмотрено 35 специальных поощрительных норм. Это примечания к ст. 110.2, 126, 194, 198, 199, 204, 204.1, 204.2, 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 210, 212, 222, 223, 223.1, 228, 228.3, 275, 276, 278, 282.1, 282.2, 282.3, 284.1, 291, 291.1, 291.2, 307, 322.2, 322.3 УК РФ.

³ Административное законодательство, кодифицированное лишь с принятием Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях 1980 г. и КоАП РСФСР 1984 г., заимствовало многие аспекты уголовного законодательства в его Общей и Особенной частях, в том числе, частично, систему мер воздействия. Кроме того, в

отечественного уголовного законодательства освобождение от уголовной ответственности с заменой ее другим видом юридической ответственности не является новым. Так, близкую к ст.76.2 УК РФ задачу выполняла содержащаяся в УК РСФСР 1960 г. ст. 50.1, предусматривавшая освобождение виновного от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности. Норма этой статьи широко применялась вплоть до принятия УК РФ. Освобождение от уголовной ответственности по указанному основанию влекло применение к лицу таких мер административного взыскания, как штраф, исправительные работы или арест. И наиболее распространенным видом административного взыскания являлся именно штраф, которому в течение последних пяти лет применения ст. 50.1 УК РСФСР ежегодно подвергались до 91 % лиц, освобождённых от уголовной ответственности на основании этой статьи, что составляло приблизительно 800—900 тыс. человек ежегодно. О действительности данного вида освобождения от уголовной ответственности свидетельствовал сравнительно низкий уровень рецидива после применения подобных мер (только около 4 % лиц, ранее освобождённых от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания, совершали новые преступления). Предусмотренное ст. 51.1 УК РСФСР освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности могло применяться как на стадии досудебного производства, так и при рассмотрении дела в суде.

Ст. 76.2 УК РФ предусматривает основание и условия освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. В качестве условий ее применения выступают такие обстоятельства, как совершение лицом преступления впервые и отнесение совершенного деяния к категории преступлений небольшой или средней тяжести. Основанием же применения выше названной статьи закона является положительное посткриминальное поведение лица, совершившего преступление, которым, в частности, может являться возмещение причиненного ущерба или иным образом заглаживание причиненного вреда. Только совокупность, наличие всех перечисленных выше условий и оснований в единстве, определяет возможность применения к лицу, совершившему преступление, этого вида освобождения от уголовной ответственности.

Освобождение от уголовной ответственности с применением судебного штрафа имеет существенные отличия от других видов освобождения, предусмотренных главой 11 УК РФ. Во-первых, это самый «строгий» из предусмотренных законом видов освобождения. И не только потому, что он предусматривает имущественную санкцию. Правовые нормы прочих статей данной главы освобождают подсудимого от уголовной ответственности безусловно, абсолютно, и в случае вступления их в законную силу не подлежат отмене ни по ка-

судебных актах Европейского суда по правам человека административная ответственность рассматривается в качестве уголовной, в смысле ст. 6 Конвенции по защите прав человека и основных свобод.

ким причинам. Если уголовная ответственность в случае применения ст. 75, 76, 76.1, 78 УК РФ не реализуется ни в осуждении, ни в назначении наказаний, ни в других мерах, то норма ст. 76.2 УК РФ предусматривает обязательность возобновления производства по делу в случае уклонения лица от оплаты штрафа. В соответствии с ч. 2 ст. 104.4 УК РФ при неуплате назначенной суммы судебный штраф подлежит отмене с привлечением лица к ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ. Данное условие концептуально отличается рассматриваемый вид освобождения от других видов освобождения и, по справедливому мнению некоторых ученых, придает данному виду освобождения условный характер, такой, каким, например, обладает предусмотренное ст. 90 УК РФ применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, подлежащих отмене в случае их систематического нарушения¹.

Во-вторых, отличительной особенностью судебного штрафа также является и форма реализации этого вида освобождения. Так, принять решение о применении анализируемого вида освобождения может только суд, что прямо закреплено в п. 3.1 ч. 1 ст. 29, гл. 51.1 УПК РФ и допускается только до момента удаления суда (первой или апелляционной инстанции) в совещательную комнату. Следователю и дознавателю в соответствии с ч. 1 ст. 25.1 УПК РФ дано лишь право обращения в суд с ходатайством о применении данного вида освобождения и только по согласованию с руководителем следственного органа и прокурором.

Справедливо ли ограничение органов расследования от участия по принятию решений о прекращении уголовного преследования с применением ст. 76.2 УК РФ? Представляется, что эта позиция законодателя полностью соответствует принципам уголовного и уголовно-процессуального права (ст. 2—7 УК РФ, ст. 7, 8 и 14 УПК РФ) и правилам уголовного судопроизводства (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), ведь следствие не может окончательно признать лицо заведомо виновным в совершении преступления, так как вина последнего не была доказана и, тем более, определить ему размер судебного штрафа, так как размер штрафных санкций при освобождении от ответственности определяется субъектом принятия такого решения, то есть судом².

В-третьих, освобождение с назначением судебного штрафа в части его размеров соотношен в ч. 1 ст. 104.5 УК РФ с максимальным размером штрафа, установленного соответствующей санкцией статьи Особенной части УК РФ, и не может превышать его половины. При отсутствии же наказания в виде штра-

¹ Полуэктов А. Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 79—103.

² Первоначальная редакция проекта федерального закона № 953369-6 предполагала возможность освобождения полномочиями следователей и дознавателей. Однако Комитетом Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству такой подход был подвергнут справедливой критике.

фа в конкретной статье Особенной части УК РФ, верхний предел размера судебного штрафа определен непосредственно в сумме 250 тыс. руб.

В целом же следует признать, что широкое введение судебного штрафа в судебную практику не может не иметь положительного результата как в силу достаточно высокой проработанности, так и в силу того, что судебный штраф, хотя и является освобождением от уголовной ответственности, к уголовному наказанию очень близок. По сути дела, это уголовное наказание в виде штрафа, но не влекущее последствий, указанных в ст. 86 УК РФ. Можно сказать, что освобождение с назначением судебного штрафа решает задачи, которые статьей 43 УК РФ отведены уголовному наказанию. При этом возмещение ущерба и заглаживание вреда восстанавливает справедливость, а уплата штрафа имеет компенсационное значение для государства и воспитательное — для подсудимого. Проведенные в 2017 г. опросы среди практических работников также свидетельствуют о том, что судебный штраф воспринимается ими как завуалированная форма уголовной ответственности. Так, А. Г. Полуэктов в диссертационном исследовании приводит данные о том, что 55 % опрошенных респондентов оценивают норму о судебном штрафе положительно, считая действенной и эффективной мерой уголовно-правового воздействия. Вместе с тем, около 30 % из них обосновали такой ответ субъективной заинтересованностью: являясь работником судебных и следственных структур, респонденты ожидают снижения возложенной на них нагрузки, что связано с фактически «упрощенным вариантом» ведения уголовного дела¹.

Однако не только эта схожесть судебного штрафа с уголовной санкцией обуславливает расширение применения военными судами ст. 76.2 УК РФ². По данным Коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации военными судами в порядке ст. 76.2 УК РФ (гл. 51¹ УПК РФ) ежегодно рассматривается порядка 15 % от общего числа уголовных дел. Гл. 33 УК РФ предоставляет широкий диапазон для применения судебного штрафа по делам о преступлениях против военной службы, ведь подавляющее большинство перечисленных в ней преступлений относятся к категориям небольшой и средней тяжести. Кроме того, об эффективности правовой нормы, содержащейся в названной статье закона, свидетельствует тот факт, что за все время применения военными судами указанного вида освобождения не зафиксировано ни одного случая неуплаты судебного штрафа.

Военными судами наработан значительный опыт применения судебного штрафа. Вместе с тем, как показывает судебная практика, разрешение такого важного для применения ст. 76.2 УК РФ вопроса, как установление обстоятель-

¹ Полуэктов А. Г. Указ соч. С. 106.

² Статистика военных судов показывает, что количество уголовных дел, прекращённых по указанному основанию, превысило общее количество дел, прекращённых по иным основаниям (в связи с примирением сторон, истечением сроков давности уголовного преследования, вследствие акта об амнистии и т.д.) : URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/6926>

ств возмещения ущерба и заглаживания вреда лицом, привлекаемым к ответственности, остается проблемным.

В п. 2.1 Постановления Пленума Верховного Суда от 27 июня 2013 г. № 19 даны разъяснения, о том, что следует понимать в ч. 1 ст. 75 и в ст. 76.2 УК РФ под возмещением ущерба и заглаживанием вреда, причиненного преступлением. Под ущербом понимается имущественный вред, который нанесен совершением преступления. Данным постановлением предусматривается два варианта возмещения ущерба: в натуре, путем предоставления имущественной замены, либо ремонта (исправления) поврежденного, либо возмещение стоимости утраченного в денежном выражении. Под заглаживанием вреда понимается имущественное, в том числе денежное, возмещение причиненного морального вреда (его компенсация), оказание любой формы помощи, принесение потерпевшему извинений, а также принятие других мер по восстановлению нарушенных прав, законных интересов личности, общества и государства. Причем указанными формами не ограничиваются формы возмещения ущерба и заглаживания вреда, так как Постановление оставляет возможность иных вариантов его компенсации. Любой способ может быть признан надлежащим, важно, чтобы эти способы носили законный характер и не ущемляли права потерпевших и иных лиц.

Иногда при решении вопроса о возмещении ущерба это не всегда учитывается. Так, по одному делу, рассмотренному гарнизонным военным судом, военнослужащий Б. совершил кражу трёх двигателей многоцелевого тягача легкого бронированного (МТЛБ), чем причинил ущерб на сумму 214 177 руб. Совершенное преступление квалифицировано по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ. В счет возмещения ущерба Б. внес в кассу воинской части стоимость похищенных двигателей, что послужило основанием для ходатайства следователя в порядке ст. 446.2 УПК РФ. Постановлением судьи по результатам рассмотрения ходатайства следователя уголовное дело в отношении Б. прекращено по ст. 76.2 УК РФ. Отменяя вынесенное постановление, апелляционная инстанция верно указала, что суд оставил без внимания факт разукомплектования трех специальных машин, вывод их из строя. Внесением денежных средств ущерб в полном объеме не возмещён, так как МТЛБ не восстановлены¹.

Вывод суда апелляционной инстанции совершенно справедлив. Полное возмещение вреда означает восстановление защищаемого уголовным законом и нарушенного виновным общественным отношения в тот вид (в ту ситуацию), в котором оно существовало до нарушения. Кроме того, преступное разукомплектование боевой техники причиняет не только материальный, но и организационный вред военной безопасности. Таким образом, в подобных ситуациях под полным возмещением вреда должно приниматься не просто выплата стоимости имущества в денежном эквиваленте, а полное устранение лицом причи-

¹ См: Архив Южного окружного военного суда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=263.

нённых им негативных последствий (в данном случае полное с технической точки зрения восстановление характеристик МТЛБ), а в случае если таковое невозможно, полная компенсация затрат на восстановление. При этом вред следует признавать возмещенным с момента принятия и установления боеспособности военной техники.

Зачастую органами предварительного следствия и судами дается неверная оценка обстоятельствам возмещения ущерба. В частности, не может быть признан законным возврат незаконно полученных денежных сумм (иного имущества) лицам, не признанным в установленном порядке потерпевшими по делу. Так произошло в случае с прекращением уголовного дела с применением ст. 76.2 УК РФ в отношении военнослужащего З., обвинявшегося в получении через посредника взятки в размере 3 000 руб. (ч. 1 ст. 291.2 УК РФ). При этом гарнизонный военный суд ошибочно признал возмещением ущерба возврат виновным эквивалента предмета взятки взяткодателю.

По другому делу военнослужащий Ш. был признан виновным в злоупотреблении служебными полномочиями, выразившемся в выдаче незаконного разрешения подчиненному военнослужащему Т. отсутствовать на службе. При этом Ш. потребовал взамен передать ему банковскую карту для получения начисленного Т. денежного довольствия и дальнейшего использования денежных средств для решения хозяйственных и служебных задач подразделения. За период незаконного отсутствия Т. на военной службе последнему было необоснованно начислено денежное довольствие на общую сумму 168 686 руб. 06 коп., которым Ш. распоряжался по своему усмотрению. До судебного заседания Ш. в полном объеме возместил Т. незаконно полученные от него денежные средства. Это послужило основанием для ходатайства защиты о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа. Судом ходатайство было удовлетворено, Ш. был назначен судебный штраф в размере 20 000 руб. Однако вынесенный в отношении Ш. судебный акт был совершенно справедливо отменен вышестоящей судебной инстанцией с указанием на то, что незаконными выплатами ущерб был причинен государственному бюджету, а не Т., который, кроме того, не был признан потерпевшим по делу¹.

Суд первой инстанции в указанных выше случаях не учел общего правила уголовно-правовой (и процессуальной) доктрины — владелец денежных средств (иных ценностей), передаваемых им в нарушение уголовного закона третьим лицам, не вправе претендовать на их возвращение и не может признаваться потерпевшим по делу. Поэтому возвращение этому лицу денежных средств или иных ценностей не может быть оценено как возмещение ущерба, причиненного преступлением.

Другой проблемой, возникающей в судебной практике, является реализация ст. 76.2 УК РФ в преступлениях с «формальным» составом. В уголовно-правовой доктрине существуют прямо противоположные взгляды о

¹ Там же.

возможности возмещения ущерба и заглаживании вреда в случае совершения подобных преступлений. Некоторые ученые считают это невозможным, так как «возмещение ущерба (а не его отсутствие) предусмотрено как основание для применения этой уголовно-правовой меры»¹. Вместе с тем эта позиция, хотя формально отвечает букве уголовного закона, не может быть признана соответствующей духу последнего, в связи с чем подвергалась обоснованной критике². И следователям, и суду бывает затруднительно признать возмещенным вред, размер которого невозможно установить, или совершенное деяние не предусматривает причинение ущерба или не влечет прямых материальных последствий содеянного, как, например, в преступлениях, предусмотренных ст. 337—339 УК РФ.

Иногда военные суды вообще не усматривают в подобных преступлениях вреда. Так, К. обвинялся в том, что он, являясь военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, совершил неявку в срок без уважительных причин на службу в течение двух месяцев, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 337 УК РФ. Следователь обратился в суд с ходатайством, поддержанным К., о прекращении уголовного дела по ст. 76.2 УК РФ, мотивировав его тем, что К. добровольно явился в воинскую часть, ранее к уголовной ответственности не привлекался и обвиняется в совершении преступления средней тяжести. Суд с мотивировкой ходатайства согласился и удовлетворил его, фактически признав отсутствие какого-либо вреда, причиненного уклонением от военной службы (преступлением с формальным составом).

Между тем, любое преступление причиняет вред общественным отношениям, защищаемым уголовным законом. Преступления, указанные в гл. 33 УК РФ посягают на воинский правопорядок, причиняя вред военной безопасности государства³, снижая боевую готовность частей и подразделений, ослабляя воинскую дисциплину и подрывая единоначалие, один из основных принципов не только взаимоотношений между военнослужащими, но и строительства Вооруженных Сил в целом и руководства ими. Специфической особенностью преступлений против военной службы является наличие организационного вреда во всех преступлениях, предусмотренных гл. 33 УК РФ, независимо от того, указан он в качестве признака состава или нет. Объектом преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ является установленный порядок пребывания военнослужащего на военной службе. Отсутствие военнослужащего на службе отрицательно влияет на выполнение повседневных задач боевой подготовки, поставленных перед подразделением,

¹ Юсупов М. Ю. Практика и проблемы применения судебного штрафа // Уголовный процесс. 2017. № 1. С. 82—88.

² Толкаченко А. А. Назначение судебного штрафа по преступлениям с формальным составом // Уголовный процесс. 2017. № 4. С. 66—71.

³ См. об этом: Зателепин О. К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства. М: За права военнослужащих, 2009. С. 15.

воинской частью. Уклонение от военной службы представляет собой прямое нарушение военнослужащим своего конституционного долга защищать Отечество. Организационный вред, причиненный фактом самовольного оставления части, не заглажен, так как явка на место службы, даже добровольная, сама по себе, в отсутствие других положительных посткриминальных действий виновного, не свидетельствует о полном заглаживании вреда. Поэтому вынесенный первой инстанцией судебный акт был обоснованно отменен вышестоящей судебной инстанцией.

По другому делу военнослужащие А. и М., обвинялись в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 339 УК РФ. Принимая решение о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа, гарнизонный военный суд в качестве заглаживания причиненного преступлением вреда принял оформленный соответствующим приказом зачет командованием воинской части времени незаконного отсутствия на службе указанных военнослужащих в счет их основного отпуска. Однако такой приказ не основан на действующем законодательстве, регулирующем порядок прохождения военной службы, в связи с чем обоснованность судебного акта вызывает сомнения.

Вместе с тем, организационный вред, причиняемый военно-служебным отношениям, возможно возместить образцовым выполнением задач военной службы, ведь в основу принятия решения об освобождении от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ должен быть положен вывод о возможности освобождения именно в силу положительного посткриминального поведения виновного, а не отсутствия вреда (в силу формального состава преступления), как, например, обосновывают свои выводы некоторые суды общей юрисдикции. Так, студент Тульского госуниверситета С. использовал фиктивную медицинскую справку о состоянии здоровья для получения водительского удостоверения, за что был осужден по ч. 3 ст. 327 УК РФ судом первой инстанции. Между тем суд апелляционной инстанции, судебный акт отменил, признав само отсутствие ущерба как его погашение¹. Позиция суда о том, что «отсутствие вреда говорит о его погашении» вызывает сомнения. Она не учитывает причиняемый преступлением организационный вред. Поэтому, представляется, что надлежащим доказательством, подлежащим оценке судом, могли бы быть документы, свидетельствующие об образцовом исполнении обязанностей военной службы виновными, выполнением ими каких-либо специальных задач, важных для боевой готовности после совершения ими преступления. Вывод, сделанный на основе представленных суду характеристик, приказов о поощрении, иных документов представляется более обоснованным, чем признание отсутствия ущерба от преступления его погашением (заглаживанием причиненного вреда иным образом).

¹ Арх. Ленинского район. суда Тул. обл. за 2016 г. Дело 10-33/16 // URL: http://leninsky.tula.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=12&arc_list=2016-12.

Таким образом, освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа имеет большой потенциал и значение как мера уголовно-правового характера, стимулирующая значимое для государства положительное посткриминальное поведение виновного лица. Статистические данные показывают, что указанная мера может быть применена в отношении около 10—15 % лиц, ежегодно осуждаемых по приговору суда. Для правильного и эффективного применения ст. 76.2 УК РФ (ст. 25.1 УПК РФ) центральной проблемой является юридически точное установление факта возмещения виновным ущерба и заглаживания причиненного преступлением вреда. Эти обстоятельства подлежат детальному описанию как в ходатайстве следователя, заявляемому в порядке ст. 446.2 УПК РФ, так и в судебном акте об освобождении лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Библиография

1. Баранов, В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права / В. М. Баранов. — Саратов, 1978.
2. Бриллиантов, А. В. Освобождение от уголовной ответственности с учетом обобщения судебной практики : научно-практич. Пособие / А. В. Бриллиантов. — М.: Прогресс. 2019.
3. Зателепин, О. К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства / О. К. Зателепин. — М: За права военнослужащих, 2009.
4. Полуэктов, А. Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. Г. Полуэктов. — М., 2018.
5. Толкаченко, А. А. Назначение судебного штрафа по преступлениям с формальным составом / А. А. Толкаченко // Уголовный процесс. — 2017. — № 4. — С. 66—71.
6. Тер-Акопов, А. А. Нравственность и право. Избранное / А. А. Тер-Акопов. — М.: Юрлитинформ, 2015. —
7. Юсупов, М. Ю. Практика и проблемы применения судебного штрафа / М. Ю. Юсупов // Уголовный процесс. — 2017. — № 1. — С. 82—88.

Conditions for exemption from criminal liability with the appointment of a judicial fine: issues of compensation and smoothing down of the caused harm.

© Smirnov D. V.,
candidate of legal sciences, senior lecturer of the
Department of criminal law no. 29.

Abstract. The article considers the legal nature of exemption from criminal liability with the imposition of a court fine, differences from other types of exemption provided for by the Criminal code of the Russian Federation, the conditions for applying the exemption, and analyzes judicial practice.

Keywords: exemption from criminal liability, court fine.

О новых обстоятельствах, исключающих преступность деяния военнослужащих

© Щербак С. И.,

кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье оцениваются взгляды отдельных представителей научного сообщества на перспективы признания применения военнослужащими оружия при исполнении обязанностей военной службы новым обстоятельством, исключающим преступность деяния. Изложены авторские контраргументы.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния; необходимая оборона; военнослужащие; применение оружия.

Обстоятельства, исключающие преступность деяния, уже долгое время привлекают к себе внимание. Прежде всего, внимание общественности, которое концентрируется в СМИ, и обусловлено «громким» характером преступлений, а также противоречивой судебной практикой по итогам рассмотрения уголовных дел, обусловленных сложностью учета этих обстоятельств. Не ослабевает научное внимание к познанию специфики этого правового института. Многие авторы обнаруживают эти обстоятельства не только в гл. 8 УК РФ, но и в других главах Общей части УК РФ¹ и даже в других правовых источниках. А. И. Рарог высказал точку зрения о том, что гл. 8 УК РФ следует дополнить статьей о правомерности причинения вреда при пресечении террористического акта или при осуществлении разрешенных действий по борьбе с терроризмом². Развивая идею уважаемого ученого, Т. Ю. Орешкина идет еще дальше, предлагает предусмотреть в гл. 8 УК РФ не частный случай, а общее положение универсального характера, и полагает целесообразным дополнить УК РФ статьей 42.1 следующего содержания: «Не является преступлением причинение вреда при исполнении закона для достижения общественно полезной цели, если иными средствами исполнить закон не представлялось возможным»³.

На этом идеи не иссякают. Представители военно-научного сообщества считают, что специфика военной службы обуславливает некоторые особенности применения к военнослужащим правовых норм, устанавливающих обстоятельства, исключающие преступность деяния, когда эти деяния совершаются в

¹ Широкий круг ситуаций (малозначительность и др.) обнаруживает Т. Ю. Орешкина в других главах Общей части. См.: Орешкина Т. Ю. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния // «Lex Russica». 2015. № 3. С. 73.

² Рарог А. И. Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства // Уголовное право: стратегия развития в XXI в. : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. М.: Проспект, 2008. С. 4.

³ Орешкина Т. Ю. Указ. соч. С. 75.

связи с исполнением обязанностей военной службы¹. В связи с этим К. И. Попов полагает, что необходимо дополнить гл. 8 УК РФ новым специальным обстоятельством правомерного причинения вреда, и именовать его как «исполнение обязанностей военной службы». По его мнению, указанная норма позволит избежать ошибок при квалификации правомерного применения оружия военнослужащими в следственной практике военных следственных органов СК России и деятельности военных судов при осуществлении правосудия².

Задачи познания правовой природы и выявления сущности обстоятельств, исключающих преступность деяния, ставились и предлагались пути их решения еще в советское время³. Однако, отмеченные выше предложения показывают, что многие из них актуальны и сегодня.

Представляется, что все обстоятельства, исключающие преступность деяния, объединяет общее для всех их понятие — опасность, которая угрожает субъектам уголовно-правовой охраны, и для устранения которой требуется принятие неотложных действий. В силу существования данной опасности (объективной или субъективной) субъект вынужденно, непреднамеренно совершает деяние, преступное по форме, но по содержанию не преступное, даже общественно-полезное. Эти неотложные деяния должны соответствовать критериям, установленным гл. 8 УК РФ. Если все критерии в наличии, то для лиц, совершивших общественно-полезное деяние, предусмотрено «прощение» в виде признания его не преступным — «нейтрализуется уголовно-правовой запрет»⁴. Общественная польза и социальная целесообразность заключается в том, что устраняется большая, первичная общественная опасность, путем совершения меньшей либо равной. В частности:

— ст. 37 УК РФ предусматривает опасность, угрожающую личности и правам обороняющегося или других лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, которая вынуждает обороняющееся лицо добровольно привести себя в состояние необходимой обороны. Таким образом, необходимая оборона – это вынужденное внешне противоправное, но общественно-полезное по содержанию деяние для устранения опасности;

¹ Бязров С. Е. Правомерное применение оружия военнослужащими как обстоятельство, исключающее преступность деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВНИИ МВД России, 2013.

² Попов К. И. Правомерное причинение вреда при исполнении обязанностей военной службы // Военное право. 2020. № 2. С. 187—190.

³ Медведев А. М. Соотношение необходимой обороны и исполнения служебного долга // Соц. законность. 1974. № 9. С. 62—64.

⁴ Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1962.

⁴ Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета : монография. М.: «Юриспруденция», 2015.

— ст. 38 УК РФ предвидит уже реальную опасность, которая исходит от лица, совершившего преступление. Общественная необходимость требует его задержания и доставления для предания справедливому суду;

— ст. 39 УК РФ прямо указывает на необходимость и целесообразность устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, для защиты более ценного объекта, вынужденным причинением вреда другому, менее ценному объекту;

— ст. 40 УК РФ предусматривает субъективную опасность ощущаемую или воображаемую физическим лицом, которое вследствие физического принуждения на него, не могло руководить своими действиями (бездействием);

— ст. 41 УК моделирует опасность, преодолеть или устранить которую возможно только, прибегая к обоснованному риску для достижения общественно полезной цели.

В ст. 42 УК РФ также предусматривается субъективное опасение лица, не исполнить обязательный для него приказ или распоряжение. Особенно это актуально для военнослужащего, поскольку неисполнение им приказа или распоряжения предусматривает уголовную ответственность.

Побудительным мотивом действовать в состоянии опасности для устранения (нейтрализации) ее источника является гражданский долг, осознание совершения общественно полезного поступка и уверенность в том, что за данное деяние не наступят негативные последствия в виде уголовной ответственности. Собственно, в этом и заключается сущность обстоятельств, исключающих преступность деяния. Для признания и отнесения к гл. 8 УК РФ других обстоятельств требуется критерий опасности происходящего (потенциального) события, настолько опасного, что потребуются совершить иные общественно опасные действия, которые, в пределах установленных ограничений, обществом и законодателем признаются полезными и поэтому их совершение не влечет наказание.

В какой степени выявленному критерию соответствуют предложения о включении в гл. 8 УК РФ новых обстоятельств: «исполнение закона для достижения общественно полезной цели, если иными средствами исполнить закон не представлялось возможным» и «исполнение обязанностей военной службы»? Представляется, что явных оснований для этого нет. К тому же необходимо проявить необходимую предусмотрительность и учесть возможные последствия, как очевидные, так и не вполне очевидные, но потенциальные. Они могут быть разные.

История свидетельствует, что иногда такой «широкий» подход к установлению допустимого поведения ведет к довольно непредсказуемым последствиям. В своей заметке «Присяга английских солдат»¹, напечатанной в «Neue

¹ Карл Маркс, Фридрих Энгельс. Присяга английских солдат // сочинения (2-е изд.). Том 6 (Ноябрь 1848 – июль 1849). М.: Издательство политической литературы, 1957.

Rheinische Zeitung» 9 марта 1849 г., К. Маркс и Ф. Энгельс сравнивали ответственность военнослужащих за последствия, наступившие в результате применения оружия в современных им Англии и Пруссии. Они установили, что в Англии каждый гражданин, будь то чиновник, солдат или кто-либо другой, отвечает перед законом за каждое свое действие и не может ссылаться на то, что соответствующее действие было ему предписано его начальством. В случае, если вмешательство военной силы не оправдывалось обстоятельствами, выносятся вердикт о преднамеренном убийстве против всех участников события, а именно против гражданского чиновника, который разрешил вмешательство военной силы, против офицера, который приказал стрелять, и против всех солдат, которые действительно стреляли. Тем самым, констатируют авторы, английский военнослужащий законодательством не рассматривается «как безвольная машина, обязанная без рассуждения исполнять полученный приказ». В Пруссии, замечают К. Маркс и Ф. Энгельс, все иначе. «Солдат заявляет, что приказ стрелять был ему дан его непосредственным начальством, и это освобождает его от всякого наказания».

В год 75-летия победы в Великой Отечественной войне нам часто напоминают все ужасы, которые принесла эта война. Так вот, опасность прусского подхода со всей ужасающей очевидностью проявилась на Нюрнбергском процессе, в ходе которого Международный военный трибунал давал оценку деяниям главных нацистских преступников. Практически все подсудимые в свою защиту приводили основной аргумент — они исполняли приказ, т.е. действовали по закону. Таким образом, можно утверждать, что если бы на замечку вышеназванных авторов последовала реакция, и в Германии были бы установлены правила об ответственности, аналогичные английским, то чудовищных злодеяний, совершенных фашистами, возможно и не было бы. Представляется, что для исключения и эффективного разрешения острых социально-политических конфликтов, предполагающих необходимость применения силы и оружия военнослужащими в отношении гражданских лиц, причастных к участию в беспорядках, полезно было бы применить, предложение К. Маркса и Ф. Энгельса — армия должна быть «поставлена по отношению к законам в точно такие же условия, как английские солдаты». Военнослужащего нельзя ставить в положение робота, который точно и неукоснительно будет исполнять служебные обязанности — он должен понимать, что он делает и думать о возможных последствиях.

Поэтому нельзя признать мнение о том, что «точное и неукоснительное выполнение военнослужащим своих служебных обязанностей, даже если оно связано с нарушением чьих-либо интересов, причинением вреда и по внешним признакам сходно с признаками конкретного преступления, ни в коем случае не может признаваться общественно опасным противоправным уголовно наказуемым деянием»¹, является основанием для появления нового обстоятельства, ис-

¹ Попов К. И. Указ. соч.

ключающего преступность деяния. В этом случае мы получим либо рассогласованность между нормами права, либо явное пренебрежение правами одного из субъектов, и воцарится торжество «права силы». Очевидно, что автор предлагает пойти по наиболее легкому пути, поскольку достижение цели права — выстроить оптимальное соотношение между интересами всех субъектов, обеспечить довольно трудно. Только в условиях чрезвычайных ситуаций, военного положения возможно временное установление приоритета прав одной из сторон, как правило властной, для скорейшего устранения опасности. Но данные обстоятельства уже учтены в законодательстве¹. И все они должны соответствовать обстоятельствам, предусмотренным гл. 8 УК РФ.

Также необходимо иметь ввиду еще одно обстоятельство. Ранее было отмечено, что причинение вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, является не разрешенным, а вынужденным. Предлагая включить «исполнение обязанностей военной службы» в качестве нового обстоятельства, исключающего преступность деяния, авторы диаметрально изменяют расстановку приоритетов — они предлагают разрешить военнослужащим действовать, исполняя один закон, нарушая при этом другой, без учета степени общественной опасности.

Безусловно, больше всего внимания при исследовании вопросов исполнения обязанностей военной службы уделяется ответственности за применение оружия и боевой техники военнослужащими в мирное время². Сложность вызывают правила применения оружия и их знание военнослужащими³. Очевидна обеспокоенность за психологическую готовность военнослужащих к его применению. Имеет место непостоянство следственной и судебной практики⁴.

Поиски оптимальных решений продолжаются. Ответы на некоторые вопросы можно найти в российской истории. Так в Общем наказе гражданским

¹ Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»; Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»; Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

² Анализировать действия военнослужащих в военное время нет оснований, поскольку правила, определяющие ответственность, в соответствии с ч. 3 ст. 331 УК РФ будут определены законодательством Российской Федерации военного времени.

³ С. Ф. Милюков, Э. Ф. Побегайло отмечают, что «негативное влияние на эффективную деятельность правоохранительных структур, несомненно, оказывает недостаточное знание сотрудниками содержания законодательных и иных нормативных актов, регламентирующих порядок и пределы применения огнестрельного оружия, физической силы и специальных средств. Отмеченная некомпетентность усугубляется противоречиями и прочими несовершенствами нормативного механизма этих актов, что приводит к необоснованному привлечению к ответственности и даже осуждению должностных лиц, правомерно применивших табельное оружие». См.: Милюков С. Ф., Побегайло Э. Ф. Актуальные проблемы применения оружия сотрудниками правоохранительных органов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 5. С. 54.

⁴ Попов К. И. Указ. соч.

губернаторам 1837 г. (далее — Наказ), губернаторам было предписано принимать «при бунте главную команду и надлежащие военные меры»¹. Правом призыва войск для подавления беспорядков были наделены: министр внутренних дел и лица, им командируемые, сенаторы во время ревизии, генерал-губернаторы, губернаторы, вице-губернаторы, градоначальники, исправники, полицеймейстеры, председатели судебных мест и следователи, начальники таможенных округов и командиры отделов пограничной стражи. При этом в Наказе устанавливалось, что «все наряды и требования гражданского начальства подлежали исполнению со стороны воинского начальника лишь тогда, когда они были основаны на законе и сделаны в законном порядке». Таким образом, ключевой фигурой при разрешении конфликта являлся не военнослужащий (полицейский), а представитель политической власти (губернатор, градоначальник), который отвечал за социально-политическую ситуацию в зоне своей ответственности и должен был принимать решение о применении войсками силы и оружия².

Напрашивается вопрос — стоит ли изобретать велосипед?

Авторитетные специалисты уже достаточно давно отметили, что правовую основу применения оружия сотрудниками правоохранительных органов составляет главным образом законодательство о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ). Другие основания его применения опираются на уголовно-правовые нормы, регламентирующие институты задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска и исполнения обязательного приказа (ст. 38—39, 41—42 УК РФ)³.

Мнение ученых подкрепил законодатель. В ст. 27 Федерального закона «О государственной охране» применение оружия объявлено крайней мерой. Данный тезис в российском законодательстве употребляется впервые. Он заимствован из Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка⁴. Это значимый правовой акт, который способствует процессу унификации правил применения оружия представителями власти⁵ и установлению определенности.

¹ Матханова Н. П. Полномочия губернатора в России середины XIX века: закон и действительность // http://www.philosophy.nsc.ru/journals/humscience/2_98/03_МАТХ.НТМ

² Щербак С. И. Об исполнении военными приказами на применение оружия // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. 2013. № 6. С. 6—14.

³ См.: Милюков С. Ф., Побегайло Э. Ф. Указ. соч. С. 55.

⁴ Сборник Стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк. Организация Объединенных Наций. 1992. С. 203—208.

⁵ В последние пять лет имеет место явный процесс унификации правил применения оружия представителями власти — сотрудниками и военнослужащими. См.: Щербак С.И. Новые правила применения оружия сотрудниками государственной охраны: продолжение процесса унификации // *Военное право*. 2017. № 6. С. 116—125; Корякин В. М. Применение оружия, специальных средств и физической силы военными при выполнении служебных

Попытки сторонников введения нового обстоятельства, исключającego преступность деяния, — «исполнение обязанностей военной службы» сослаться на п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19¹, которым разъясняется судам, что «военнослужащие и иные лица, которым законодательством разрешено применение оружия, ..., не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия», нивелируются в п. 27 данного Постановления, где лишний раз напоминает, что положения ст. 37 и 38 УК РФ распространяются на сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, которые в связи с исполнением своих служебных обязанностей могут принимать участие в пресечении общественно опасных посягательств или в задержании лица, совершившего преступление.

Отметим, что все действующие положения федеральных законов², которыми устанавливаются случаи, условия и порядок применения оружия сотрудниками и военнослужащими, учитывают требования гл. 8 УК РФ. О специфике правового регулирования применения оружия военнослужащими при исполнении обязанностей караульной службы в данном случае речь не идет³.

Таким образом, спор о конкуренции между положениями гл. 8 УК РФ и требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия, волей законодателя решен в пользу УК РФ. Иное решение вело бы к появлению других проблем, а именно к вопросам квалификации. Оценивая аналогичное решение Пленума Верховного Суда СССР, выраженное в Постановлении от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств», С. Ф. Милуков, Э. Ф. Побегайло отмечали, что «неправильную

задач по обеспечению законности и правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военное-правовое обозрение. 2016. № 3. С. 24—33.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

² Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. «О полиции»; Федеральный закон от 3 июля 2016 г. «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»; Федеральный закон от 1 июля 2017 г. «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О государственной охране»; Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 468-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. «О федеральной службе безопасности»; Федеральный закон от 28 декабря 2016 г. «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

³ Щербак С. И. Основания применения оружия военнослужащими при несении караульной службы // Право в Вооруженных Силах — военное-правовое обозрение. 2011. № 5. С. 19—22.

позицию по данному вопросу занял Пленум». Речь шла о требовании, чтобы работники правоохранительных органов в таких случаях действовали в строгом соответствии с положениями ведомственных нормативных актов, предусматривающих правила применения силы и оружия¹. Заметим, что позиция Пленума в новом постановлении не изменилась, изменилась позиция законодателя во вновь принимаемых федеральных законах.

Так, например, в Федеральном законе «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» гарантируется, что военнослужащий (сотрудник) войск национальной гвардии не несет ответственность за вред, причиненный гражданам и организациям при применении физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники, если их применение осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены федеральными конституционными законами, данным Федеральным законом и другими федеральными законами (п. 14 ст. 18). Как мы видим, УК РФ не исключается из числа источников, определяющих основания применения оружия. В других пунктах ст. 18 подтверждается вывод об учете обстоятельств, исключающих преступность деяния: военнослужащий имеет право не предупреждать о своем намерении применить оружие, если промедление в его применении создает непосредственную угрозу жизни или здоровью гражданина или военнослужащего (сотрудника) войск национальной гвардии либо может повлечь за собой иные тяжкие последствия (п. 4 ст. 18); военнослужащий при применении оружия действует с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, характера и силы оказываемого ими сопротивления (п. 5 ст. 18); превышение военнослужащим полномочий при применении оружия влечет ответственность, установленную уголовным законодательством Российской Федерации (п. 12 ст. 18). Также в целях исключения превышения полномочий и причинения необоснованного вреда определены случаи применения для каждого источника силового воздействия: физической силы (ст. 19); специальных средств (ст. 20); оружия (ст. 21); боевой техники (ст. 22).

Логично утверждение о том, что необходимая оборона является правом, а не обязанностью военнослужащих. Обязанностью, в этом случае, является соблюдение установленных пределов необходимой обороны, за превышение которых наступает уголовная ответственность. Государство в последнее время способствует защите прав военнослужащих и сотрудников, которые защищая себя, других лиц, интересы общества и государства, оказываются в ситуации необходимой обороны или других обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

Следовательно, применение военнослужащими оружия в точном соответствии с требованиями действующего законодательства, в том числе уголовного, освобождает их от ответственности за наступившие последствия. Установление каких-либо дополнительных обстоятельств, исключающих

¹ Милюков С. Ф., Побегайло Э. Ф. Указ. соч. С. 54.

преступность деяния, представляется несвоевременным с учетом современного состояния общественных отношений и роли указанных норм в системе действующего законодательства. Оценка правомерности поведения на основе норм гл. 8 УК РФ обеспечивает единство подходов ко всем субъектам, независимо от их статуса, и формирует единую культуру поведения в случае пресечения антиобщественного поведения.

Библиография

1. Бязров, С. Е. Правомерное применение оружия военнослужащими как обстоятельство, исключающее преступность деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Е. Бязров — М.: ВНИИ МВД России, 2013.
 2. Корякин, В. М. Применение оружия, специальных средств и физической силы военнослужащими при выполнении служебных задач по обеспечению законности и правопорядка / В. М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2016. — № 3. — С. 24—33.
 3. Маркунцов, С. А. Теория уголовно-правового запрета : монография / С. А. Маркунцов. — М.: «Юриспруденция», 2015.
 4. Медведев, А. М. Соотношение необходимой обороны и исполнения служебного долга / А. М. Медведев // Соц. законность. — 1974. — № 9. — С. 62—64.
 5. Милюков С. Ф. Актуальные проблемы применения оружия сотрудниками правоохранительных органов / С. Ф. Милюков, Э. Ф. Побегайло // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2006. — № 5. — С. 39—54.
 6. Орешкина, Т. Ю. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния / Т. Ю. Орешкина // Lex Russica. — 2015. — № 3. — С. 73—105.
 7. Паше-Озерский, Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву / Н. Н. Паше-Озерский. — М.: Госюриздат, 1962.
 8. Попов, К. И. Правомерное причинение вреда при исполнении обязанностей военной службы // Военное право. — 2020. — № 2. — С. 187—190.
 9. Рарог А. И. Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства / А. И. Рарог // Уголовное право: стратегия развития в XXI в. : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. — М.: Проспект, 2008.
 10. Щербак, С. И. Новые правила применения оружия сотрудниками государственной охраны: продолжение процесса унификации / С. И. Щербак // Военное право. — 2017. — № 6. — С. 116—125.
 11. Щербак, С. И. Об исполнении военнослужащими приказа на применение оружия / С. И. Щербак // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2013. — № 6. — С. 6—14.
 12. Щербак, С. И. Основания применения оружия военнослужащими при несении караульной службы / С. И. Щербак // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 5. — С. 19—22.
-

New circumstances excluding criminality acts of military personnel

© Shcherbak S. I.,

Candidate of law, associate Professor.

Annotation. The article assesses the views of certain representatives of the scientific community on the prospects of recognizing the use of weapons by military personnel in the performance of military service as a new circumstance that excludes the criminality of the act. The author's counterarguments are stated.

Keywords: circumstances precluding criminality of the act; necessary defense; military personnel; use of weapons.

Уголовный процесс

Проблемы обеспечения допустимости доказательств при производстве неотложных следственных действий органами дознания Вооруженных Сил Российской Федерации

© Дикарев И. С.,

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса Военного университета

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы обеспечения допустимости доказательств при производстве неотложных следственных действий органами дознания Вооруженных Сил Российской Федерации. Особое внимание уделено вопросам обеспечения такого критерия допустимости доказательств, как надлежащий субъект, правомочный проводить процессуальные действия, направленные на получение доказательств.

Ключевые слова: допустимость доказательств, неотложные следственные действия, следственное действие, орган дознания, дознаватель

Условием достижения провозглашенного в ст. 6 УПК РФ назначения уголовного судопроизводства является достоверное установление всех юридически значимых обстоятельств уголовного дела и правильная правовая оценка содеянного лицом, изобличенным в совершении преступления. Важнейшей гарантией установления истины по уголовному делу является строжайшее соблюдение субъектами доказывания уголовно-процессуальной формы, которое, как писал В. Д. Арсеньев, «обеспечивает, с одной стороны, максимальную доброкачественность доказательств, установление подлинных фактических обстоятельств дела, а с другой — права и законные интересы граждан, на которых распространяется деятельность судебно-следственных органов»¹. В этой связи любое нарушение установленного УПК РФ порядка осуществления процессуальной деятельности порождает сомнения в достоверности полученных сведений: «значение процессуальной формы, ее неразрывная связь с содержанием прежде всего заключается в том, что ее пороки оказывают влияние на сущность доказательств. ... Всякое нарушение этих норм может привести к тому, что полученные доказательства окажутся недостоверными»².

Нормы института допустимости доказательств призваны, с одной стороны, установить требования, которым должны отвечать результаты доказательственной деятельности, а с другой — обеспечить исключение из процесса доказывания таких сведений, которые этим требованиям не соответствуют. Базовым

¹ Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964. С. 107.

² Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н. В. Жогин; 2-е изд., испр. и доп. М., 1973. С. 239.

положением, служащим основой института допустимости доказательств в уголовном процессе, является ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации, в которой сказано: «При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона».

Правила допустимости доказательств являются элементом общей части уголовно-процессуального права, в связи с чем распространяют свое действие на все стадии уголовного процесса и дифференцированные порядки судопроизводства. Не составляет исключения и предусмотренное ст. 157 УПК РФ производство неотложных следственных действий. И хотя данный процессуальный порядок далеко не исчерпывает собой всего объема досудебного производства, а значит, весь спектр вопросов допустимости доказательств здесь не возникает, органы дознания Вооруженных Сил в своей деятельности обязаны руководствоваться требованиями процессуальной формы в той части, которая связана с выполнением возложенных на них полномочий. Иное может привести не только к утрате доказательственного значения полученных органом дознания сведений об обстоятельствах совершенного преступления, но и стать причиной безрезультатности всего досудебного производства.

Процессуальная деятельность начальников органов военной полиции Вооруженных Сил, командиров воинских частей, соединений, начальников военных учреждений и гарнизонов как органов дознания протекает в двух стадиях уголовного процесса — возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Учитывая характер процессуальной деятельности органов дознания на этих стадиях, общую цель и совпадающие средства, полагаем, что *есть все основания рассматривать неотложные следственные действия как особую форму начала досудебного производства*. Важно, что при решении вопросов допустимости доказательств при производстве неотложных следственных действий в обязательном порядке должна учитываться специфика, которую приобретает процессуальная деятельность в Вооруженных Силах.

В юридической литературе уже давно стало общим местом выделение критериев (условий или требований), которым должны отвечать доказательства для того, чтобы признаваться допустимыми. Однако исследователи расходятся во мнениях относительно количества и содержания таких критериев.

Так, авторы фундаментального труда «Теория доказательств в советском уголовном процессе» выделяли в качестве условий допустимости фактической информации, составляющей содержание доказательств: «а) известность и возможность проверки ее происхождения; б) компетентность и осведомленность лиц, от которых она исходит и которые ее собирают; в) соблюдение общих правил доказывания; г) соблюдение правил собирания данных определенного вида, гарантирующих от неполноты и искажений; д) соблюдение правил, гарантирующих полноту и точность фиксации собранной информации в деле; е) отказ от включения в нее догадок, предположений»¹. Здесь, как видно, упор был сделан,

¹ Там же. С. 231—232.

прежде всего, на обеспечение полноты и верифицируемости полученных данных, проверку доброкачественности источников получения информации.

В 1990-е годы подход к определению критериев допустимости доказательств несколько изменился: формулировки стали носить характер требований, с которыми надлежит сопоставлять каждое доказательство при оценке его допустимости. Так, Н. М. Кипнис следующим образом сформулировал аспекты допустимости доказательств: «1) надлежащий субъект, правомочный проводить процессуальные действия, направленные на получение доказательств; 2) надлежащий источник фактических данных (сведений, информации), составляющих содержание доказательств; 3) надлежащее процессуальное действие, используемое для получения доказательств; 4) надлежащий порядок проведения процессуального действия (судебного или следственного), используемого как средство получения доказательств»¹. Именно этот подход, получив свое развитие во многих последующих работах, сохраняет свою актуальность и в наши дни.

Очевидно, что сформулированные в таком виде критерии допустимости доказательств, по сути, обобщают весь комплекс требований процессуальной формы доказывания и сводят его в своеобразный «состав допустимости». Как следствие, любое допущенное субъектом доказывания нарушение закона приводит к тому, что полученное доказательство перестает отвечать соответствующему критерию и утрачивает свойство допустимости.

Некоторые авторы негативно оценивают строгость такого подхода к оценке допустимости доказательств, настаивая на необходимости сужения перечня критериев допустимости доказательств. В частности, предлагается исходить из того, что «доказательства являются недопустимыми только в тех случаях, когда имеется запрет использования в уголовном процессе источника их нахождения, а метод получения релевантных фактов непосредственно запрещен законом. Во всех остальных случаях фактические данные, имеющие значение для разрешения дела, должны быть допустимы уголовным судопроизводством»². Однако очевидно, что перечисление в законе всех запретов, нарушение которых влекло бы признание доказательств недопустимым, в принципе невозможно. Нет в этом и необходимости. Уголовно-процессуальный закон устанавливает порядок, который должен соблюдаться, а значит, несоблюдение этого порядка и составляет то самое нарушение, которое может повлечь за собой признание доказательства недопустимым. Принятый ныне подход, несомненно, предъявляет весьма высокие требования к практической деятельности должностных лиц и органов, ведущих уголовный процесс. Но в нем же заложены необходимые для достижения назначения уголовного судопроизводства гарантии.

¹ Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995. С. 27.

² Митрофанова Е. В. Об институте допустимости доказательств // Обеспечение прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве : Сб. науч. тр. Волгоград, 2003. С. 115.

Методологически неверными являются и всякого рода рассуждения о возможности компенсации недопустимости доказательств, полученных с нарушением требований закона, относимостью сведений, составляющих содержание таких доказательств. Да, на практике могут возникать ситуации, когда те или иные доказательства (прежде всего вещественные, изъятые в ходе производства обыска, выемки и т.д.), связь которых с преступным деянием кажется очевидной, признаются не имеющими юридической силы вследствие допущенных при их получении нарушений закона. Но следует отвергнуть любые призывы к, якобы, здравому смыслу, протестующему против отказа стороне обвинения в использовании таких предметов в доказывании. Попытка подмены допустимости относимостью есть не что иное, как софизм, неприемлемый с точки зрения обеспечения гарантий правосудия и установления истины. Соблюдение уголовно-процессуальной формы является важнейшей и пока единственной гарантией обеспечения достоверности получаемых в процессе доказывания сведений.

Переходя к вопросам допустимости доказательств, полученных органами дознания Вооруженных Сил при производстве ими неотложных следственных действий, необходимо прежде всего обратить внимание на существенное расширение арсенала процессуальных средств доказывания в ходе проверки сообщения о преступлении. В отличие от УПК РСФСР, допускавшего до возбуждения уголовного дела производство только осмотра места происшествия, действующий уголовно-процессуальный закон позволяет производить в ходе проверки сообщения о преступлении целый комплекс следственных действий, среди которых: осмотр места происшествия, документов, предметов и трупа, производство судебной экспертизы, освидетельствование, а также получение образцов для сравнительного исследования (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). С одной стороны, это, конечно, открывает дополнительные возможности для выяснения органами дознания юридически значимых обстоятельств дела, но с другой стороны, порождает дополнительные риски, связанные с необходимостью знания процессуальных особенностей производства каждого следственного действия и обеспечением неуклонного соблюдения требований закона. Перечень следственных действий, которые могут быть произведены до возбуждения уголовного дела, является исчерпывающим, в связи с чем доказательства, полученные в результате производства любого иного следственного действия, должны признаваться недопустимыми.

Важное значение для обеспечения допустимости доказательств имеет и временной аспект. Производство любого следственного действия может быть признано законным только при условии соблюдения сроков проверки сообщения о преступлении. Уголовно-процессуальный закон устанавливает порядок продления срока проверки сообщения о преступлении, который детализируется в Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов,

утвержденной приказом заместителя Генерального прокурора Российской Федерации — Главного военного прокурора от 23 октября 2014 г. № 150 (далее по тексту — Инструкция о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил)¹. Так, согласно ст. 49 этой Инструкции орган дознания вправе по письменному ходатайству дознавателя продлить 3-суточный срок проверки сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении до 10 суток. При необходимости проведения документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов или трупов этот срок вправе продлить до 30 суток военный прокурор по мотивированному ходатайству органа дознания или дознавателя.

Темпоральный аспект весьма значим и при осуществлении процессуальной деятельности после возбуждения уголовного дела. Законодатель устанавливает максимальную продолжительность производства неотложных следственных действий — 10 суток. После этого орган дознания в соответствии с п. 3 ст. 149 УПК РФ направляет уголовное дело через военного прокурора руководителю военного следственного органа, о чем дознавателем (должностным лицом органа дознания) выносится постановление. Разумеется, процессуальная деятельность органов дознания может быть завершена и раньше, но принципиально, чтобы она не осуществлялась за пределами этого срока. По истечении 10-суточного срока орган дознания признается ненадлежащим субъектом уголовно-процессуальной деятельности², что влечет недопустимость полученных им доказательств (как протокола соответствующего следственного действия, так и всех предметов, документов и материалов, полученных в ходе его производства). Исключение составляют случаи, когда орган дознания производит следственные действия после направления уголовного дела руководителю следственного органа по письменному поручению следователя (ч. 4 ст. 157 УПК РФ).

Наиболее специфичны для производства неотложных следственных действий в Вооруженных Силах требования, относящиеся к обеспечению такого критерия допустимости доказательств, как «надлежащий субъект, правомочный проводить процессуальные действия, направленные на получение доказательств». Как отмечается в юридической литературе, полномочия субъектов доказывания на производство следственных и иных процессуальных действий определены законодателем применительно: а) к отдельным стадиям процесса; б) подследственности; в) в связи с принятием дела к производству; г) получением в установленном порядке поручения³.

¹ Дикарев И. С. Вопросы совершенствования Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации // Военное право. 2020. № 2. С. 138—142.

² Золотых В. В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов-на-Дону, 1999. С. 60.

³ Костенко Р. В. Понятия и признаки уголовно-процессуальных доказательств. М., 2006. С. 74.

О временных границах процессуальной деятельности органов дознания в Вооруженных Силах уже было сказано выше. Что же касается подследственности, то здесь важно учитывать, что орган дознания уполномочен производить неотложные следственные действия лишь по тем уголовным делам, по которым обязательно предварительное следствие. Соответственно, органы дознания Вооруженных Сил по уголовным делам, указанным в ч. 3 ст. 150 УПК РФ, не уполномочены производить ни расследование в форме дознания, ни неотложные следственные действия. Нарушение этого запрета влечет за собой признание всех полученных органом дознания доказательств недопустимыми.

Примечательно, что Инструкция о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил в ст. 5 устанавливает некое подобие специальной подследственности, указывая по каким сообщениям о преступлениях и уголовным делам реализуют свои полномочия органы дознания: 1) командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений; 2) начальники органов военной полиции Вооруженных Сил и 3) начальники гарнизонов. Однако вопрос о том, является ли нарушение указанных правил подследственности основанием для признания полученных по делу доказательств недопустимыми, представляется дискуссионным.

Необходимость принятия уголовного дела к своему производству является общим условием законности осуществления уголовно-процессуальной деятельности на стадии предварительного расследования (ст. 156 УПК РФ). Это требование в полной мере распространяется как на органы дознания — начальников органов военной полиции Вооруженных Сил, командиров воинских частей, соединений, начальников военных учреждений и гарнизонов в случае возбуждения ими уголовного дела, так и на дознавателей (должностных лиц органов дознания), когда им поручается производство неотложных следственных действий по уже возбужденному уголовному делу (ст. 61 Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил). Должностное лицо, не принявшее уголовное дело к своему производству, является ненадлежащим субъектом осуществления процессуальной деятельности, вследствие чего все собранные им доказательства по уголовному делу признаются недопустимыми.

Помимо этого, Инструкция о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил, в ст. 3, определяет порядок наделения должностных лиц полномочиями органа дознания. Соблюдение этого порядка также должно рассматриваться как условие допустимости доказательств, полученных такими субъектами. Так, для возложения отдельных процессуальных полномочий органа дознания на своих подчиненных начальник органа военной полиции Вооруженных Сил, командир воинской части, соединения, начальник военного учреждения и гарнизона издает письменный приказ, назначая наиболее подготовленных и дисциплинированных офицеров дознавателями. Копия приказа о назначении дознавателей направляется военному прокурору и руководителю

военного следственного органа. Если же речь идет об органах военной полиции, в которых созданы подразделения дознания, то офицеры этих подразделений наделяются полномочиями органа дознания путем дачи начальником органа военной полиции письменного поручения. В отсутствие приказа органа дознания о возложении обязанностей дознавателя на конкретное лицо или письменного поручения начальника органа военной полиции производство неотложных следственных действий соответствующим должностным лицом является недопустимым.

Сказанным, разумеется, далеко не исчерпываются все аспекты обеспечения допустимости доказательств, собираемых в ходе уголовно-процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил. Однако, в этом и нет особой необходимости, поскольку проблематика эта достаточно глубоко исследована в юридической науке. Куда важнее, на наш взгляд, обратить внимание на те специфические моменты обеспечения допустимости доказательств, которые обусловлены особым правовым статусом начальников органов военной полиции Вооруженных Сил, командиров воинских частей, соединений, начальников военных учреждений и гарнизонов как органов дознания в уголовном процессе.

Библиография

1. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств / В. Д. Арсеньев. — М.: «Юрид. лит.», 1964. — 180 с.
 2. Дикарев, И. С. Вопросы совершенствования Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации / И. С. Дикарев // Военное право. — 2020. — № 2. — С. 138—142.
 2. Золотых, В. В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе / В. В. Золотых. — Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. — 288 с.
 3. Кипнис, Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Н. М. Кипнис. — М.: Юрист, 1995. — 128 с.
 4. Костенко, Р. В. Понятия и признаки уголовно-процессуальных доказательств / Р. В. Костенко. — М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006. — 240 с.
 5. Митрофанова, Е. В. Об институте допустимости доказательств / Е. В. Митрофанова // Обеспечение прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве: Сб. науч. тр. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. — С. 111—120.
 6. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н. В. Жогин. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрид. лит., 1973. — 736 с.
-

The problems of ensuring the admissibility of evidence during urgent investigative actions by the bodies of inquiry of the Armed Forces of the Russian Federation

© **Dikarev I. S.**,

doctor of law, associate Professor, head of the Department of criminal procedure of the Military University

Abstract. The article discusses the problems of ensuring the admissibility of evidence in urgent investigative actions by the bodies of inquiry of the Armed Forces of the Russian Federation. Special attention is paid to ensuring such a criterion of admissibility of evidence, as an appropriate entity competent to carry out procedural actions aimed at obtaining evidence.

Keywords: admissibility of evidence, urgent investigative actions, investigative action, body of inquiry, investigator.

О некоторых вопросах реализации прав лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела органами дознания Вооруженных Сил Российской Федерации

© Слифиш М. В.,

кандидат юридических наук, доцент,
преподаватель Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье предпринимается попытка определения объема полномочий отдельных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений в стадии возбуждения уголовного дела. Автор приходит к выводу о необходимости расширительного толкования ряда уголовно-процессуальных норм-дефиниций, использующих в качестве основного из определяющих признаков приобретения статуса участника уголовного судопроизводства определенный процессуальный порядок вовлечения граждан в уголовно-процессуальную деятельность органов предварительного расследования или суда (задержание по подозрению в совершении преступления, первый вызов на допрос в качестве свидетеля и др.).

Ключевые слова: потерпевший, подозреваемый, свидетель, проверка сообщений о преступлениях, стадия возбуждения уголовного дела, ознакомление с материалами доследственной проверки, заявление ходатайств, освидетельствование.

Рассмотрение заявлений и сообщений о преступлениях является одним из основных направлений уголовно-процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации. В ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности, должностные лица органов дознания в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 11 УПК РФ обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав». При этом по общему правилу обладателями прав и обязанностей в сфере уголовного судопроизводства принято считать лиц, получивших в установленном законом порядке определенный статус участника уголовного судопроизводства: подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, свидетель и т.д. В рамках рассматриваемой нами стадии возбуждения уголовного дела законодательно не определены процедуры, позволяющие наделить вовлеченных в уголовное судопроизводство лиц перечисленными уголовно-процессуальными статусами.

Вместе с тем ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ устанавливает, что «лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы». Как представляется, закреп-

ление законодателем в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ дополнительных гарантий соблюдения прав вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства лиц обусловлено прежде всего тем, что в случае возбуждения уголовного дела полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 данного Кодекса (об этом идет речь в ч. 1.2. ст. 144 УПК РФ).

Из этого следует, что нарушение прав субъектов уголовно-процессуальных правоотношений в стадии возбуждения уголовного дела, повлечет за собой недопустимость последующего использования сведений, полученных в результате процессуальных действий на этой стадии, в качестве доказательств по уголовному делу. Кроме того, в случаях отказа в возбуждении уголовных дел, заявители и другие принимавшие участие в проверке сообщения о преступлении лица нередко обжалуют действия (бездействие) дознавателя, что (при подтверждении фактов нарушения прав лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства) может повлечь за собой меры прокурорского реагирования, негативно сказывающиеся на служебных показателях органов дознания Вооруженных Сил.

В связи с изложенным возникает закономерный вопрос: какими правами могут обладать участвующие в стадии возбуждения уголовного дела лица, не получившие в установленном порядке один из уголовно-процессуальных статусов, предусмотренных в разделе II УПК РФ, именуемом «Участники уголовного судопроизводства». Следует констатировать, что этот вопрос до настоящего времени в достаточной мере не разрешен законодателем, хотя проблемы правовых статусов в стадии возбуждения уголовного дела нельзя отнести к числу ранее неизвестных. Различные аспекты правового статуса вовлеченных в уголовное судопроизводство в стадии возбуждения уголовного дела лиц рассматривались рядом исследователей¹.

Отметим, что некоторые права участников процессуальных действий в стадии возбуждения уголовного дела названы в самой ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, а именно, в том числе не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ. При этом, из самой формулировки ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, «в том числе права», следует, что приведенный в ней перечень прав включает в себя лишь некоторые «базовые» права и не является исчерпывающим.

¹ См., например: Королев Г. Н., Лизунов А. С. Доследственная проверка как часть досудебного судопроизводства : монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 97—100; Гладышева О. В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве : монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 100—101, 113, 140.

Рассмотрим некоторые из неупомянутых в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ прав лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении.

К одним из таких полномочий является право на заявление ходатайств, возможность реализации которого в стадии возбуждения уголовного дела усматривается при системном толковании ряда положений УПК РФ. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 119 УПК РФ ходатайства вправе заявлять не только перечисленные в ней участники уголовного судопроизводства, но и иные лица, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного или судебного производства. Пунктом 9 ч. 1 ст. 5 УПК РФ досудебное производство определено как уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу, т.е. включая и стадию возбуждения уголовного дела.

Рассматриваемое право основано на положениях ст. 33 Конституции Российской Федерации, гарантирующей право граждан на обращение в государственные органы. Наличие такого права граждан корреспондирует государственным органам и должностным лицам обязанность рассматривать обращения граждан и давать на них ответы в установленные законодательством сроки. В сфере уголовного судопроизводства порядок рассмотрения обращений урегулирован в ряде положений, включая и правила гл. 15 УПК РФ, именуемой «Ходатайства».

С правом на заявление ходатайств в стадии возбуждения уголовного дела сопряжен и ряд иных прав. Такой вывод следует из Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2013 г. № 1003-О, в котором определено, что «в ходе проверки сообщения о преступлении ... лица, кому должны быть обеспечены права, которыми мог бы пользоваться подозреваемый, не лишены — как и на других стадиях уголовного процесса — права представлять доказательства, заявлять ходатайства, защищаться всеми иными средствами и способами, не запрещенными законом (п. 4, 5 и 11 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), в том числе ходатайствовать о вызове специалиста (ст. 58 данного Кодекса) или приобщении к материалам проверки его письменного заключения (ч. 3 ст. 80 данного Кодекса). При этом дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, проводящие такую проверку, с учетом требования ч. 4 ст. 7 УПК РФ не вправе без достаточных оснований и немотивированно отказать в удовлетворении этих ходатайств¹.

Выраженная в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2016 г. № 1135-О правовая позиция при буквальном ее толковании, на наш взгляд, существенно расширяет круг лиц, кому должны быть

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2013 г. № 1003-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Синичкина Николая Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 24, 46, 47, 53, 58, 86, 125, 164, 168 и 270 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

обеспечены права, которыми они могли бы пользоваться на стадии предварительного расследования¹. В частности, из рассматриваемого определения следует, что положения УПК РФ, регламентирующие сроки рассмотрения ходатайств (ст. 121), порядок их разрешения (ст. 122), а также порядок рассмотрения сообщений о преступлениях и правовое положение лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144), подлежат применению во взаимосвязи с положениями ст. 119 данного Кодекса, согласно которой подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, его законный представитель и представитель, частный обвинитель, эксперт, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, представитель администрации организации и иное лицо, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного или судебного производства, вправе заявить ходатайство о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, либо представляемых им лица или организации.

С учетом высказанной правовой позиции следует рассматривать и порядок реализации лицами, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, установленного в ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации права на юридическую помощь, нашедшего свое отражение и в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ в виде формулировки «в том числе права ... пользоваться услугами адвоката».

Отметим, что право на защиту «любыми средствами и способами, не запрещенными законом» лица, в отношении которого производится проверка сообщения о преступлении, обеспечивается, в том числе, и посредством допуска защитника. Так, в соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник в уголовном судопроизводстве допускается с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ. Что же касается иных привлеченных к участию в процессуальных действиях граждан, то их право на юридическую помощь в стадии возбуждения уголовного дела должно быть реализовано в форме допуска адвоката: для пострадавшего² от преступления — в качестве представителя (п. 8 ч. 2

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2016 г. № 1135-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голенко Алексея Петровича на нарушение его конституционных прав статьями 121, 122, частями первой и первой.1 статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пунктом 5.1 Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации».

² Понятие «пострадавшего от противоправных деяний» предлагает законодательно закрепить Р. М. Исаева (см. Исаева Р. М. Социально-правовые основы обеспечения законности в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2007. С. 10).

ст. 42 УПК РФ)¹; для других лиц, вызванных для получения объяснений — собственнo адвоката, в случаях его прибытия с опрашиваемым (п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ)².

Частью 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации устанавливается обязанность обеспечения органами государственной власти и их должностными лицами возможности каждому ознакомиться с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. На основании этого конституционного положения к числу прав лиц, привлеченных к участию в процессуальных действиях на стадии возбуждения уголовного дела, следует отнести и право на ознакомление с материалами проверки заявления (сообщения) о преступлении, в той части, в которой эта проверка затрагивает их права и свободы. К числу таких лиц следует, прежде всего, отнести пострадавшего от содержащего признаки состава преступления деяния и заподозренного³, то есть лиц, которые в случае возбуждения уголовного дела могли приобрести процессуальный статус потерпевшего или подозреваемого (обвиняемого). Кроме того, право на ознакомление с отдельными

¹ Следует отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 17 ноября 2011 г. № 1555-О-О указал, что «... правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения: он лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя, прокурора и суда о признании потерпевшим, но не формируется им, поскольку обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, в частности потерпевшим, а наличием определенных существенных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав. При этом право потерпевшего иметь избранного им самим представителя для оказания помощи в отстаивании своих прав и законных интересов (пункт 8 части второй статьи 42 и статья 45 УПК Российской Федерации) не ограничивается никакими условиями и может быть реализовано потерпевшим на любом этапе производства по уголовному делу».

² С учетом изложенной в Определении от 17 ноября 2011 г. № 1555-О-О правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, представляется не заслуживающим поддержки вывод авторов научно-практического пособия «Обеспечение прав обвиняемого на защиту в уголовном судопроизводстве России» о том, что на «предполагаемого свидетеля» и заявителя не могут распространяться права, предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ. На наш взгляд, такая правовая позиция входит в противоречие, не только с ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации, но и с иными положениями Конституции Российской Федерации, например, с уже упоминаемыми здесь конституционными правами: правом каждого на юридическую помощь (ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации), правом каждого на обращения в органы государственной власти (ст. 33 Конституции Российской Федерации) и др. (Об этом см.: Обеспечение прав обвиняемого на защиту в уголовном судопроизводстве России: научно-практическое пособие / Загорский Г. И. и др.; под ред. В. А. Давыдова, Г. И. Загорского. М.: РГУП, 2017. С. 65.

³ Термин «лицо, заподозренное в совершении преступления» также используется в научной литературе. См., например, Быков В. М. Получение доказательств в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс. 2009. № 9. С. 17.

материалами проверки могут иметь и иные лица, например, заявитель, переводчик и т.д. Представляется, что перечисленные лица должны быть ознакомлены с материалами проверки, в случае заявления ими соответствующего ходатайства.

При этом следует принимать во внимание правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, выраженную (в части прав заподозренного) в уже опоминавшемся выше Определении от 26 мая 2016 г. № 1135-О, в соответствии с которой сама возможность реализации участвующим в проверке сообщения о преступлении своих прав «не означает что лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, может наделяться большими правами, чем подозреваемый, в том числе правом на ознакомление с материалами проверки сообщения о преступлении», что, по нашему мнению, должно распространяться и на иных участвующих при проверке заявления (сообщения) о преступлении лиц. По общему правилу участвующие в проверке заявления (сообщения) о преступлении лица вправе знакомится с материалами всех процессуальных действий, производимых с их участием, а также в случаях, установленных законом, материалами иных процессуальных действий¹, а также с итоговым процессуальным решением, вынесенным по существу проверки². Вместе с тем, закон не запрещает дознавателю по собственному усмотрению ознакомить таких лиц со всеми материалами проверки, за исключением материалов, содержащих сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну.

В завершении, отметим, что высказанные в рассматриваемых определениях правовые позиции Конституционного Суда касаются преимущественно вопросов определения прав и обязанностей лиц, вовлеченных в уголовное су-

¹ Например, в соответствии с ч. 1 ст. 198 УПК РФ при назначении и производстве судебной экспертизы подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший, представитель вправе: 1) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы; 2) заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении; 3) ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении; 4) ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту; 5) присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту; 6) знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта.

При системном толковании положений ч. 1 ст. 198 УПК РФ в совокупном их понимании с ч. 1.2. ст. 144 УПК РФ, следует вывод о том, что в случае отказа в возбуждении уголовного дела лицо, в отношении которого производилась проверка и пострадавший от деяния, содержащего признаки состава преступления, как минимум, вправе знакомиться с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта.

² Так, например, в соответствии с ч. 4 ст. 146 УПК РФ в случае возбуждении уголовного дела о принятом решении уведомляется заявитель, а также лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело. В соответствии с ч. 4 ст. 148 УПК РФ копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела направляется заявителю и т.д.

допроизводство на стадии возбуждения уголовного дела. Вместе с тем такие правовые позиции представляют и определенные перспективы иного взгляда на некоторые проблемы производства в стадии возбуждения уголовного дела отдельных следственных и иных процессуальных действий. Так, например, ч. 1 ст. 179 УПК РФ содержит в себе исчерпывающий перечень лиц в отношении которых может быть произведено освидетельствование, а именно: обвиняемый, подозреваемый, потерпевший и свидетель.

Как уже упоминалось, закон не предусматривает в стадии возбуждения уголовного дела процедур надления перечисленными процессуальными статусами лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Следовательно, исходя из буквального смысла ч. 1 ст. 179 УПК РФ в ходе проверки сообщения (заявления) о преступлении, в связи с формальным отсутствием соответствующих правовых статусов у освидетельствуемых, рассматриваемое следственное действие произведено быть не может, несмотря на прямое указание в ч. 1 ст. 144 УПК РФ (ч. 1 ст. 179 УПК РФ) на возможность его производства в стадии возбуждения уголовного дела. Представляется, что в правоприменительной практике это противоречие может быть разрешено на основе высказанной в Определении от 17 ноября 2011 г. № 1555-О-О правовой позиции Конституционного Суда о том, что правовой статус участника уголовного судопроизводства все же «определяется из фактического его положения», и «лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя, ... но не формируется им...», из чего следует вывод о том, что в случае производства на стадии возбуждения уголовного дела освидетельствования в условиях гарантированного обеспечения освидетельствуемому реальной возможности реализации прав, которыми это лицо могло бы обладать на стадии предварительного расследования, результаты такого следственного действия впоследствии вполне могут быть признаны допустимыми доказательствами по уголовному делу.

Библиография

1. Быков, В. М. Получение доказательств в стадии возбуждения уголовного дела / В. М. Быков // Уголовный процесс. — 2009. — № 9. — С. 17—22.
2. Гладышева, О. В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве : монография / О. В. Гладышева. — М.: Юрлитинформ, 2012.
3. Исаева, Р. М. Социально-правовые основы обеспечения законности в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р. М. Исаева. — Уфа, 2007.
4. Королев, Г. Н. Доследственная проверка как часть досудебного судопроизводства : монография / Г. Н. Королев, А. С. Лизунов. — М. Юрлитинформ, 2018.
5. Обеспечение прав обвиняемого на защиту в уголовном судопроизводстве России : научно-практическое пособие / Загорский Г. И. и др.; под ред. В. А. Давыдова, Г. И. Загорского. — М.: РГУП, 2017.

On some issues of realization of the rights of persons involved in the sphere of criminal proceedings at the stage of initiation of a criminal case by the bodies of inquiry of the Armed Forces of the Russian Federation

© Slifish M. V.,

lecturer of the Military University of the Ministry of defence of the Russian Federation, candidate of legal Sciences, associate Professor.

Abstract. The article attempts to determine the scope of powers of individual subjects of criminal procedure relations at the stage of initiation of a criminal case. The author comes to the conclusion that there is a need for a broad interpretation of a number of criminal procedure rules-definitions that use as the main determining signs of acquiring the status of a participant in criminal proceedings a certain procedural procedure for involving citizens in the criminal procedure activities of the preliminary investigation or court bodies (detention on suspicion of committing a crime, the first call for questioning as a witness, etc.).

Keywords: victim, suspect, witness, verification of reports of crimes, the stage of initiation of a criminal case, familiarization with the materials of the pre-investigation check, application of petitions, examination.

Специальные знания следователя, необходимые при доказывании по транспортным преступлениям

© Суденко В. Е.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), почётный работник сферы образования Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов, относящихся к обнаружению, собиранию, проверке, оценке и исследованию доказательств для установления истины по расследуемому событию. Немаловажная роль в этом процессе доказывания отводится специальным знаниям лица, осуществляющего предварительное расследование. Указанные знания особенно востребованы при расследовании транспортных преступлений и преступлений, совершаемых на транспорте, поскольку процесс их расследования имеет значительное отличие от расследования преступлений, совершаемых в других сферах. Специальные знания могут быть получены при специальной подготовке следователя, но наиболее ценными являются те, которые получены из практики расследования сложных транспортных преступлений. Специальные знания позволяют обеспечить необходимый объём фактологического анализа в рамках расследования транспортных преступлений, совершаемых в различных отраслях транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: преступление; доказательства; доказывание по уголовным делам; специальные знания; подходы к определению специальных знаний.

Доказывание по уголовным делам заключается в комплексе определённых уголовно-процессуальных действий и отношений, направленных на достижение целей расследования. Фактически доказывание представляет собой процесс получения необходимых доказательств и оперирования ими с целью воссоздания реальной картины исследуемого события, являясь при этом единственным средством, благодаря которому обеспечивается достижение указанных в ст. 6 УПК РФ целей судопроизводства. Подтверждением сказанного является позиция Н. А. Громова, С. А. Зайцевой и А. Н. Гущина, представляющими доказывание в виде сложного информационно-познавательного процесса, состоящего из тесно взаимосвязанных между собою элементов¹. Сущность доказывания представляет собой собирание, оценку и исследование доказательств, а это ни что иное, как единство познавательного и удостоверительного моментов². Несмотря на то, что нет единого определения понятия доказывания, его сущность и цель доказывания характеризуются одинаково — установление

¹ Громов Н. А., Зайцева С. А., Гущин А. Н. Доказательства, их виды и доказывание в уголовном процессе. М.: Приор-издат, 2005.

² Ратинов А. Р. Вопросы познания в судебном доказывании // Советское государство и право. 1964. № 8. С. 107.

истины по делу¹ путём уточнения обстоятельств, перечень и толкование которых указывается в ст. 73 УПК РФ.

Если истолковывать доказательственное право традиционно, в ходе его практического применения целесообразно вычленив отсюда следующие основные пункты: сбор, проверку и оценку доказательств (ст. 85 УПК РФ). Однако в данной статье отсутствует нормативное определение термина «доказательство», хотя его сущность раскрывается через такие термины, как сбор, проверка, исследование доказательств для целей установления обстоятельств, определенных ст. 73 УПК РФ. Подобный объем обстоятельств непременно требует наличия у следователя определенной совокупности знаний, позволяющей эффективно проводить расследование, — знаний, которыми не обладает любой человек, особенно применительно к тем или иным профессиональным областям. Таковыми можно считать специальные знания, которые позволяют обеспечить необходимый объем фактологического анализа в рамках расследования транспортных преступлений.

Несмотря на уровень профессиональной подготовки следователя, практически невозможным является требование наличия у него развитых компетенций во всех существующих отраслях права, не говоря уже о комплексе технических познаний, способных обеспечить его свободное «ориентирование» в процессе расследования уголовного дела в такой специфичной сфере как транспортные преступления. Все это создает необходимые для обращения к обладающим необходимыми компетенциями специалистам в определенной сфере технических, технологических или организационных знаний. При этом субъективная оценка следователем тех или иных необходимых знаний как специальных позволяет ему достаточно эффективно осуществлять следственные мероприятия.

Это умение формируется на основе активного и правильного применения следователем тех положений права, которые он обязан применять в своей профессиональной деятельности, что позволяет ему использовать иные специальные знания только для непосредственного оценивания определенных событий, которые можно отнести к значимым в рамках расследуемого дела, но которые могут происходить в иных сферах повседневной жизнедеятельности, отличных от уголовно-процессуальных отношений.

По своей сути любые знания — это, прежде всего, научная категория, определенный результат процессов познания, проверенный реальной практикой. К основным качественным отличиям знаний можно отнести и наличие системы закономерностей их существования в рамках объективной картины мира. Это во многом обеспечивает ее четкую реализацию непосредственно в человеческом мышлении, с приданием ей конкретной языковой формы.

¹ Суденко В. Е. Объективная истина как цель уголовного процесса при расследовании транспортных преступлений // Транспортное право и безопасность. 2017. № 9 (21). С. 66—73.

Обычно при раскрытии транспортных преступлений существует острая необходимость в использовании следователем специальных знаний. Это обусловлено той ролью и значением специальных знаний уже на стадии разрешения возникающих вопросов в событии противоправного деяния относительно наличия в нем определенных признаков, позволяющих отнести его к составу транспортного преступления. В дальнейшем на основе использования специальных знаний следователем может быть правильно квалифицировано транспортное преступление и проведено разграничение его состава от других составов преступлений. При подобном подходе следователь уже будет готов к выдвижению и проверке всех следственных версий, которые у него появились, а также будет сформирована общая стратегия и тактика реализации необходимых процессуальных действий, в том числе постоянное совершенствование методических рекомендаций.

Значимым этапом, во время осуществления которого специальные знания обладают максимальным эффектом, выступает этап выявления ключевых признаков совершенного противоправного деяния. В частности, к особенностям использования специальных знаний, применяемых в процессе расследования транспортных преступлений, относится возможность своевременного обнаружения и проведения в соответствии с требованиями УПК РФ фиксации, изъятия и упаковки полученных вещественных доказательств. При этом и обеспечение их сохранности позволяет в дальнейшем беспрепятственно их использовать как на стадии предварительного расследования, так и непосредственно при судебном следствии уголовного дела. Показания в данном случае свидетелей, а часто и потерпевших не всегда в этом отношении могут оказаться безупречными и достоверными. Это во многом объясняется тем, что потерпевшие и свидетели могут менять свои показания и на стадии предварительного расследования, и при рассмотрении уголовного дела в суде. Этим объясняется потребность в более широком использовании в процессе доказывания вещественных доказательств, предполагающих использование в уголовном судопроизводстве специальных знаний в сфере транспорта.

Говоря об использовании специальных знаний в процессе доказывания по транспортным преступлениям, следует отметить, что вопрос использования их различных форм и видов в процессе расследования преступлений уже давно и подробно был рассмотрен на страницах юридической литературы, но это пока не позволяет сформировать единое мнение по данной проблеме. Каждым исследователем предлагаются различные формы и виды в качестве обоснования собственной классификации¹. В частности, одним из первых сформулирован-

¹ Шиканов В. И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978; Лисиченко В. К. Циркаль В. В. Формы использования специальных познаний и виды участия специалистов на предварительном следствии // Применение специальных познаний в борьбе с преступностью. Свердловск, 1983; Колдин В. Я. Комплексное исследование в судебном доказывании // Со-

ных определений такого понятия как «специальные знания» с принятием в 1960 г. УПК РСФСР явилось определение, данное А. А. Эйсманом, который в самом общем виде определил их в качестве знаний не общеизвестных, не распространенных массово, и обладание которыми свойственно только определенного рода специалистам¹. После этого в уголовно-процессуальных исследованиях вопросам уточнения понятия «специальные знания» уделялось достаточно много внимания. В частности, в ряде работ указывалось на то, что проблема отнесения определенных знаний к специальным находится в зависимости от того, в каких рамках — специального или общего образования — должны быть исследованы закономерности, которые подлежат разрешению в каждом конкретном случае².

Определением, наиболее охватывающее знания широчайшего круга компетентных лиц, возможно дано В. Н. Маховым, в основе которого лежат содержание знаний разного вида профессиональной деятельности, за исключением профессиональных знаний, используемых следователями и судьями в процессе расследования преступлений и их рассмотрения в судебном заседании в порядке, определенном УПК РФ, для установления истины по делу³.

Отметим, что «специальные знания» — это элементы системы, включающей как теоретические знания, так и практические навыки, отражающие ту или иную научную или техническую область, сферу ремесла или искусства. В их характеристику могут входить способы их приобретения в ходе профессионального опыта и специальной подготовки, что должно использоваться при разрешении встающих перед следователем или судьей в процессе уголовного судопроизводства вопросов⁴.

Достаточно точным и конкретным следует признать определение специальных знаний, данное Р. С. Белкиным⁵, которых представлял их в форме некоторой совокупности современных знаний, но не вводил категорию практического опыта и делал уточнение в части их использования в расследовании пре-

ветское государство и право. 1971. № 7. С. 108—112; Гончаренко В. И. Научно-технические средства в следственной практике. Киев, 1984; Сорокотягин И. Н. Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992; Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М.: Изд. РУДН, 2000.

¹ Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и научные обоснования. М., 1967. С. 91.

² Соколовский З. М. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний при установлении причинной связи явлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1968.

³ Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000. С. 46.

⁴ Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. М., 1999.

⁵ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. С. 217; Сорокотягин И. Н. Системно-структурная характеристика специальных познаний и формы их использования в борьбе с преступностью // Межвузовский сборник научных трудов. Применение специальных познаний в борьбе с преступностью. Свердловск, 1983. С. 7.

ступлений, при проведении оперативно-розыскных мероприятий и выполнении судебных и экспертных исследований.

Как видно из этого, специальным знаниям свойственно отражение определенных областей жизнедеятельности человека: научной, технической, искусства или ремесла. Их применение предполагает определенный уровень профессиональной подготовки, а также, часто, и наличие профессионального опыта. При этом подобные знания не могут быть отнесены к общеизвестным, иначе бы они входили в перечень предметов изучения в процессе общеобразовательной подготовки граждан, а с другой стороны, они не могут быть отнесены к познаниям в сфере уголовного или уголовно-процессуального права. Помимо этого, изучение положений законодательства позволяет сделать однозначный вывод о том, что, затрагивая вопрос специальных познаний, УПК РФ подразумевает наличие у того или иного лица этих особых знаний, то есть процесс, связанный с их получением, в данном случае не рассматривается.

Таким образом, относительно специальных знаний выделяются нижеперечисленные точки зрения.

— к специальным знаниям вряд ли можно относить общеизвестные знания, составляющие сферу искусства, науки, права, ремесла или техники¹;

— специальными знаниями могут быть конкретные знания, навыки, практический опыт²;

— специальные знания — это знания в сфере науки, техники, искусства, ремесла, права, кроме тех профессиональных знаний, которые используются лицом, осуществляющим предварительное расследование, и судьёй в ходе судебного заседания³.

Исходя из этого, как наиболее оптимальное для целей уголовного процесса возможно использование понятия «специальные знания», в состав которых входит вся совокупность необходимой информации в конкретной области (с определенными умениями и навыками), а также практический опыт, позволяющий вырабатывать дополнительные навыки и умения на основе имеющихся знаний. В этой связи важным будет унификация уголовно-процессуального законодательства в части использования в УПК РФ единого понятия «специальные знания».

Отсутствие единообразного понимания исследуемой категории во многом стало следствием того, что в российском законодательстве терминология, затрагивающая понятие специальных знаний, употребляется порой в противоре-

¹ Лазарева Л. В. Специальные знания и их применение в доказывании по уголовному делу. М., 2009. С. 22.

² Шиканов В. И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978. С. 39; Сахнова Т. В. Судебная экспертиза. М., 2008. С. 8, 10.

³ Махов В. Н. Использование специальных знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000. С. 46.

чивом контексте. Это связано с тем, что в новой редакции ст. 80 УПК РФ, введенной Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ, вместо понятия «специальные знания» использован термин «специальные познания», что влечёт при употреблении данных терминов много спорных моментов. В то же время до настоящего момента ни УПК РФ, ни Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» не содержат нормативного определения понятия «специальных знаний», несмотря на использование этого термина в ст. 57—58 УПК РФ применительно к основаниям, используемым при назначении судебной экспертизы¹. Кроме того, и применительно к характеристикам эксперта или специалиста использование данного термина проявляется через обладание лицом специальными знаниями.

Таким образом, проблема сущности специальных знаний и в общеправовом смысле, и непосредственно в рамках уголовного судопроизводства выступает в настоящее время как достаточно актуальная. Причем особая актуальность состоит в потребности разработки единых подходов к определению понятия «специальные знания», что определяется необходимостью законодательного расширения форм применения специальных знаний в рамках уголовного процесса, особенно на досудебной стадии. Это неизбежно предполагает установление параметров специальных знаний и их закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве.

При использовании специальных знаний следует понимать качественные различия теоретического и эмпирического знания, которым свойственны индивидуальные свойства и характеристики. Его результативность проявляется в логических средствах, приводя к более высокому уровню знания. При этом, как и содержание фактов, их взаимосвязь исходит из непосредственного использования различных сведений о них.

В свою очередь, теоретическому уровню свойственно получение новых результатов в освоении знаний, исходя из особенностей мышления, отличного по своему содержанию от эмпирически выявленных фактов. В данном случае имеют место не только эмпирически полученные факты и выявление существующих между ними зависимостей, но и формирование новых понятий и установление закономерностей динамики определенных явлений.

Именно наличие специальных знаний позволяет эффективно использовать специальные методы и научно-технические средства для целей обнаружения, закрепления и изъятия предметов и документов, а также позволяет ставить оптимальные вопросы специалисту или эксперту и опираться на них самому следователю для предупреждения преступлений, их раскрытия и расследования.

¹ Полагаем, что это достаточно четко вытекает из содержания ст. 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Достаточно сложным вопросом применительно к специальным знаниям следует признать отношение к специальным правовым знаниям. Касательно настоящего исследования важно отметить, что для следователя не могут быть признаны специальными знания, на основе которых им производится уголовно-правовая оценка реальных обстоятельств совершенного уголовно наказуемого деяния или он пытается разрешить вопросы процессуального характера. Все другие правовые знания могут считаться таковыми по причине того, что следователь не может обладать профессиональными познаниями во всех областях права. В этой связи следует согласиться с Е. Р. Россинской в том, что следователь обычно владеет знаниями, отражающими только определенные отрасли права, что не позволяет ему на необходимом уровне оперировать всем спектром современного российского законодательства, особенно с учетом его постоянного изменения и развития¹.

При осуществлении следователем профессиональной деятельности, связанной с расследованием транспортных преступлений, им могут достаточно эффективно применяться методы познания, применяемые в теоретических исследованиях, даже несмотря на наличие определенных различий, связанных с уровнем знания об объекте исследования или условиях их применения и т.п. При этом наличие профессионального опыта определенного уровня способно существенным образом повлиять на процесс выявления показателей и уровня специальных знаний. Но все же требуется определенный комплекс научных знаний, как методологического, так и теоретического характера, который бы со всей очевидностью мог свидетельствовать об определенной степени готовности следователя к последующему повышению его уровня как профессионала.

При таком подходе невозможно считать его специалистом исходя из буквального толкования данного понятия и, особенно, воспринимать его как носителя специальных знаний. Это довольно наглядно нашло свое отражение в исследованиях, проведенных Л. В. Лазаревой², с которой следует согласиться в том, что исключительно благодаря сочетанию как теоретических, так и практических знаний возможно надлежащее формирование системы специальных знаний³. Например, у опытных следователей, специализирующихся на расследовании транспортных преступлений, на достаточно высоком уровне находятся знания в сферах организации работы транспорта, вопросах подготовки должностных лиц или технических исследованиях. При этом приобретение таких специальных знаний связано не только с обучением в рамках программы профессиональной подготовки, но и с непосредственной практической деятельностью как основы возникновения профессионального опыта. Отметим, что в ка-

¹ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005. С. 13, 16.

² Лазарева Л.В. Специальные знания и их применение в доказывании по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2009.

³ Лазарева Л.В. Указ. соч. С. 31.

честве цели использования специальных знаний выступает расследование определенных групп преступлений.

Необходимый объем знаний рассмотрим на примере уголовного дела № 1-75/2016, приговор по которому был вынесен Ленинским районным судом г. Красноярска 22 июня 2016 г.

Действия виновного лица — В. А. Сергина — были квалифицированы по ч. 1 ст. 263 УК РФ «Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта лицом, в силу выполняемой работы и занимаемой должности обязанным соблюдать эти правила», которые повлекли за собой причинение крупного ущерба по неосторожности.

В. А. Сергин осуществлял трудовую деятельность в должности кондуктора грузовых поездов цеха по эксплуатации путевых машин 4 разряда. В соответствии с п. 1 должностной инструкции кондуктора грузовых поездов, утвержденной начальником ДПМ 01 октября 2012 г. № 20, В. А. Сергин обязан был знать «Правила технической эксплуатации железных дорог Российской Федерации», «Инструкцию по сигнализации на железных дорогах Российской Федерации», «Инструкцию по движению поездов и маневровой работе на железных дорогах Российской Федерации», специальные станционные технико-распорядительные регламенты, «Инструкцию о регламенте служебных переговоров между машинистом локомотива (дежурным по станции, дежурным по депо) и кондуктором грузовых поездов, должностную инструкцию кондуктора грузовых поездов».

При производстве маневров В. А. Сергин должен выполнять требования данных актов, устанавливающих порядок производства маневров, формировать поезда в точном соответствии с требованиями ПТЭ и иных нормативных актов открытого акционерного общества «Российские железные дороги», обеспечить правильную расстановку и согласовывать действия работников, участвующих в маневрах, осуществлять маневровую работу, а также устанавливать сбрасывающие устройства в положение на «сброс» в соответствии с ТРА станции или производственной базы, закреплять подвижной состав и составы на путях станции и производственной базы в соответствии с ТРА.

В ходе предварительного расследования выявлено, что в нарушение требований п. 20, 36, 41 приложения № 11 к Инструкции по движению поездов и маневровой работе на железнодорожном транспорте Российской Федерации, утвержденной приказом Минтранса России от 4 июня 2012 г. № 162, п. 1.5, 2.3, 2.7.1, 2.7.2. 4.1, 4.2 Инструкции о порядке обслуживания и организации движения на железнодорожном пути необщего пользования, принадлежащего ОАО «РЖД», примыкающего к станции Базаиха Красноярской железной дороги и переданного в ведение дирекции по эксплуатации и ремонту путевых машин, п. 2.1, 2.3, 2.4, 2.8, 2.9 его должностной инструкции от 1 октября 2012 г. № 20, при подаче маневрового состава со станции Базаиха на пути базы ДПМ его сопровождение не осуществлял, после проследования маневровым составом сбрасыва-

вающего остряка № 26 базы ДПМ в рабочее положение «на сброс» его не перевел, после прибытия на 12 путь маневрового состава В. А. Сергин, не дождавшись выполнения снижения давления в автоматических тормозах ЩОМ-1200 машинистом тепловоза на величину не менее 1,5 кгс/см. произвел разъединение рукавов тормозной магистрали, не убедился в отсутствии сжатого воздуха в тормозной магистрали и прижатии тормозных колодок к колесу, отцепил локомотив от подвижного состава ЩОМ-1200.

Далее следователем было установлено, что в нарушение требований подп. 8 п. 20 приложения № 11 ИДП, приложения № 4 к Инструкции о порядке обслуживания и организации движения на железнодорожном пути не общего пользования В. А. Сергин допустил оставление вагонов на 12 пути необщего пользования базы ДПМ без локомотива, где запрещено закрепление подвижного состава. В результате указанных действий В. А. Сергина, после отцепки локомотива, из-за наличия сжатого воздуха в тормозной магистрали произошел самопроизвольный отпуск автоматических тормозов в составе комплекса ЩОМ-1200 и его движение по сверхнормативному уклону по путям в сторону станции Базаиха Красноярской железной дороги. В результате указанных нарушений произошел самопроизвольный уход группы из 16 вагонов с 12 пути базы ДПМ ст. Базаиха с последующим проездом тупиковой призмы и разрушением опоры, эстакады и части трубопроводов, принадлежащих АО «Красноярская теплотранспортная компания».

Как было установлено по результатам предварительного расследования, В. А. Сергин умышленно нарушил требования Инструкции по движению поездов и маневровой работе на железнодорожном транспорте Российской Федерации (утв. приказом Минтранса России от 4 июня 2012 г. № 162, Инструкции о порядке обслуживания и организации движения на железнодорожном пути необщего пользования, принадлежащего ОАО «РЖД», должностной инструкции кондуктора грузовых поездов от 1 октября 2012 г. № 20

Соответственно, деятельность следователя в различных следственных ситуациях предполагает использование специальных знаний в различных формах. Так, с учетом аналитического подхода к специальным знаниям, у следователя возникает возможность использования в условиях определенной следственной ситуации следующих форм специальных знаний:

- специальных знаний, которыми следователь обладает исходя из уровня его как общей, так и профессиональной подготовке, включая опыт профессиональной деятельности;
- привлечение к участию в процессуальных действиях специалистов;
- назначение судебной экспертизы и ее производство;
- осуществление документальных ревизий и проверок;
- материалы допросов экспертов;
- материалы заключений специалистов;
- материалы допросов специалистов;

— материалы устных и письменных консультаций специалистов;
— предоставление консультационной помощи сведущими лицами, не имеющими процессуального статуса (включая и непрофессионального характера).

Безусловно, применённые следователем при расследовании преступлений специальные знания не обязательно должны быть получены во время специальной подготовки, они могут быть приобретены в процессе своего профессионального опыта. Зачастую именно сложность расследуемого транспортного преступления позволяет следователю приобретать необходимые ему специальные знания и практический опыт.

Библиография

1. Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. — М., 1997.
2. Гончаренко, В. И. Научно-технические средства в следственной практике / В. И. Гончаренко. — Киев, 1984. — 149 с.
3. Громов, Н. А. Доказательства, их виды и доказывание в уголовном процессе / Н. А. Громов, С. А. Зайцева, А. Н. Гушин. — М.: Приор-издат, 2005. — 80 с.
4. Колдин, В. Я. Комплексное исследование в судебном доказывании / В. Я. Колдин // Советское государство и право. — 1971. — № 7. — С. 108—112.
5. Лазарева, Л. В. Специальные знания и их применение в доказывании по уголовному делу / Л. В. Лазарева. — М., 2009.
6. Лисиченко, В. К. Формы использования специальных познаний и виды участия специалистов на предварительном следствии / В. К. Лисиченко, В. В. Циркаль // Применение специальных познаний в борьбе с преступностью. — Свердловск, 1983. — 100 с.
7. Махов, В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений / В. Н. Махов. — М.: Изд. РУДН, 2000. — 229 с.
8. Ратинов, А. Р. Вопросы познания в судебном доказывании / А. Р. Ратинов // Советское государство и право. — 1964. — № 8. — С. 106—113.
9. Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. — М., 2005.
10. Сахнова, Т. В. Судебная экспертиза / Т. В. Сахнова. — М., 2008.
11. Соколовский, З. М. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний при установлении причинной связи явлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Харьков, 1968.
12. Сорокотягин, И. Н. Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / И. Н. Сорокотягин. — Екатеринбург, 1992. — 419 с.
13. Сорокотягин, И. Н. Системно-структурная характеристика специальных познаний и формы их использования в борьбе с преступностью / И. Н. Сорокотягин // Межвузовский сборник научных трудов. Применение специальных познаний в борьбе с преступностью. — Свердловск, 1983.
14. Суденко, В. Е. Объективная истина как цель уголовного процесса при расследовании транспортных преступлений / В. Е. Суденко // Транспортное право и безопасность. — 2017. — № 9 (21). — С. 66—73.
15. Шиканов, В. И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса / В. И. Шиканов. — Иркутск, 1978. — 188 с.

16. Эйсман, А. А. Заключение эксперта. Структура и научные обоснования / А. А. Эйсман. — М., 1967.
17. Энциклопедия судебной экспертизы / Под ред. Т. В. Аверьяновой, Е. Р. Россинской. — М., 1999.
-

Special investigator knowledge required when proving for traffic crimes

© **Sudenko V. E.**,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Honorary Worker in the Russian Federation Education

Annotation. The article is devoted to the consideration of issues related to the detection, collection, verification, assessment and investigation of evidence to establish the truth about the investigated event. An important role in this process of evidence is given to the special knowledge of the person conducting the preliminary investigation. The specified knowledge is especially in demand in the investigation of transport crimes and crimes committed in transport, since the process of their investigation has a significant difference from the investigation of crimes committed in other areas. Special knowledge can be obtained with the special training of the investigator, but the most valuable are those obtained from the practice of investigating complex transport crimes. Special knowledge allows us to provide the necessary amount of factual analysis in the framework of the investigation of transport crimes committed in various sectors of the transport infrastructure.

Key words: crime; evidence; evidence in criminal cases; special knowledge; approaches to the definition of specialized knowledge.

Военные проблемы международного права

Терминологические дилеммы в нормативно-правовом обеспечении деятельности Российского воинского контингента в составе Коллективных сил Организации Договора о коллективной безопасности

© Андреев А. Ф.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация. Обоснована необходимость коррекции ряда документов стратегического планирования в сфере военной безопасности Российской Федерации. Определены технико-юридические приемы и средства гармонизации военного законодательства.

Ключевые слова: воинские контингенты, силы специального назначения, миротворческие силы, коллективная безопасность, международный договор, военная доктрина.

Остроактуальной задачей в сфере нормативно-правового обеспечения деятельности Организации Договора о коллективной безопасности является разработка и унификация понятийно-категориального аппарата¹. «Эти меры, по авторитетной экспертной оценке, — необходимое условие гармонизации стратегических подходов к обеспечению национальной безопасности и обеспечения согласованности национальных программных документов (стратегий, концепций) в сфере безопасности»².

Проблемы правового обеспечения деятельности Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ: «несовершенство понятийно-категориального аппарата, нарушение логики построения правовых конструкций, терминологическая подмена, тавтология, управленческий анахронизм и ряд иных», — пред-

¹ Рекомендации по совершенствованию и гармонизации законодательства государств — членов ОДКБ, регулирующих отношения в сфере обеспечения национальной безопасности (приняты Парламентской Ассамблеей ОДКБ постановлением от 13 октября 2017 г. № 10-3.5). [Электронный ресурс]. URL: <https://paodkb.org/documents/rekomendatsii-posovershenstvovaniyu-i-garmonizatsii-zakonodatelstva-gosudarstv-44> (дата обращения: 23.01.2020).

² Бордюжа Н. Н. Проблемы создания нормативной правовой базы по обеспечению деятельности Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности и вопросы гармонизации национального законодательства : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 3 декабря 2009 г. / под ред. М. И. Кротова, П. П. Рябухина. СПб.: Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, 2010. С. 15.

ставлены в научном дискурсе¹. В рамках предмета исследования данной публикации научная задача решается комплексно применительно ко всем элементам системы коллективной безопасности Организации с участием российского воинского контингента.

Российская Федерация как суверенное государство использует все имеющиеся в ее распоряжении силы и средства для обеспечения военной безопасности, на что обращено внимание военными юристами². С этой целью устанавливаются регламентированные правом основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, их основные задачи в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время. В документе стратегического планирования — Военной доктрине Российской Федерации³ данные правоотношения составляют предмет военной политики государства и регламентированы в Разделе III.

Дедуктивный метод исследования содержания данного раздела позволяет прийти к умозаключению, что при решении задач поддержания мира и обеспечения международной безопасности, состав привлекаемых для этого сил ограничен некоторой его частью, которая определяется в праве термином «воинский контингент».

Обратимся к первоисточнику. Согласно п. 29 Военной доктрины Российская Федерация выделяет воинские контингенты в состав миротворческих сил ОДКБ для участия в операциях по поддержанию мира по решению Совета коллективной безопасности ОДКБ. Российская Федерация выделяет воинские контингенты в состав Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ, Коллективных сил быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона коллективной безопасности в целях оперативного реагирования на военные угрозы в отношении государств — членов ОДКБ и решения иных задач, определенных Советом коллективной безопасности ОДКБ.

Из данного комплекса правовых предписаний п. 29 Военной доктрины Российской Федерации могут быть выведены как минимум два следствия: 1) содержанием обязательств России по коллективной безопасности ОДКБ является предоставление на коллективных началах ее воинских контингентов для военной составляющей Организации; 2) потенциал военной коалиции государств — членов ОДКБ образуется совокупностью военных возможностей входящих в нее национальных воинских контингентов.

¹ Андреев А. Ф. Правовое обеспечение деятельности Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности // Международное право и международные организации. 2018. № 4. С. 28.

² См., например: Военное право : учебник / В. К. Белов [и др.] / под ред. В. Г. Стрекозова, А. В. Кудашкина. М.: За права военнослужащих, 2004.

³ Военная доктрина Российской Федерации, утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

Соответствуют ли данные дедуктивно выведенные юридические следствия фактическим правоотношениям государств — членов ОДКБ?

Обратимся с этой целью к нормам права, закрепляющим и регулирующим правоотношения государств — членов ОДКБ по использованию имеющихся в их распоряжении сил и средств в интересах коллективной безопасности Организации. Ключевыми актами, формирующими правовую основу системы коллективной безопасности, являются те, которые определяют состав, предназначение, цели, задачи, правила применения и всестороннего обеспечения военной составляющей ОДКБ. Системный анализ норм, проведенный по указанным основаниям, выстраиваем в следующий фактический состав.

Факт 1.

Системно-структурный метод исследования ст. 1 Соглашения позволяет заключить, что Коллективные силы оперативного реагирования ОДКБ (КСОР ОДКБ) состоят из двух компонентов: воинских контингентов и формирований сил специального назначения¹. Причем, согласно ст. 1 для целей данного Соглашения, исследуемые нами термины, употребляются в следующем значении:

— *«воинские контингенты»* — соединения и воинские части постоянной готовности вооруженных сил Сторон, выделенные в состав КСОР;

— *«формирования сил специального назначения»* — выделенные Сторонами в состав КСОР подразделения специального назначения (группы специалистов) органов внутренних дел (полиции), войск национальной гвардии, органов безопасности и специальных служб, а также органов, уполномоченных в сфере предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Факт 2.

Более наглядная демонстрация возможностей силового компонента КСОР ОДКБ возможна по результатам анализа их типичной войсковой иерархии и фактической структуры. Так, к военному компоненту КСОР ОДКБ относятся: дивизия — 1, бригад — 6, отряд специального назначения — 2, батальон — 1, реактивный дивизион — 1, подразделения обеспечения — 2, авиационная группа — 1.

Специальный компонент сформирован силами специального назначения: подразделения Федеральной службы безопасности (Службы национальной безопасности, Комитета государственной безопасности, Государственного комитета национальной безопасности, Комитета национальной безопасности) — 6; подразделения Специального назначения Министерства внутренних дел — 6; бригада Внутренних войск — 1; батальон Внутренних войск — 1; подразделения Министерства по чрезвычайным ситуациям (Комитета по чрезвычайным ситуациям и гражданской обороны) — 8; подразделения Государственной

¹ Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902272592> (дата обращения: 14.01.2020).

службы по контролю за наркотиками (Федеральной службы по контролю за наркотиками, Антинаркотического комитета) — 3¹.

Факт 3.

Для управления контингентами КСОР ОДКБ при подготовке и проведении операций, организации взаимодействия с заинтересованными министерствами и ведомствами, создается Командование КСОР. Системный анализ структуры (состава) и штата Командования КСОР позволяет заключить, что военная составляющая управления (111 чел.) и ее специальная компонента (21 чел.) находятся в соотношении 5 к 1. Обязательства Российской Федерации по формированию командования КСОР ОДКБ определены: от вооруженных сил — 47 человек, от формирований сил специального назначения — 4 человека, что соответствует коэффициенту 11,75.

Асимметрия представительства по сравнению с другими участниками коллективной безопасности, которые несут аналогичные обязательства с коэффициентом участия равным 3, демонстрирует ролевую позицию России в военно-политическом союзе и ее вклад в потенциал коалиционного военного строительства². По точной экспертной оценке, «...лидирующие позиции России в ОДКБ определяются ее потенциальными возможностями обеспечить своим союзникам должный уровень суверенитета, территориальной целостности и безопасности»³.

Факт 4.

Согласно ст. 2 исследуемого Соглашения КСОР ОДКБ являются компонентом постоянной готовности сил и средств системы коллективной безопасности Организации. Кроме того, их предназначение — оперативно реагировать на вызовы и угрозы безопасности государств — членов (п. 2 ст. 2 Соглашения).

Факт 5.

Последний аргумент в пользу необходимости учета всех сил обеспечения военной безопасности — основные задачи, которые возлагаются на КСОР ОДКБ. К ним относятся: развертывание на территории любой из Сторон с целью демонстрации готовности к применению военной силы; участие в предотвращении и отражении вооруженного нападения, в том числе агрессии, локализации вооруженных конфликтов; участие в мероприятиях по борьбе с междуна-

¹ Андреев А. Ф., Яковлев А. С. Международно-правовые основы коалиционного военного строительства Организации Договора о коллективной безопасности // Международное право и международные организации. 2015. № 4. С. 470.

² Решение Комитета секретарей советов безопасности и Совета министров обороны Организации Договора о коллективной безопасности о типовых структуре и штате Командования Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31589218#pos=1;-159 (дата обращения: 23.01.2020).

³ Семериков В. А. Роль и место России в системе коллективной безопасности ОДКБ // Безопасность России. 2013 – 2014. Экспертно-аналитическое обозрение. М.: Фонд «Наука – XXI», 2014. С. 185.

родным терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оружия и боеприпасов, другими видами транснациональной организованной преступности; усиление войск прикрытия государственных границ и охраны государственных и военных объектов Строн; участие в обеспечении оперативного развертывания объединенных (региональных) группировок войск (сил); участие в выполнении мероприятий по защите населения от опасностей, возникающих при ведении или вследствие военных действий, а также ликвидации чрезвычайных ситуаций и оказании чрезвычайной гуманитарной помощи; иные задачи, определенные Советом коллективной безопасности.

Эмпирические данные фактического состава позволили обнаружить новые обстоятельства и на их основе выстроить следующий логический ряд:

1) КСОР ОДКБ являются двухкомпонентным элементом сил системы коллективной безопасности Организации, который наряду с собственно военной имеет и специальную составляющую;

2) совместное применение военной и специальной компонент КСОР или их самостоятельное использование в целях коллективной безопасности определяется характером вызовов и угроз безопасности государств — членов Организации, а также решаемыми при этом основными задачами;

3) потенциал КСОР ОДКБ достигается консолидацией установленных возможностей сил и средств государств — членов Организации как военной, так и специальной составляющей системы коллективной безопасности;

4) обязательства Российской Федерации, как и других государств — членов ОДКБ, по формированию системы коллективной безопасности и персональный вклад в коалиционное военное строительство определены в нормативном порядке и осуществляются в соответствии с принципом «добросовестности» как в отношении военной, так и специальной составляющей коллективных сил.

Сопоставляя логически выделенные следствия с фактами и вновь открывшимися обстоятельствами, приходим к новому умозаключению: правовой постулат о решении задач поддержания мира и обеспечения международной безопасности составом сил, которые определены в праве термином «воинский контингент», верный — но не полный. Дефект правового предписания нормы п. 29 Военной доктрины Российской Федерации коренится в усеченном составе сил обеспечения военной безопасности, охватывающем исключительно воинские контингенты, однако, как было установлено исследованием, не учитывающим вторую ее составляющую — формирования сил специального назначения. Такая правовая конструкция не соответствует обязательствам России по меж-

дународным договорам и практике коалиционного военного строительства на пространстве ОДКБ¹.

Насколько выявленный дефект имеет существенное значение для управления войсками? Или, иными словами, имеет ли место закономерность, отражающая причинно-следственную связь и взаимозависимость правового фактора и системы управления войсками?

На наш взгляд, данная взаимосвязь и взаимозависимость проявляется в следующем.

Система управления войсками реализует потенциальные возможности всех войсковых формирований в их совокупности и в соответствии с предназначением и потенциальными возможностями. Только посредством управления возможно в целях реализации плана применения коллективных сил добиться высокой боевой готовности подразделений, умелого сосредоточения усилий войск и непрерывности их взаимодействия, осуществить гибкий маневр и всестороннее обеспечение.

Элементом управления войсками является оценка своих сил и сил противника.

Оценка сил противника по критерию «воинские контингенты» не отражает силы противостоящей стороны, иницирующие риски военной безопасности, но формально не попадающие под определение воинских контингентов (силы специальных операций, частные военные компании, иные иррегулярные вооруженные формирования).

Дихотомия правовых последствий предписания п. 29 Военной доктрины Российской Федерации имеет негативные последствия при оценке собственных (коалиционных) сил — исключает силы, привлекаемые для совместного решения задач военной безопасности с воинскими контингентами, или в необходимых случаях, используемых самостоятельно для парирования военных угроз.

Следовательно, выявленный дефект правового предписания нормы п. 29 Военной доктрины Российской Федерации не только ограничивает потенциальные возможности участия России в составе сил коллективной безопасности ОДКБ, но и оказывает влияние на управление коалиционными войсками (силами).

Приходим к выводу о необходимости детализации п. 29 Военной доктрины Российской Федерации указанием на контингенты войск (сил), предоставляемых Российской Федерацией в состав КСОР ОДКБ.

Подобное авторское предложение по своей сути корреспондирует терминологии, используемой в Соглашении о КСОР ОДКБ (ст. 1) и является оптимальным с позиций юридической техники. Представляется, что данное

¹ См. об этом подробнее: Андреев А. Ф. Соотношение положений Военной доктрины Российской Федерации с международными обязательствами России по коллективной обороне // Военное право. 2019. № 1(53). С. 35—45.

предложение является уместным и для контингентов, выделяемых в состав КСБР ЦАР (п. 29 Военной доктрины Российской Федерации).

Коллективные силы быстрого развертывания — это высоко подготовленные, хорошо технически оснащенные преимущественно десантно-штурмовые и горно-стрелковые подразделения государств — членов ОДКБ ЦАР. В состав КСБР ЦАР входят подразделения от вооруженных сил четырех государств: Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан. Общая численность КСБР ЦАР на сегодня составляет около 5 тыс. человек.

В 2010 г. в Организации завершено формирование Миротворческих сил ОДКБ, в состав которых всеми государствами — членами ОДКБ выделены военный, милицейский (полицейский) и гражданский персонал. В настоящее время суммарный потенциал Миротворческих сил ОДКБ составляет порядка 7 батальонов общей численностью около 3600 человек.

Юридически приемлемым термином, охватывающим все перечисленные типы подразделений состава миротворческого контингента, является дефиниция «войска (силы)».

Следовательно, термин «контингенты войск (сил)» является универсальным и приемлем в правовых конструкциях, используемых для регулирования отношений с участием миротворческих сил. Семантическая совместимость новой редакции п. 29 Военной доктрины Российской Федерации с учетом предлагаемого обоснования может быть обеспечена посредством следующего предписания: *«Российская Федерация выделяет контингенты войск (сил) в состав миротворческих сил ОДКБ для участия в операциях по поддержанию мира по решению Совета коллективной безопасности ОДКБ».*

Таким образом, обозначенная проблема находится в междисциплинарной плоскости оперативного искусства и юриспруденции и может быть решена методом интеграции военной и юридической терминологии.

Охват единым термином «войска (силы)» всей совокупности сил коллективной безопасности Организации — суть технико-юридического средства нормативно-правового обеспечения деятельности ОДКБ с учетом выявленных факторов. Обоснованность данного предложения подтверждается практикой коалиционного военного строительства Организации. Так, в рамках реализации утвержденных президентами Основных направлений развития военного сотрудничества государств — членов ОДКБ на период до 2020 г. и Стратегией коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г. одной из ключевых и важнейших задач является интегрирование сил и средств системы коллективной безопасности в Войска (Коллективные силы) ОДКБ, то есть объединение

уже созданных и вновь формируемых компонентов в целостную систему коллективной безопасности¹.

Концептуальные положения документов стратегического планирования ОДКБ материализуются в правовых нормах, определяющих, например, деятельность постоянно действующего рабочего органа Организации — Объединенного штаба ОДКБ. Так, п. 1.1 Положения об Объединенном штабе ОДКБ содержит норму-дефиницию, согласно которой под Войсками (Коллективными силами) понимаются региональные (объединенные) группировки войск (сил) (за исключением региональных (объединенных) группировок войск (сил), создаваемых на двусторонней основе), Коллективные силы оперативного реагирования, Коллективные авиационные силы, Миротворческие силы².

Указанные обстоятельства обосновывают необходимость корректировки п. 29 Военной доктрины Российской Федерации посредством замены термина «воинские контингенты», другим — «контингенты войск (сил)».

Решение данной задачи может быть осуществлено в форме правотворчества следующими технико-юридическими средствами (методами):

1. Изложить первое предложение п. 29 Военной доктрины Российской Федерации в редакции: *«Российская Федерация выделяет контингенты войск (сил) в состав миротворческих сил ОДКБ для участия в операциях по поддержанию мира по решению Совета коллективной безопасности ОДКБ».*

2. Изложить второе предложение п. 29 Военной доктрины Российской Федерации в редакции: *«Российская Федерация выделяет контингенты войск (сил) в состав Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ, Коллективных сил быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона коллективной безопасности в целях оперативного реагирования на военные угрозы в отношении государств – членов ОДКБ и решения иных задач».*

Выводы.

Российская Федерация на коллективных началах участвует в формировании, управлении и совершенствовании системы коллективной безопасности ОДКБ.

Содержанием правоотношений Российской Федерации в сфере военной безопасности, действующее законодательство определяет обязательства по выделению национального воинского контингента в состав сил коллективной безопасности ОДКБ.

Как показали результаты исследования, усеченный состав сил обеспечения военной безопасности, ограниченный п. 29 Военной доктрины

¹ Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. URL: http://odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=1672 (дата обращения: 23.01.2020).

² Положение об Объединенном штабе Организации Договора о коллективной безопасности, утверждено Решением Совета коллективной безопасности ОДКБ от 14 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.spinform.ru/spisdoc.fwx> (дата обращения: 23.01.2020).

Российской Федерации исключительно воинскими контингентами, вступает в противоречие с теми границами развития и применения военной составляющей ОДКБ, которые определены уставными и другими актами Организации. Такая правовая конструкция документа стратегического планирования не соответствует обязательствам России по международным договорам и практике коалиционного военного строительства на пространстве ОДКБ.

Представляется, что потенциал, заложенный в нормах Военной доктрины Российской Федерации, может быть использован в большем объеме при корректировке ряда ее положений. Техничко-юридические приемы и средства гармонизации военного законодательства в данной предметной области могут быть, например, использованы в авторском вариативном подходе. Высказанные предложения позволяют в том числе разрешить имеющееся противоречие в правовом регулировании участия Российской Федерации в коалиционном военном строительстве ОДКБ и внести вклад в обеспечение военной безопасности Российского государства.

Библиография

1. Военное право : учебник / В. К. Белов [и др.] / под ред. В. Г. Стрекозова, А. В. Кудашкина. РОД «За права военнослужащих». М., 2004. Сер. Выпуск 45 «Право в Вооруженных Силах — консультант». — 640 с.
 2. Андреев, А. Ф. Международно-правовые основы коалиционного военного строительства Организации Договора о коллективной безопасности / А. Ф. Андреев, А. С. Яковлев // Международное право и международные организации. — 2015. — № 4. — С. 458—477.
 3. Андреев, А. Ф. Правовое обеспечение деятельности Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности / А. Ф. Андреев // Международное право и международные организации. — 2018. — № 4. — С. 28—38.
 4. Андреев, А. Ф. Соотношение положений Военной доктрины Российской Федерации с международными обязательствами России по коллективной обороне / А. Ф. Андреев // Военное право. — 2019. — № 1(53). — С. 35—45.
 5. Проблемы гармонизации национального законодательства по обеспечению деятельности воинского контингента государств — членов ОДКБ: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 3 декабря 2009 г. / Под ред. М. И. Кротова, П. П. Рябухина. — СПб.: Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, 2010. — 52 с.
 6. Семериков, В. А. Роль и место России в системе коллективной безопасности ОДКБ / В. А. Семериков / Безопасность России. 2013—2014. Экспертно-аналитическое обозрение. — М.: Фонд «Наука-XXI», 2014. — 272 с.
-

Terminological Dilemmas in Legal Support activities of the Russian military contingent Collective Security Treaty Organization Collective Forces

© **Andreev A. F.**,

PhD in law, associate Professor, associate Professor of the Department of political and legal disciplines and social communications of the Russian presidential Academy of national economy and public administration

Abstract. The necessity of correcting several strategic planning documents in the sphere of military security of the Russian Federation is justified. Technical and legal methods and means of harmonization of military legislation are defined.

Key words: military contingent, special forces, peacekeeping force, collective security, international treaty, military doctrine.

Нюрнбергский процесс: правовые уроки для современности (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне)

© Дамаскин О. В.,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник Института государства и права РАН

Аннотация. Рассматриваются уроки Нюрнбергского процесса, их значение для современности в интересах национальной и международной безопасности. Показан прецедентный характер уроков Нюрнберга. На конкретных примерах современной агрессивной политики США и их союзников показана актуальность проблем сохранения мира и безопасности, необходимости юридической ответственности государств и конкретных лиц за военные преступления.

Ключевые слова: международное право, международный уголовный суд, военная агрессия, фашизм, преступления против мира и человечности.

9 мая 2020 г. исполнилось 75 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Ударные силы фашистского блока были разгромлены совместными усилиями союзных народов и армий. В этом состоит историческое значение антигитлеровской коалиции. Решающая роль в разгроме фашистской Германии в ходе Второй мировой войны принадлежит Советскому Союзу и его Вооруженным силам.

Многочисленными фактами и цифрами уже давно доказано, что основная тяжесть войны легла на плечи советского народа¹.

Германия стала приближаться к своему краху уже начиная с битвы 1941 г. под Москвой. Гитлеровцам не удалось ворваться в Ленинград, войска и граждане города выдержали 900-дневную фашистскую блокаду.

В исторической Сталинградской битве фашистский блок потерял 1,5 млн. солдат и офицеров — 25 % своих сил, действовавших на советско-германском фронте. Героизм советских воинов был проявлен и в последующих операциях — Курской, Белорусской, Висло-Одерской, Яско-Кишиневской, в действиях по освобождению стран Центральной и Юго-Восточной Европы. При этом наши потери в Польше составили свыше 600 тыс. человек, в Венгрии и Чехословакии — по 140 тыс., в Германии — 102 тыс. Всего же в ходе освободительной миссии Советской Армии в Европе и Азии погибло более одного миллиона советских воинов.

Вторая мировая война, развязанная нацистскими преступниками, унесла более 50 млн. человеческих жизней. В результате фашистского нашествия

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : Сб. материалов. В 7 т. М., 1960-1961. Т. 5. С. 569.

только наша страна потеряла минимум одну треть национального достоинства и более 26 миллионов людей убитыми, из которых более 18 млн. составили мирные жители. Наши потери значительно больше, чем у Германии. Очевидно, если бы наши войска в побежденной Германии вели себя так же, как немецкие войска у нас, можно было бы уравнивать и даже увеличить потери Германии. Однако наш народ и армия, верные принципу гуманизма, не могли так поступить, исходя из того, что «гитлеры приходят и уходят, а народ германский остается».

Союзники во Второй мировой войне — СССР, Великобритания, США и Франция, выражая волю жертв гитлеровской агрессии, всех миролюбивых людей планеты стали учредителями Суда народов, получившего название Нюрнбергского трибунала, по месту его проведения. Более 20 государств присоединились к Лондонскому соглашению четырех союзнических государств антигитлеровской коалиции, утвердившему статус, цели, задачи и механизм деятельности международного суда.

Этому способствовали решения, принятые руководителями СССР, США, Великобритании на конференциях в Тегеране (28.11—1.12.1943 г.), в Ялте (4—11.2.1945 г.), в Потсдаме (17.7—2.8.1945 г.).

Победа союзников на полях боевых сражений завершилась победой разума, справедливости и законности в Нюрнбергском процессе. На скамье подсудимых впервые в истории оказались главные государственные преступники нацистской Германии, которые вместе с Гитлером готовили и осуществляли планы порабощения народов и государств, на основе фашистской идеологии, в целях установления мирового господства.

Суду были преданы 24 военных преступника, входивших в число политического и военного руководства нацистской Германии: Геринг, Гесс, Риббентроп, Лей, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Функ, Шахт, Крупп, Денниц, Редер, Ширах, Заукель, Йодль, Борман, Папен, Зейс-Инкварт, Шпеер, Нейрат, Фриче. Подсудимые обвинялись в том, что в целях установления мирового господства Германии они развязали и вели агрессивные войны, организовали и осуществили тягчайшие преступления против человечества.

Международный трибунал в обвинительном заключении поставил вопрос о признании преступными ряда организаций, действовавших в нацистской Германии. К ним были отнесены: правительственный кабинет (имперские министры, руководители центральных ведомств, министры без портфеля, члены Совета министров по обороне Германии, члены Тайного совета); руководящий состав национал-социалистической партии; охранные отряды нацистской партии (СС); тайная государственная полиция (гестапо) и служба безопасности (СД); штурмовые отряды нацистской партии (СА); генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил (ОКВ). В Уставе Международного трибунала было указано, что если Трибунал признает организацию преступной, то компетентные власти будут вправе привлекать отдельных лиц к суду за при-

надлежность к такой организации, а ее преступный характер не может быть оспорен.

Нюрнбергский процесс проходил с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. Главным обвинителем от СССР был назначен Р. А. Руденко. Советские обвинители представили доказательства по всем разделам обвинительного акта о преступлениях, совершенных не только против СССР, но и против Польши, Чехословакии, Греции. Основная часть материалов и доказательств, представленных советской стороной, была собрана органами прокуратуры. В речах Р. А. Руденко дана характеристика значения процесса и его правовых особенностей, представлены доказательства по делу фашистских организаций (СС, гестапо, руководящего состава нацистской партии и др.). В заключение Р. А. Руденко сказал: «Во имя подлинной любви к человечеству, которой исполнены народы, принесшие величайшие жертвы для спасения мира, свободы и культуры, во имя памяти миллионов невинных людей, загубленных бандой преступников, представших перед судом передового человечества, во имя счастья и мирного труда будущих поколений я призываю суд вынести всем без исключения подсудимым высшую меру наказания — смертную казнь. Такой приговор будет встречен с удовлетворением всем передовым человечеством». «На полях битв человечество уже вынесло свой приговор преступному германскому фашизму. В огне величайших в истории человечества битв героической Советской Армией и доблестными войсками союзников были не только разгромлены гитлеровские орды, но утверждены высокие и благородные принципы международного сотрудничества, человеческой морали, гуманные правила человеческого общежития. Обвинение выполнило свой долг перед Высоким судом, перед светлой памятью невинных жертв, перед собственной совестью. Да свершится же приговор над фашистскими палачами. Суд народов справедливый и суровый!»¹.

Нюрнбергский трибунал не был орудием мести, произвола или расправы победителей над побежденными. Изучение материалов Нюрнбергского процесса позволяет констатировать, что этот многомесячный процесс проходил в строгих рамках юридических процедур, при гарантии права подсудимых на защиту, его освещали около полутора тысяч аккредитованных журналистов. Скрупулезное соблюдение судьями и обвинителями юридических норм и процессуальной культуры не могли отрицать даже приверженцы нацизма.

Материалы учрежденной Президиумом Верховного Совета СССР 2 ноября 1942 г. Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, переданные Советским Союзом в распоряжение Международного военного трибунала, составили 54 784 акта².

На Нюрнбергском процессе Р. А. Руденко было приведено высказывание Гитлера, обнародованное еще в 1940 году в книге «Голос разрушения» его при-

¹ Там же.

² Нюрнбергский процесс. В 2 т. М., 1951. Т. 2. С. 282.

ближенным Раушинингом. «После столетий хныкания о защите бедных и униженных наступило время, чтобы мы решили защитить сильных против низших. Это будет одна из главных задач немецкой государственной деятельности на все время — предупредить всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами дальнейшее увеличение славянской расы. Естественные инстинкты повелевают всем живым существам не только завоевывать своих врагов, но и уничтожать их»¹.

В начале 1941 г. Гитлер дал чудовищную стратегическую установку о необходимости сократить число славян на 30 млн. человек².

На суде бывший руководитель германской прессы и радиовещания Г. Фриче в своих показаниях признал, что он «организовал широкую компанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность, что в этой войне повинна не Германия, а Советский Союз». «Никаких оснований к тому, чтобы обвинять СССР в подготовке нападения на Германию, у нас не было»³. «О какой «превентивной» войне может идти речь, — говорил в речи на процессе Р. А. Руденко, — когда документально доказано, что Германия заранее разработала и подготовила план нападения на СССР, сформулировала грабительские цели этого нападения, наметила территории Советского Союза, которые она намерена была захватить, установила методы ограбления этих территорий и истребления их населения, заблаговременно отмобилизовала свои войска и придвинула к границам СССР 170 полностью подготовленных дивизий, которые ожидали лишь сигнала для выступления»⁴.

Подготовив и осуществив вероломное нападение на славянские и другие государства Европы, главари Третьего рейха превратили войну в систему военнизированного бандитизма. Убийства военнопленных, уничтожение гражданского населения, ограбление захваченных земель и другие преступления были частью программы тотальной войны. Только в г. Киеве было уничтожено около 200 тыс. мирных жителей, в г. Ровно и Ровенской области было уничтожено 102 тыс. человек⁵. Огромные людские потери понесла Белоруссия. Только в лагерях Майданек и Освенцим в газовых камерах были убиты более пяти с половиной миллионов мирных жителей, значительную часть которых составляли славяне⁶.

Концентрированная идеология нацизма была представлена Гитлером в его книге «Моя борьба», законченной в ноябре 1926 г. Поэтому на Нюрнбергском процессе она стала одним из основных идеологических доказательств обвинения. Английский обвинитель Элвин Джонсон в своей речи на процессе

¹ Там же. Т. 1. С. 279—280.

² Там же. С. 102.

³ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. 5. С. 569.

⁴ Нюрнбергский процесс. Т.1. С. 262.

⁵ Там же. Т. 2. С.6, 375, 376, 383.

⁶ Там же. Т. 1. С. 266, 563.

сказал: «Благодаря усилиям подсудимых и их сообщников эта книга отравила сознание целого поколения и извратила мировоззрение целого народа. ... От книги «Моя борьба» прямая дорога ведет к печам Освенцима и газовым камерам Майданека. Идеи Гитлера о неизбежной борьбе за существование изложены в связи с доктриной о превосходстве арийцев над другими расами и о праве германцев в силу этого превосходства господствовать над другими расами, использовать их как средство для достижения собственных целей. Основное в этой книге — это проповедь организации и применения силы, проповедь превосходства арийской расы над другими расами и права завоевывать их и править ими, а также в утверждении, что все доктрины, которые проповедают мирное разрешение международных вопросов, представляют опасную для нации слабость. Доказательства, заключенные в книге «Моя борьба», будучи рассмотрены в свете последующего поведения Германии по отношению к другим странам, показывают, что с момента достижения власти, а фактически задолго до этого, Гитлер и его сообщники-подсудимые были заняты тем, что планировали и подготавливали агрессивную войну. События доказали это кровью и несчастьями миллионов женщин, мужчин и детей».

Политика геноцида нацистской Германии наиболее явно воплотилась в Генеральном плане «Ост», плане руководства нацистской Германии по колонизации и германизации стран Восточной Европы. После нападения Германии на Советский Союз были разработаны основные положения и принципы колониальной политики гитлеровского руководства на оккупированных территориях СССР. В плане «Ост» ставилась задача уничтожить Советское государство, лишить народы СССР государственности. Он предусматривал уничтожение, выселение, онемечивание населения государств Восточной Европы. Предполагалось переселить в Сибирь около 30 миллионов человек с территории Польши и западных районов СССР. Это означало выселение 80 % польского населения, 65 % населения Западной Украины, 75 % Западной Белоруссии, значительной части населения Литвы, Латвии, Эстонии. На их место планировалось переместить 10 млн. немцев. Планировалось уничтожение на оккупированных территориях 5—6 миллионов евреев, 30 миллионов русских.

Историческая значимость и юридическая ценность Нюрнбергского процесса состоит в радикальном обновлении системы и принципов международного права, его уголовно-правового содержания, как нового направления юридической доктрины и практики — международного уголовного права. Он первый объявил агрессию тягчайшим международным преступлением и впервые установил юридическую ответственность юридических лиц за ее совершение.

Криминализация агрессии как тягчайшего международного преступления получила прочную легитимную базу. Принципиальные положения Устава и Приговора Нюрнбергского трибунала вошли в международное право, что нашло подтверждение в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 11 сентября 1946 г., способствовали обновлению гуманитарного законодательства, вклю-

чая сферу гарантий прав и свобод личности. Эти принципы выдержали испытание последующего времени и событий, проявили востребованность в сфере глобальных противоречий, порождаемых не только объективным развитием цивилизации, но и субъективным корыстно-эгоистическим нарушением ее закономерностей¹.

Прошло много времени, но постановление Международного трибунала в Нюрнберге об осуждении жестокостей во время войны актуально и сейчас. Во время агрессии НАТО в Югославии войска западной коалиции бомбили и разрушали мосты, больницы, объекты энергетики, объекты гражданского назначения. Больше всего пострадало гражданское население. Нанося жестокие удары по незащитным мирным объектам, они вынудили руководство Югославии капитулировать. Такой способ ведения войны становится системной стратегией XXI в. В Первой мировой войне потери гражданского населения составили 5 % от общего числа потерь, во Второй мировой войне — 65 %, во Вьетнамской войне — 95%, в Югославии — около 98 %. В настоящее время такой подход применяется и совершенствуется Киевской властью на Юго-Востоке Украины.

На Нюрнбергском процессе был сформулирован и закреплен ряд основополагающих принципов уголовного права и процесса. В частности, впервые был претворен в жизнь принцип, согласно которому должностное положение подсудимого (будь то глава государства или иной государственный служащий) не является основанием для освобождения от ответственности, равно как и ссылки виновных на то, что они действовали во исполнение преступного приказа. Принципы, признанные Уставом Международного военного трибунала и нашедшие выражение в его Приговоре, подтверждены в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. и 27 ноября 1947 г. в качестве общепризнанных принципов международного права. Впоследствии на их основе была выработана Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г. Это означает, что положения, содержащиеся в Уставе Нюрнбергского трибунала, и сейчас сохраняют свою юридическую силу.

Представляется, что об актуальности Нюрнбергского процесса свидетельствует ряд положений.

Во-первых, время, в которое мы живем, характеризуется большим числом преступлений против мира и человечества, военных преступлений, преступлений геноцида, преступлений против международного права. Решения Нюрнбергского процесса, как и стремления большинства людей, направлены на со-

¹ Нюрнберг предупреждает: от нацизма до терроризма : Материалы международной конференции «Нюрнбергский процесс — история и современность». 2—3 октября 2001 г. Москва. М.: НОРМА, 2002; Последняя точка Второй мировой : Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». 27 ноября 2008 г. М: Юридическая литература, 2009.

здание реально действующего, постоянного Международного уголовного суда с целью привлечения к ответственности тех, кто совершал, совершает и будет совершать такие преступления. Это касается также вопроса срока давности уголовно преследования в международном уголовном праве, что лишит преступников уверенности в их безнаказанности.

Во-вторых, Статут Международного военного суда, который был определен Лондонским соглашением от 8 августа 1945 г., предусматривающим его правовую сторону, имеет специальное предназначение, потому что является первым актом в области международного права. В Определении Статута решены многие принципиальные вопросы, которые оказывают решающее влияние на развитие международного уголовного права. Это вопросы об исполнении наказного преступления; о положении, полномочиях и ответственности главы государства; о соучастии; об ответственности за участие в преступных группировках и др.

В-третьих, отдельные уголовные процессы, которые велись после завершения Нюрнбергского процесса на основе Закона № 10 Контрольного Совета для Германии, состоявшегося 20 декабря 1945 г. в Берлине, свидетельствуют о необходимости беспристрастного и независимого постоянного и единого Международного уголовного суда. На такой подход должен быть ориентирован Статут постоянного Международного уголовного суда, принятого 17 июля 1998 г. в Риме, как гаранта международного единства и справедливости.

Однако, в современных условиях глобализации агрессивное доминирование США и их союзников в интересах эксплуатации иных стран мира создает предпосылки для дальнейшего нагнетания международной напряженности, создающей угрозы международной безопасности¹. Все более изощренные и разрушительные формы принимает международный терроризм, происходят региональные и межнациональные конфликты и войны в различных районах мира, сопровождающиеся преступлениями против человечности, массовым истреблением гражданского населения и другими военными преступлениями. Неоднократно лицам, виновным в геноциде, военных и других преступлениях против человечества удавалось избежать правосудия. Такое состояние обуславливает потребность решительных и сплоченных усилий со стороны мирового сообщества по восстановлению и защите мира и международного правопорядка. Участие Вооруженных сил России по просьбе правительства Сирии в борьбе с терроризмом способствует в настоящее время стабилизации положения.

В июле 1998 г. на Дипломатической конференции Полномочных представителей ООН в Риме был принят Статут Международного уголовного суда, который полномочен судить индивидов, совершивших серьезные нарушения международного гуманитарного права. Однако, проблема состоит не только в наличии или отсутствии специальных институтов международного правосудия.

¹ Дамаскин О. В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности : монография. М.: Пограничная академия ФСБ России, 2016.

Опыт использования механизма международного правосудия в международных трибуналах для Руанды и для бывшей Югославии, учрежденных Советом Безопасности ООН, представляется проблематичным, ввиду их явной политизированности и подверженности внешним влияниям. Решение этой проблемы в решающей степени зависит от готовности и способности, воли государств соблюдать нормы и принципы международного права не на словах, а на деле.

Опыт Нюрнберга и последующая история убедительно показывают, что осуществление международного правосудия может и должно быть результатом искренних, деятельных усилий всех заинтересованных государств-членов ООН. Только в этом случае вердикты органов международного правосудия будут пользоваться заслуженным авторитетом у мирового сообщества. Поэтому совершенно недопустимо присвоение роли «международного судьи» каким-либо отдельным государством или военно-политическим блоком, не считаясь с мнением других государств и международных организаций. При этом современная Россия твердо заявляет о своей приверженности тем принципам, которые были провозглашены и применены на Нюрнбергском процессе. Наша страна, внесшая основной вклад в достижение победы союзников над фашистской Германией во Второй мировой войне, вправе ожидать соблюдения принципов Нюрнбергского суда от всех государств, входящих в ООН.

Весьма опасно забвение и игнорирование уроков Нюрнбергского процесса в Украине, где распространяется буржуазно-националистическая неофашистская идеология. В нравственно-психологической атмосфере этого региона реанимируется и формируется культ таких «вождей» национализма, как Шептицкий, Коновалец, Бандера, Мельник, Шухевич и др. Вожди ОУН-УПА, действуя в западных областях, стремились превратить всю Украину в сателлита фашистской Германии. Об этом свидетельствует содержание так называемого «Акта провозглашения Украинской Державы», принятого 30 июня 1941 г. во Львове на собрании националистов и представителей германских оккупационных войск, отмечаемом в настоящее время как праздник освобождения города от большевизма и «москалей», фактически посвященный захвату города вермахтом. Нынешние наследники Бандеры приводят только следующие слова Акта: «Волею украинского народа Организация националистов под водительством Степана Бандеры провозглашает создание Украинской Державы». Однако в Акте есть третий пункт, который гласит: «Вновь образуемая Украинская Держава будет тесно сотрудничать с национал-социалистической великой Германией, которая под водительством своего вождя Адольфа Гитлера создает новый строй в Европе и мире и помогает украинскому народу избавиться от московской оккупации. Украинская национальная революционная армия, создаваемая на украинской земле, будет и дальше сражаться союзной германской армией против московской оккупации за суверенное соборное государство и новый строй во всем мире». Очевидно, иначе как клятву на верность фашизму такое заверение рассматривать нельзя. Многочисленные факты убедительно свиде-

тельствуют о массовых злодеяниях ОУН-УПА под руководством немецких фашистов, их участии в массовых убийствах украинцев, русских, белорусов, поляков, евреев и др.

Важнейшие источники о фашистских злодеяниях в славянских странах отражены в различных частях двухтомника «Нюрнбергский процесс», опубликованного в 1951—1952 гг., а затем 7-томного и 8-томного изданий материалов «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками» и «Нюрнбергский процесс», выпущенных издательством юридической литературы в 1957—1961 гг. и в 1987—1990 гг.

Национализм и неофашизм как современные формы политико-правового игнорирования норм международного права живучи и многолики.

Одним из проявлений этого является вандализм в отношении памятников и памятных мест, увековечивающих память о погибших в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны.

Итоги и уроки Нюрнбергского процесса по истечении семидесяти лет, после его завершения сохраняют свою актуальность не только в силу памяти о жертвах, понесенных во Второй мировой войне и благодарности победителям за усилия приложенные для достижения Победы, но и в связи с современным кризисным состоянием цивилизации, мира и безопасности человечества. Происходящие в мире события, связанные с переосмыслением роли общества и государств, состояния современных международных отношений, экономических, социальных, правовых проблем, новых опасностей и угроз для существования безопасных условия устойчивого развития человечества¹ обуславливают реальную потребность переосмысления материалов Нюрнбергский процесса, их учета в интересах национальной и международной безопасности.

Складывавшийся веками в кровопролитных войнах мировой правопорядок снова находится в критическом состоянии выбора между миром и войной². Однако, если примитивные средства ведения войн в прежние века позволяли победителям рассчитывать на дальнейшее угнетение и эксплуатацию побежденных, как классическую форму организации эксплуататорского общества, то в настоящее время попытка передела мира, в борьбе за ресурсы выживания, использования новых технологических средств реформирования психологии мыслительных процессов, роботизации, средств цифровой экономики для создания системы цифрового рабства, в условиях возможности применения ракетно-ядерного, бактериологического и иных видов оружия, ставят человечество перед необходимостью осознания личной роли человека в обществе.

¹ Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации : монография. М.: Проспект, 2020.

² Дамаскин О. В. Транснациональная организованная преступность: проблемы международной и национальной безопасности : монография. М.: Юрлитинформ, 2019.

Курс на постоянную победу силы, принуждения достиг своего предела, за которым стоит роботизация, как замена людей искусственным интеллектом машин, свободных от чувств, эмоций, переживаний¹.

Сторонники либерально-глобалистского курса во главе с США осуществляют глобальную экспансию, стремясь к установлению своего мирового господства, утверждают, что происходящее в Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. было утверждением права победителей чинить суд над побежденными. При этом и либералы-глобалисты игнорируют масштабы вызова, современных агрессоров всем нормам гуманизма, морали и справедливости.

Вопрос о коллективной ответственности нацистского руководства обсуждался участниками антигитлеровской коалиции уже на первых этапах войны. Первые дискуссии об этом относятся еще к 1942 г. 19 октября 1942 г. Советское правительство выпустило заявление «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы», в котором было сказано о необходимости учреждения Международного военного трибунала для расследования военных преступлений. Сталин, Рузвельт и Черчилль осознавали необходимость коллективной ответственности нацистской верхушки за совершенные ею деяния. Однако если позиция СССР с самого начала заключалась в необходимости суда, то Черчилль заявлял о необходимости казни без суда всей нацистской верхушки. Главным аргументом, который противопоставляла советская сторона этим настроениям западных политиков и общества, была необходимость именно правового разрешения ответственности агрессоров². Соглашение о создании Международного Военного Трибунала и его устава были разработаны СССР и его союзниками — США, Великобританией и Францией — на лондонской конференции 16 июня — 8 августа 1945 г. Разработанный в ходе той встречи документ стал выразителем позиции всех 23 стран-участниц конференции.

Принципы устава трибунала были утверждены Генеральной Ассамблеей ООН как общепризнанные в борьбе с преступлениями против человечества. Отсутствие наказания для главных виновников Первой мировой войны способствовало тому, что руководители нацистского государства восприняли это как индульгенцию на развязывание агрессии и совершение военных преступлений. В связи с упреками СССР за заключение соглашений с гитлеровской Германией надо признать, что Москва решилась договариваться с Берлином только после сговора в Мюнхене и отказа Великобритании и Франции заключать ответственные военно-политические соглашения с СССР в августе 1939 г. При этом

¹ Хабриева Т. Я. Проекция развития конвергентных технологий в праве // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества. Доклады членов РАН. М.: ИГП РАН, 2019. С.142.

² Зорькин В. Д. Справедливость — императив цивилизации права // Вопросы Философии. 2019. № 1. С. 5—14.

роль Польши в судьбе Чехословакии, состояла в выдвижении к этой стране территориальных претензий и содействии ее разделу.

Нюрнбергский процесс, подтвержденные, развитые и выработанные в его ходе принципы, включая принцип уголовной ответственности физических лиц вне зависимости от должностного положения, и основополагающие критерии тягчайших международных преступлений, способствовали развитию международного гуманитарного права, международного правозащитного права, международного уголовного права.

Эти принципы были подкреплены решениями только начавшей свою работу Генеральной Ассамблеи ООН: резолюциями A/RES/95 (I) от 11 декабря 1946 г. и A/RES/177 (II) от 21 ноября 1947 г. На основе этих резолюций уже в 1948 г. была принята Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, а впоследствии, в 1973 г., — Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него.

Неприменение сроков давности было кодифицировано в Конвенции ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности 1968 г., Положении об ответственности за нарушение запретов и предписаний Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительных протоколов 1977 г.

Исследование в ходе Нюрнбергского процесса катастрофических масштабов разрушения сокровищ мировой культуры во многом повлияло на принятие Конвенции ЮНЕСКО о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. и ее нормативную суть.

Выводы и правовые позиции Международного трибунала отразились в содержании Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Международных пактов о правах человека 1966 г. Следовательно, Нюрнбергский трибунал, подведя правовыми средствами итоги Второй мировой войны, создал предпосылки для формирования основ современного мирового правопорядка, включая такие сферы, как защита прав человека и международное гуманитарное право. Принципы и нормы, выработанные при его создании и в процессе работы, стали неотъемлемой частью этого правопорядка.

Заложенные в Нюрнберге принципы неотвратимости наказания за совершение преступления против международного права, индивидуальной уголовной ответственности вне зависимости от должностного положения лица, договорного порядка образования органов международной уголовной юстиции были реализованы в последующей практике далеко не всегда.

Поэтому, оценив кровопролитный вооруженный конфликт, сопровождавший распад Федеративной Югославии, и геноцид, в который вылились междоусобные столкновения в Руанде, как угрозу международному миру и безопасности, международное сообщество решило создать специальные

трибуналы — Международный трибунал для бывшей Югославии (МТБЮ) и Международный трибунал по Руанде (МТР).

Создание таких судебных органов, как МТБЮ и МТР, являлось новым словом в истории мирового правосудия. Впервые в истории человечества речь шла не о суде победителей над побежденными, а делалась заявка на то, что все международное сообщество будет беспристрастно и объективно судить тех, кто попрал нормы международного права и просто человеческие представления о нравственности и гуманности.

Однако МТБЮ, и МТР были созданы не в соответствии с международными договорами, а в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН. Это вызывает споры в международном юридическом сообществе. В частности, некоторые юристы ставят под сомнение полномочия Совбеза ООН преследовать частных лиц и создавать для этого специальные судебные органы. Возможно, масштаб гуманитарного бедствия оправдывал внедоговорный порядок образования обоих трибуналов, созданных резолюциями Совета Безопасности ООН, равно как и наделение их приоритетной юрисдикцией по отношению к национальным судам.

Однако ускоренное создание Советом Безопасности обоих трибуналов в качестве вспомогательных органов не только дает повод критикам усомниться в их правовой обоснованности, но и заставляет задуматься о том, не расширил ли Совет собственные полномочия, выйдя за пределы Устава ООН. В международном юридическом и политическом сообществе вызывают вопросы и другие стороны деятельности как МТБЮ, так и МТР, ввиду их явной политизированности. Тогда как Нюрнбергский процесс был процессом гласным, открытым, отличавшимся безукоризненной правовой обоснованностью и завершившимся в разумные сроки.

Определенные надежды международное сообщество связывало с постоянно действующим Международным уголовным судом (МУС), образованным на основании Римского Статута 1998 г. Под юрисдикцию МУС подпадают такие деяния, как геноцид, преступления против человечности и военные преступления, исчерпывающим образом определенные при разработке Римского Статута. А также и преступление агрессии, состав которого был определен первой Конференцией по обзору, состоявшейся в Кампале в 2010 г. Однако возможна политизация Суда, поскольку он по собственному усмотрению может решать, какое государство и в каких случаях демонстрирует указанные нежелание или неспособность расследовать преступления и возбуждать уголовное преследование лиц, в них подозреваемых. Сторонами Римского Статута на сегодняшний день являются 114 государств, среди них есть такие влиятельные участники международного общения, как Франция, Соединенное Королевство, Германия, Япония, Канада, Бразилия. Однако в числе этих государств нет Китая, Индии, Саудовской Аравии, Пакистана и др. Россия подписала Римский статут в 2000 г., однако не ратифицировала его.

Рассмотрение современных проблем международного права и международной юрисдикции дают достаточное основание для состоявшегося 16 ноября 2016 г. распоряжения Президента Российской Федерации В. В. Путина о намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда¹. За 14 лет своей работы Международный уголовный суд вынес всего четыре приговора, израсходовав при этом более миллиарда долларов. Представляется, что аналогичное решение может быть правомерно принято и в отношении Европейского суда по правам человека, в интересах защиты национальных интересов России от дискриминационного судебного преследования, как специфической составной части дискриминационных санкций в отношении России.

Уроки Нюрнберга позволяют сформулировать следующие положения.

1. Будущее международной уголовной юстиции видится в эффективности прежде всего национальных судебных систем, воспринявших в полной мере и умело применяющих правовые нормы, берущие начало в Статуте Международного военного трибунала и юриспруденции Нюрнбергского процесса, развитые и обогащенные в ходе дальнейшего прогрессивного развития и кодификации международного права.

2. Перспективны интернационализованные суды, действующие при поддержке ООН в интересах стран, формирующих свою государственность, либо возрождающихся государственных трансформаций, приведших к параличу государственной власти.

3. Интернационализация правосудия является крайней мерой, направленной на то, чтобы заменить национальное правосудие там, где оно уже не может работать по причине утраты национальной государственности.

4. Чрезмерное использование институтов международного правосудия может привести к тому, что такое правосудие становится не международным судебным арбитром, а механизмом в руках какой-либо из сверхдержав или группы сильных государств на основе политизации.

5. Опасная тенденция заключается в присвоении функций международного правосудия национальными судебными системами некоторых крупных государств, в частности США, чересчур расширяющих юрисдикцию американских законов, делающих зонами их юрисдикции почти весь мир.

Библиография

1. Дамаскин, О.В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности : монография / О. В. Дамаскин. — М.: Пограничная академия ФСБ России, 2016. — 432 с.

¹ Распоряжение Президента Российской Федерации от 16 ноября 2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда».

2. Дамаскин, О. В. Транснациональная организованная преступность: проблемы международной и национальной безопасности : монография / О. В. Дамаскин. — М.: Юрлитинформ, 2019. — 334 с.
 3. Зорькин, В. Д. Справедливость — императив цивилизации права / В. Д. Зорькин // Вопросы Философии. — 2019. — № 1. — С. 5—14.
 4. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : Сб. материалов. В 7 т. — М., 1960—1961.
 5. Нюрнбергский процесс : В 2 т. — М., 1951.
 6. Нюрнберг предупреждает: от нацизма до терроризма / Материалы международной конференции «Нюрнбергский процесс- история и современность». 2—3 октября 2001 г. М.: НОРМА, 2002.
 7. Последняя точка Второй мировой / Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». 27 ноября 2008 г. — М.: Юридическая литература, 2009.
 8. Савенков, А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации : монография / А. Н. Савенков. — М.: Проспект, 2020. — 448 с.
 9. Хабриева, Т. Я. Проекция развития конвергентных технологий в праве / Т. Я. Хабриева // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : Доклады членов РАН. — М.: ИГП РАН, 2019.
-

The Nuremberg trial: legal lessons for modernity (to the 75th anniversary of the Victory of the Soviet people in the great Patriotic war)

© **Damaskin O. V.**,
Doctor of law, Professor, honored lawyer of the
Russian Federation, chief researcher of the Institute
of state and law of the Russian Academy of Sciences

Annotation. The article considers the lessons of the Nuremberg process and their significance for the present in the interests of national and international security. The precedent character of the lessons of Nuremberg is shown. Specific examples of the modern aggressive policy of the United States and its allies demonstrate the relevance of the problems of preserving peace and security, the need for legal responsibility of States and individuals for war crimes.

Keywords: international law, international criminal court, military aggression, fascism, crimes against peace and humanity.

Содержание принципов проведения различий между гражданским населением и комбатантами и между гражданскими и военными объектами в условиях современных вооруженных конфликтов

© Сибилева О. П.,

магистр юриспруденции, офицер отделения (информационно-аналитического) регионального управления военной полиции по Западному военному округу

Аннотация. В статье рассмотрены основные принципы международного гуманитарного права, определяющие защиту гражданского населения и гражданских объектов, проведен анализ их роли и места в системе международно-правовой защиты гражданского населения в условиях современных вооруженных конфликтов. Особое внимание уделено рассмотрению взаимосвязи между принципами защиты гражданского населения и гражданских объектов и «принципом военной необходимости».

Ключевые слова: принципы международного гуманитарного права, проведение различий между гражданским населением, комбатантами и между гражданскими и военными объектами, современные вооруженные конфликты.

Проблема кодификации основных принципов международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, еще ожидает своего решения, но в любой системе этих принципов, как отечественные (И. П. Блищенко¹, А. И. Полторак и Л. И. Савинский²), так и зарубежные исследователи (Ф. Бреттон³, Р. Герринг⁴, Ф. Джессеп⁵, Дж. Кунц⁶, А. Мейровиц⁷, Б. Реллинг⁸, Дж. Стоун⁹) придерживаются мнения, что принцип защиты гражданского населения относится к числу основных принципов международного гуманитарного права (МГП). В комментарии Международного Комитета Красного Комитета к проекту Дополнительного протокола I к

¹ Блищенко И. П. Обычное оружие и международное право. М., 1984. С. 95.

² Полторак А. И., Савинский Л. И. Вооруженные конфликты и международное право. М.: Наука, 1976. С. 128.

³ Bretton Ph. Le probleme des «methodes et moyens de guerre ou de combat» dans les Protocoles additionnels aux Conventions de Geneve du 12 aout 1949. – Rev. gener. droit int. publ., 1978. P. 46.

⁴ Gehring Robert W. Protection of Civilian Infrastructures, in Law and Contemporary Problems, Vol. 42/2. 1978. P. 87.

⁵ Jessup Rh. Political and humanitarian approaches of limitation of warfare. — Amer. J. Int. Law, 1957, № 4, P.760.

⁶ Kunz J. The laws of war. — Amer. J. Int. Law, 1956. P. 316.

⁷ Meyrowitz H. La strategie nucleaire et le Protocol additionnel aux Conventions de Geneve de 1949. Rev. gener. droit int. publ., 1979. P. 911.

⁸ The law of war and dubious weapons. Stockholm, 1976. P. 8, 9.

⁹ Stone J. Legal controls of international conflict. A treatise on the dynamics of disputes –and war-law. London, 1954. P. 625, 630.

Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. этот принцип отнесен к числу «общих принципов» гуманитарного права¹.

Несмотря на совпадение мнений различных авторов в отношении места указанного принципа в системе международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, их взгляды на его формулировку расходятся², что, как представляется, не носит принципиального характера и сводится к проблеме выбора термина поскольку любое определение данного принципа подразумевает, прежде всего, обеспечение физической защиты гражданского населения от непосредственных последствий боевых действий.

Принцип защиты гражданского населения, как и ещё один общепризнанный специальный отраслевой принцип, который сформировался и действует в МГП — принцип защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов — является результатом анализа и обобщения норм обычного международного права и ряда норм, закрепленных в различных международных соглашениях³. Оба эти принципа взаимосвязаны с принципами проведения различия, которые, безусловно, являются частью обычного гуманитарного права и юридически закреплены в занимающей центральное место в ДП I ст. 48 «Основная норма»: «Для обеспечения защиты гражданского населения и гражданских объектов стороны, находящиеся в конфликте, должны всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами, а также между гражданскими объектами и военными объектами и соответственно направлять свои действия только против военных объектов».

Если запрещение нападать на гражданское население и гражданские объекты превращает определенную категорию потенциальных объектов нападения в незаконные цели, то требование проведения различия распространяет защиту на случаи, когда нападение, возможно, не направлено непосредственно на гражданское население и гражданские объекты, однако возможность их поражения, тем не менее, высока. Это происходит, например, когда производится выстрел вслепую, при том, что оружие позволяет осуществить прицеливание

¹ Conference of government experts on the reaffirmation and development of international humanitarian law applicable in armed conflicts, Geneva, May 3 — June 3. 1973. (Second ses.). Pt. 2. Geneva, 1972. P. 39.

² Часть из них определяет особый статус гражданского населения в период вооруженного конфликта как «иммунитет гражданского населения» (Ф. Бреттон, А. Мейровиц, Дж. Стоун), другие авторы (Р. Геринг, Ф. Джессеп и Дж. Кунц, Б. Реллинг) отдают предпочтение формулировке «защита (уважение) гражданского населения», однако ни в одной из упомянутых выше работ эти понятия не раскрываются (исключение составляют работы Ж. Пикте).

³ В Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г., Конвенции о защите культурных ценностей 1954 г. и Протоколах к ней, в Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним, в Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1976 г. и др. международных соглашениях.

или предпринимается широкомасштабное нападение, способное причинить ущерб гражданским объектам, хотя имеется возможность выбрать в качестве объекта нападения конкретную военную цель.

Указанные выше принципы находятся в тесной взаимосвязи также с другими принципами международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, что обеспечивает всей системе МГП цельность и органическое единство¹. Данная система в настоящее время представляет собой весьма развитый базис обеспечения защиты и уважения гражданского населения, равно как и других категорий жертв войны в условиях вооруженных конфликтов при условии их обязательного и добросовестного соблюдения воюющими сторонами.

В частности, в соответствии со ст. 44 ДП I во время участия в боевых действиях или в военных действиях, являющихся подготовкой к бою, комбатанты обязаны отличать себя от гражданского населения². Лица, входящие в состав вооруженных сил, освобождаются от этой обязанности только в таких ситуациях, «когда вследствие характера военных действий вооруженный комбатант не может отличать себя от гражданского населения»³. Это положение относится только к личному составу вооруженных сил государств, участвующих в международном вооруженном конфликте, а также (в строго оговоренных случаях) — к участникам признанных национально-освободительных движений. Террористические формирования или отдельные террористы не подпадают под его действие, так как они не принадлежат к каким-либо признанным вооруженным силам. Кроме того, определение, относящееся к правам и обязанностям

¹ Так, принцип защиты гражданского населения взаимосвязан с принципом гуманности, в частности, нормами, регламентирующими уважение и защиту основных прав и свобод человека во время войны. Тесная взаимосвязь существует между принципами защиты гражданского населения и гражданских объектов и нормами международного права, регламентирующими ограничение и запрещение применения некоторых средств и методов ведения войны. Исключительно важное значение имеет принцип недопустимости применения варварских, бесчеловечных, а также имеющих неизбирательный характер средств и методов ведения войны. Принципы защиты гражданского населения и гражданских объектов также тесно связаны и с принципом ответственности воюющих сторон за нарушение норм международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов.

² Лица, входящие в состав регулярных вооруженных сил или присоединившиеся к ним, обычно отличают себя от гражданского населения военной формой. Лица, входящие в состав иных вооруженных формирований, должны иметь определенные легко узнаваемые отличительные знаки и открыто носить оружие. См.: Ф. де Мулинен. Право войны. Руководство для вооруженных сил. Изд. 2-е, испр. М.: МККК, 1999. С. 13.

³ В таких ситуациях комбатантам разрешается уходить в подполье, скрываться среди мирного населения, и тогда они называются партизанами (*guerilleros* — исп.). Но при этом они должны открыто носить оружие непосредственно перед боем (то есть в ходе развертывания в боевые порядки перед атакой) и во время боя, другими словами — быть опознаваемыми в качестве комбатантов. См.: Гассер Х.-П. Международное гуманитарное право. Введение. М.: МККК, 1995. С. 79.

комбатантов, не освобождает их от обязанности соблюдать право войны, за-
прещающее терроризм во всех без исключения случаях.

Вместе с тем, по оценке авторов доклада «Международное гуманитарное
право и вызовы современных вооруженных конфликтов» на XXXII Междуна-
родной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца в Женеве 6—10
декабря 2015 г. со стороны государств наблюдается все усиливающаяся тен-
денция рассматривать любой акт насилия, осуществляемый негосударственной
вооруженной группой в вооруженном конфликте, как «террористический» по
определению, при том, что между правовым режимом, регулирующим воору-
женный конфликт, и правовым режимом, касающимся терроризма, существуют
принципиальные отличия¹.

МГП однозначно запрещает конкретные террористические акты, совер-
шаемые в ходе вооруженного конфликта, однако, если инкриминировать дея-
ния, не запрещенные МГП, на международном или национальном уровне как
«террористические» (хотя они подпадают под категорию уголовных преступле-
ний в рамках национального законодательства, когда речь идет о немеждуна-
родном вооруженном конфликте), это, как полагают специалисты МККК, мо-
жет отвлечь от соблюдения МГП негосударственные вооруженные группы,
являющиеся стороной в немеждународном вооруженном конфликте. Кроме то-
го, такой подход затруднит реализацию п. 5 ст. 6 Дополнительного протокола II
о предоставлении как можно более широкой амнистии лицам, участвовавшим в
военных действиях и не совершившим серьезных нарушений МГП, а также бу-
дет препятствием для мирных переговоров и миротворческих усилий.

Автор разделяет мнение экспертов МККК, что с точки зрения права тако-
го понятия как «война против терроризма» не существует, а для анализа и юри-
дической классификации различных ситуаций насилия в отношении различных
вооруженных конфликтов и принимаемых на национальном и международном

¹ Так, в частности:

1) акты насилия, направленные сторонами в конфликте на объекты друг друга и на отдель-
ных лиц, не пользующихся защитой от непосредственного нападения, с точки зрения МГП
не запрещены, независимо от того, совершаются они государством или негосударственной
стороной в конфликте. Насилие, направленное против гражданского населения или граждан-
ских объектов, в соответствии с МГП незаконно;

2) любой акт насилия, который как внутригосударственным законодательством, так и меж-
дународным правом квалифицируется как «террористический», всегда подлежит наказанию
как уголовное преступление;

3) в соответствии с нормами МГП стороны в вооруженном конфликте обладают равными
правами для воюющих и на них накладываются одни и те же обязательства (даже если это не
отражено в национальном законодательстве) при ведении военных действий и обращении с
лицами и объектами, находящимися в их власти. Однако, с учетом положений общей ст. 3
Женевских конвенций 1949 г. и ст. 3 Дополнительного протокола II, МГП не придает леги-
тимности негосударственным вооруженным группам, являющимся стороной в немеждуна-
родном вооруженном конфликте и не определяет законность идей, которыми руководству-
ются воюющие.

уровне многочисленных контртеррористических мер надлежит применять индивидуальный подход. Вместе с тем, представляется дискуссионным суждение, что запрет в уголовном законодательстве ряда стран на безоговорочное оказание «материальной поддержки» и «услуг», «предоставление помощи» и «поддержание связей» с террористическими организациями может на практике привести к криминализации основной деятельности гуманитарных организаций и их сотрудников, создаст преграды для финансирования гуманитарной деятельности¹.

В целях усиления режима международно-правовой защиты гражданского населения в Дополнительном протоколе I включено положение о том, что «в случае сомнения относительно того, является ли какое-либо лицо гражданским лицом, оно считается гражданским лицом» (ст. 50)².

Лица, планирующие нападение или принимающие решение о его осуществлении, обязаны предпринять необходимые меры, «чтобы удостовериться в том, что объекты нападения не являются гражданскими лицами и не подлежат особой защите». Ст. 57 Дополнительного протокола I обязывает указанных лиц также исходить из презумпции принадлежности таких лиц к гражданскому населению и обеспечивать им соответствующее уважение и защиту, если не будет установлена их принадлежность к комбатантам.

Не менее важное значение имеет также положение, предусматривающее, что «присутствие среди гражданского населения отдельных лиц, не подпадающих под определение гражданских лиц, не лишает это население его гражданского характера» (п. 3 ст. 50). Это кладет конец попыткам некоторых государств оправдать рейды против гражданского населения присутствием отдельных комбатантов³. Также и комбатанты не становятся гражданскими лицами благодаря тому, что находятся среди гражданского населения⁴.

Принцип проведения различия между гражданскими лицами и комбатантами закреплён впервые в преамбуле Санкт-Петербургской декларации 1868 г.⁵,

¹ См. подр.: доклад «Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов» на XXXII Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца в Женеве 6—10 декабря 2015 г. С. 28—37.

² Австралия, Аргентина, Венгрия, Испания и некоторые другие государства включили эту норму в свои военные уставы и наставления, отдельные страны, в частности, Великобритания и Франция, сделали оговорки в отношении того, как военные понимают её строгое толкование. См.: Хенкерс, Ж.-М., Досвальд-Бек, Л. Обычное международное гуманитарное право; при участии К. Алверман, К. Дермана, Б. Ролла, М.: МККК. Т. 1: Нормы, 2006. С. 31.

³ Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: МККК, 2000. С. 189.

⁴ Как пишет Р. Бакстер, «присутствие организованных групп военнослужащих среди мирного населения не дает военнослужащим никакого иммунитета в отношении нападения, которое могло бы быть направлено против них». См.: Baxter R. Conventional weapons under legal prohibitions. International Security. Winter. 1977. 1. № 3. P. 47—48.

⁵ Мартенс, Ф. Ф. Восточная война и Брюссельская конференция. СПб.: тип. М-ва пут. сообщ.

на принципе проведения различия между гражданскими объектами и военными объектами основана ст. 25 Гаагской конвенции 1907 г., запрещающая «атаковать или бомбардировать каким бы то ни было способом незащищённые города, селения, жилища или строения». Кроме ст. 48 Дополнительного протокола I принципы проведения различия между гражданскими лицами и комбатантами, между гражданскими объектами и военными объектами кодифицированы в п. 2 ст. 51 и п. 2 ст. 52 указанного документа.

Запрет на прямые нападения на гражданских лиц содержится также в Дополнительном протоколе II (п. 2 ст. 13)¹ и Протоколе II (п. 2 ст. 3) к Конвенции о конкретных видах обычного оружия; на гражданских лиц и гражданские объекты — в Протоколе II с поправками (п. 7 ст. 3) и Протоколе III (п. 1 ст. 2) к Конвенции о конкретных видах обычного оружия.

Как следует из преамбулы Оттавской конвенции, запрещающей противопехотные наземные мины, Конвенция опирается, в том числе, на принцип, согласно которому необходимо проводить различие между гражданскими лицами и комбатантами. Принцип проведения различия между гражданскими и военными объектами используется в качестве основы для защиты культурных ценностей во время немеждународных военных конфликтов Вторым протоколом к Конвенции о защите культурных ценностей (п. «а» ст. 6).

В Консультативном заключении относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения от 8 июля 1996 г. Международный суд ООН принцип проведения различия квалифицировал как один из «главных принципов» МГП, и один из «незыблемых принципов международного обычного права»². Согласно Статуту Международного уголовного суда (пп. «е»), «i», «xii» п. 2 ст. 8) умышленное нанесение ударов по гражданскому населению как таковому, а также умышленное нападение на отдельных гражданских лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях, и умышленное уничтожение имущества неприятеля, за исключением случаев, когда такое уничтожение или захват «настоятельно диктуются обстоятельствами конфликта», является военным преступлением во время немеждународных вооружённых конфликтов. Статут МУС квалифицирует как военные преступления также нанесение ударов во время

(А. Бенке), 1879. С. 46.

¹ В Дополнительном протоколе II не содержится ни принцип проведения различия между гражданскими объектами и военными объектами, ни запрещение нападения на гражданские объекты, хотя существует мнение, что концепция общей защиты в п. 1 ст. 13 Дополнительного протокола II достаточно широка и включает их в себя. См.: Хенкерс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Указ. соч. Т. 1. С. 34.

² Консультативное заключение Международного суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения, 8 июля 1996 г.: Прецедент № 46 // Правовая защита во время войны: в 4 т.: прецеденты и документы / под ред. М. Сассоли, А. Бувье. М.: МККК. 2006. Т. 2. С. 584—604.

немеждународного вооруженного конфликта по объектам, материалам, подразделениям или транспортным средствам, задействованным в оказании гуманитарной помощи или в миссии по поддержанию мира, пока такие объекты «имеют право на защиту, которой пользуются ... гражданские объекты по международному праву вооруженных конфликтов» (пп. е), «iii» п. 2 ст. 8), и умышленные нападения на гражданские объекты в ходе международных вооруженных конфликтов (пп. b), «ii» п. 2 ст. 8).

Указанные принципы проведения различия включены в ряд других международных документов, касающихся вооружённых конфликтов, внутригосударственные законы, военные уставы и наставления множества государств, учитываются в решениях международных судебных органов¹. Вместе с тем, их практическая реализация, особенно в условиях современных вооруженных конфликтов² достаточно проблематична.

В части, касающейся принципа проведения различия гражданского населения и комбатантов, это, во-первых, обусловлено отсутствием закрепленного правового понятия «гражданское лицо», неопределенностью критериев его определения и разночтениями при толковании терминов в данной сфере. Во-вторых, с последних десятилетий XX в. всё более широкое распространение получили внутригосударственные вооруженные конфликты, межэтнические столкновения, характеризующиеся отсутствием эффективного контроля со стороны правительств и очень высокой вовлеченностью в военные действия в различных формах лиц из числа мирного населения, которые не являются законными комбатантами, а имеют «плавающий» статус.

Кроме постоянно меняющегося характера войны и форм военных действий доктринальную и правовую выработку ясных критериев для определения гражданского населения серьёзно осложняют также усиление возможностей негосударственных образований и военных формирований³ в возникновении «асимметричных» вооруженных конфликтов и растущая роль гражданских лиц как человеческого ресурса в военной сфере ряда стран при существующем правовом пробеле относительно конкретных условий, в соответствии с которыми гражданские лица, принимающие непосредственное участие в конфликтах, теряют право на защиту в соответствии с МГП.

В этих условиях особое значение для обоснованного разграничения гражданского лица и участника вооруженного формирования приобретает трактовка понятия «непосредственное участие в вооруженном конфликте», относительно понимания которого, как свидетельствуют практика государств и точки зрения

¹ См. подр.: Хенкерс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Указ. соч. Т. 1. С. 3—9, 33—37.

² См. подр.: Сибилева О. П. Деятельность Европейского Суда по правам человека как угроза национальной безопасности России // Военная мысль. 2014. № 7. С. 52—60.

³ См. подр.: Сибилева О. П. Деятельность частных военных и частных охранных компаний в современных вооруженных конфликтах как вызов международному гуманитарному праву. // Военная мысль. 2016. № 7. С. 48—62.

отдельных международных организаций, у международного сообщества отсутствует единая позиция.

Так, Межамериканской комиссией по правам человека термин «непосредственное участие в военных действиях» трактуется как «действия, которые по своей природе или цели направлены на причинение реального ущерба личному составу или материальной части неприятеля», а в качестве грани, разделяющей понятия «опосредованное» и «непосредственное» участие в военных действиях, рассматривается наличие во втором случае связи «с актами насилия, которые предоставляли бы непосредственную угрозу или причинили бы реальный ущерб неприятельской стороне».

В Отчете о практике Руанды, представленном в рамках проведенного МККК исследования об обычных нормах МПП, применяемых в условиях вооруженных конфликтах международного и немеждународного характера, материально-техническая поддержка невооруженными гражданскими лицами противоборствующих сторон во время немеждународного вооруженного конфликта исключена из числа действий, составляющих непосредственное участие, при том, что аналогичные действия в условиях международного вооруженного конфликта влекут за собой утрату статуса гражданских лиц¹.

Проблемность данного вопроса мотивировала созыв МККК в 2003 г. совещания экспертов — признанных специалистов по МПП, подготовивших в 2008 г. Разъяснительное руководство МККК по толкованию понятия о непосредственном участии в военных действиях (далее — Руководство МККК)². В соответствии с указанным Руководством МККК, авторы которого путем открытого обсуждения широкого спектра практических примеров стремились разработать общие правовые принципы для принятия решения по каждому конкретному случаю в ситуации вооруженного конфликта, все гражданское население пользуется защитой от прямых нападений, за исключением случаев и до тех пор, пока оно не принимает непосредственное участие в военных действиях.

При этом мирных жителей нельзя рассматривать как членов организованных вооруженных формирований, пока они не принимают на себя систематическое исполнение функций комбатантов, обуславливающих их непосредственное участие в боевых действиях, направленных на поддержку одной стороны в конфликте путем прямого причинения вреда другой стороне, либо прямо влекущие гибель, ранения или разрушения, либо наносящие прямой ущерб военным операциям или объектам противника³.

¹ См. подр.: Хенкерс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Указ. соч. Т. 1. С. 28—30.

² ICRC, *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law*, ICRC, Geneva, 2009. pp. 77ff.

³ Примерами причинения военного ущерба другой стороне, согласно Руководству МККК, являются взятие в плен, ранение или убийство военного персонала, повреждение военных целей, ограничение или нарушение схем развертывания боевых подразделений, логистических операций или систем коммуникаций противника.

Последствиями такого поведения для члена организованного вооруженного формирования одной из противоборствующих сторон является потеря защиты от нападений на весь период систематического исполнения функций комбатанта в составе указанного формирования, гражданские лица теряют защиту от прямых нападений на время каждого акта, классифицируемого как прямое участие в боевых действиях. Данные обстоятельства, однако, при проведении военных операций в отношении указанных лиц не отменяют правовых ограничений, предусмотренных нормами МГП, а факт непосредственного участия гражданских лиц в какой-то момент в боевых действиях не лишает их раз и навсегда защиты от прямого нападения (согласно п. 3 ст. 51 ДП I).

Косвенное участие в боевых действиях (например, производство и доставка вооружений, строительство дорог и других объектов инфраструктуры, а также предоставление финансовой, административной и политической поддержки) дополняет общие военные усилия одной из сторон в конфликте, однако прямо не наносит им ущерба и по этой причине не ведет к потере защиты от нападений.

Как представляется, такой дифференцированный подход правомерен и в случае с так называемыми «незаконными и (или) не пользующимися защитой конвенций комбатантами»¹. При этом международное право не воспрещает государствам объявлять в соответствии с национальным законодательством уголовно наказуемым правонарушением участие, непосредственное или опосредованное (косвенное), любого лица в военных действиях, даже если при этом оно не нарушило МГП.

Закрепленные в международных документах критерии позволяют проводить различие также между военными и гражданскими объектами, однако и здесь не всё однозначно. Для квалификации тех или иных объектов в качестве военных необходимо наличие одновременно объективных признаков, относящихся как к самому характеру объекта, так и к военным последствиям его разрушения, перечисленных в п. 2 ст. 52 Дополнительного протокола I, по смыслу которого военный характер объекта или использование объекта в военных целях — основной критерий для определения его принадлежности. Объекты, специально созданные для применения как средства ведения войны, не вызывают сомнения в принадлежности к категории военных (боевая техника, фортификационные сооружения, склады боеприпасов и т.п.).

¹ Термины, под которыми в юридической литературе, военных уставах и прецедентном праве обозначаются гражданские лица, которые принимали непосредственное участие в военных действиях при международном вооруженном конфликте, не являясь членами вооруженных сил, и которые попали в руки неприятеля. Как показывает анализ, на данную категорию лиц, однако, распространяются гарантии, которые содержатся в ст. 75 Дополнительного протокола I независимо от того, подпадают они под положения IV Женевской конвенции или нет.

Вместе с тем, данное определение охватывает и объекты, являющиеся по своему предназначению гражданскими, но в конкретный момент боевых действий используемые вооруженными силами в целях обеспечения военного успеха (объекты двойного характера). Так, танкер, использовавшийся во время Первой мировой войны исключительно для снабжения топливом вооруженных сил, можно рассматривать как «военное снаряжение». В тоже время старый форт, не использующийся как таковой, или средневековые крепостные стены, не находящие военного применения, не могут стать объектом нападения (независимо от иммунитета, который им сообщает статус культурных ценностей) под предлогом их потенциально военного характера¹.

Иными словами, не существует объектов, которые были бы по своей сущности исключительно гражданскими или военными: все зависит от влияния, оказываемого тем или иным объектом на ход военных действий. Законными целями нападения всегда должны являться лишь военные объекты (которые при существующих в данный момент обстоятельствах непосредственно используются противником по предназначению), однако не все военные объекты могут стать законными целями нападений (например, военный аэродром, который после отступления вооруженных формирований противника больше не используется им по прямому назначению), так как с точки зрения МГП незаконно бесполезное разрушение любого объекта под предлогом его потенциально военного характера.

Другой важный критерий — значение разрушения, захвата или нейтрализации объекта для достижения явного военного преимущества над противником — дополняет характеристику конкретного объекта как законного объекта нападения в ходе боевых действий. Важное значение для правильного толкования определения имеет слово «явное»: его наличие предполагает, особенно применительно к «объектам двойного назначения», что если применение силы в отношении таких объектов не оправдано необходимостью достижения существенного военного преимущества, то они не могут рассматриваться в качестве законной военной цели.

Гражданские объекты обладают иммунитетом от нападений в силу своего назначения или использования для обеспечения жизнедеятельности и существования населения как в период вооруженных конфликтов, так и после окончания военных действий. Международное право запрещает нападения на такие объекты и применение против них репрессалий.

Установлена презумпция в пользу гражданского характера объектов (п. 3 ст. 52 ДП I, пп «а» п. 8 ст. 3 Протокола II с поправками к Конвенции о конкретных видах оружия), которая содержится также в военных уставах и наставлениях Австралии, Аргентины, Венгрии, Германии, Израиля, Испании, Канады, США, Франции и ряда др. государств. При этом, однако, США считают, что подобная ситуация не учитывает реальное положение дел во время войны, по-

¹ Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: МККК, 2011. С. 208.

скольку от нападающих требует такую степень уверенности, какая редко существует в боевых условиях, а также способствует тому, чтобы обороняющиеся пренебрегли своими обязательствами отделять гражданских лиц и гражданские объекты от военных объектов¹.

Особо следует остановиться на взаимосвязи между принципами защиты гражданского населения и гражданских объектов и «принципом военной необходимости», который некоторые авторы также относят к числу основополагающих принципов международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов² и определяют как «принцип, допускающий такие действия, не запрещенные международным правом, которые крайне необходимы для обеспечения полного и скорейшего поражения противника»³. Однако, как показывает новейшая история, подлинная сущность этого принципа — легализация возможности отрицания, в случае необходимости, обязательной силы международно-правовых норм.

Как представляется, эту же цель преследуют утверждения США и их союзников, что содержащаяся в п. 2 ст. 52 Дополнительного протокола I норма, предусматривающая, что «нападения должны строго ограничиваться военными объектами», запрещает лишь прямые нападения на гражданские объекты и не касается побочного ущерба, причиненного нападениями на военные объекты⁴.

Рассматривая данную проблему применительно к задаче обеспечения защиты гражданского населения в период вооруженных конфликтов, Л. Оппенгейм указывал, что иммунитет некомбатантов от прямого нападения — это «вопрос подчинения особой сферы войны нормам, общепризнанным в качестве основ права войны»⁵.

Анализ ст. ст. 48, 51 Дополнительного протокола I и других международно-правовых источников, регламентирующих защиту гражданского населения в период вооруженных конфликтов, показывает, что ни одна из норм современного международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, не содержит каких-либо оговорок, допускающих возможность

¹ Хенкерс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Указ. соч. Т. 1. С. 46.

² Bright F. Nuclear weapons as a lawful means of warfare. *Military law review*. Washington, 1965. P. 36.

³ *The law of war and dubious weapons*. Stockholm, 1976. P. 4.

⁴ Соображение, что нападение, затрагивающее гражданские объекты, не является незаконным, если оно направлено против военного объекта, и побочный ущерб, нанесенный гражданским объектам, не является чрезмерным было учтено при формулировании нормы 7 обычного МГП, в которой именно поэтому используются слова «нападения, направленные против...», и, с соответствующими изменениями, относится к норме 1 указанного права. См.: Хенкерс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Указ. соч. Т. 1. С. 37.

⁵ Оппенгейм, Л. *Международное право*. Т. I: Мир. Полутом 2 / Л. Оппенгейм; Пер. с 6-го английского издания А. Н. Ивенского, И. Я. Левина и И. А. Моро под редакцией и с предисловием проф. С. Б. Крылова. М.: Издательство иностранной литературы, 1949. С. 84—85.

любых действий со стороны воюющих государств в ущерб интересам обеспечения защиты гражданского населения.

С учетом вышеизложенного правомерно сделать вывод о том, что по обстоятельствам констатации целостности системы МГП отдельные нарушения МГП никак не свидетельствуют об отсутствии права. Право, в том числе и МГП, действует в режиме предупреждения и санкционирования за факты его нарушения. Общий позитив правоприменительной практики норм системы МГП со стороны государств-членов мирового сообщества ориентирован на процесс прогрессивного развития международного права и его институтов.

Библиография

1. Basic rules of the Geneva Conventions and their additional protocols / International Committee of the Red Cross. 1983.
2. Baxter, R. Conventional weapons under legal prohibitions. *International Security*. Winter. 1977. 1. № 3. P. 47—48.
3. Bretton, Ph. Le probleme des «methodes et moyens de guerre ou de combat» dans les Protocoles additionels aux Conventions de Geneve du 12 aout 1949. — *Rev. gener. droit int. publ.*, 1978.
4. Bright, F. Nuclear weapons as a lawful means of warfare. *Military law review*. — Washington, 1965.
5. Conference of government experts on the reaffirmation and development of international humanitarian law applicable in armed conflicts. Geneva, May 3 — June 3. 1973. (Second ses.), Pt. 2. — Geneva, 1972. P
6. Gehring, Robert W. Protection of Civilian Infrastructures, in *Law and Contemporary Problems*. Vol. 42/2, 1978.
7. ICRC, *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law*, ICRC. — Geneva, 2009.
8. Jessup, Rh. Political and humanitarian approaches of limitation of warfare. — *Amer. J. Int. Law*, 1957. № 4.
9. Final act of the International conference on human rights. Teheran. April 22 — May 13. 1968. — New York, 1968. P. 9.
10. Kunz, J. The laws of war. — *Amer. J. Int. Law*, 1956.
11. Meyrowitz, H. La strategie nucleaire et le Protocol additionnel aux Conventions de Geneve de 1949. *Rev. gener. droit int. publ.*, 1979.
12. The law of war and dubious weapons. — Stockholm, 1976.
13. Stone, J. Legal controls of international conflict. A treatise on the dynamics of disputes – and war-law. — London, 1954.
14. Блищенко, И. П. Обычное оружие и международное право / И. П. Блищенко. — М., 1984.
15. Ф. де Мулинен. Право войны. Руководство для вооруженных сил. Изд. 2-е, испр. — М.: МККК, 1999. — 321 с.
16. Гассер, Х.-П. Международное гуманитарное право. Введение / Х.-П. Гассер. — М.: МККК, 1995. — 125 с.
17. Давид, Э. Принципы права вооруженных конфликтов : Курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета / Э. Давид. — М.: МККК, 2011. — 1144 с.
18. Мартенс, Ф. Ф. Восточная война и Брюссельская конференция / Ф. Ф. Мартенс. — СПб.: тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1879. — 658 с.

19. Оппенгейм, Л. Международное право. Том I: Мир. Полугом 2 / Пер. с 6-го англ. изд. А. Н. Ивенского, И. Я. Левина и И. А. Моро под ред. и с пред. проф. С. Б. Крылова. — М.: Издательство иностранной литературы, 1949. — 547 с.

20. Полторац, А. И. Вооруженные конфликты и международное право / А. И. Полторац, Л. И. Савинский. — М.: Наука, 1976. — 416 с.

21. Сибилева, О. П. Деятельность Европейского Суда по правам человека как угроза национальной безопасности России / О. П. Сибилева // Военная мысль. — 2014. — № 7. — С. 52—60.

22. Сибилева, О. П. Деятельность частных военных и частных охранных компаний в современных вооруженных конфликтах как вызов международному гуманитарному праву / О. П. Сибилева // Военная мысль. — 2016. — № 7. — С. 48—62.

23. Правовая защита во время войны: в 4 т.: прецеденты и документы / под ред. М. Сассоли, А. Бувье. — М.: МККК, 2008. Т. 2. — 745 с.

24. Хенкерс, Ж.-М. Обычное международное гуманитарное право / Ж.-М. Хенкерс, Л. Досвальд-Бек; при участии К. Алверман, К. Дермана, Б. Ролла. — Т.1: Нормы. — М.: МККК, 2006. — 818 с.

Content of the principles of distinction between civilians and combatants and between civilian and military targets in contemporary armed conflicts

© **Sibileva O. P.**,

Master of Law, Officer of Information Analytical Division, Regional Military Police Department of the Western military District

Annotation. The article examines the basic principles of international humanitarian law governing the protection of civilians and civilian objects and analyses their role and place in the system of international legal protection of civilians in modern armed conflicts. Particular attention is paid to the relationship between the principles of protection of civilians and civilian objects and the "principle of military necessity".

Keywords: principles of international humanitarian law, distinction between civilians, combatants and between civilian and military targets, modern armed conflicts

Участие Италии в структуре «Голубые каски культуры» ЮНЕСКО

© Табаринцева-Романова К. М.,
кандидат философских наук, доцент кафедры
теории и истории международных отношений,
Уральский федеральный университет

Аннотация. Автором рассматривается роль Италии в формировании специального подразделения «голубые каски культуры». Дается определение культурной безопасности, и исходя из определения, перечисляются основные факторы, свидетельствующие о необходимости защиты культурных ценностей. Далее рассматривается участие Италии в организации защиты культурного наследия в условиях военного конфликта. Делаются выводы о необходимости расширения состава участников «голубых касок культуры».

Ключевые слова: ЮНЕСКО, культурная безопасность, Италия, «голубые каски культуры», переговорный процесс.

В зарубежных исследованиях термин «культурная безопасность» начал активно использоваться в последнее десятилетие. Это было обусловлено практической необходимостью в улаживании этнополитических конфликтов, что дало толчок к появлению данной социальной категории. Однако ряд исследователей не только не видят необходимого функционала в «культурной безопасности», но и признают его вредным для развития общества, считая, что это может замедлить или навредить устойчивому прогрессу человечества.

В связи с культурным истощением, утратой различных объектов культурного наследия, остро встает проблема изучения культурной безопасности как наиважнейшего феномена социокультурной жизни общества, который дает чувство защищенности общества и государства в их первичных интересах в данной сфере, что делает данную проблему научно значимой и предполагает наличие социокультурных и научных подходов в изучении такой темы как культурная безопасность¹.

Если комплексно подходить к определению термина «культурная безопасность», в первую очередь стоит сказать о равновесии в системе общества. По словам В. В. Кочеткова и А. А. Малеева, безопасность в социокультурной сфере включает в себя материально-духовную среду, а также культурно-историческое наследие, взаимоотношения между народами, национальную безопасность и т.д., а также защиту и развитие культурного наследия государства².

Пионером в обеспечении культурной безопасности является ЮНЕСКО. Именно эта международная организация с середины прошлого века занимается охраной и защитой памятников культурного наследия. Среди наиболее значи-

¹ Голобородько А. Ю. Культурная безопасность: содержание, ресурсы, инструментарий обеспечения // Сравнительная политика. 2015. Т. 6. № 4 (21). С. 10.

² Кочетков В. В., Малеев А. А. «Культурная безопасность» в международных отношениях: проблемы концептуализации // Социология. 2015. № 2. С. 11.

мых документов, принятых ЮНЕСКО, следует упомянуть Конвенцию о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаагская конвенция 1954 г.); Рекомендации о сохранении красоты и характера пейзажей и местностей (1962 г.); Конвенцию о сохранении всемирного культурного и природного Наследия (1972 г.); Рекомендации о сохранении в национальном плане культурного и природного Наследия» (1972 г.); Рекомендации о сохранении и современной роли исторических ансамблей (1976 г.); Конвенцию об охране нематериального культурного наследия (2003 г.); Рамочную конвенцию о значении культурного наследия для общества (2005 г.). Напомним также, что основным источником международных норм по защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта является право вооруженных конфликтов (ПВК), также известное как международное гуманитарное право (МГП). Соответствующие нормы МГП закреплены в ряде многосторонних соглашений и обычном международном праве.

Являясь на сегодня единственной межправительственной организацией системы ООН, владеющей уникальным мандатом принятия и осуществления коллективных решений в сфере глобальной культурной политики, ЮНЕСКО проводит курс на формирование более справедливых условий для развития современных культур, в первую очередь на пути защиты культурного разнообразия планеты. Однако в 2001 г. ЮНЕСКО не удалось предотвратить уничтожение радикалами выдающихся исторических и культурных памятников Афганистана — гигантских Бамианских Будд, а также коллекции Кабульского археологического музея. Тогда террористы отказали ЮНЕСКО в передаче этих объектов под международный контроль. В начале 2002 г. под эгидой ЮНЕСКО был создан Международный координационный комитет по сохранению культурного наследия Афганистана. После начала военной акции США и их союзников в Ираке в 2003 г. ЮНЕСКО также стала во главе международной инициативы по оказанию помощи в сохранении богатейшего культурного наследия этой страны. Учитывая сохраняющиеся в мире тенденции к обострению этнических и религиозных конфликтов, ведущих к дальнейшему уничтожению всемирного культурного наследия, ЮНЕСКО нацелена закрепить за собой роль координатора международных экспертных, спонсорских и партнерских усилий, направленных на принятие неотложных коллективных и национальных мер по сохранению культурного достояния человечества. Также отметим, что все чаще и чаще объекты культурного наследия становятся мишенью во время вооруженных конфликтов. Такие действия приводят к враждебности со стороны местного населения, дают противнику мощное оружие для пропаганды, подрывают доверие со стороны местных сил и союзников, а также, если мародерство не удалось предотвратить или остановить, предоставляют источник дохода враждебным негосударственным вооруженным группировкам и террористическим организациям. Они также приводят к усугублению конфликта, сильно усложняя возвращение к мирной жизни и последующее примирение. Все эти

события привели к осознанию необходимости формирования особого военного контингента, который бы охранял и защищал объекты культурного наследия.

Одним из главных протагонистов создания такого военного подразделения является Италия, на территории которой сосредоточено около 40 % культурных памятников, охраняемых ЮНЕСКО. В 2016 г. в рамках новой Стратегии укрепления охраны культурного наследия в зонах военных действий и кампании «Unite4Heritage» правительство Италии и ЮНЕСКО подписали меморандум о взаимопонимании в отношении создания целевой группы из шестидесяти человек — так называемые «голубые каски» культуры, состоящие из карабинеров, искусствоведов, ученых и реставраторов, готовых вмешаться, чтобы защитить культурное наследие в кризисных районах¹. Подразделение «Голубые каски» в культурной сфере является итальянской инициативой, согласованной с ЮНЕСКО, которая проистекает из конкретной необходимости обеспечить защиту культурного наследия в ситуациях вооруженного конфликта или экологической катастрофы. Таким образом, как пишет Дж. Галлинетта, задача у данной структуры двойная: с одной стороны, есть обязательство защищать художественные свидетельства неопределимой ценности, а с другой стороны, попытка укрепить процессы примирения, противопоставляя этому обязательству потерю культурной и социальной идентичности, которой могут страдать общины в этом регионе после завершения конфликта².

Напомним, что Италия активно участвует в международном сотрудничестве по защите культурного наследия. Так, уже в 1969 г. был создан первый полицейский орган в мире, специализирующийся в этом секторе, их командование по охране культурного наследия (ТРС) действовало на основе Конвенции ЮНЕСКО от 1970 г., где предусматривались меры, которые необходимо было принять для запрещения и предотвращения незаконного импорта, экспорта и передачи права собственности на культурные ценности. ТРС также осуществило различные операции по изъятию украденных товаров, принадлежащих Италии. Среди них была Операция «Тесео» 2015 г., в результате которой удалось вернуть в Италию более 5 тыс. объектов культурного наследия, датированных между первым веком до нашей эры и вторым веком нашей эры, похищенных в результате незаконных раскопок, а затем рассеянных по всему миру. ТРС существует, чтобы защитить культурное наследие даже в районах, затронутых войной, например, в Ираке, где карабинеры ТРС присутствовали в районе около Нассирии.

¹ UNESCO, «Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict» (The Hague: UNESCO, 1954) updated November 24, 2008, accessed November 25, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: / <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001875/187580e.pdf>. (дата обращения: 24.01.2020).

² Gallinella G. I Caschi Blu della cultura. Il ruolo italiano nel peacekeeping culturale. Documenti IAI. 2017. P.1.

Также в Италии активно работает Международный институт гуманитарного права — независимая организация, расположенная в Сан-Ремо. Данный институт признанным на международном уровне экспертным центром по подготовке и исследованиям в области международного гуманитарного права. Так, например, в 1984 г. Институт организовал симпозиум, приуроченный к 30-й годовщине принятия Гаагской конвенции 1954 г.; в 1986 г. был проведен семинар «Адаптация международного права в области защиты культурных ценностей в связи с техническими разработками в сфере современных средств ведения боевых действий»; в 2009 г. был проведен семинар «Режим международной защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта», приуроченный к 10-й годовщине принятия Второго протокола 1999 г. к Гаагской конвенции 1954 г. Целью этого семинара было распространение знаний о международных нормах защиты культурных ценностей в условиях вооруженного конфликта, а также содействие обмену информацией и опытом между гражданскими и военными организациями. В 2015 г. под влиянием кампании ЮНЕСКО Unite4Heritage (Вместе во имя наследия) по защите культурного наследия в кризисных регионах была сформирована оперативная группа Unite4Heritage в составе войск карабинеров Италии, чье подразделение по защите культурного наследия имеет опыт развертывания сил в зонах конфликта с целью защиты культурных ценностей от мародерства и вандализма и возвращения украденных предметов.

Итальянская активная деятельность вызвала интерес в Совете Безопасности ООН, где при поддержке правительства Франции в марте 2017 г. была представлена и утверждена резолюция о том, что, принимая к сведению Стратегию ЮНЕСКО, признается возможность того, что мандат миссий по миротворчеству, может включать в себя, по просьбе государства, в котором работает миссия, деятельность, направленную на защиту культурного наследия. Итогом стало принятие 24 марта 2017 г. в СБ ООН резолюции 2347 — о защите культурного наследия. В резолюции говорится о создании международного фонда и сети «безопасных зон», призванных обеспечить защиту культурного наследия, находящегося под угрозой, в условиях вооруженного конфликта. В резолюции также отмечается связь между незаконным оборотом культурных ценностей и финансированием деятельности террористических группировок, а также связь терроризма с организованной преступностью.

Впервые в истории в резолюции ООН рассматриваются все возможные действия, ставящие под угрозу культурное наследие во время конфликтов, причем независимо ни от местоположения культурных ценностей, ни от того, кто является автором преступлений — террористические группировки, фигурирующие в списках ООН, или любые другие вооруженные формирования¹.

¹ Резолюция 2347 (2017) [Электронный ресурс]. Режим доступа: [/https://undocs.org/ru/S/RES/2347%282017%29](https://undocs.org/ru/S/RES/2347%282017%29) (дата обращения: 20.03.2020).

Позже Марина Манчини, профессор международного права в Средиземноморском университете Реджо-Калабрия и в Университете Луисса Гвидо Карли, предложила реконструкцию международно-правовых рамок, в которых будет действовать культурная миротворческая деятельность, указывая на то, что хотя между правительством Италии и ЮНЕСКО был подписан Меморандум о взаимопонимании, его следует рассматривать как соглашение, заключенное в упрощенной форме и, следовательно, уже действующее после подписания, определение административных и организационных процедур, необходимых для использования итальянской целевой группы в миссиях ЮНЕСКО, что требует последующего оперативного соглашения, которое все еще разрабатывается¹. Однако это не препятствует использованию «голубых касок» культуры, что остается возможным благодаря двустороннему решению между Италией и третьей страной, требующей вмешательства на ее территорию. Целевая группа также уже вмешивалась в ситуацию в Италии, в частности в районы, пострадавшие от землетрясения 2016 г.

В целях конкретизации создания механизма быстрого реагирования, предусмотренного новой стратегией ЮНЕСКО, который мог бы обеспечить быстрое реагирование (например, неспособность организации быстро отреагировать не позволила предотвратить уничтожение многочисленных археологических объектов в Мали в 2012 г. джихадистами Аль-Каиды и Ансар Дине), было предложено составить План действий, который предусматривал составление списка национальных экспертов в области охраны культурного наследия, готовых к мобилизации, где их вмешательство требуется по решению секретаря ЮНЕСКО совместно с соответствующим государством. Эксперты могли бы участвовать в миссиях по поддержанию мира, если это предусмотрено мандатом, и они пользовались бы статусом экспертов ЮНЕСКО, пользуясь их привилегиями и иммунитетами. Примечательным аспектом предложенного Плана действий являлась возможность того, что механизм быстрого реагирования также будет использоваться для защиты от угроз культурному наследию, связанных с природными катастрофами. Это подход, позаимствованный из Меморандума о взаимопонимании между Италией и ЮНЕСКО, который предусматривал отправку «голубых касок» культуры не только в ситуациях вооруженного конфликта.

Также планировалось участие «голубых касок культуры» в Сирии. Для этого контингент должен был пройти специальное обучение, как действовать в зонах повышенного риска и как минимизировать опасность засад или нападений. Пятидневный курс по личной безопасности был организован Пизанской средней школой Сант-Анна и полком карабинеров Тускании. Курс разделен на теоретическую и практическую часть, которая фокусируется на таких сценариях, как: какие действия предпринять в случае внезапной атаки, как реагировать

¹ Starr F. Corporate Responsibility for Cultural Heritage: Conservation, Sustainable Development, and Corporate Reputation, Routledge, 2013. P. 47.

в присутствии снайперов, как подойти к нелегальному контрольно-пропускному пункту, как спланировать действия внутри опасной зоны. Однако на текущий момент в открытом доступе нет информации о судьбе данного контингента. Остается неясным был ли он отправлен в Сирию. Если да, то какова его судьба?

В 2018 г. в Эрбиле (Ирак) инструкторы Unite4Heritage («голубые каски культуры») и Командование карабинеров по охране культурного наследия (ТРС) организовали учебный курс по теме «Защита культурного наследия», который длился две недели и проходил в университете Салахаддина в Эрбиле. В ходе мероприятий участники обменивались опытом по борьбе с незаконным оборотом объектов культурного наследия, по формированию специальных навыков по защите исключительного культурного наследия, имеющегося в иракском районе. В ходе курса обсуждались такие вопросы, как: трудности, с которыми можно столкнуться при защите культурного наследия в чрезвычайных ситуациях, и каковы могут быть приняты соответствующие решения, а также защита и обеспечение безопасности культурного наследия в случае стихийных бедствий и меры предосторожности и процедуры, которые должны быть приняты в период до и после конфликта в техногенных чрезвычайных ситуациях.

В декабре 2019 г. состоялась встреча министра культурного наследия и деятельности и туризма Д. Франческини с министром культуры Германии М. Грюттерс Бомер, в ходе которой обсуждалась необходимость вмешиваться под эгидой ЮНЕСКО в защиту культурного наследия, которому угрожают терроризм, стихийные бедствия и негативные последствия изменения климата. Как отметила Бомер, «Европе необходимо создать общеевропейский фонд по защите культурного наследия и усилить деятельность голубых касок по культуре»¹.

В 2020 г. был издан военный справочник «Защита культурных ценностей» под эгидой ЮНЕСКО. Как указано в справочнике, «уничтожение наследия стало неотъемлемой частью глобальной стратегии «культурной чистки», призванной уничтожить любые проявления разнообразия. В таких условиях вооруженным силам необходимо скорректировать свои методы, действия и навыки с тем, чтобы защита наследия стала неотъемлемой частью устойчивой стратегии укрепления мира и безопасности»². Данный справочник является практическим руководством по выполнению вооруженными силами норм международного права по защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. В нем приводится описание соответствующих международных правовых обязательств государств и отдельных лиц с точки зрения военных действий

¹ Caschi Blu Cultura: patto tra Italia e Germania [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.corrierenazionale.it/2019/12/11/caschi-blu-cultura-patto-tra-italia-e-germania/> (дата обращения: 20.03.2020).

² Военный справочник «Защита культурных ценностей». Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2020. С. 10.

и предложения по наиболее оптимальным методам действий на разных уровнях командования и на разных этапах наземных, воздушных и морских военных операций. Также дано руководство по организации защиты культурных ценностей во время боевых действий.

Таким образом, Италия является страной-катализатором создания особого военного контингента для защиты и охраны памятников культурного наследия. Перспективы дальнейшего развития «голубых касок культуры» связаны с увеличением количества стран-участников в данной организации, а также с расширением ее полномочий в рамках правил и норм, прописанных в военном справочнике ЮНЕСКО по защите культурных ценностей.

Библиография

1. Военный справочник «Защита культурных ценностей». — Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2020. — 134 с.
2. Голобородько, А. Ю. Культурная безопасность: содержание, ресурсы, инструментарий обеспечения / А. Ю. Голобородько // Сравнительная политика. — 2015. — № 4 (21). — С. 10—19.
3. Кочетков, В. В. Культурное измерение гибридных войн / В. В. Кочетков, А. А. Малеев // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. — 2015. — № 4. — С. 263—267.
4. Gallinella G. I Caschi Blu della cultura. Il ruolo italiano nel peacekeeping culturale. Documenti IAI. 2017. 1–9 p.
5. Starr F. Corporate Responsibility for Cultural Heritage: Conservation, Sustainable Development, and Corporate Reputation, Routledge, 2013. — 248 p.

Italy's participation in the Blue Helmets of Culture UNESCO

© Tabarintseva-Romanova K. M.

Ph.D., Associate Professor, Department of Theory and History international relations, URFU

Abstract. The author considers the role of Italy in the formation of the special unit “blue helmets of culture”. The definition of cultural security is given, and based on the definition, the main factors that indicate the need to protect cultural property are listed. Next, the participation of Italy in the organization of the protection of cultural heritage in a military conflict is examined. Conclusions are drawn about the need to expand the membership of the “blue helmets of culture”.

Key words: UNESCO, cultural security, Italy, “blue helmets of culture”, the negotiation process.

Правовое регулирование реализации военного сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан

© Холиков И. В.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,

© Амонулов Ш. П.,

адъюнкт 25 кафедры Военного университета, старший лейтенант юстиции

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с правовым регулированием и текущим состоянием военного сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан, исследуются основные аспекты данного сотрудничества, в частности, формы реализации военного сотрудничества на двусторонней основе и в рамках международных организаций.

Ключевые слова: Российская Федерация, Республика Таджикистан, военное сотрудничество, правовое регулирование.

Российская Федерация и Республика Таджикистан являются стратегическими партнерами¹, осуществляющими сотрудничество в различных областях: политики, экономики, науки и образования. Особое значение в сотрудничестве в современных условиях приобретает сотрудничество Российской Федерации и Республики Таджикистан в военной сфере, в частности, военно-техническое сотрудничество.

Российская Федерация развивает международное военное сотрудничество и интеграцию в целом в рамках СНГ, Евразийского Союза и Организации договора коллективной безопасности². Важным результатом этого стало усиление роли Шанхайской организации сотрудничества как в глобальном, так и в региональном аспекте, заметный рост ее влияния на положение дел в регионе³.

Военное партнерство Российской Федерации с Республикой Таджикистан обусловлено, в частности, выгодным экономико-географическим положением Республики Таджикистан, ее территориальной близостью к Индии и Китаю, расположением на стыке влияния тюркской и персоязычной сторон исламского

¹ Алиджанова А. Х. О военно-техническом сотрудничестве России и Республики Таджикистан // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2009. № 4. С. 104—107.

² Дамаскин О. В., Холиков И. В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов // Вестник Академии военных наук. 2018. № 4 (65). С. 121—128.

³ Холиков И. В., Конуров А. И. Международно-правовые и военно-политические вопросы современного мироустройства // Вестник Академии военных наук. 2015. № 4 (53). С. 7—18.

мира¹. Выгоды же Таджикистана от развития сотрудничества России очевидны — вместе они смогут укрепить положение страны на международной арене, развить национальные Вооруженные Силы. Кроме того, две страны связывают также и прочные взаимные экономические интересы. Российская Федерация прямо заинтересована в поддержании лояльных и открытых контактов со всеми странами постсоветского пространства, что также входит в сферу интересов Таджикистана.

Правовой основой военного сотрудничества выступают двусторонние договоры между Россией и Таджикистаном, а также многосторонние соглашения в рамках ОДКБ, СНГ, ШОС.

Межправительственное Соглашение о военно-техническом сотрудничестве от 27 января 1994 г. является основным, определяющим порядок осуществления военно-технического сотрудничества между двумя странами международно-правовым актом.

При этом поставки продукции военного назначения, за исключением комплектующих и запасных частей к вооружению и военной технике, а также учебной и вспомогательной военной продукции, осуществляются на основе отдельных соглашений. Часть услуг военного назначения оказывается по государственным контрактам.

Обширный перечень актов, формирующих правовые основы осуществления военно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан, приводится на сайте ФСВТС России. Одной из форм реализации такого сотрудничества является присутствие в Республике Таджикистан российской 201-й военной базы, дислоцированной в городах Душанбе и Курган-Тюбе².

Следует отметить, что после распада СССР Россия взяла на себя охрану таджикско-афганской границы. Как уже было упомянуто выше, с 2004 г. на территории Республики Таджикистан действует 201-я российская военная база, которая была сформирована на основе 201-й Гатчинской дважды Краснознамённой мотострелковой дивизии. Основной целью ее функционирования является защита не только национальных интересов Таджикистана, но и внешнеполитических интересов России, а также обеспечение мира и безопасности в этом регионе Центральной Азии.

Деятельность российского воинского контингента регламентируется межгосударственным Соглашением о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан, заключенным 5 октября 2012 г. Основываясь на положениях Соглашения, российская военная база «... защищает интересы Российской Федерации и Республики Таджикистан, обеспечивает совместно с Вооруженными Силами Республики Таджикистан во вза-

¹ Миралиев А. П. Геополитические интересы России и национальные интересы Республики Таджикистан // Правовая жизнь ТНГУ. 2017. № 1. С. 78—84.

² Забиров Д. В. Практика международного сотрудничества в военно-технической сфере: опыт взаимодействия России и Таджикистана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управления. 2017. № 4. С. 346—349.

имодействии с Вооруженными Силами Российской Федерации, с другими войсками, воинскими формированиями и органами Российской и Таджикистанской Сторон безопасность Республики Таджикистан. Для достижения указанных целей Российская Сторона осуществляет содействие в обеспечении Республики Таджикистан совместимым вооружением, военной и специальной техникой». Соглашением установлен также правовой статус российской военной базы, юрисдикция сторон в отношении военнослужащих данной базы, а также иные значимые вопросы. В соответствии с указанным Соглашением, ратифицированным обеими сторонами, военная база будет осуществлять свою деятельность на территории Таджикистана до 2042 г.

201-я российская военная база в Республике Таджикистан выполняет задачи по созданию условий для нейтрализации деятельности террористических и экстремистских организаций в регионе. Присутствие российских войск в Таджикистане, с учетом общественно-политической обстановки в соседних Кыргызстане и Афганистане, является сдерживающим фактором для третьих сил, ведущих борьбу за дестабилизацию обстановки в регионе¹. Указанную деятельность 201-й военной базы, а также проведение совместных учений, по нашему мнению, следует рассматривать как формы реализации военного сотрудничества между двумя странами. На таких учениях российские и таджикские военнослужащие учатся взаимодействовать друг с другом в вопросах применения образцов военной техники обеих стран, российские военные специалисты обучают таджикских коллег эксплуатировать поставляемую им военную технику².

Силами российского воинского контингента в Таджикистане до 2000 г. было перевезено порядка 10 тыс. беженцев и 300 тонн различных гуманитарных грузов, осуществлено более 24 тыс. самолетовылетов (при которых соответственно перевезено более 7,5 тыс. беженцев и 500 тонн различных грузов), разминировано 25 км. дорог, обезврежено более 80 объектов сельского хозяйства и более сотни минных полей³.

Сближение стран на постсоветском пространстве в современных условиях глобализации представляется необходимым фактором укрепления экономических и культурных связей, национальной и международной безопасности⁴. Отражением этого стало признание необходимости создания головной организации, которая бы осуществляла управление всеми многосложными процессами, входящими в понятие обеспечения коллективной безопасности. Так, 14 мая

¹ Чиркин В. В. Основные направления военно-технического сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 347—349.

² https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12234884@egNews (дата обращения 14.04.2020)

³ Султанов Ш. Проблемы и перспективы развития СНГ // Ленинадская правда. 2000. 9 сентября.

⁴ Дамаскин О. В., Холиков И. В. Актуальные проблемы защиты российской государственности и национального суверенитета в современных условиях // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2017. № 4 (155). С. 1—5.

2002 г. по итогам переговоров глав государств-участников Договора о коллективной безопасности было принято решение об образовании ОДКБ, что стало одним из наиболее значимых событий на региональной политической арене. Данная Организация встала в один ряд с иными наднациональными образованиями, отвечающими за военные интеграционные инициативы стран-союзников. В свете прошедших лет можно сделать вывод, что ОДКБ стало своеобразным ответом стран постсоветского пространства на усиливающееся присутствие НАТО на континенте, что не могло не стать фактором напряженности в международной расстановке сил.

7 октября 2002 г. члены вновь образованной международной структуры разработали нормативную базу для ее функционирования, приняв тексты Устава и Соглашения о правовом статусе ОДКБ, которые были наделены юридической силой 18 сентября 2003 г. основополагающие векторы деятельности структуры перечислены в ст. 3 Устава. Ими являются: сохранение мирной международной обстановки, региональной безопасности и стабильности, а также военно-политическое обеспечение независимости, территориальной целостности и суверенитета своих членов, что, конечно же, не исключает разрешение конфликтных и спорных международных ситуаций дипломатическими методами. Принятие Организации в члены международного сообщества было оформлено резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 59/50 от 2 декабря 2004 г., присваивающей ОДКБ статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН.

Следующий этап усиления интеграционного процесса произошел 4 февраля 2009 г., когда члены Организации пришли к единому решению о необходимости наличия в распоряжении у военно-политического союза единого вооруженного контингента, который получил наименование Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР). Компетенция данных сил обширна и охватывает самые разнообразные сферы, в которых может понадобиться специально обученный военный персонал. К ним относятся следующие: отражение военного нападения, в том числе носящего провокационный характер; содействие международным полицейским организациям (ИНТЕРПОЛ) в раскрытии транснациональных правонарушений; пресечение незаконного оборота наркотических средств и их транснациональной транспортировки; проведение превентивных мероприятий, направленных на пресечение терактов; организационная и иная помощь в восстановлении общественного порядка и инфраструктуры, пострадавших в результате стихийного бедствия.

В подписанном в том же году Соглашении о КСОР данные цели были зафиксированы юридически, что предоставляет государствам-союзникам право размещать военные базы на территориях друг друга, вводить вооруженные формирования на территории, которые подверглись военному нападению или на которых разгорелись какие-либо военные конфликты. Особо была упомянута превентивная задача сил КСОР, заключающаяся в создании безопасного пространства, находящегося под охраной сил КСОР, и убедительной демонстрации всем потенциальным противникам военной мощи стран-союзников и четкого намерения применить данные ресурсы при наличии к тому веских ос-

нований. Военные силы КСОР также могут быть задействованы для проведения обширных гуманитарных операций и мероприятий, направленных на взаимодействие с местным населением по вопросам оказания им гуманитарной, в том числе медицинской, помощи¹.

Следующая стадия развития военного сотрудничества ознаменовалась принятием важнейшего решения, определяющего всю дальнейшую судьбу ОДКБ.

14 октября 2016 г. Совет коллективной безопасности ОДКБ в полном составе единогласно сформулировал Решение об утверждении Стратегии коллективной безопасности до 2025 г. Он же дополнительно ввел в структуру объединения Центр кризисного реагирования ОДКБ, основной миссией которого стало несение бремени организационной, координационной и аналитической нагрузки, сопровождающей деятельность всей Организации. Важнейшим шагом стало определение государствами-союзниками единого перечня террористических организаций и бандформирований и утверждение этого перечня путем принятия соответствующего Положения. В этой связи сотрудничество государств в рамках ОДКБ представляется политически оправданным и плодотворным.

Стоит также отметить, что именно Таджикистан и Россия являлись основоположниками самой идеи коллективной безопасности и необходимости создания подобной международной формы сотрудничества. Одним из скрепляющих факторов успешных дипломатических связей двух стран стал двусторонний Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенный в 1993 г. (далее также — Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи). Данный Договор имел большое значение для Таджикистана, особенно с учетом имевшейся напряженности на границе с Афганистаном и активизации террористической угрозы, которые продолжают сохраняться и по сей день.

Необходимо более детально отметить ст. 4 вышеназванного Договора, где в абзаце первом говорится, что при возникновении условий, дестабилизирующих ситуацию в регионе и создающую вероятность возникновения вооруженных конфликтов, Россия и Таджикистан согласованно приходят к режиму совместных консультаций, в ходе которых происходит формирование единого дипломатического подхода к возникшей проблеме и выбирается наиболее приемлемый, разумный и согласованный с нормами международного права ответ на кризисную ситуацию. Право на ответный военный удар закрепляется в абзаце втором ст. 4 Договора, что считается оказанием военной помощи в рамках проводимой единой союзнической политики.

Содержание Договора о дружбе, сотрудничестве и военной помощи полностью соответствует нормативной базе и принципам, принятым Содружеством Независимых Государств, и обязывает стороны нести все бремя добровольно взятых на себя обязательств, в том числе относящихся к организационно-техническим аспектам обеспечения коллективной безопасности. Сотрудни-

¹ См. подробнее: Холиков И. В. Правовые проблемы международного сотрудничества в области военной медицины и здравоохранения. М., 2004.

чество также распространяется на топливно-энергетическую, научно-техническую, инновационную и иные сферы.

Основными результатами совместных военных инициатив Таджикистана и России являются интегрированная система противовоздушной обороны, дислокация действующих российских военных подразделений на территории Республики Таджикистан (201 российская военная база), проведение совместных военных смотров и учений в рамках действующего Договора. Нельзя не отметить то очевидное обстоятельство, что российские силы, располагающиеся на таджикской территории, выполняют роль гаранта стабильности для всей Центральной Азии и становятся ответом на возросшую военную, террористическую и наркотическую угрозы со стороны афганских пограничных областей. Наличие в регионе серьезных межгосударственных, этнических, религиозных и прочих противоречий, которые, в принципе, делают возможным применение военной силы, является фактором не только возникновения, но и развития, а также реализации военных угроз¹.

Серьезным шагом к усилению дипломатической связи и военной взаимопомощи между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией стало подписанное Соглашение о взаимодействии при подготовке кадрового состава войск, которое предоставило профессиональным военным Таджикистана, а также тем, кто хочет освоить эту профессию, возможность повышать свою квалификацию (или приобрести ее) в лучших российских военных вузах, включая Военный университет Министерства обороны России. Данное Соглашение было составлено в полном соответствии с Законом Республики Таджикистан «О международных договорах Республики Таджикистан», который устанавливает порядок проведения ратификационных процедур и прочих мероприятий, связанных с включением международно-правовых норм в правовую систему страны.

С течением времени становится очевидно, что вхождение Таджикистана в состав ОДКБ было оправданным и взвешенным геополитическим решением. Однако для углубления интеграционного процесса необходимо провести большую работу по корректировке национального законодательства стран-участниц и выработке единого понятийно-категориального аппарата, что будет способствовать устранению неточных и двусмысленных формулировок, а также достижению предельной ясности принимаемых норм для углубления взаимодействия. Справедливо отметить, что именно Республика Таджикистан стала одним из первых инициаторов создания КСОР и активно проявила свою заинтересованность в дальнейшем совершенствовании данного международно-правового инструмента для повышения его эффективности и надежности.

Формат ОДКБ предполагает тесное общение и обмен опытом военных ведомств стран-участниц между собой. Так, в мае 2019 г. состоялся визит Министра обороны Российской Федерации С. К. Шойгу в Таджикистан. По итогам переговоров было достигнуто обоюдное понимание, что борьба с терроризмом

¹ Холиков И. В. Международно-правовые аспекты противодействия военным угрозам в современных условиях // Современное право. 2003. № 6. С. 27—31.

дипломатическим путем не приносит всеобъемлющих результатов, и для отражения террористических атак должны быть задействованы военные резервы коалиции. «От скоординированных действий, — отметил генерал армии Сергей Шойгу, — во многом зависит безопасность наших государств, мир и спокойствие в Центральной Азии». «Поэтому, — продолжил глава российского военного ведомства, — взаимодействие с Таджикистаном в военной и военно-технических областях в Минобороны России рассматривают как важный фактор сохранения региональной стабильности»¹.

Кроме того, государствами-членами ОДКБ регулярно проводятся совместные военные учения, об эффективности которых в качестве средства анти-террористической подготовки свидетельствует интенсивность их проведения с участием воинского контингента КСОР на территории Республики Таджикистан и других государств-членов ОДКБ. К примеру, в ноябре 2017 г. военные учения КСОР прошли на территории пяти военных полигонов Республики Таджикистан.

Элементы, из которых складывается суверенитет любого государства (наличие боеспособных и профессионально подготовленных вооруженных сил, целостность границ, наличие четко выстроенной правовой системы и прочее), являются предметом постоянного внимания политиков, дипломатов, военных, а также учёных. Это обуславливается широким спектром сфер противоборства: военного, политического, экономического, информационного (кибернетического), идеологического, правового².

Россия оказывает Таджикистану всестороннюю поддержку и в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических веществ. На протяжении двух десятилетий таджикские и российские пограничники изъяли более 30 тонн наркотических веществ, изготовленных на территории Афганистана. Несмотря на совместные усилия России и Таджикистана, преступным сообществам удаётся распространять значительное количество наркотических веществ в различных государствах, в том числе в России, путём использования Таджикистана как транзитного маршрута наркотрафика. Поэтому президент Таджикистана Эмомали Рахмон несколько раз призывал глав государств - членов ОДКБ уделять большое внимание вопросу защиты таджикско-афганской границы как обязательному элементу совместной борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, терроризмом, экстремизмом и иными преступлениями международного характера³.

Заметную роль во взаимоотношениях наших государств играют поставки вооружения, военной и специальной техники и боеприпасов. Работа в данном направлении заключается преимущественно в оказании российской стороной

¹ <https://pda.mil.ru/pda/news/more.htm?id=12039404@egNews> (дата обращения 14.04.2020)

² Дамаскин О. В., Холиков И. В. Актуальные вопросы правового обеспечения вооруженной борьбы в условиях современных стратегических и политических реалий // Военное право. 2019. № 3. С. 21—28.

³ См. подробнее: Дамаскин О. В. Транснациональная организованная преступность: проблемы международной и национальной безопасности. М.: Юрлитинформ, 2019.

военно-технической помощи Таджикистану. Так, в период с 2006 по 2009 гг. передано обмундирования, вооружения, военной и специальной техники, а также боеприпасов на сумму более 1 млрд. долларов, включая несколько ударных вертолетов Ми-24¹. В 2014 г. подписан договор о передаче Таджикистану вооружения общей стоимостью 70 млрд. руб.

Очередная поставка вооружения, военной и специальной техники и боеприпасов произошла 19 декабря 2017 г. Российской стороной были переданы танки Т-72Б1, БТР-80 и БТР-70, БМП-2 и вертолеты Ми-24 и Ми-8, гаубицы Д-30, зенитные установки, топографическое оборудование, запчасти к бронетехнике, средства связи, тыловое имущество и большое количество стрелкового оружия. В целом, в 2017 г. Таджикистану на безвозмездной основе в рамках оказания военно-технической помощи было передано российской продукции военного назначения на сумму 122 млн. долларов США². В апреле 2018 г. глава МИД России Сергей Лавров заявил, что Москва продолжит поддерживать Душанбе в военно-техническом отношении и оказывать содействие в модернизации и техническом перевооружении таджикских вооруженных сил, наращивании потенциала по охране государственной границы³.

На регулярной основе проводится подготовка кадров Вооруженных Сил Республики Таджикистан в военных учебных заведениях Российской Федерации. В 2016 г. в военных учебных заведениях Минобороны России обучалось около 50 офицеров и 280 курсантов⁴. Подготовка военнослужащих таджикских Вооруженных Сил в военных учебных заведениях Российской Федерации продолжает осуществляться и в настоящее время, в частности, в Военном университете, включая специалистов военно-юридического профиля.

Изложенное позволяет констатировать, что военное сотрудничество Российской Федерации и Республики Таджикистан осуществляется на взаимовыгодной основе, находится на высоком уровне и демонстрирует стабильную тенденцию к расширению. Уровень его развития на современном этапе открывает долгосрочные перспективы в геополитическом плане, способствует сохранению и дальнейшему укреплению дружбы и добрососедства между двумя странами и их вооруженными силами.

Библиография

1. Алиджанова, А. Х. О военно-техническом сотрудничестве России и республики Таджикистан / А. Х. Алиджанова // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. — 2009. — № 4. — С. 104—107.

2. Дамаскин, О. В. Актуальные вопросы правового обеспечения вооруженной борьбы в условиях современных стратегических и политических реалий / О. В. Дамаскин, И. В. Холиков // Военное право. — 2019. — № 3. — С. 21—28.

¹ Двустороннее сотрудничество России и Таджикистана в военной сфере / Центральная Евразия — безопасность // Центральная Евразия. Авторский проект Виктора Парамонова. 2015. С. 15—19.

² <https://tass.ru/armiya-i-opk/4823384> (дата обращения 14.04.2020)

³ <https://tass.ru/politika/7827007> (дата обращения 14.04.2020)

⁴ Содружество. Россия — Таджикистан: межрегиональное сотрудничество. — 2016. — № 9. — С. 12—14.

3. Дамаскин, О. В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов / О. В. Дамаскин, И. В. Холиков // Вестник Академии военных наук. — 2018. — № 4 (65). — С. 121—128.
 4. Дамаскин, О. В. Актуальные проблемы защиты российской государственности и национального суверенитета в современных условиях / О. В. Дамаскин, И. В. Холиков // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. — 2017. — № 4 (155). — С. 1—5.
 5. Дамаскин, О. В. Транснациональная организованная преступность: проблемы международной и национальной безопасности // О. В. Дамаскин. — М.: Юрлитинформ, 2019.
 6. Двустороннее сотрудничество России и Таджикистана в военной сфере / Центральная Евразия — безопасность // Центральная Евразия. Авторский проект Виктора Парамонова. — 2015. — С. 15—19.
 7. Забиров, Д. В. Практика международного сотрудничества в военно-технической сфере: опыт взаимодействия России и Таджикистана / Забиров, Д. В. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. — 2017. — № 4. — С. 346—349.
 8. Миралиев, А. П. Геополитические интересы России и национальные интересы Республики Таджикистан / А. П. Миралиев // Правовая жизнь ТНГУ. — 2017. — № 1. — С. 78—84.
 9. Содружество. Россия — Таджикистан: межрегиональное сотрудничество. — 2016. — № 9. — С. 12—14.
 10. Султанов, Ш. Проблемы и перспективы развития СНГ / Ш. Султанов // Ленинадская правда. — 2000. — 9 сентября.
 11. Холиков, И. В. Международно-правовые аспекты противодействия военным угрозам в современных условиях / И. В. Холиков // Современное право. — 2003. — № 6. — С. 27—31.
 12. Холиков, И. В. Правовые проблемы международного сотрудничества в области военной медицины и здравоохранения / И. В. Холиков. — М., 2004. — 280 с.
 13. Холиков, И. В. Международно-правовые и военно-политические вопросы современного мироустройства / И. В. Холиков, А. И. Конуров // Вестник Академии военных наук. — 2015. — № 4 (53). — С. 7—18.
 14. Чиркин, В. В. Основные направления военно-технического сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан / В. В. Чиркин // Вестник Омского университета. — 2012. — № 1. — С. 347—349.
-

**Legal regulation of realization of military cooperation between the
Russian federation and the republic of Tajikistan**

© **Kholikov I. V.**,

Professor of the Chair of International and European
Law of the Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian Federa-
tion, Doctor of law, Professor

© **Amonuloev Sh. P.**,

adjunct of 25 Department of Military University,
Senior Lieutenant of Justice

Abstract. This article deals with the issues related to legal regulation and current state of military cooperation between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. The main aspects of such cooperation, in particular, the forms of realization of military cooperation on both bi-lateral basis and within international organizations are studied.

Keyword: Russian Federation, Republic of Tajikistan, military cooperation, legal regulation.

Международно-правовое позиционирование Российской Федерации как суверенного государства

© Чипига И. В.,

преподаватель кафедры конституционного (государственного) и международного права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. Цель настоящей статьи — рассмотреть и проанализировать положения Конституции Российской Федерации, Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г., Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» на предмет отсутствия приоритета международного права и порядка придания юридической силы международным договорам Российской Федерации, которые, в свою очередь, регулируют особо важную составляющую юриспруденции — права и свободы человека, а также отношения с иностранными государствами (организациями на международном уровне).

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, международное право, международный договор Российской Федерации, ратификация международного договора.

Российская Федерация как величайшая держава, являющаяся постоянным членом Совета Безопасности ООН, в порядке заявленного в лице Президента Российской Федерации В. В. Путина верховенства права (Декларация тысячелетия ООН 2000 г., а также Итогового документа Всемирного саммита 2005 г.), последовательно проводит курс на поддержание законности и правопорядка. Это осуществляется в рамках реализации мер по поддержанию верховенства права на международном и национальном уровне, по содействию добросовестному выполнению своих обязательств всеми государствами — членами мирового сообщества (п. 2 ст. 2 Устава ООН). Тенденцию и необходимость развития международного права, развитие международных норм отмечает А. Г. Чернявский¹. О важности выработки международных правовых норм в международном сотрудничестве говорит также Д. Ю. Фуражин².

В том, что касается внутригосударственного правопорядка, Россия в порядке осуществления своего статуса как суверенного государства осуществляет должные меры по реализации своей юридической безопасности (которая заключается в совокупности субъективных прав и законных интересов) и в указанном аспекте предпринимает меры по поддержанию режима целостности своего конституционного правового пространства. Весь корпус международных договоров Российской Федерации призван вписываться в заявленный режим целостности конституционно-правового пространства Российской Федерации.

¹ Чернявский А. Г. Возникновение и эволюция международного права: мультикультурализм, партикуляризм, универсализм — классификация и терминология // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 271—272.

² Фуражин Д. Ю. Современные факторы, обуславливающие проблемы правового регулирования сотрудничества государств в области противодействия международному терроризму // Военное право. 2017. № 5 (45). С. 234.

Для поддержания суверенитета в странах существуют юридические нормы, обеспечивающие его в различной степени (большей или меньшей). В России также существуют такие нормы, которые чётко определяют, когда можно делегировать часть суверенитета для решения задач внешней политики страны, а когда этого делать нельзя.

Совершенно справедливо отмечают А. Г. Чернявский, Н. А. Синяева и Д. И. Самодуров¹, что право международных договоров занимает важное и ключевое положение в стране (в системе международного права). Эта сфера связана со всеми его отраслями и институтами. Для анализа этого вопроса рассмотрим нормативные правовые акты, устанавливающие статус международного договора в международном праве в Российской Федерации, его место, порядок подписания и порядок ратификации.

Среди юристов существует мнение², что п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации определяет приоритет международного права над национальным. Однако рассмотрим, что устанавливает Конституция Российской Федерации в ст. 15. П. 1 данной статьи устанавливает, что Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу; законы и иные правовые акты, которые принимаются в Российской Федерации, обязаны соответствовать (не противоречить) Конституции Российской Федерации. П. 4 определяет, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в настоящее время являются составной частью правовой системы нашей страны. Если будет определено, что международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем правила, определённые законом в российском правовом поле, то применяются правила международного договора. При этом не указывается на обязательную ратификацию указанного договора.

Обратим внимание на то, что сравнение российского нормативного акта федерального уровня в рассматриваемой статье Конституции происходит не с международным «правом», а именно с «договором». Рассмотрим в связи с этим определения и различия терминов «Международный договор Российской Федерации» и «Международное право».

Международное право — это совокупность принципов и норм, регулирующих международные отношения, которые создают для себя субъекты этих отношений. Если, скажем, Мексика заключила договор с Канадой, то эта часть международного права никак не влияет на Россию, не влечёт никаких юридических последствий для нашей страны. А вот «Международный договор Российской Федерации» — это уже конкретное обязательство России, которое Россия добровольно решила исполнить. При этом необходимо отметить такую процедуру, как ратификация международного договора.

¹ Международное право : учебник / под ред. А. Г. Чернявского, Н. А. Синяевой, Д. И. Самодурова. М.: Военный университет, 2020. С. 507—508.

² Выступление депутата Государственной Думы Российской Федерации Е. А. Фёдорова. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ibXbNVQyMaQ> (дата обращения: 18.03.2020 г.)

Обратим вместе с тем внимание на Венскую Конвенцию о праве международных договоров 1969 г., которая была разработана Комиссией международного права ООН; грамота о присоединении СССР к Конвенции была сдана 29 апреля 1986 г. В соответствии с п. «б» ст. 2 ратификация — это выражение государством своего согласия на необходимость выполнения им конкретного международного договора. И ниже в ст. 12 Конвенции видим, что согласие государства на обязательность договора выражается подписанием уполномоченным лицом государства, если международный договор определяет, что подписание указанного договора имеет такую силу. Получается, что в оговорённых случаях не обязательно наличие ратификации. Далее в ст. 14 говорится, что обязательно наличие ратификации, если участвующие в переговорах решили оное или это прописано в договоре, в соответствии с волей и полномочиями представителя государства. Из этого делаем вывод, что императивного указания на наличие или отсутствия ратификации в этом нормативном акте не содержится.

Международный договор вступает в силу в национальном законодательстве в соответствии с п. «б» ст. 2 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», где ратификацией считается определённая форма согласия Российской Федерации на наличие обязательности для неё конкретного международного соглашения. В соответствии со ст. 14 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» процедура ратификации международных договоров Российской Федерации реализуется (выполняется) в форме федерального закона. Также, в соответствии с п. 1 ст. 15 Конституции Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу; различные нормативные правовые акты, применяемые в России, не должны противоречить высшему правовому акту — Конституции Российской Федерации. Международный договор Российской Федерации, федеральные законы, определяющие порядок ратификации международного договора в нашей стране, не могут иметь юридической силы в том случае, если они противоречат Конституции Российской Федерации.

Справедливости ради отметим, что на основании ст. 15 Федерального закона о ратификации международного договора проведение процесса ратификации международного договора в Российской Федерации необходимо в наиболее важных, ключевых для страны случаях:

а) реализация, выполнение международного договора определяет изменение действующих нормативных правовых актов или принятия новых, которые устанавливают иные правила, чем те, которые определены законом;

б) международные договоры регламентируют, касаются основных прав и свобод человека и гражданина;

в) при территориальном изменении границ Российской Федерации с какими-либо государствами, в том числе при рассмотрении прохождения Государственной границы России, в случае если происходит затрагивание исключительной экономической зоны и континентального шельфа государства;

г) по вопросам, определяющим обороноспособность государства, по процессам, рассматривающим разоружение, договоры о мире и безопасности;

д) по аспектам суверенитета и участия государства в различных межгосударственных союзах, организациях, объединениях, если в этом случае предусматривается делегирование части полномочий государства или при этом устанавливается обязательность решений органов этих организаций для России.

Только эти пять пунктов требуют обязательной ратификации, в остальных случаях ратификация обязательна с согласия сторон.

Далее акцентируем внимание на вопросе применения международного договора Российской Федерации в соответствии со ст. 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» временно, до его ратификации. Временно применяемые международные договоры составляют особые нормативные акты, которые действуют в правовом поле Российской Федерации до ратификации, даже если они регулируют особо важные положения, закреплённые в ст. 15 указанного Федерального закона. На сайте МИДа России мы можем рассмотреть последние временно применяемые международные договоры: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Республикой Абхазия о сотрудничестве в области обеспечения лекарственными препаратами и медицинскими изделиями от 21 ноября 2019 г.; Протокол о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о сотрудничестве касательно установления поставок природного газа, нефтепродуктов, алмазов от 4 октября 2019 г.; Протокол о внесении изменений и дополнений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о техническом содействии от 19 сентября 2019 г.; Соглашение о создании и деятельности Международного бюро по расследованию авиационных происшествий и серьезных инцидентов от 22 ноября 2018 г.; множество других временно применяемых международных договоров, которые применяются на территории Российской Федерации без ратификации.

Отметим, что до 27 марта 2012 г. временно применяемые международные договоры даже не обязательно было опубликовывать. 12 июля 2012 г. Президент Российской Федерации подписал Указ № 970 «Об официальном опубликовании временно применяемых международных договоров Российской Федерации». Данный Указ Президент подписал в целях исполнения Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова». 10 июля 2010 г. И. Д. Ушаков ввез на территорию Российской Федерации товары исключительно для своего личного пользования. Ушаков произвёл соответствующую оплату таможенной пошлины в соответствии с Таможенным кодексом Российской Федерации. Через некоторое время было установлено, что соответствующие платежи должны исчисляться в соответствии с Таможенным кодексом Таможенного союза, где была установлена

пошлина в соответствии с правилами, которые временно применяются с 1 июля 2010 г. Были подписаны соглашения между тремя правительствами: Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан от 18 июля 2010 г. «О порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу Таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском». Данные документы устанавливают более высокие ставки таможенных пошлин, нежели те, которые были установлены законодательством Российской Федерации; указанное обстоятельство не было учтено при непосредственном перемещении товаров. Вышестоящий таможенный орган установил недоплату денежных средств, осуществил перерасчёт и обратился в судебные органы. Требования таможенного органа касались взыскания недополученных средств и пеней по неуплате в срок. Отметим что, суд первой инстанции удовлетворил обращение таможенных органов. Суд второй инстанции решение оставил без изменения. Суд в своём решении установил, что Соглашение от 18 июля 2010 г. подлежало временному применению на территории Российской Федерации с 1 июля 2010 г., даже учитывая то, что указанное соглашение не было официально опубликовано.

Гражданин Ушаков в обращении указал на тот факт, что нормативный правовой акт противоречит п. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации, которая гласит, что любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться в случае, если они на указанный момент времени являются официально не опубликованными.

Конституционный Суд Российской Федерации определил, что п. 1 ст. 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» не является противоречащим Конституции Российской Федерации в соответствии с тем, что указанный пункт нормативного правового акта не устанавливает применения международных договоров Российской Федерации в отсутствие их официального опубликования в порядке, определённом законодательством. Конституционный Суд Российской Федерации отметил обязательность официального опубликования международных договоров Российской Федерации, которые будут или применяются временно, если международные договоры определяют или касаются прав и свобод, касаются обязанностей человека и гражданина, если они определяют иные правила, нежели определённые законодательством России. Также Конституционным Судом Российской Федерации было установлено, что законодателю необходимо в срок три месяца определить порядок официального опубликования временно применяемых международных договоров Российской Федерации, если эти международные договоры определяют, устанавливают права, свободы, обязанности человека и гражданина; если устанавливают иные правила, чем те, которые определены действующим законодательством Российской Федерацией; в срок 3 месяца указанные международные договоры должны быть официально опубликованы в установленном законом порядке. В случае невыполнения указанных требований данные времен-

но применяемые международные договоры не могут применяться (данное Постановление Конституционного Суда Российской Федерации вступило в силу 27 марта 2012 г.).

Этот порядок определён Федеральным законом от 25 декабря 2012 г. № 254-ФЗ «О внесении изменений в статью 30 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» и ст. 9.1 Федерального закона «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания». Было нормировано законодателем, что международный договор Российской Федерации, в котором определяется, что он будет временно применяться в стране до вступления в силу, при том либо всего договора, либо какой-то его части, или договоренность о том, что он будет применяться временно, оговорено каким-либо иным образом (в данном случае исключаются договоры межведомственного характера), он подлежит по представлению Министерства иностранных дел Российской Федерации официальному опубликованию. Указано, что опубликование должно происходить в Бюллетене международных договоров и на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.ru).

На этом примере видно, как эффективно устраняются пробелы в законодательстве по применению международных договоров, реализуя правила, закреплённые в п. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации.

В случае, если Российской Федерации будет не выгодно выполнение каких-либо международных договоров или участие в международных организациях, в соответствии со ст. 35—40 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», Российская Федерация может по своей воле при необходимости выйти из международных договоров Российской Федерации.

На основании изучения Конституции Российской Федерации, Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г., Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» совершенно однозначно можем утверждать, что Конституция Российской Федерации обладает приоритетом над национальными и международными нормативными актами. Если представители России и законодательная власть России решат взять на себя какие-либо обязательства, то им необходимо провести процедуру, которая похожа на процедуру принятия федерального закона или внесения изменений в федеральное законодательство, за исключением временного применения международного договора Российской Федерации или решения второстепенных вопросов.

Никакие иностранные государства и организации не могут в одностороннем порядке что-то навязать России, ибо никакого приоритета международного права в России нет. Любое волеизъявление на заключение (в том числе с какими-либо оговорками), либо прекращение и приостановление действия международных договоров Российской Федерации находятся во власти и возможно-

стях Российской Федерации, в соответствии со ст. 3 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации».

В свою очередь, для того, чтобы мог восторжествовать здравый смысл, необходимо, чтобы международный договор конкретной страны был главнее законов этой страны. Если будет введено правило, по которому любая внутренняя норма права будет иметь приоритет над международным обязательством конкретной страны, то тогда международное сотрудничество потеряет всякий смысл. В своё время Сталин был заинтересован в создании Организации Объединённых Наций, что было необходимо не только гражданам СССР, но и людям всего мира. Субъекты международного права сознательно пошли на такой шаг, несколько ограничивая суверенитет страны, но приобретая международный орган для решения международных вопросов мирным путём. Справедливо пишет об этом А. Г. Чернявский¹, раскрывая понятие «культура» в документах ООН, указывая на необходимое сотрудничество в рамках ООН. Без необходимого уважения к обязательствам, которые государства взяли на себя, невозможно наладить должного сотрудничества между ними.

Процесс подписания и ратификации международных договоров чётко детерминирован действующим законодательством, и использование идей международных договоров Российской Федерации зависит от политической воли руководства страны. Чем сильнее и независимее будет наша страна, тем более пророссийскую политику сможет проводить наше государство, тем эффективнее будут защищены права и свободы человека.

Еще раз акцентируем внимание на п. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации, который определяет, что Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу. Различные нормативные акты, которые применяются в Российской Федерации, должны соответствовать Конституции Российской Федерации. Президент Российской Федерации указал в своём Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 г. обратить внимание на действие международного права. Президент Российской Федерации обозначил, что требования международного законодательства и договоров, а также решения международных органов могут действовать на территории России только в той части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат Конституции Российской Федерации. На наш взгляд, это мудро: намного проще будет применять Конституцию Российской Федерации, если дискуссионный вопрос о месте Конституции Российской Федерации и международных правовых актов будет понятен большинству юристов без исследования других нормативных правовых актов национального и международного законодательства и обращений к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации.

Учитывая дискуссионный характер места и силы международного договора Российской Федерации, поддержка Президента Российской Федерации по

¹ URL: <http://www.voennopravo.ru/files/-1-20.pdf> стр. 264 (дата обращения: 18.03.2020 г.)

закреплению на уровне Конституции Российской Федерации этого вопроса снимет ряд дискуссий и позволит более единообразно толковать и использовать нормы в правовом поле России, что положительно скажется на укреплении законности в Российской Федерации.

Библиография

1. Международное право : учебник / под редакцией доктора юридических наук, профессора А. Г. Чернявского, кандидата юридических наук, доцента Н. А. Синяевой, кандидата юридических наук Д. И. Самодурова. — М.: Военный университет, 2020.
 2. Фуражин, Д. Ю. Современные факторы, обуславливающие проблемы правового регулирования сотрудничества государств в области противодействия международному терроризму / Д. Ю. Фуражин // Военное право. — 2017. — № 5 (45). — С. 234—239.
 3. Чернявский, А. Г. Возникновение и эволюция международного права: мультикультурализм, партикуляризм, универсализм — классификация и терминология / А. Г. Чернявский // Военное право. — 2020. — № 1 (59). — С. 257—263.
-

In the Russian Federation, there is no priority of international law over national legislation

© **Chipiga I. V.**,
teacher of the Department of constitutional (state)
and international law of the Military University of
the Ministry of defense of the Russian Federation

Annotation. The purpose of this article is to review and analyze the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the Vienna Convention on the law of international treaties of 1969, the Federal law "on international treaties of the Russian Federation" for the lack of priority of international law and the procedure for giving legal force to international treaties of the Russian Federation, which in turn regulate a particularly important component of jurisprudence: human rights and freedoms and relations with foreign States and international organizations.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, international law, international Treaty of the Russian Federation, ratification of an international Treaty.

Правовые основы реализации деятельности Вооруженных Сил Республики Таджикистан в рамках КСОР ОДКБ

© Шоев Ш. Р.,

адъюнкт кафедры конституционного (государственного) и международного права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье исследованы и определены основные функции деятельности воинского контингента Вооруженных Сил Республики Таджикистан, урегулированные или подлежащие правовому регулированию при решении военных задач в рамках Коллективных сил оперативного реагирования.

Ключевые слова: международный договор, внутригосударственное право, межправительственные организации, субъекты международного права, КСОР, ОДКБ.

После распада СССР 9 сентября 1991 г. Таджикистан объявил свою независимость. Однако до формирования собственных Вооруженных сил, в мае 1992 г., в Таджикистане началась гражданская война. Несмотря на это обстоятельство, 23 февраля 1993 г. были образованы Вооруженные силы Таджикистана, а по некоторым данным, такая организация формально и юридически появилась только в апреле 1994 г.¹

Согласно ст. 2 Закона Республики Таджикистан от 14 декабря 1996 г. «О Вооруженных силах Республики Таджикистан» задачами Вооруженных Сил Республики Таджикистан являются:

- отражение агрессии и нанесение агрессору поражения;
- вооруженное прикрытие Государственной границы;
- охрана воздушного пространства государства;
- организация и ведение территориальной обороны;
- участие в отражении вооруженной агрессии другого государства или выполнении миротворческих миссий, вытекающих из международных обязательств.

Правовое регулирование деятельности контингента Вооруженных Сил Республики Таджикистан по решению военных задач представляет собой целенаправленное воздействие на деятельность Вооруженных сил Республики Таджикистан и поведение военнослужащих с помощью правовых средств, включая правовые нормы.

Правовые нормы, регулирующие деятельность Вооруженных Сил Республики Таджикистан, закреплены в международно-правовых актах, внутригосударственных законах, подзаконных актах, а также в правовых обычаях и т.д. В литературе их называют источниками права.

Данный вопрос был решен в Законе Республики Таджикистан «О Вооруженных Силах Республики Таджикистан» иным образом. Согласно ст. 3 Закона,

¹ См.: Вооруженные силы Таджикистана [Электронный ресурс]. URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki/>

законодательство Республики Таджикистан о Вооруженных Силах Республики Таджикистан основывается на Конституции Республики Таджикистан и состоит из указанного Закона, других нормативных правовых актов Республики Таджикистан и международных правовых актов, признанных Республикой Таджикистан. Данная статья называется «Законодательство о Вооруженных силах Республики Таджикистан» и включает только нормативные правовые акты. Ни в данной статье, ни в данном законе в целом речь не идет о других источниках международного права, таких, как международно-правовые обычаи и доктрины, которые имеют большое значение в военной сфере.

Как было отмечено выше, ключевую роль в регулировании деятельности контингента Вооруженных Сил Республики Таджикистан играют источники права.

Обзор юридической литературы раскрывает существенные различия во взглядах авторов даже в трактовке термина «источник» в понятии «источник права». Одни подразумевают под источником права силу, придающую нормативным актам общеобязательный характер (А. Ф. Шебанов, Н. Н. Разумович)¹, другие источник права понимают как объективно продиктованный в документальном виде акт правотворчества, являющийся «формой юридически официального бытия, существования соответствующих юридических норм»².

З. Купер подчеркивает гносеологический момент в содержании понятия «источник права». Р. Давид, характеризуя в свое время доктрину источников права СССР, указывает, что она только во вторую очередь является источниками права, то есть технически³.

Следовательно, источники права выступают и как носители юридических норм, и как формы выражения объективного права. Вместе с тем наука общей теории государства и права в лице ее выдающихся представителей определяла источники права как способы закрепления правил поведения, которым государства придают правовую силу⁴.

В международных отношениях нет органа, который определял бы нормы поведения субъектов международного права, закрепленные в источниках международного права. Согласно ст. 38 Статута Международного суда источниками международного права являются международный договор и международный обычай. Термином «международный договор» обозначается понятие международного соглашения, которое может иметь различные наименования (договор, пакт, конвенция, протокол и др.). Наименование международных правовых актов не влияет на юридическую силу договора.

Международный обычай согласно ст. 38 Статута Международного суда является доказательством всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы. В основе международного обычая лежит воля государства, которая и

¹ Разумович Н. Н. Источники и форма права // Сов. государство и право. 1988. № 4. С. 21—27.

² Саммерс С. Господствующая правовая теория в США // Сов. государство и право. 1989. № 7. С. 109—116.

³ Давид Р. Основные правовые системы современности. М.: Госюриздат, 1988. С. 173.

⁴ Голуновский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940. С. 173.

создает этот обычай. Что же касается вспомогательных источников, то это результат процесса создания, развития, толкования принципов или норм международного права, которые вступают как вспомогательное средство для определения правовой нормы. Среди вспомогательных источников международного права особое положение занимают постановления международных межправительственных организаций, решения которых могут иметь обязательную силу.

Значимое место среди источников международного права занимают решения национальных судов и доктрины юристов.

Не одинаковы процессы, в ходе которых то или иное правило поведения складывается в правовую норму и получает признание со стороны государства как юридически обязательного. В одном случае происходит согласование в определенных отношениях своей волей нескольких государств (международный договор), в другом — независимое, суверенное волеизъявление государства (издание закона, нормативного акта). На завершающей стадии все правовые нормы, действующие в пределах национальной юрисдикции данного государства, должны быть как бы пропущены через государственную волю, то есть установлены или санкционированы им.

В процессе правоприменительных действий могут возникнуть коллизии между нормой внутригосударственного права и обязательством государств по международному договору. В таких случаях, как правило, применяются нормы международного договора. Так, согласно ч. 3 ст. 10 Конституции Республики Таджикистан, если международным договором Республики Таджикистан установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяется правила международного договора.

Поэтому в современном международном праве следует считать устоявшейся концепцию преимущественного значения (примата) норм международного права в процессе взаимодействия с нормами внутригосударственного права, что служит своего рода правовой гарантией обеспечения международного мира и безопасности, а также всестороннего сотрудничества субъектов международного права. Государство не может, ссылаясь на нормы своего национального права, отказаться выполнять положения международного договора, участником которого оно является. В 1907 г. профессор Л. Оппенгейм подчеркивал, что «правообразующий договор, являясь одним из основных источников международного права, позволил решить многие проблемы в отношениях государств»¹.

По мнению Секретариата ООН, «заключение международных договоров стало основным средством правового регулирования межгосударственных отношений». В преамбуле Закона от 23 июля 2016 г. «О международных договорах Республики Таджикистан» сказано, «что международные договоры Республики Таджикистан являются правовой основой межгосударственных отношений, они содействуют поддержанию всеобщего мира и безопасности, развитию

¹ Оппенгейм Л. Международное право. М., 1948. С. 45—47.

международного сотрудничества в соответствии с целями и принципами и принципами Устава ООН».

Основным принципом международного права является принцип полного и добросовестного выполнения международных обязательств, вытекающих из договора, причем он относится к категории необходимого права (*jusnecessarium*). Так, на рубеже XX в. профессор Л. Комаровский писал, что «обязательность договора вытекает прямо и с логической необходимостью из основных положений права, обеспечивающего мирное сожительство народов»¹. Содержание принципа изложено в Декларации о принципах международного права, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 г., где, в частности, сказано: «Каждое государство обязано добросовестно выполнять свои обязательства, вытекающие из общепризнанных принципов и норм международного права». Кроме того, в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. зафиксировано: «Государства-участники будут добросовестно выполнять свои обязательства по международному праву, как те обязательства, которые вытекают из общепризнанных принципов и норм международного права, так и те, которые вытекают из соответствующих международных договоров, участниками которых они являются».

В Республике Таджикистан ответственность за выполнение международных договоров лежит на Президенте и Правительстве Республики Таджикистан. Если по одному и тому же вопросу в разное время заключено несколько договоров, то предшествующий договор применяется в той мере, в какой он не противоречит последующему.

Существуют различные формы, способы и средства осуществления норм международного права на территории государства. Наиболее распространенной формой является трансформация, т.е. способ осуществления норм международного права посредством издания национальных нормативных актов (закона, акта о ратификации международного договора). В результате трансформации международный договор как источник международного права продолжает существовать, а в национальном праве появляется новый источник — закон, воспроизводящий, уточняющий, разъясняющий норму международного договора.

Другая форма реализации норм международного права — рецепция (заимствование, воспроизведение), то есть принятие таких национальных норм права, которые способствуют выполнению обязательств международного договора. Эти нормы текстуально могут повторять положения договора, конкретизировать и адаптировать их к особенностям социального строя государства².

Следовательно, для источника международного права характерно, с одной стороны, разграничение, а с другой — сочетание формы права как внешнего его выражения (внутригосударственного закона, международного договора) и способа придания государством данному правилу поведения юридической

¹ Международное право по лекциям профессора Л. А. Комаровского и В. А. Уляницкого. М., 1908.

² Мюллерсон Р. А. Соотношение международного и национального права. М.: Юридическая литература, 1982. С. 25.

силы. Тем самым элемент понятия «источник права» — властная обеспеченность соблюдения — едва ли не более всего проявляется именно в источниках международного права. В этом отношении в отдельных монографических работах, затрагивающих так или иначе теоретические вопросы международного права, широко распространен рассматриваемый термин «источник», а также понятие «источники международного права», неразрывно связанное с понятием «источник правового регулирования воинских контингентов в совместных операциях по поддержанию коллективной безопасности».

Последовательный анализ национального закона, международного договора и обычая, а также судебного прецедента позволяет установить, что каждый из них обладает всеми поименованными элементами. В развитие этого положения уточним некоторые устоявшиеся «клише» в части учения об источниках права, в том числе и международного права. Так, явной корректировки требует утверждение, что судебная практика — источник международного права. Как закреплено в статуте Международного суда (п. 1 ст. 38), Международный суд в качестве вспомогательных средств для определения правовых норм применяет «судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций». Однако эти решения касаются конкретных случаев и не создают норм международного права. Решения Международного суда и арбитражных судов — это акт толкования или применения той или иной нормы международного права. Они не имеют нормообразующей силы, так как не являются результатом согласования воли суверенных государств и не имеют универсального характера. В то же время единогласно принятые в Международном суде решения играют определенную роль в прогрессивном развитии международного права и могут оказать заметное влияние на практику государств.

Источником права в собственном значении, то есть в юридическом смысле, следует считать судебный прецедент как конкретную форму выражения права, получающую надлежащее одобрение со стороны государства.

В современном международном праве сложилась самостоятельная отрасль — «Международное гуманитарное право», или «Право вооруженных конфликтов», представляющая собой совокупность норм и принципов, применяемых во время войны, международных и не международных вооруженных конфликтов, запрещающих или ограничивающих применение некоторых средств и методов ведения вооруженной борьбы, обеспечивающих международно-правовую ответственность государств и уголовную ответственность физических лиц за их нарушение. Право вооруженных конфликтов как специфическая отрасль современного международного публичного права значительно кодифицирована. Наибольшее значение из ныне действующих международно-правовых актов имеют Гаагские конвенции 1907 г. и Женевские конвенции 1949 г.

В 1977 г. были приняты два Дополнительных протокола к Женевским конвенциям 1949 г.: Протокол I, регулирующий правоотношения жертв международных вооруженных конфликтов, и Протокол II, регулирующий правоотношения жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. Прото-

кол I расширил сферу применения права вооруженных конфликтов. Дополнительный протокол II расширил круг лиц, пользующихся покровительством права вооруженных конфликтов, нормы которого теперь применяются ко всем вооруженным конфликтам, происходящим на территории одного государства.

Важное место среди источников права вооруженных конфликтов занимают международно-правовые акты, в которых содержится запрещение применять на войне те или иные виды оружия. Так, Женевский протокол 1925 г. запрещает применять на войне удушливые, ядовитые и другие подобные газы, а также бактериологические средства.

В 1972 г. подписана Конвенция о бактериологическом оружии, которая запрещает разработку, производство и накопление запасов бактериологического (биологического) и токсичного оружия и предусматривает их уничтожение. В 1977 г. государства-члены ООН подписали Конвенцию о запрещении прибегать к военному использованию средств воздействия на природную среду, которые имеют широкие, долгосрочные или серьезные последствия. Многие нормы и принципы права вооруженных конфликтов сформулированы и закреплены в решениях главных органов ООН. Так, например, Генеральная Ассамблея ООН приняла Основные принципы защиты гражданского населения в период вооруженных конфликтов (1970 г.); Основные принципы правового режима комбатантов, борющихся против колониального и иностранного господства и расистских режимов (1973 г.); Декларацию о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов (1974 г.); Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества (1973 г.) и др.

Право вооруженных конфликтов содержит большое количество международно-правовых актов, которыми регулируются вопросы уголовной ответственности за агрессию и за нарушение норм права вооруженных конфликтов. Наиболее важными среди них являются: Устав Международного военного трибунала (1945 г.); Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.); Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (1968 г.); Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о выдаче и наказании военных преступников (1946 г.) и о наказании военных преступников и лиц, совершивших преступления против человечества (1970 г.), и др.

Исходя из главенствующего значения норм международного права, трансформации этих норм различными способами в национальное законодательство, государства принимают необходимые меры для выполнения международных договоров.

Республика Таджикистан, являясь членом ОДКБ, принимала и принимает активное участие в совместных мероприятиях КСОР. Один из видов этого участия — выделение воинского контингента для участия в совместных операциях по обеспечению коллективной безопасности в регионах ответственности ОДКБ.

Источники международного права в первую очередь определяют основания участия воинского контингента Вооруженных Сил Республики Таджики-

стан в совместных операциях Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ. Гл. 3 Устава ОДКБ гласит, что «для реализации целей Организации государства-члены принимают совместные меры к формированию в ее рамках действенной системы коллективной безопасности, созданию коалиционных (региональных) группировок войск (сил) и органов управления ими, военной инфраструктуры, подготовке военных кадров и специалистов для вооруженных сил, обеспечению их необходимым вооружением и военной техникой», которые являются основанием для вмешательства Организации в лице ОДКБ и активного участия в обеспечении региональной безопасности. Меры силового воздействия предусматривают участие воинских контингентов государств-членов в совместных операциях по обеспечению региональной безопасности. Источники международного права не только определяют основания для участия в совместных операциях по обеспечению коллективной безопасности, но и регулируют поведение воюющих в ходе вооруженного столкновения. Наиболее значимые из них — Гаагские конвенции 1907 г. и Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним.

Правовое положение воинских контингентов в значительной мере зависит от задач, решаемых в ходе операции по борьбе с терроризмом или отражению агрессии против одного или нескольких государств-членов ОДКБ, которые определяются Советом коллективной безопасности ОДКБ. Эти задачи напрямую связаны с характером и причинами вооруженного конфликта (агрессии).

Эффективность совместных операций зависит от обеспечения функционирования правового механизма поддержания региональной коллективной безопасности, определенного в Уставе ОДКБ.

Участие Воинского контингента Вооруженных Сил Республики Таджикистан в совместных операциях КСОР соответствует положениям Устава ООН. Согласно Соглашениям о КСОР ОДКБ, действия Воинского контингента Вооруженных Сил Республики Таджикистан в совместных операциях КСОР по обеспечению региональной коллективной безопасности включают:

- развертывание на территории любой из Сторон с целью демонстрации готовности к применению военной силы;
- участие в предотвращении и отражении вооруженного нападения, в том числе агрессии, локализации вооруженных конфликтов;
- участие в мероприятиях по борьбе с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, оружия и боеприпасов, других видов транснациональной организованной преступности;
- усиление войск прикрытия государственных границ и охраны государственных и военных объектов Сторон;
- участие в обеспечении оперативного развертывания объединенных (региональных) группировок войск (сил);
- участие в выполнении мероприятий по защите населения от опасностей, возникающих при ведении или вследствие военных действий, а также ликвидации чрезвычайных ситуаций и оказании чрезвычайной гуманитарной

помощи¹.

Решение о направлении и об участии Воинского контингента Республики Таджикистан в совместных операциях КСОП ОДКБ за пределы страны принимает Президент Республики Таджикистан на основе Конституции Республики Таджикистан, других нормативно-правовых актов, соглашений в рамках ОДКБ и решений Совета коллективной безопасности ОДКБ. О принятых решениях Президент Республики Таджикистан информирует Маджлиси Милли и Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан (парламента страны).

Справедливо отмечает В. М. Корякин относительно терминов «использование» и «применение», можно предположить, что понятия «использование Вооруженных Сил» и «применение Вооруженных Сил» являются синонимами и могут употребляться в законодательстве и научных публикациях как равнозначные. Однако при внимательном анализе содержания указанных терминов наряду с очевидным сходством можно вместе с тем увидеть ряд существенных различий между ними².

Устав ОДКБ содержит нормы, закрепляющие *casusfoederis*, то есть основания для обращения к союзнику с просьбой о военной помощи в определенном положении или международной ситуации, причем *casusfoederis* строго соответствует нормам глав VII и VIII Устава ООН и устанавливает, что в случае возникновения угрозы суверенитету и безопасности одного или нескольких государств-членов Организации либо угрозы коллективной безопасности государства-члены ОДКБ незамедлительно проводят необходимые консультации с целью координации позиций и принятия мер для устранения возникшей угрозы, включая использование контингентов КСОП в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону, согласно ст. 51 Устава ООН. В этом случае решение о совместном использовании контингентов принимает Совет коллективной безопасности с учетом законодательства государств-членов и Организации в целом.

Устав ОДКБ, принятый 7 октября 2002 г. и ратифицированный Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан 23 апреля 2003 г., занимает особое место, поскольку это многосторонний договор конвенционного характера, определяющий цели и принципы Организации (ст. 3), на основании которых государства-члены Организации строят свои отношения (ст. 5).

Одной из основных целей Организации является сотрудничество в обеспечении коллективной безопасности любого из государств-членов. Развитие договорно-правовой базы, регламентирующей функционирование системы коллективной безопасности и по гармонизации национального законодательства, и по вопросам обороны, военного строительства и безопасности государств-членов ОДКБ, положения ст. 10 Устава относят к сферам совместной

¹ Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности от 14.06.2009 г.

² Корякин В. М. Использование (применение) вооруженных сил на территории иностранного государства: терминологический аспект // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 4. С. 2—4.

деятельности последних, а принципы, на которых государства-члены Организации строят свои отношения, полностью дублируют общепризнанные и универсальные принципы, касающиеся отношений между государствами, установленные международными договорами универсального характера (ст. 4 Устава). В Уставе особо подчеркнуто, что положения Договора и принятых в его развитие международных договоров и решений Совета коллективной безопасности Договора являются обязывающими для государств-членов Организации и самой Организации (ст. 2 Устава).

Существенное значение для формирования правовой базы, закрепляющей правовое положение контингентов КСОР, являются Соглашение о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ от 10 декабря 2010 г., Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования от 14 июня 2009 г.; эти документы определяют порядок создания контингентов КСОР по обеспечению коллективной безопасности. В ч. 3 ст. 2 Соглашения о КСОР ОДКБ от 14 июня 2009 г. конкретизированы задачи, выполняемые КСОР. В ст. 12 Соглашения о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ отражены решение о составе, сроках развертывания и применения сил и средств системы коллективной безопасности, которые принимает Совет коллективной безопасности ОДКБ на основании официального обращения одной или нескольких Сторон.

Соглашение о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ от 10 декабря 2010 г. существенно дополняет вышеназванные документы. Так, в Соглашении отражено положение о том, что формирования направляющей Стороны могут направляться на территорию принимающей Стороны в соответствии с официальным обращением последней для реализации права на коллективную оборону в случае угрозы и/или совершения вооруженного нападения (агрессии) в отношении одной или нескольких Сторон, противодействия другим вызовам и угрозам коллективной безопасности, ликвидации чрезвычайных ситуаций, а также для проведения совместных командно-штабных и войсковых учений (ст. 2). Транспортные средства, вооружение, военная и специальная техника должны иметь отличительные знаки Сторон. При необходимости по решению Командования формирования могут устанавливаться общие отличительные знаки для транспортных средств, вооружения, военной и специальной техники формирований (ч. 5 ст. 8). Военнослужащие формирований при пересечении ими государственных границ Сторон должны быть одеты в военную форму одежды национальных вооруженных сил направляющей Стороны (ч. 2 ст. 10). В ч. 3 и 4 ст. 8 закреплены принципы ношения оружия личным составом КСОР.

В состав сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ входят:

— объединения, соединения, воинские части и подразделения национальных вооруженных сил и других войск Сторон, а также подразделения специального назначения (группы специалистов) органов внутренних дел (полиции), внутренних войск, органов безопасности и специальных служб, формирования

органов, уполномоченных в сфере предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций Сторон, подчиненные национальным органам управления и используемые по решению органов ОДКБ;

- коалиционная группировка войск (сил);
- региональные (объединенные) группировки войск (сил);
- группировки объединенных (совместных) военных систем;
- коллективные миротворческие силы (ст. 5).

Коалиционную группировку войск (сил) составляют силы и средства Сторон, включая воинские контингенты и формирования сил специального назначения, которые являются компонентом постоянной готовности сил и средств системы коллективной безопасности Организации и предназначены для оперативного реагирования на вызовы и угрозы в зоне ответственности ОДКБ.

Состав, задачи и порядок функционирования КСОР определяются Советом коллективной безопасности в соответствии с Положением «О Совете коллективной безопасности» от 28 апреля 2003 г. Положение определяет функции и полномочия Командования КСОР, которое является временным органом военного управления и создается на период выполнения соответствующих задач. Полномочия Командования в объеме, определенном Положением от 14 июня 2009 г., распространяется на все контингенты, переданные в его оперативное подчинение.

Коллективные силы оперативного реагирования формируются на коалиционной основе с участием государств-членов ОДКБ. Комплектование органов управления, частей и подразделений осуществляется военнослужащими, проходящими службу в вооруженных силах государств-членов по контракту и призыву. Весь личный состав на период прохождения службы в КСОР заключает контракт в соответствии со своим национальным законодательством.

Согласно ст. 10 Соглашения о КСОР ОДКБ от 14 июня 2009 г., подготовка и обучение личного состава осуществляются Сторонами самостоятельно, а также в ходе совместных мероприятий оперативной, боевой и специальной подготовки, проводимых в соответствии с ежегодными планами, утверждаемыми Советом министров обороны и Комитетом секретарей советов безопасности ОДКБ. Готовность воинских контингентов к выполнению поставленных задач обеспечивается национальными органами военного управления в соответствии с согласованными Сторонами требованиями, предъявляемыми к подготовке данных подразделений.

Национальные контингенты переходят в прямое подчинение Командующему с момента доклада их командира о пересечении границы принимающей Стороны. Личный состав КСОР при выполнении задач имеет при себе штатное оружие и имеет право его применять.

Исследуя данный вопрос, можем прийти к выводу, что воинский контингент Вооруженных Сил Республики Таджикистан, выделенный в состав КСОР ОДКБ для участия в обеспечении коллективной безопасности, является составной частью Вооруженных Сил Республики Таджикистан, следовательно, в соответствии с нормами законодательства Республики Таджикистан и международных договоров на Республику Таджикистан распространяется управление,

обеспечение и контроль со стороны органов государственной власти республики.

Политическое руководство воинским контингентом на время выполнения задачи по обеспечению коллективной безопасности осуществляет Совет коллективной безопасности, Совет министров обороны, Объединенный Штаб ОДКБ. В соответствии со своими полномочиями данные органы назначают Командующего КСОР и определяют задачи и сроки операции¹. Центральным органом, осуществляющим исполнительную власть как в Вооруженных силах Республики Таджикистан в целом, так и в воинских контингентах Вооруженных сил Республики Таджикистан в составе КСОР, является Министерство обороны.

Министр обороны является прямым начальником личного состава воинского контингента республики. В соответствии с действующим законодательством он издает приказы и директивы по наиболее важным вопросам деятельности воинского контингента; своими приказами вводит в действие положения, наставления и другие правовые акты, регламентирующие различные вопросы жизни, быта и деятельности воинского контингента в составе КСОР. Так, приказ Министра обороны Республики Таджикистан от 7 декабря 2010 г. № 111 «О мерах по исполнению постановления Правительства Республики Таджикистан от 19 октября 2010 г. № 1221 «Об утверждении положения о воинском контингенте Вооруженных Сил в составе КСОР ОДКБ по обеспечению коллективной безопасности» вводит в действие положение о воинском контингенте.

Из проведенного анализа можно сделать следующий вывод: исходя из верховенства международного права и согласованного с ним взаимодействия национального права устанавливаются особенности регламентации действий воинских контингентов, направленных для участия в операциях по обеспечению коллективной безопасности. Специфика регулирования действий воинского контингента неразрывно связана с нормами права, имеющими различную правовую природу. Правовое регулирование действий воинского контингента Республики Таджикистан в совместных операциях по поддержанию коллективной безопасности может быть определено как результативное, комплексное воздействие норм международного права, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в процессе выполнения задач по обеспечению коллективной безопасности в соответствии с Уставом ОДКБ. Таким образом, правовой базой, регламентирующей действия воинского контингента Вооруженных Сил Республики Таджикистан в совместных операциях, являются международные договоры и соглашения, заключенные в рамках ОДКБ, Устав ОДКБ и Конституция Республики Таджикистан. Это обусловлено Концепцией национальной безопасности Республики Таджикистан, Военной доктриной Республики Таджикистан, Концепцией военной безопасности государств-членов ОДКБ. На основании положений этих документов осуществляется система согласованных военно-политических мер, необходимых для функционирования системы кол-

¹ См.: Положение о Коллективных силах оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности от 14 июня 2009 г., п. 1.

лективной безопасности государств-членов ОДКБ, обеспечения стабильности в регионе, а также поддержания международной и региональной безопасности.

Библиография

1. Голуновский, С. А. Теория государства и права / С. А. Голуновский, М. С. Строгович. — М., 1940.
 2. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид. — М.: Госюриздат, 1988.
 3. Корякин, В. М. Использование (применение) вооруженных сил на территории иностранного государства: терминологический аспект / В. М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2014. — № 4. — С. 2—4.
 4. Международное право по лекциям профессора Л. А. Комаровского и В. А. Уляницкого. — М., 1908.
 5. Мюллерсон, Р. А. Соотношение международного и национального права / Р. А. Мюллерсон. — М.: Юридическая литература, 1982.
 6. Оппенгейм, Л. Международное право / Л. Оппенгейм. — М., 1948.
 7. Разумович, Н. Н. Источники и форма права / Н. Н. Разумович // Сов. государство и право. — 1988. — № 4. — С. 21—27.
 8. Саммерс, С. Господствующая правовая теория в США / С. Саммерс // Сов. государство и право. — 1989. — № 7. — С. 109—116.
-

Legal basis for the implementation of the interaction the armed Forces of the Republic of Tajikistan within the CSTO CSR

© **Shoev Sh. R.**,
adjunct of the Department of constitutional(state)
and international law of the Military University of
the Ministry of defense of the Russian Federation

Abstract. The article examines and defines the main functions of the military contingent of the Armed Forces of the Republic of Tajikistan that are regulated or subject to legal regulation when solving military tasks within the framework of the Collective rapid response forces.

Keywords: international Treaty, domestic law, intergovernmental organizations, subjects of international law, CSR, CSTO.
